С. Г. ТОМСИНСКИЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ-1934

нет стр 283-287
20/6-73

Ленинградское Отделение Коммунистической Академии
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. Г. ТОМСИНСКИЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОЙ РОССИИ

ЧАСТЬ I

Крестьянские войны в эпоху образования империи

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

На основании обширного архивного и опубликованного ранее материала автор дает историю крестьянских войн второй половины XVII и начала XVIII в. В настоящей работе делается попытка установить периодизацию истории эпохи феодализма и крепостничества в связи с крупнейшими революционными движениями и показать соотношение классовых сил накануне «петровских реформ».

Работа рассчитана на подготовленного научного работника.

... КОГДА БЫЛО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО — ВСЯ МАССА КРЕСТЬЯН БОРОЛАСЬ СО СВОИМИ УГНЕТАТЕЛЯМИ, С КЛАССОМ ПОМЕЩИКОВ, КОТОРЫХ ОХРАНЯЛО, ЗАЩИЩАЛО И ПОДДЕРЖИВАЛО ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. КРЕСТЬЯНЕ НЕ МОГЛИ ОБЪЕДИНИТЬСЯ, КРЕСТЬЯНЕ БЫЛИ ТОГДА СОВСЕМ ЗАДАВЛЕНЫ ТЕМНОТОЙ, У КРЕСТЬЯН НЕ БЫЛО ПОМОЩНИКОВ И БРАТЬЕВ СРЕДИ ГОРОДСКИХ РАБОЧИХ, НО КРЕСТЬЯНЕ ВСЕ ЖЕ БОРОЛИСЬ, КАК УМЕЛИ И КАК МОГЛИ...

В. И. ЛЕНИН

... МЫ, БОЛЬШЕВИКИ, ВСЕГДА ИНТЕРЕСОВАЛИСЬ ТАКИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ЛИЧНОСТЯМИ, КАК БОЛОТНИКОВ, РАЗИН, ПУГАЧЕВ И ДР., МЫ ВИДЕЛИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ОТРАЖЕНИЕ СТИХИЙНОГО ВОЗМУЩЕНИЯ УГНЕТЕННЫХ КЛАССОВ, СТИХИЙНОГО ВОССТАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА. ДЛЯ НАС ВСЕГДА ПРЕДСТАВЛЯЛО ИНТЕРЕС ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ПОПЫТОК ПОДОБНЫХ ВОССТАНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА...

И. СТАЛИН

... РУССКАЯ ИСТОРИЯ, ЕСЛИ ОТВЛЕЧЬСЯ ОТ ИСТОРИИ КАНЦЕЛЯРИЙ, КОТОРОЙ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЗАНИМАЛИСЬ БЛАГОНАДЕЖНЫЕ ИСТОРИКИ ЦАРСКОГО ВРЕМЕНИ, БЫЛА ИСТОРИЕЙ РЕВОЛЮЦИЙ, С НАЧАЛА ДО СЕРЕДИНЫ XIX В. — КРЕСТЬЯНСКОЙ, ПОТОМ — РАБОЧЕЙ...

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ОТ АВТОРА

Процесс образования Российской империи затянулся со второй половины XVI до начала XVIII в. Упорные, продолжительные крестьянские, городские, стрелецкие и национальные революционные движения были ответом на строительство «единой неделимой империи», связанное с закрепощением миллионов крестьян, рабочих и превращением ряда «окраин» в колонии.

Настоящая работа посвящена революционным движениям конца XVII и начала XVIII в.: превращение России в начале XVIII в. в обширную колониальную империю было возможно только после разгрома городских движений, разинщины, стрелецких восстаний и булавинщины.

О хмельничине, сыгравшей огромную роль в истории революционных движений, автор в настоящей работе лишен возможности говорить.

Предлагаемые очерки составились из ряда докладов, прочитанных в Коммунистической академии и Академии наук СССР. Некоторые главы были уже напечатаны и в настоящей работе значительно переработаны, большинство же печатается впервые.

Считаю необходимым выразить свою благодарность Н. Фролову и Э. Корольчук, помогавшим мне в работе.

Ленинград, ноябрь 1933 г.

КЛАССЫ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА И КРЕПОСТНИЧЕСТВА

В. И. Ленин в своих основных исторических работах («Развитие капитализма в России», «Империализм как новейший этап капитализма» и т. д.) не занимаясь специально периодизацией исторического процесса в России, наметил вехи отдельных социально-экономических формаций, а также этапы развития каждой формации, исследуя отдельные периоды в связи с революционным движением. Историю революционного движения с 1885 по 1917 г. Ленин делит на ряд периодов, характеризуя каждый период в связи с присущими ему особенностями революционного движения [1] и дает при этом методологические установки для периодизации предыдущих формаций.

В нашей литературе еще не было попыток систематизировать историю феодализма и крепостничества в связи с классовой борьбой, т. е. в связи с крестьянскими войнами, которые в истории народов России играли гораздо бóльшую роль, чем до сих пор принято думать. Крестьянские войны, происходившие в определенные периоды исторического развития, дают материал для периодизации истории феодализма и крепостничества. Такая систематизация помогла бы разрешить некоторые проблемы истории докапиталистической эпохи. Разве миллионы крестьян случайно поднимались на обширной территории в начале XVII в., в 1592—1613 гг., в 1666—1672 гг., в 1708 г., в 1772—1775 гг.? Разве случайно не прекращались революционные движения в течение всего XVII в.?

Крестьянские войны являются вехами истории феодализма и крепостничества.

Посмотрим, какова периодизация феодализма и крепостничества, которую пыталась установить русская историческая наука.

Периодизацию Соловьева, Ключевского и Рожкова приходится признать совершенно ненаучной. Критерием периодизации для Соловьева является «переход родовых княжеских отношений в государственные». Первый период у него охватывает время от призвания князей до возвышения Северной Руси, второй — до пресечения Рюрико-

[1] Ленинский сборник, I, изд. 2, стр. 74.

вой династии, третий падает на эпоху преобразований, четвертый характеризуется внутренним усвоением европейской цивилизации до «нашего времени» (1851 г.). Периодизация Ключевского связана с «переселением и колонизацией». Первый период у него охватывает время днепровской Руси, второй — верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой Руси, третий — великой, московской, царско-боярской, военно-земледельческой Руси, четвертый — дворянско-императорской и крепостной, фабрично-заводской России.

Последний период характеризуется тем, что власть «действует уже не с помощью боярской аристократии, а военно-служилого класса, дворянства». Основным фактором экономической жизни этого периода остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность. Это уже не «один из периодов, это — вся наша *новая история*» (курсив автора. — *С. Т.*).

Периодизация Ключевского близка к систематизации славянофила К. С. Аксакова, который также делит историю России на четыре периода: 1) киевскую Русь, 2) владимирский период, 3) московский период и 4) императорский, или петербургский период. [1]

Н. А. Рожков пытался установить периодизацию исторического процесса, деля его на ряд незначительных этапов по десятилетиям, двадцатилетиям и т. д. Схема Рожкова оказалась эклектичной, антинаучной, формально-календарной, не связанной с классовой борьбой.

Он делит историю на девять периодов: первобытное общество, общество дикарей, дофеодальное общество, феодальная революция, феодализм, дворянская революция, господство дворянства («старый порядок»), буржуазная революция и капитализм. Основой периодизации Рожкова являются «хозяйственные условия и труд».

Другую периодизацию дает М. Н. Покровский: VIII—X и XI—XVI в. — период «старого» феодализма, XVI—XVIII вв. — период «нового» феодализма .

Периодизацию М. Н. Покровского мы принимаем с поправками: во-первых, мы пытаемся установить тесную связь между определенными периодами исторического развития феодализма и крепостничества и крестьянскими войнами, во-вторых, мы придерживаемся других хронологических рамок.[2]

«Старый» феодализм или *первый период* феодализма мы доводим до конца XV в. или до начала XVI в. Эта дата является естественным рубежом: до этого времени у нас очень мало данных о крупных

[1] К. С. Аксаков, Сочинения исторические, т. I, М. 1866, стр. 45—49. С. М. Соловьев, История России, т. I, предисл., III — V, 1851. В. Ключевский, Курс русской истории, 1923, ч. I, стр. 25—28. Н. Рожков, Русская история, тт. I—X, 1919—1924.

[2] Употребляя термины «старый» и «новый» феодализм, мы этим подчеркиваем, что речь может итти только о смягчении феодальных отношений в переходный период. Термины же «первое» и «второе издание» крепостничества не приложимы к России, где «первое издание» крепостничества не было ликвидировано настолько, чтобы можно было говорить о «втором издании».

крестьянских движениях. Поворот на Западе и в России начинается только с конца XV или с начала XVI в. К этому времени феодалы Московского государства освобождаются от Золотой Орды и добиваются значительных успехов в борьбе за создание централизованного государственного аппарата. «Открытие» Англией России, великая крестьянская война в Германии, аграрные «реформы» в Польше и Литве, распад Ливонского ордена, восстание в Нидерландах содействовали включению Московского государства в систему тогдашнего «мирового» рынка.

С конца XV или с начала XVI в. мы начинаем *второй* переходный период от «старого» к «новому» феодализму. Этот период характеризуется тем, что усложняется переплет классовых взаимоотношений; рост городов, диференциация населения, разложение боярской вотчины свидетельствовали о частичном ослаблении или смягчении феодальных отношений. Феодалы-крепостники, в борьбе за выход на рынок, за овладение рабочей силой и землей, прибегли к опричнине, которая пыталась разгромить «старый», «удельный» феодализм феодальными же методами. Появление Псковской судной грамоты, Судебников 1497 и 1550 гг. и расхищение черных крестьянских земель вызвали отчаянное сопротивление крестьян. Кульминационным пунктом движения была крестьянская война конца XVI и начала XVII в. Этот период заканчивается поражением великой крестьянской войны («смуты»).

Третий период феодализма начинается с начала или со средины XVII в. На западе торговля и судоходство расширялись быстрее, чем мануфактура, игравшая тогда еще второстепенную роль; колонии только начали становиться крупными потребителями. Тридцатилетняя война, английская революция, продолжение борьбы Нидерландов за независимость активизировали колониальную экспансию России.

Вторжение феодалов-крепостников в Сибирь, окончательное завоевание волжской торговой артерии, борьба за Украину, экспроприация крестьянских земель в новых районах, окончательное закрепощение крестьян в метрополии и колониях открывают период таких гигантских классовых битв, каких Россия не знала до революции 1905 г.

Городские движения, разинщина, хмельничина, стрелецкие восстания и булавинщина были ответом миллионов крестьян на наступление «нового» феодализма. Разгромом этих крупнейших крестьянских войн заканчивается *первый* этап третьего периода.

Второй этап «нового» феодализма связан с относительно «мирным строительством» единой неделимой России. Первая половина XVIII в. почти не знает крупных классовых битв. Упорные войны со Швецией и Турцией временно отодвигают на задний план незначительные революционные вспышки. В этот же период происходит дальнейшее укрепление крепостного хозяйства и оформление централизованного государственного аппарата российской империи.

Третий этап «нового» феодализма открывается башкирскими

восстаниями и пугачевщиной. В то время как рост торговли и промышленности на западе разлагал феодальные отношения, включение России в систему «мирового» рынка до второй половины XVIII в. привело к обратным результатам. Национальные движения и пугачевщина расшатали феодально-крепостническую систему. Разгром пугачевщины вновь замедлил темп вызревания *капиталистических отношений* в России (см. стр. 9). Исход этих битв оказался решающим для феодально-крепостной России.

Задача данной работы ограничивается изучением первого этапа «нового» феодализма, самого сложного в истории феодально-крепостной России.

2. „СТАРЫЙ" ФЕОДАЛИЗМ

Ленин писал: «Крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплоатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплоатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе, как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и так далее».[1]

Признаки, которые перечисляются В. И. Лениным, в основном присущи как «старому», так и «новому» феодализму. Само собой разумеется, что крепостная система до конца XV в. или начала XVI в. еще не успела подчинить себе *все* крестьянство, но важен не количественный охват, — важно то, что эта система в центре страны была уже налицо.

Во время последней дискуссии о формациях некоторые занимались схоластическими вопросами: что чему у нас предшествовало, отработочная рента — ренте продуктами, или наоборот. На деле же в чистом виде никогда этих форм не существовало: отработочная рента, соче-

[1] Ленин, Собр. соч., т. IX, изд. 1, стр. 613—614.

Опыт периодизации истории феодализма и крепостничества в России

Первый период	Второй период	Третий период			Четвертый период
«Старый» феодализм до конца XV в. или начала XVI в.	Смягчение или начало разложения «старого» феодализма от конца XV в. или начала XVI в. до начала XVII в., зарождение «нового» феодализма	Первый этап «нового» феодализма с начала XVII в. до начала XVIII в.	Второй этап «нового» феодализма от начала XVIII в. до середины XVIII в.	Третий этап «нового» феодализма со второй половины XVIII в. до начала XIX в.	От начала XIX в.
		Реставрация феодальных отношений в замосковном крае и развитие «нового» феодализма в колониях к югу от Оки, в Мордовии, Чувашии и Татарии	Развитие феодально-крепостнических отношений в колониях: в Приуральи, Поволжьи и на Украине	Начало разложения феодально-крепостнической системы	Начало промышленного капитализма в России
О крупных крестьянских движениях неизвестно	«Опричнина» Крестьянская война конца XVI в. и начала XVII в.	Борьба крестьян с наступающим на колонии «новым» феодализмом. Хмельничина. Городские восстания. Разинщина. Стрелецкие восстания. Булавинщина	Относительное затишье в метрополии. Восстания на Украине	Пугачевщина Восстания на Украине Упразднение Запорожской Сечи	Наполеоновские войны Декабристы Подавление Россией революции 1848 г. в Венгрии
Образование Московского государства и начальная стадия образования империи	Возникновение империи			Разделы Польши и аннексия Крыма	Поражение России в Крымской войне
Гуситские войны Крестьянские войны и реформация в Германии	Нидерландская революция Английская революция Французская Фронда			Промышленная революция в Англии Французская революция Революции в Европе	

таясь с продуктовой рентой и с элементами денежной ренты, преобладала в эпоху «старого», раннего феодализма. Отработочная рента в ее самой простой форме состоит в том, что «непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически или юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на землевладельца, даром».[1] Надо отметить, что «превращение отработочной ренты в ренту продуктами... ничего не изменяет в существе земельной ренты.»[2] Еще до XVI в. крестьяне выполняли следующие повинности на помещиков и монастыри: варили пиво, возили на двор, возили возы на государя, возили лес, дрова, плоты, делали города, делали наместничьи дворы, «дело» монастырское, городское «дело», княжье «дело», «дела» сенные, жали хлеб, забивали истоки, звали на ловлю (рыбную), звали на медведя, «имали людей на ловлю», покос косили, молотили рожь, пахали на бояр, монастырь, хлебы пекли, пруды прудили, хлеб свозили, ставили хоромы, ходили «на невод» и т. д.[3] Бо́льшая часть этих повинностей могла выполняться только на основе барщинной системы, которая таким образом должна была существовать.

Эпоха «старого» феодализма оставила нам скудные данные о крупных хозяйствах. Мы все же имеем некоторые сведения о хозяйстве Вельяминовых, которые в 1428—1432 гг. пожертвовали Троице-Сергиеву монастырю большое имущество: 22 кобылы и лошади, 20 рабочих лошадей, 35 волов, коров и телят, 130 коз, овец, 100 коробей ржи, 200 — овса, 50 — пшеницы, 50 — жита, гречи и гороху и 40 конопель. Жертвователи оценили вклад в очень большую сумму — в 1500 руб. Вельяминовы, по данным С. Б. Веселовского, вели крупное хозяйство: одних ссуд крестьянам они роздали на 54 руб. новгородских. Большое количество скота и житниц свидетельствует о крупной боярской запашке. Медна, село Вельяминовых, лежала на крупном торговом пути из Москвы в Великий Новгород.[4] Более крупным было хозяйство самого Троице-Сергиева монастыря. Такое крупное хозяйство могло вестись только на основе *принудительного барщинного труда*: «духовные грамоты» часто говорят *о наличии холопства* в хозяйствах, переходящих в ведение Троицкого монастыря. Оксинья Плещеева отдает в «приданое» зятю *своих* слуг с детьми, среди которых мы имеем: повара, няню, швею, хамовника, конюха, скатертницу, тонкопрядицу и т. д. С начала XVI в. появляется немало указов, предписывающих крестьянам *пашню пахать* и оброк платить на монастырь и на помещика.[5]

---

[1] «Капитал», III, ч. 2, 1923, стр. 326.

[2] Там же, стр. 330.

[3] Данные извлечены из терминологического словаря, составляемого тов. Кочиным в ИАИ.

[4] Архив ИАИ. Материалы по истории Троице-Сергиевой лавры за 1392—1512 гг., составленные С. Б. Веселовским, л. 87.

[5] М. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, 1897, II, № 2.

Крупные хозяйства были повидимому тесно связаны с рынком: в с. Медне на 15 дворов пашенных крестьян приходилось 56 дворов непашенных. Крупный Троице-Сергиев монастырь был тесно связан с рынком, он вел обширные торговые операции. Даже сравнительно небольшие монастыри были тесно связаны с рынком. В вотчинах Прилуцкого монастыря преобладали дворы торговых, мастеровых крестьян и половников: на 70 пашенных дворов приходилось 139 дворов непашенных торговых и мастеровых людей. [1]

Ясно, что наличие «непашенных» дворов было возможно только в районе большого рынка. Таких данных можно привести немало. Местные монастырские торжки в середине XVI в. — обычное явление. Крестьяне часто распахивают «пашню наездом из *найму*». [2] Среди 380 операций Троице-Сергиевой лавры за 1392—1512 гг. купля земли насчитывает 113 случаев, т. е. 29,8%; за время с 1517 г. по 1527 г. купля составляет 20,1% всех операций. Скупка земли была связана с ростом барщинной работы крестьян на монастырь.

Как же тогда понять мысль Ленина о натуральном характере крепостного хозяйства? Статистические данные (см. таблицы № 1—5) проливают свет на темп и характер развития товарно-денежных отношений в эпоху «старого» и «нового» феодализма. Таблицы дают возможность установить число случаев дарения, наследования, купли-продажи, обмена и заклада. Нас интересует купля-продажа. Операции помещиков Московского уезда по купле-продаже в Московском же уезде за 1597—1797 гг. составляли 23,7%, в прочих замосковных уездах — 12,2%, вне пределов Московского центра — 7,3%. Купля-продажа среди операций помещиков Тульского уезда составляет в 1616—1761 гг. 26,2%, в приокских уездах — 20,6%, в замосковных уездах — 11,3%, в средневолжских уездах — 68,3%. Купля-продажа помещиками Московского уезда идет по *возрастающей кривой*: 14,8%, 38,6% и 45,7%. Так же как и у помещиков колоний—Тульского уезда: 9,4%, 43,2% и 45,6%. Купля-продажа помещиками Рязанского уезда с 1626 по 1719 г. также идет по восходящей линии — 1,0%, 6,1%, 8,0% и 14,0%. Среди 2 589 операций Рязанского уезда за 1614—1719 г. купля-продажа составляет только 5,8%, дарение и наследование—56,0%. В наиболее торговом пункте страны основа феодального землевладения оставалась неприкосновенной. Немного выше был процент купли-продажи в Ярославском уезде: за 1627—1785 гг. он составлял 11,5%. [3]

Попробуем сравнить темп развития рыночных отношений в метрополии и колонии.

Купля - продажа последовательно возрастала в метрополии и на «окраинах» (исключение составляют 1761—1797 гг. для замосковных уездов и вне пределов Московского центра). В среднем же товарно-де-

---

[1] С. Шумаков, Сотницы, 1901, II, стр. 71.

[2] См. выпись из писцовых белевских книг за 1584—1585 гг., там же у Шумакова, стр. 91, 94.

[3] Таблицы по Ярославскому уезду не приложены; они составлены по «Вотчинным книгам молодых лет по Ярославлю» за 1627—1785 гг.

Мобилизация (количество случаев перехода) земельных ... и другим

	Московский уезд				Прочие замосковные уезды [2]			
	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого
Дарение	87	15	5	107	62	15	5	82
В %	27,2	16,2	7,2	22	40,4	17,7	8,8	27,7
Наследование	170	40	33	243	59	47	43	149
В %	52,7	43	47,1	50,1	38,6	55,2	75,5	50,3
Купля-продажа	47	36	32	115	10	19	7	36
В %	14,8	38,6	45,7	23,7	6,2	22,4	12,3	12,2
Обмен	16	—	—	16	23	—	—	23
В %	4,7	—	—	3,3	14,8	—	—	7,8
Закладывание	2	2	—	4	—	4	2	6
В %	0,6	2,2	—	0,9	—	4,8	3,4	2
Итого	322	93	70	485	154	85	57	296
В %	66,39	19,18	14,43	40,49	52,03	28,72	19,25	24,71

[1] Эта и следующая таблицы составлены П. В. Акимовым по неопубликованным Москве, Рязани и Ярославлю». «Справки» представляют собой выписки по выборочной

[2] Бежецкий, Боровский, Верейский, Владимирский, Волоколамский, Дмитровский, жайский, Муромский, Переяславский, Пошехонский, Ржевский, Романовский, Ростовский, Юрьевский, Ярославский.

[3] Алатырский, Алексинский, Ардатовский, Арзамасский, Белевский, Белозерский, Гжатский, Данковский, Дедиловский, Елецкий, Епифанский, Ефремовский, Зарайский, ский, Козельский, Кромский, Курский, Лихвинский, Малоярославецкий, Масальский, Ме родский, Новосильский, Оболенский, Одоевский, Орловский, Пензенский, Петербургский, Тарусский, Темниковский, Тульский, Унженский, Чернский, Чухломский, Шацкий.

Таблица 1

владений помещиков Московского уезда по Московскому уездам [1]

Уезды вне пределов Московского центра [3]				Без указания уезда				Всего			
1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого
114	9	6	129	—	—	—	—	263	39	16	318
47,5	10	7,5	31,4	—	—	—	—	36,5	14,2	7,9	26,6
81	69	63	213	3	3	—	6	313	159	139	611
33,7	76,6	77,8	51,8	100	100	—	100	43,5	57,9	68,1	51,0
10	12	8	30	—	—	—	—	67	67	47	181
4,2	13,3	9,8	7,3	—	—	—	—	9,3	24,3	23	15,1
35	—	—	35	—	—	—	—	74	—	—	74
14,6	—	—	8,5	—	—	—	—	10,3	—	—	6,2
—	—	4	4	—	—	—	—	2	10	2	14
—	—	4,9	1	—	—	—	—	0,3	3,6	0,9	1,1
240	90	81	411	3	3	—	6	719	275	204	1 198
58,39	22,87	18,74	34,3	100	100	—	0,5	60,01	22,96	17,03	—

материалам, собранным С. П. Соколовым «Справки вотчинных книг старых лет по Туле, системе.

Звенигородский, Кашинский, Кинешемский, Коломенский, Костромской, Лухский, Мо-
Рузский, Серпуховский, Старицкий, Суздальский, Торжковский (Новоторжский), Углицкий,

Болховский, Брянский, Веневский, Вологодский, Воротынский, Вяземский, Галицкий,
Казанский, Калужский, Карачевский, Каширский, Керенский, Киржачский, Княгинин-
дынский, Мещовский, Михайловский, Мценский, Нижнеломовский, Нижегородский, Новго-
Ряжский, Рязанский, Сапожковский, Серпейский, Симбирский, Соловский, Тамбовский,

Таблица 2

Количество случаев перехода земельных владений по категориям владельцев Справки по Московскому уезду

	Дворяне титулованные				Дворяне нетитулованные				Дьяки и подъячие				Монастыри				Всего			
	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого	1597—1725 гг.	1726—1760 гг.	1761—1797 гг.	Итого
Дарение	156	25	13	194	97	3	1	101	6	—	—	6	—	—	—	—	259	28	14	301
В %	30	17,3	12,8	25,4	43	6	2,5	31,9	87,7	—	—	87,7	—	—	—	—	34,3	14,5	9,9	27,6
Наследование . . .	284	82	68	434	70	21	15	106	—	—	—	—	—	—	—	—	354	103	83	540
В %	54,7	56,5	67,3	56,7	30,7	44	37,5	33,5	—	—	—	—	—	—	—	—	46,9	53,4	58,9	49,6
Купля-продажа . .	39	34	19	92	27	23	23	73	—	—	—	—	—	—	—	—	66	57	42	165
В %	7,5	23,5	18,9	12	11,3	48	57,5	23,1	—	—	—	—	—	—	—	—	8,7	29,5	29,8	15,2
Обмен	38	—	—	38	34	—	—	34	1	—	—	1	1	—	—	1	74	—	—	74
В %	7,4	—	—	5	15	—	—	10,8	12,3	—	—	12,3	100	—	—	100	9,8	—	—	6,8
Закладывание . . .	2	4	1	7	—	1	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5	2	9
В %	0,4	2,7	1	0,9	—	2	2,5	0,7	—	—	—	—	—	—	—	—	0,3	2,6	1,4	0,8
Итого	519	145	101	765	228	48	40	316	7	—	—	7	1	—	—	1	755	193	141	1 089
В %	67,84	18,96	13,20	70,25	72,15	15,19	12,66	29,02	100	—	—	0,64	100	—	—	0,09	69,33	17,72	12,95	—

Мобилизация (количество случаев перехода) земельных владений помещиков Тульского у. по Тульскому и другим уездам

Таблица 3

	Тульский уезд					Приокские уезды[1]					Замосковные уезды[2]				
	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого
Дарение	[illegible] (75%)	32 (37,6%)	4 (9,1%)	[illegible]	49 (26,8%)	[illegible] (46,6%)	[illegible]	39 (22,5%)	6 (5%)	[illegible]83 (31,2%)	5 (83,4%)	71 (47,2%)	13 (34,2%)	5 ([illegible])	94 (42,6%)
Наследование	[illegible] (2,5%)	[illegible] (25%)	[illegible] (34,[illegible])	1 ([illegible])	53 (29%)	2 (18,2%)	44 ([illegible])	46 ([illegible])	[illegible] (40,2%)	140 (23,9%)		27 (18,3%)	[illegible] (28,9%)	16 (59,3%)	54 (24,4%)
Купля-продажа	—	8 (9,4%)	19 (43,2%)	21 (45,6%)	48 ([illegible])	2 (18,2%)	[illegible]	[illegible]	58 (49,5%)	120 (20,6%)	—	16 (10,5%)	4 (10,5%)	[illegible]	25 ([illegible])
Обмен	[illegible] (12,5%)	24 (28%)	5 (11,4%)	—	30 (16,4%)	3 (27%)	84 (29,6%)	44 (25,2%)	—	131 (22,4%)	[illegible] (16,6%)	36 (24%)	9 (23,[illegible])	—	46 (20,8%)
Закладывание	—	[illegible]	1 (2,2%)	2 (4,3%)	3 (1,6%)	—	—	[illegible] (2,9%)	6 (5%)	11 (1,9%)	—	—	[illegible] (2,7%)	1 (8,[illegible])	2 (0,9%)
Итого	8 (4,37%)	[illegible] (46,45%)	44 (24,04%)	46 (25,14%)	183 (15,82%)	[illegible] (1,88%)	283 (48,38%)	[illegible]73 (29,57%)	[illegible] (20,[illegible])	[illegible] (50,56%)	6 (2,72%)	150 (67,87%)	38 ([illegible])	27 (12,22%)	221 (19,1%)

	Северные уезды[3]					Верхневолжские уезды[4]					Средневолжские уезды[5]				
	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого
Дарение	—	2 (18,2%)	2 (50%)	1 (25%)	[illegible] (23,8%)	2 (66,6%)	[illegible] (53,9%)	—	2 (33,3%)	11 (42,3%)	—	5 (19,1%)	—	—	5 (12,2%)
Наследование	—	2 ([illegible])	1 (25%)	2 (50%)	5 (23,8%)	—	1 (7,7%)	2 (50%)	3 (50%)	6 (23,1%)	—	1 ([illegible])	1 (6,[illegible])	3 (33,3%)	[illegible] ([illegible])
Купля-продажа	—	4 (36,4%)	—	1 (25%)	[illegible] (23,8%)		1 ([illegible])		1 (16,[illegible])	2 ([illegible])	[illegible]	[illegible]	4 (66,6%)	6 (66,6%)	[illegible]
Обмен	2 (100%)	3 (27,2%)	1 (25%)	—	6 (28,6%)	[illegible] (33,3%)	4 (30,7%)	2 (50%)	—	[illegible] (26,9%)	—	1 (3,6%)	1 (16,7%)		2 (4,9%)
Закладывание	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	2 (9,52%)	[illegible] (52,4%)	4 (19,04%)	[illegible] (19,04%)	21 ([illegible])	3 ([illegible])	13 (50%)	[illegible] (15,38%)	[illegible] (23,[illegible])	26 (2,25%)	—	26 (63,42%)	6 (14,63%)	9 (21,95%)	[illegible] (3,54%)

	Уезды Тамбовско-Пензенского края[6]					Уезды Слободской Украины[7]					Уезд не указан					Всего				
	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого	1610–1630 гг.	1631–1700 гг.	1701–1725 гг.	1726–1761 гг.	Итого
Дарение	—	6 ([illegible])	3 (43%)	—	9 ([illegible])	[illegible]	[illegible]	1 (16,[illegible])	2 (25%)	9 ([illegible])		1 (25%)	4 ([illegible])	3 ([illegible])	8 (70,[illegible])	[illegible] (56,9%)	264 ([illegible])	60 (22,2%)	26 (11,3%)	373 (32,2%)
Наследование			2 (28,5%)	[illegible] (12,5%)	7 (30,[illegible])		[illegible]	2 (33,3%)	[illegible]	[illegible]	—	3 ([illegible])	20 ([illegible])	[illegible] (25%)	24 (23,5%)	3 (10%)	102 ([illegible])	100 ([illegible])	95 ([illegible])	300 (25,[illegible])
Купля-продажа	—	[illegible]	[illegible] (14,3%)	3 (37,5%)	5 (21,7%)	—		1 ([illegible])	[illegible]	6 ([illegible])		—	[illegible]	—	1 ([illegible])	2 (6,6%)	[illegible]	[illegible] (23,0%)	100 (43,5%)	240 (20,8%)
Обмен	—	[illegible] (12,5%)	[illegible] (14,3%)	—	2 ([illegible])	—	[illegible]	2 (33,3%)	—	3 ([illegible])		—	1 ([illegible])	—	[illegible] (2,9%)	[illegible]	[illegible] (26,[illegible])	[illegible] (2,2%)	—	228 ([illegible])
Закладывание	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—				—		[illegible]	[illegible] (2,4%)	9 (3,9%)	10 (1,4%)
Итого	—	8 ([illegible])	[illegible] (30,44%)	8 ([illegible])	23 ([illegible])	—	[illegible]	6 (26,09%)	5 (34,[illegible])	23 ([illegible])	—	4 ([illegible])	[illegible]	[illegible] (11,[illegible])	34 (2,44%)	30 (2,59%)	[illegible]89 ([illegible])	30[illegible] (26,62%)	230 ([illegible])	[illegible]57

[1] Алексинский, Б[illegible]левский, Болховский, В[illegible]невский, Вяземский, Дедиловский, Епифанский, Ефремовский, Калужский, Каширский, Козельский, Крапивенский, Лебедянский, Лихвинский, Малоярославецкий, Масальский, Медынский, Мещовский, Мценский, Новосильский, Одоевский, Орловский, Перемышльский, Ряжский, Рязанский, Соловский, Тарусский, Чернский.
[2] Бежецкий, Боровский, Владимирский, Гороховецкий, Дмитровский, Зубцовский, Кашинский, Кинешемский, Клинский, Коломенский, Костромской, Луховский, Можайский, Московский, Муромский, Новоторжский, Переяславский, Пошехонский, Ржевский, Романовский, Ростовский, Рузский, Старицкий, Суздальский, Угличский, Шуйский, Юрьевский, Ярославский.
[3] Белозерский, Вологодский.
[4] Ветлужский, Галицкий.
[5] Алатырский, Арзамасский, Нижегородский.
[6] Данковский, Инсарский, Пензенский, Темниковский, Шацкий.
[7] Елецкий, Ливенский.

С. Г. Томсинский

Мобилизация (количество случаев перехода) земельных владений помещиков Рязанского уезда по Рязанскому и другим уездам

Виды перехода владений	Рязанский уезд						Уезды Окского района					Замосковные уезды						Северные уезды			
	1614—1628 гг.	1628—1650 гг.	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1628—1650 гг.	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1614—1628 гг.	1628—1650 гг.	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1628—1650 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого
Дарение	8	51	62	231	71	423	—	16	129	37	182	2	7	17	68	24	118	1	5	1	7
%	66,7	49,0	42,2	33,2	26,2	34,4	—	39,0	30,9	34,6	32,1	100	43,8	30,9	27,0	36,4	30,2	100	17,2	50,0	21,9
Наследование	4	48	57	139	63	311	1	7	64	22	94	—	8	31	55	22	116	—	3	—	3
%	33,3	46,2	38,8	20,0	23,3	25,3	100	17,1	15,4	20,6	16,6	—	50,0	56,4	21,8	33,3	29,6	—	10,3	—	9,4
Купля-продажа	—	1	9	56	36	104	—	1	14	7	22	—	—	2	8	2	12	—	2	—	2
%	—	1,0	6,1	8,0	14,0	8,4		2,4	3,4	6,5	3,9	—	—	3,6	3,2	3,0	3,1		7,0	—	6,2
Обмен	—	4	19	270	94	387		17	209	41	261	—	1	5	120	18	144	—	19	1	20
%	—	3,8	12,9	38,8	34,7	31,5	—	41,5	50,1	38,3	47,2	—	6,2	9,1	47,6	27,3	36,8	—	65,5	50,0	62,5
Закладывание	—	—	—	—	5	5	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—		—
%	—	—	—		1,8	0,4	—		0,2	—	0,2	—			0,4	—	0,3	—	—	—	—
Итого	12	104	147	696	271	1230	1	41	417	107	566	2	16	55	252	66	391	1	29	2	32
%	1,0	8,5	11,9	56,6	22,0	47,5	0,2	7,2	73,7	18,9	21,9	0,5	4,1	14,0	64,5	16,9	15,1	3,1	90,6	6,3	1,2

Виды перехода владений	Верхневолжские уезды					Средневолжские уезды				Уезды Тамбовско-Пензенского края				Уезды Слободской Украины				Уезды не обозначены				Всего					
	1628—1650 гг.	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого	1614—1628 гг.	1628—1650 гг.	1651—1675 гг.	1676—1700 гг.	1701—1710 гг.	Итого
Дарение	7	3	19	7	36	1	8	5	14	3	33	10	46	1	3	2	6	—	2	7	9	10	66	103	498	164	841
%	58,3	20,0	16,4	58,4	23,2	25,0	44,4	55,6	45,2	42,9	30,5	35,7	32,2	100	37,5	66,7	50,0	—	18,2	41,2	31,0	71,4	49,3	38,0	30,1	31,8	32,5
Наследование	5	7	17	1	30	3	5	1	9	3	17	3	23	—	3	1	4	1	9	10	20	4	62	109	312	123	610
%	41,7	46,7	14,6	8,3	19,4	75,0	27,8	11,1	29,0	42,9	15,7	10,7	16,1	—	37,5	33,3	33,4	100	81,8	58,8	69,0	28,6	46,3	40,2	18,9	23,9	23,5
Купля-продажа	—	2	—	1	3	—	1	—	1	—	3	2	5	—	1	—	1		—	—	—	—	[illegible]	14	85	50	150
%	—	13,3	—	8,3	1,9	—	5,6	—	3,2	—	2,8	7,2	3,5	—	12,5		8,3	—		—	—	—	0,7	5,2	5,1	9,7	5,8
Обмен	—	3	80	3	86	—	4	3	7	1	55	13	69	—	1	—	1	—	—			—	5	45	758	173	981
%	—	20,0	69,0	25,0	55,5	—	22,2	33,3	22,6	14,2	51,0	46,4	48,2	—	12,5		8,3					—	3,7	16,6	45,8	33,6	37,9
Закладывание	—	—	—	—	—	—	—	—		—		—	—	—	—	—				—	—	—		—	2	5	7
%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—		—	—	—	—	0,1	1,0	0,3
Итого	12	15	116	12	155	4	18	9	31	7	108	28	143	1	8	3	12	1	11	17	29	14	134	271	1655	515	2589
%	7,7	9,7	74,9	7,7	6,0	12,9	58,1	29,0	1,2	4,9	75,5	19,6	5,5	8,3	66,7	25,0	0,5	3,5	37,9	58,6	1,1	0,5	5,2	10,5	63,9	19,9	—

Таблица 5

Количество случаев перехода земельных владений по категориям владельцев

Справки по Тульскому уезду

	Дворяне титулованные					Дворяне нетитулованные					Дьяки и подъячие					Монастыри					Всего				
	1616—1650 гг.	1651—1700 гг.	1701—1725 гг.	1726—1761 гг.	Итого	1616—1650 гг.	1651—1700 гг.	1701—1725 гг.	1726—1761 гг.	Итого	1616—1650 гг.	1651—1700 гг.	1701—1725 гг.	1726—1761 гг.	Итого	1616—1650 гг.	1651—1700 гг.	1701—1725 гг.	1726—1761 гг.	Итого	1616—1650 гг.	1651—1700 гг.	1701—1725 гг.	1726—1761 гг.	Итого
Дарение	19	200	33	11	263	2	51	13	7	73	—	—		—	—	—	—	—	—	—	21	251	46	18	336
В %	59,5	47	18,5	10,9	34,3	22,2	28,2	11,9	14,3	21,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91,2	41,1	15,9	11,7	31
Наследование . .	4	85	72	47	208	1	14	36	5	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	99	108	52	264
В %	12,5	20	40,3	45,6	28,3	1,1	7,8	32,6	10,2	16,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12,2	16,3	37,4	34,2	24,2
Купля-продажа	—	30	35	39	104	—	23	25	35	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53	60	74	187
В %	—	7	19,7	38,6	14,2	—	13	22,6	71,5	23,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8,8	20,8	48,9	17,1
Обмен . .	7	111	39	—	157	6	91	35	—	132	—	2	—	—	2	—	1	—	—	1	13	205	74	—	292
В %	21,9	26	21,5	—	21,2	66,6	51	32	—	38	—	100	—	—	66,6	—	100	—	—	100	31,7	33,8	25,6	—	26,8
Закладывание . .	2	—	—	5	7	—	—	1	2	3	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	2	—	1	2	11
В %	6,02	—	—	10,9	1	—	—	0,9	4	0,8	—	—	—	—	33,3	—	—	—	—	—	4,9	—	0,3	5,2	0,9
Итого . .	32	426	179	102	739	9	179	110	49	347	—	2	—	1	3	—	1	—	—	1	41	608	289	152	1 090
В %	4,33	57,65	24,22	13,8	67,8	2,59	51,59	31,7	14,12	31,84	—	66,67	—	33,33	0,27	—	100	—	—	0,09	3,76	55,78	26,52	13,94	—

Купля и продажа земель в

	Московских помещиков					Тульских	
	1597—1725	1726—1760	1761—1797	Итого		1610—1650	1651—1700
В Московском уезде[1]	14,8	38,6	45,7	23,7	В Тульском уезде . .	—	9,4
» замосковных уездах	6,2	22,4	12,3	12,2	» приокских уездах .	18,2	7,4
Вне пределов Московского центра	4,2	13,3	9,8	7,3	» замосковных » . .	—	10,5

нежные отношения развивались быстрее в среде «окраинных» южных помещиков. Это обстоятельство следует учесть при анализе крестьянских войн XVII в. Товарно-денежные отношениях росли в среде титулованного и нетитулованного дворянства. Для того чтобы иметь точное представление о товарно-денежных отношениях, надо указать, что в рыночный оборот во всех районах поступали главным образом мелкие владения до 25 десятин. *Основной земельный фонд дворянства оставался неприкосновенным.* Для того чтобы подчеркнуть слабость товарно-денежных отношений в эпоху «нового» феодализма, надо указать, что в первую очередь поступали в оборот пустоши (1 113 помещиков окраин и колоний и 885 помещиков центра), затем деревни (960 и 672 случаев) и наконец села (343 и 253). Поразительнее всего, что в рыночный оборот поступало больше пустошей в центре страны, чем в колониях.[2]

На 1 198 случаев перехода земельных владений имеется только 181 случай (15,1%) купли-продажи и на 1 157 случаев — 240 случаев (20,5%) купли-продажи и 150 случаев купли-продажи на 2 589 случаев мобилизации.

Общим для «старого» и «нового» феодализма является замедленный темп развития, а также то, что товарные отношения как бы скользили по поверхности, не затрагивая основ феодального землевладения. Хотя абсолютные числа, приводимые в таблицах, невелики, однако они в общем верно отражают процесс мобилизации землевладения: известно, что почти до начала XIX в. земля не переходила к недворянским сословиям. Натуральный характер крепостного хозяйства выражается в простом воспроизводстве подавляющего большинства помещичьих хозяйств. Общее между «старым» и «новым» феодализмом — в господстве отработочной ренты, в прикреплении крестьян к земле, во внеэкономическом принуждении.

[1] Тульский уезд и часть приокских, замосковных и рязанских уездов мы относим к колониям (см. гл. «Народы колоний»).

[2] Цифры подсчитаны по тем же источникам, что таблицы № 1—3.

метрополии и колониях в % *Таблица 6*

помещиков				Рязанских помещиков				
1701—1725	1726—1761	Итого		1614—1625	1626—1650	1651—1675	1676—1700	1701—1719
43,2	45,6	26,2	В Рязанском уезде	—	1,0	6,1	8,0	14,0
22,5	49,8	20,6	» приокских уездах	—	—	2,4	3,4	6,54
10,5	18,5	11,3	» замосковных »	—	—	3,6	3,2	3,0

3. НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ ИЛИ СМЯГЧЕНИЕ „СТАРОГО" ФЕОДАЛИЗМА

Энгельс пишет Марксу «о почти полном правовом или фактическом исчезновении крепостничества в XIII и XIV в.» Далее он говорит: «Я не сомневаюсь в том, что оно появилось (в XVI в.—*С. Т.*) только подновленное, вторым изданием. Мейтцен приводит годы, когда впервые снова заговорили о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге, Силезии: середина XVI в.» [1]

Можно ли говорить о наличии «старого» и «нового» феодализма в России? Вне сомнения, но только с существенной оговоркой: в России не было «почти полного правового или фактического исчезновения крепостничества» XV и XVI в. В России было только ослабление или смягчение крепостничества.

Историки, изучавшие вторичное закрепощение, относят смягчение феодальных отношений к XV в. или к середине XVI в. Они считают, что второе закрепощение начинается со второй половины XVI в. Не следует забывать, что «смягчение» феодальных отношений прошло через два этапа: 1) появились элементы слабого частичного распада феодальных отношений под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений, 2) само крестьянство, стараясь ускорить начавшийся процесс «смягчения», вступило в вооруженную борьбу, которая фактически продолжалась со времени опричнины до поражения крестьянской войны конца XVI в. Историки не обращают внимания на второй период, когда в значительной степени временно были ослаблены и даже в некоторых местах на юге ликвидированы феодальные отношения.

В первой четверти XVI в. заканчивается процесс перехода городов от удельных князей к московскому великому князю. Этот переход не освобождал города от феодальных пережитков, но значительно облегчал торговые связи между ними. Налицо рост го-

[1] Энгельс—Марксу 16 декабря 1882 г. «Письма», 1922, стр. 255.

родов и городского купечества в Замосковном районе, увеличение наемной рабочей силы, бобыльства, бродяжества, количества беглых, мобилизации землевладения, распада старой боярской вотчины, образование новых видов землевладения,[1] развитие централизованного государственного аппарата.

В эпоху разложения «старого» феодализма подвергалась мобилизация также и крестьянская собственность. У нас имеются данные о мобилизации пожен в Юрьевецком посаде в конце XVI в. [2]

Мобилизация пожен имела определенное направление: пожни лишь частью обращались внутри каждой сословной группы, причем из рук посадских они ускользали, переходя главным образом к крестьянам. В XVII в., в эпоху «нового» феодализма уже не было случаев перехода земельных угодий от других сословий к крестьянам и посадским: единственным монопольным землевладельцем становился помещик. [3]

В эпоху смягчения феодализма чаще начинает применяться вольнонаемный труд. Это отмечено Б. Д. Грековым, который пишет: «Памятники говорят о наймитах страдных, т. е. наймитах для сельскохозяйственных работ, о наймитах монастырских летних, работных наймитах, ярыжках, наемных казаках и т. д.» [4]

В тверской писцовой книге 1540 (7048) г. наряду с барщинными крестьянами отмечаются и деловые, наемные крестьяне. В середине XVI в. происходит массовое освобождение холопов: в 1455 г. Василий Матвеев завещает сыновьям деревни с людьми. В завещании говорится: «Рязан Кижман послужит сыну моему Василью пять лет да пойдет на свободу». Феодор и Ивашко Волковы получили свободу через восемь лет. В одном завещании 1497 г. указывается, что холопы и рабы, не перечисленные в завещании, не переходят по наследству: «до тех людей моему сыну Михаилу дела нет, а приказчикам моим тем людям давать свои грамоты отпускные».[5] Такие «отпускные»

---

[1] Надо отметить наше расхождение в определении природы поместного землевладения с Рожковым. Рожкову не удалось доказать, что поместное землевладение было связано с рынком в большей степени, чем вотчинное. Гораздо легче доказать, что крупные вотчины были теснее поместий связаны с рынком: хозяйства Троице-Сергиевой лавры, Кирилло-Белозерского монастыря, торговые операции крупнейших феодалов достаточно подтверждают это. С начала XVI в. начинается перераспределение земельной собственности внутри боярства. Продуктом этого процесса является выделяющееся поместное землевладение, бегство или своз огромных масс крестьян с насиженных мест.

[2] Юрьевецкий посад в конце XVI в. «Труды Иваново-Вознесенского научного общества краеведения», вып. V, стр. 35—37.

[3] Исключение составляет Север, где в XVII в. крестьяне закладывали и продавали свою землю. Афанасий, епископ холмогорский, в конце XVII в. запретил крестьянам совершать эти операции. Крестьяне же просили разрешить им «своей нужды ради продавать и закладывать (землю) для того, что у них прокормиться нечем, только-де продажей земляной и закладом». Приказные устюжского архиепископа Александра в 1680 г. высказали такой взгляд: «во всяких вотчинах продать что или заложить повольность имеет вотчинник, а *не крестьянин*».

[4] Б. Греков, Главнейшие этапы в развитии русской вотчины. Хозяйство крупного феодала-крепостника. Академия наук, 1933.

[5] Архив ИАИ. Материалы по истории Троице-Сергиевой лавры за 1392—1512 гг., составленные С. Б. Веселовским, лл. 228, 628.

встречаются только в начале XIX в., в эпоху разложения феодализма и крепостничества.

Одновременно помещики пытаются предоставить крестьянам ряд льгот. Иван Нагих в 1575 г. видит выход из кризиса в том, чтобы «называти на *лготу* крестьян». Княгиня Оксинья в 1576 г. на льготных условиях привлекает крестьян на работу. [1] Такие факты встречаются и в писцовых книгах южных районов, куда крестьянство само стремилось: в писцовых белевских книгах 1563—64 гг. предлагается игумену Спасского монастыря — призывать жить «людей крестьян»: в течение четырех лет «новоприходцы» освобождаются от налогов. [2]

В связи с развитием товарно-денежных отношений «отказ» и «Юрьев день» (первое упоминание Юрьева дня относится к 1450 г.) попали в Судебники повидимому из практики «найма» и применены были к крестьянам именно тогда, когда, по мнению Б. Д. Грекова, в так называемом крепостничестве первого издания была пробита первая брешь. Этот же исследователь указывает, что заем в Судебнике Ивана IV ясно отделялся от найма. Оба Судебника (один — конца XV в., другой — в середине XVI в.) определенно ставят вопрос о крестьянах так, чтобы крестьянин либо сам мог свободно отказаться от своего хозяина или чтобы помещик мог без особого затруднения получить крестьянина. [3]

Надо учесть и значение разного рода кабал. Посмотрим, как выданные кабалы распределяются по годам: за 1480—1489 гг. зарегистрировано 3, за 1490—1499 гг.—20, за 1500—1509 гг. — 9, за 1510—1519 гг. — 10, за 1520—1529 гг. — 9, за 1530—1539 гг. — 4, за 1540—1549 гг. — 0, за 1550—1559 гг. —2, за 1560—1569 гг. — 12, за 1570—1579 гг. — 44, за 1580—1589 гг. — 195, за 1590—1599 гг. — 321, за 1600 и 1604 гг.—93, за 1613 г. — 1, за 1614 г. — 1, за 1622 г. — 1, за 1625 г. — 1, за 1630 — 1639 гг. — 9, за 1640—1649 гг. — 12, за 1650—1659 гг. — 3, за 1660—1669 гг. — 4, за 1670—1679 гг. —6, за 1680—1689 гг. — 27, за 1690—1699 гг. — 15 кабал. [4] Хотя этот список кабал далеко не полон, однако их распределение по годам вполне закономерно. Быстрый рост кабал начинается в 1560—1569 гг., большее число падает на 1590—1599 гг., меньшее, но значительное число — на 1600 и 1604 гг. К каким выводам приводят эти факты? Кризис второй половины XVI в. заставляет крестьян закладываться, «брать ссуду», закабаляться и т. д. Рост денежных отношений заставляет крестьян массами продавать себя. Обращение к кабалам смазывает и скрывает внеэкономический характер крепостнических отношений и выдвигает на первый план его юридическую, правовую норму. Купля-продажа становится правовой обоюдной сделкой. Такие комбинации породили огромную историческую литературу. Историки права,

---

[1] М. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, 1897, II, № 24, 25.

[2] С. Шумаков, Сотницы, 1901, ч. II, стр. 8.

[3] Б. Д. Греков, Очерки по истории феодализма в России, 1934, стр. 106.

[4] Настоящие данные нами подсчитаны по каталогу кабальных, хранящихся в ИАИ.

включая и Ключевского, видели одну сторону процесса—легальную. Одни из них не замечали, а другие недооценивали систему внеэкономических принуждений, которая автоматически превращала кабального в крепостного.

Однако эти «правовые сделки», массовая купля-продажа, создавали видимость, фикцию отступления от насильственного своза и захвата крестьян, от внеэкономического принуждения. В сравнении с последним кабала могла даже сойти за «смягчение» в системе феодальных отношений. Такие «правовые отношения» должны были и в самом крестьянстве питать некоторые, весьма слабые иллюзии на лучшее будущее, которые, правда, были скоро разбиты. Закон 1597 г. считает, что полугодовой срок, в который вольный человек работал у хозяина только за прокорм, обувь и платье, достаточен для того, чтобы и впредь, до смерти своего хозяина, этот вольный человек уже принудительно оставался в том же положении. [1] Этот закон сыграл немалую роль в подготовке крестьянской войны начала XVII в.

Однако, несмотря на целую сеть «ростовщических прижимок» (Ленин) крестьян и на закон 1597 г., широкий поток кабальных сделок был значительным объективным показателем того, что в системе феодальных отношений назревал некоторый перелом: ростовщические операции могли расширить брешь в феодальных отношениях или, при неблагоприятных условиях, законсервировать феодальные отношения.

ДАРЕНИЕ. ОБМЕН. НАСЛЕДОВАНИЕ
901 | 77.9%
КУПЛЯ ПРОДАЖА
240 | 20.7%
ЗАКЛАДЫВАНИЕ
16 | 1.4%

Мобилизация земельных владений помещиков Тульского уезда за 1597—1797 гг.

К признакам смягчения феодализма следует отнести наличие значительного числа половников на севере; распространение половничества — фактор смягченности феодальных отношений вне зависимости от того, были ли половники арендаторами-тяглецами [2] или сельскими рабочими, нанимавшимися на из вестный срок обрабатывать хозяйскую пашню и получавшими за это определенную долю урожая.

Мы имеем немало и косвенных данных о разложении феодализма. В XVI в. была создана большая литература, направленная против

[1] Б. Д. Греков, Очерки по истории феодализма в России.

[2] М. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, 1898, стр. 160; Г. Шмелев, Новая работа по социальной истории России, «Древности», «Труды А. К. Московского архео логического о-ва», 1899, т. I, вып. 2, стр. 562.

господства монастырского и светского феодального землевладения. Литература различных «ересей» могла быть создана только в результате начавшегося распада феодальной системы. Для ересей не было бы места, если бы феодальная система держалась прочно.

Мы ограничимся только некоторыми примерами.

Вассиан Патрикеев (умер около 1531 г.) писал:[1] «Господь повелевает: и даждь я (имения) нищим; мы же единаче сребролюбием и несытостью побеждени, живущая *братия наша убогиа* в селех наших различными образы *оскръбящем* их, и лесть на лесть и *лихву на лихву на них налагающе*; им же егда не възмогут отдати лихвы, *от имений их обнажахом* без милости, коровку их и лошадку отъемше, самих же *с женами и детьми* далече от своих предел, аки скверных отгнахом».

Башкин Матвей Семенович, сын боярский, в 1553 г. говорил священнику московского Благовещенского собора Симеону, своему духовному отцу: «а мы-де христовых *рабов у себя держали*, Христос всех братьею нарицает, а у нас-де на иных и *кабалы*, на иных *беглыя*, а на иных нарядныя, а на иных полныя; а я-де благодарю бога моего, у меня-де что было кабал полных, то-де есми все *изодрал*; да держу-де, государь, своих *добровольно*: добро-де ему, и он живет, а не добро, и он куды хочет»...[2]

Зиновий Отенский, живший в середине XVI в., оставил яркое описание жизни в богатом и бедном монастыре. К этому же времени относится выступление вольнодумца Феодосия Косого, осужденного церковным собором в 1553 г. Косой между прочим был холопом одного московского боярина. Косой убежал от боярина с «конем» и «имением». Церковный собор был возмущен тем, что раб взял на себя роль учителя («Како раб учитель будет?!»).

Нам известен проект реформ одного анонимного автора конца XVI в. Автор был опечален положением крестьян, которые никогда не имеют отдыха и «безпрестани различные работные ига подъемлют» и т. д. Для устранения всех зол автор предлагает радикальное средство — уничтожение всех податей с крестьян, поступающих непосредственно в государство, ограничение помещичьих поборов с крестьян и власти бояр и воинов над своими ратаями.[3]

Подобная обличительная, оппозиционная литература была редкостью в России почти до Радищева. Она могла появиться только в эпоху глубочайшего кризиса феодальных отношений. Не случайно все эти «обличители» действовали в эпоху опричнины.

Ермолай-Еразм, писатель эпохи опричнины, в своей работе «Правительница и землемерие» защищает интересы крестьян. Он указывает, что вельможи питаются не от своих трудов, в то время как ратаи находятся в печальном положении («в волнениях скорб-

---

[1] «Православный собеседник», 1863, ч. III, 104—112. Курсив мой. — *С.Т.*

[2] Из челобитной Симеона митрополиту Макарию и всему собору в 1554 г. Акты Археологической экспедиции, т. 1, 1836, № 238, стр. 248—249.

[3] М. Богословский, Несколько слов об одном проекте реформ XVI в., «Древности», «Труды А. К. Московского археологического о-ва», 1898, стр. 10.

ных»). Он высказывается против множества поборов с крестьян и денежных налогов, которые не должны применяться в земледельческой стране. Автор признает, что вельможи нужны государству, но подчеркивает, что они нужны не в такой мере, как крестьяне-ратаи, за счет которых живет боярство. В. Ф. Ржига говорит, что автор является решительным сторонником общественной нивеллировки: борясь за улучшение экономического положения крестьян, он в то же время не допускает, чтобы среди служилого и боярского сословия отдельные лица выделялись своим богатством.[1]

Еще резче против закрепощения крестьян высказывается Иван Пересветов. Он пишет: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба и разбой, и обида, и всему царству оскудение великое». Иван Пересветов[2] несколько раз возвращается к этому вопросу. Он пишет в другом месте: «В котором царстве люди порабощены и в том царстве люди не храбры и в бою против недруга не смелы»; «порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есми холоп, иного мне имени не прибудет». Приказав сжечь книги «полные и докладные», Магомет-Салтан, по мнению Пересветова, уничтожил рабство.

Максим Грек (1480—1556 гг.) возмущается против того, что... «свое серебро с ростом взаим даяху или росты на ростех истязаху от убогих»... Он обращает внимание на «тружающихся и беспрестанно страждущих в селех наших и во всех наших потребах».[3]

Такие либеральные течения вместе с требованием свободной торговли могли появиться только в эпоху, когда началось ослабление феодальных отношений.

ДАРЕНИЕ, ОБМЕН, НАСЛЕДОВАНИЕ 1003 / 83.8%

КУПЛЯ, ПРОДАЖА 181 / 15.1%

ЗАКЛАДЫВАНИЕ 14 / 1.1%

Мобилизация земельных владений помещиков Московского уезда.

Крестьяне сами «смягчали» феодальные отношения. Массовый рост количества беглых показывает, что была поколеблена система внеэкономического принуждения. Крестьяне бежали в монастыри, бросали свои дворы, чтобы умирать от голода и холода, «волочась меж двор», «безвестно» бежали в Швецию, Ливонию, Литву и Польшу, в степи, заселенные и незаселенные, бежали наконец «безвестно

[1] В. Ф. Ржига, Литературная деятельность Ермолая-Еразма, «Летопись занятий Археографической комиссии», XXXIII.

[2] В. Ф. Ржига, Сочинение Ивана Пересветова, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1908, стр. 67 и сл.

[3] Максим Грек, Сочинения, ч. II, 1860, стр. 94.

куда»...[1] Надо иметь в виду, что бродяжество в Московской Руси не уступает повсеместному бродяжеству в Европе в эпоху разложения феодализма, о котором неоднократно говорили Маркс и Энгельс.

Напомним указание Ф. Энгельса о том, что «мало исследовано развитие и роль элементов, стоящих вне феодального сословного строя, находившихся в положении почти что париев, которые неизбежно должны были образоваться вместе с возникновением городов, — тех элементов, которые составляли самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, слой, находившийся вне общины, вне феодальной зависимости и вне цехового союза.»[2] Это замечание Энгельса можно с большим правом применить и к бобыльству, «гулящим», ярыжкам, ремесленникам и т. д. Наши помещичье-буржуазные историки немало занимались историей бобыльства, но они не были в состоянии понять его характер. Значительные массы бобыльства были продуктом начавшегося распада, разложения феодальных отношений. Бобыль — новая социальная фигура — исчезает в метрополии к середине XVII в., в колониях — в начале XVIII в.

Не следует думать, что смягчение в одних местах и разложение «старого» феодализма в других местах шли равномерно. В действительности в одних районах (на западе и в центре Замосковного края) «старый» феодализм быстрее смягчался и ослабевал, в других районах, менее охваченных товарно-денежными отношениями и менее пораженных кризисом (на востоке Замосковного края), «старый» феодализм *менее* подвергался изменениям. На юге, в частности на Украине спустя некоторое время феодализм был почти разгромлен.

На севере-востоке феодальные отношения развивались: крупнейшие феодалы Строгановы, духовные феодалы Соловецкого монастыря росли не без энергичной помощи со стороны правительства. Помещик победил крестьянина метрополии и колоний не только своей лучшей экономической, но и военно-политической организацией. В борьбе с юридической школой некоторые марксисты недооценили роль дворянского государственного аппарата в процессе закрепощения крестьян. Надо учесть экономическое превосходство крупного феодально-крепостнического землевладения, но не следует упускать из виду, что только напряжением всех сил военизированного аппарата после многих десятилетий упорных гражданских войн помещику Замосковного края удалось закрепить мужика. Напомним, что «иерархическое расчленение земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными».[3] Энгельс указал, что существование крупного землевладения, в особенности на востоке, сделалось возможным

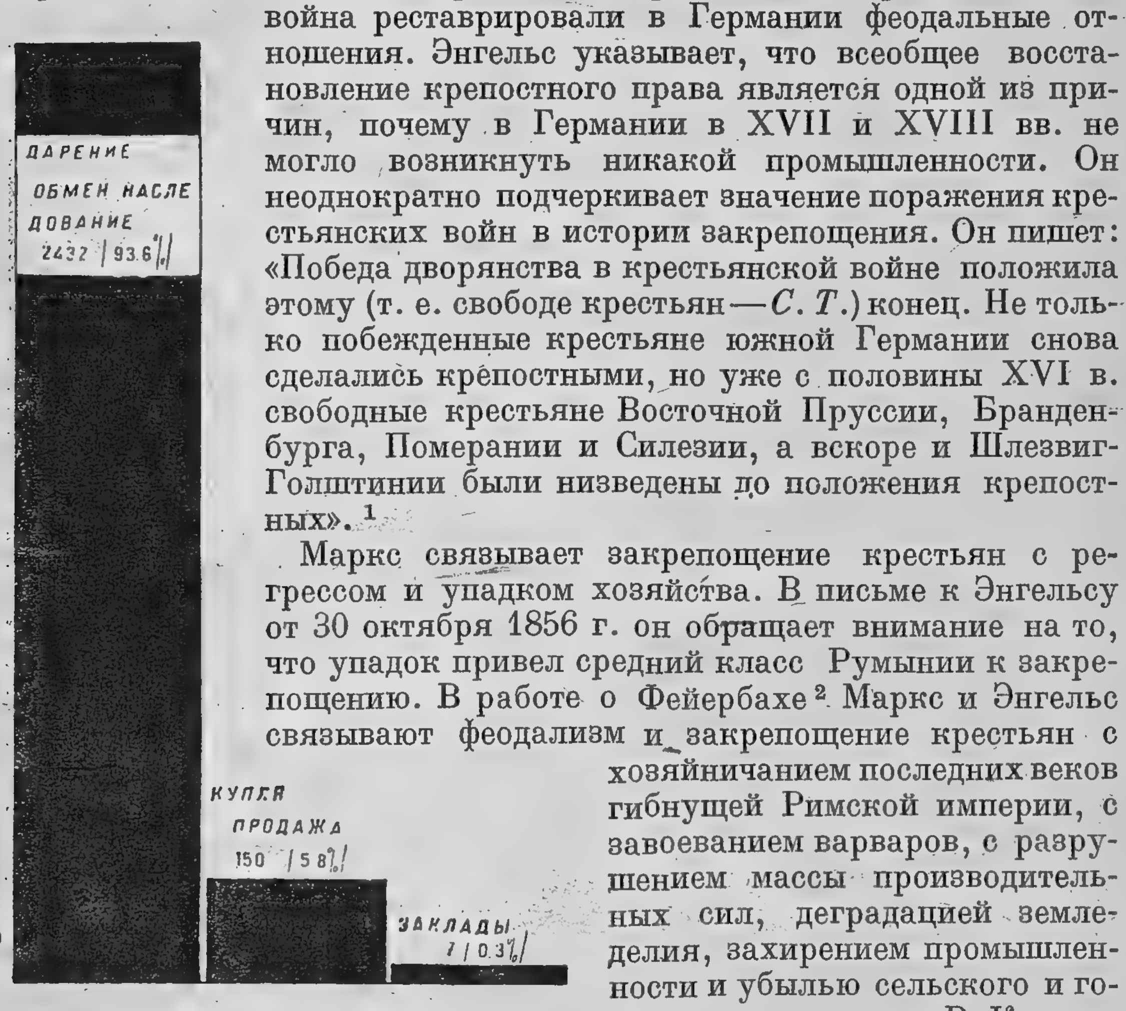
[1] Д. Самоквасов, Крестьяне древней России, 1909, стр. 37.

[2] Энгельс — Каутскому, 21 мая 1895 г. «Письма Маркса и Энгельса», 1931, стр. 415.

[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 255.

лишь «вследствие сноса крестьянских дворов, разразившегося начиная с XVI в., в особенности же после 1648 г.». Это замечание приложимо не только к Германии, но и к России.

Крестьянская война в Германии 1525 г., которую Энгельс считает ранней буржуазной революцией, происходила в эпоху разложения феодализма в Германии и следовательно на пороге капитализма. Крестьянская война, потерпевшая поражение, и тридцатилетняя война реставрировали в Германии феодальные отношения. Энгельс указывает, что всеобщее восстановление крепостного права является одной из причин, почему в Германии в XVII и XVIII вв. не могло возникнуть никакой промышленности. Он неоднократно подчеркивает значение поражения крестьянских войн в истории закрепощения. Он пишет: «Победа дворянства в крестьянской войне положила этому (т. е. свободе крестьян — *С. Т.*) конец. Не только побежденные крестьяне южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI в. свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Голштинии были низведены до положения крепостных».[1]

Мобилизация земельных владений помещиков Рязанского уезда.

Маркс связывает закрепощение крестьян с регрессом и упадком хозяйства. В письме к Энгельсу от 30 октября 1856 г. он обращает внимание на то, что упадок привел средний класс Румынии к закрепощению. В работе о Фейербахе[2] Маркс и Энгельс связывают феодализм и закрепощение крестьян с хозяйничанием последних веков гибнущей Римской империи, с завоеванием варваров, с разрушением массы производительных сил, деградацией земледелия, захирением промышленности и убылью сельского и городского населения. В «Капитале»[3] Маркс пишет о франкских крестьянах, которые были разорены войнами, и «им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных».

В подобном же положении находилась Россия непосредственно во время и после крестьянской войны («смуты»), которая характеризуется деградацией сельского хозяйства, убылью, обнищанием населения и реставрацией натуральных отношений.

---

[1] «Капитал», I, 1930, стр. 167 (примечание Энгельса).
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 255.
[3] «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 139.

Этап «смягчения» старых феодальных отношений, связанный с революционным выступлением крестьян и казаков, сопровождается кризисом, который является исходным пунктом «нового» феодализма. Кризис был связан с деградацией и регрессом сельского хозяйства.

Напомним общеизвестные цифры: размеры пашни к 1616 г. уменьшаются сравнительно с данными 1592—1594 гг. более чем в 20 раз; число крестьян, населяющих Троицкие вотчины, убывает более чем в 7 раз. Общий хозяйственный уровень начала XVII в. значительно уступает уровню 1592—94 гг.; размеры пахотных угодий значительно ниже как абсолютно, так и относительно; крестьянское население, успевшее, правда, немало возрасти до 1630 г., сравнительно с 1616 г., остается однако почти на 50% ниже 1592—1594 гг. После поражения крестьянской войны черные земли в центральных уездах совершенно исчезают; они уцелели главным образом в северных уездах; крестьянин Замосковного края перестает быть собственником обрабатываемой земли, которая расхищается светскими и духовными феодалами. В центре страны даже исчезает половничество, которое сохраняется только на Севере.

Еще в большей мере приложимо это к Украине, которая в сравнении с Россией была передовой страной, где господствовали более свободные общественные отношения. Казачество и городское мещанство имели много данных для того, чтобы стать носителями новых общественных отношений. Польская шляхта и великорусский феодал разгромили хмельничину. Этот разгром надолго определил судьбу Украины, которая превратилась в колонию Великороссии.

Смягчение «старого» феодализма приостанавливается после разгрома крестьянской войны начала XVII в.; феодальные отношения полностью побеждают в результате разгрома крестьянских движений. В центральной России почти полностью ликвидируется бродяжество, замедляется темп роста городов, усиливается значение натурального хозяйства, окончательно побеждают крупные землевладельцы и т. д. Система отношений «старого» феодализма, которая была поколеблена до крестьянской войны, полностью восстанавливается в метрополии в начале XVII века.[1]

Крестьяне не были в силах закрепить свои успехи в борьбе с феодалами; беглые крестьяне не были в состоянии, выражаясь словами Маркса, «развить и выявить имевшиеся уже налицо условия их существования, так как они освобождались не как класс, а по одиночке».

4. „НОВЫЙ“ ФЕОДАЛИЗМ

У нас принято связывать закрепощение крестьян с развитием денежного хозяйства. Эта схема нуждается в значительной по-

[1] Летопись отмечает, как в царствование Михаила Федоровича «владущие» забыли прежнее «безвремяние», когда они «от своих рабов разорени быша», и снова стали закрепощать крестьян и расхищать дворцовые села и земли. Полное обрание русских летописей, IV, 332, V, 55, 62, 66.

правке: закрепощение крестьян связано с развитием денежного хозяйства *на фоне потухающей кривой*, т. е. на фоне кризиса конца XVI в. В нашей исторической литературе достаточно писали о кризисе XVI в., но мало подчеркивали то обстоятельство, что «новый» феодализм завязывается *в эпоху деградации, регресса сельского хозяйства*.

«Мануфактура и вообще все развитие производства достигли огромного подъема благодаря расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Ост-Индию. Новые, ввезенные оттуда продукты, в особенности вступившие в обращение массы золота и серебра, которые радикально видоизменили взаимоотношения классов и *нанесли жестокий удар феодальной земельной собственности и рабочим* (курсив мой —*С.Т.*), походы авантюристов, колонизация, и прежде всего ставшее теперь возможным и изо дня в день совершавшееся все в большем объеме расширение рынков до размеров мирового рынка, — все это породило новую фазу исторического развития».[1] Все эти события, ускорившие возникновение в России новой фазы исторического развития («новый» феодализм и единый национальный рынок) *укрепили феодальную земельную собственность*, в то время как на Западе они ей «нанесли жестокий удар». Поэтому о «новом» феодализме приходится говорить условно, так как мы уже указали, что в России не произошло полного исчезновения закрепощения. Отличие «нового» феодализма от «старого» привело некоторых авторов к противопоставлению крепостничества феодализму как особой общественной формации. Крепостничеству или «новому» феодализму (XVII — XVIII вв.) присущи такие качества, которые отличают его от «старого» феодализма, но *эти качества не дают нам возможности считать крепостничество особой общественной формацией*.

«Новый» феодализм от «старого» отличается тем, что система крепостного хозяйства становится господствующей не только в метрополии, но и в колониях. Вторичное закрепощение крестьян считается Энгельсом «всем, чем угодно, но только не смягчением». В то время как в середине века различных ступеней крепостной зависимости было так много, что «Саксонское зерцало» отказывается говорить о праве на своих людей, со времени тридцатилетней войны дело поразительно упрощается (Энгельс Марксу от 16 декабря 1882 г.). В России после разгрома крестьянской войны система крепостной зависимости упрощается и вместе с тем принимает более суровый характер. В эпоху «нового» феодализма множество категорий крестьян исчезает и сливается в одну закрепощенную массу. Ленин решительно выступал против народнических самобытных социологов, искажавших русскую историю «в угоду мещанской утопии», против вздорных побасенок о том, что в эпоху крепостного права «средства производства принадлежали производителю». По этому поводу Ленин пишет: «Не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами

---

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 47.

производители мало отличались от какого-нибудь «средства производства».[1] Не может быть и речи о резком противопоставлении русского барщинного крестьянина *рабу*. Прибавочный продукт барщинного крестьянства присваивался, выражаясь языком Маркса, «сверх известной меры». Ленин это подчеркивает. Он пишет:[2] «Основное содержание производственных отношений... крепостной эпохи заключалось в том, что помещик заставлял крестьянина все *прибавочное время* (курсив Ленина—*С. Т.*) работать на себя на барщине». Он подчеркивает: *«все прибавочное время»*, чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при крепостной системе не может быть и речи. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, является не более как натуральной формой заработной платы и служил всецело и исключительно эксплоатации крестьянина помещиком.

Такая система эксплоатации становится преобладающей в эпоху «нового» феодализма, когда многомиллионные массы целиком и полностью экспроприируются. В письме к В. Засулич о русской общине Маркс пишет: «Чтобы экспроприировать земледельцев, *нет необходимости изгнать с земель*, как это было в Англии и в других странах, *нет необходимости уничтожить... Наоборот, попробуйте вырвать у них продукт их земледельческого труда сверх известной меры и, несмотря на имеющихся в вашем распоряжении жандармов, вам не удастся удержать их на их земле»*.[3] Следовательно экспроприация крестьян совершается не только изгнанием их с земли, но и в том случае, «если у них вырвать продукт их земледельческого труда сверх известной меры». В России, как известно, в крепостную эпоху продукт крестьянского труда вырывается «сверх известной меры». Весь XVII в. характеризуется экспроприацией огромных масс крестьянства, изгнанием, свозом и переселением их со своих земель. Напомним слова Ленина: «Основа землевладения крепостников создана историей векового грабежа земель благородным дворянством».[4] Продолжительный грабеж крестьян был возможен только на основе колониальных захватов, которые в России производились в гигантских размерах.

В эпоху «нового» феодализма барщинная система охватывает и промышленные предприятия, в то время как в эпоху «старого» феодализма ею было охвачено только сельское хозяйство. Элементы первоначального накопления происходили в своеобразной *форме в хозяйствах «новых» феодалов, где помещик сплошь и рядом присваивал даже часть необходимого продукта крестьянина*. Первоначальное накопление «сверх известной меры» происходило главным образом в мануфактуре — поташных, юфтяных, железных и горных заводах и в оброчных помещичьих хозяйствах.[5]

---

[1] Ленин, Собр. соч., изд. 1, т. II, стр. 87.
[2] Там же, стр. 145.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 278. Курсив мой. — *С. Т.*
[4] Ленин, Собр. соч., 1924, т. IX, стр. 614.
[5] В программе по истории народов СССР, составленной В. П. А. Т. в Ленинграде в 1933 г., отмечается, что «Томсинский рассматривает крепостное хозяйство

Колоссальный источник дохода давал планомерно организованный грабеж колоний. Огромные богатства феодалов и крупнейшего купечества выросли на колониальном грабеже.

Если отрицать наличие накопления в крепостной мануфактуре, то нельзя будет понять, откуда взялись капиталы и десятки тысяч рабочих для сотен заводов. Не следует забывать, что «различные моменты первоначального накопления систематически объединяются в колониальной системе» не только в Англии, но и в России. Система государственных займов, налогов и протекционизма была хорошо известна в России в эпоху феодализма и крепостничества.

Первоначальное накопление в своей классической форме начинается в России только в начале XIX в., когда крестьянские массы экспроприируются, отрываются от земли и превращаются в пролетариев. Промышленная революция в Англии, французская революция и наполеоновские войны оказывают глубокое влияние на Россию. Промышленный капитализм не возник на голом месте. Кто не заметил тех процессов, которые подготовили и обусловили его развитие, кто прошел мимо своеобразия развития феодализма в России, тот никогда не поймет всех тех процессов, которые связаны с позднейшей историей России. Надо твердо помнить слова Маркса, что история экспроприации сельскохозяйственного производства «в разных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии». [1]

5. ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ

«Новый» феодализм, или, выражаясь словами Ленина, «новый период русской истории», характеризуется возникновением единого всероссийского рынка.

Вот что пишет по этому поводу В. И. Ленин:

«Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху Московского царства, никаких родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на связях совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется действительно

как вид первоначального накопления». Авторам программы невдомек, что моя установка ничего общего не имеет с тем, что мне приписывается. Мои «добросовестные» критики не в состоянии диалектически осмыслить процесс. Они помнят слова Ленина о натуральном характере крепостного хозяйства и «забывают» его же слова о более прогрессивном характере крепостничества по сравнению с рабством, о «более широкой возможности развития обмена и торговых сношений» при крепостном праве (В. Ленин. Новые статьи и письма, I, 1930, стр. 103).

[1] «Капитал», т. I, 1930, стр. 574.

фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок». [1]

Прав ли Ленин, который относит образование национального рынка к XVII в.? Совершенно прав. Не только такие крупные города, как Москва, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород, Казань, были связаны с отдаленнейшими пунктами страны. Даже менее значительные торговые пункты играли в этом отношении большую роль: в торговле Великого Устюга принимали участие не только все поморские города до крайнего Севера включительно, но и замосковные низовые и южные города. Вязьма торговала не меньше чем с 45 городами, в том числе с Астраханью, Вологдой, Каргополем, Устюгом, Костромой, Боровском и Белевым. Торговля Тихвина простиралась не меньше чем на 30 городов, помимо многочисленных сельских пунктов. Территория, охваченная этими связями, включала все Заонежье, значительную часть Поморья, верхнюю и среднюю Волгу приблизительно до Казани, Псковскую область, часть замосковных городов и более крупные города по западной границе (Вязьма, Торопец). В торговле небольшого Белева, лежавшего на Киевской дороге, принимали ближайшее участие, помимо ближайших городов, торговые люди из Вязьмы, Смоленска, Ростова и даже Вятки.

В 1654 г. правительство упраздняет мыт, проезжие пошлины по рекам с судов и некоторые другие мелкие сборы, вместо мелких сборов вводится единая рублевая пошлина. [2]

Российская империя возникает в эпоху образования единого национального рынка; элементы этого процесса имеются налицо еще до опричнины, т. е. к началу смягчения «старого» феодализма.

В исторической литературе установлен взгляд, что империя начинается с того времени, когда Петр I получил звание императора.

Такая терминология, как «Московское государство» или «Московия», является провинциализмом, который не соответствовал действительности. Уже в средине XVI в. «Московия» выросла из узких уездных пределов и стала колониальным государством. Установившееся название смазывало характер колониальной политики феодалов-крепостников, которые пытаются захватить Сибирь еще до основания английской Ост-Индской компании (1600 г.). В то время как Западная Европа была занята войной за «испанское наследство» (1701—1714 г.), Россия активно борется за раздел «шведского наследства». Колониальная Российская империя возникла гораздо раньше, чем это принято считать у историков помещичье-буржуазного лагеря. [3]

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 83—84.

[2] Е. Осокин, Внутренние таможенные пошлины в России 1850. Полное собрание законов, I, 122.

[3] 20 октября 1721 г. сенат и синод «просили» Петра принять титул «отца отечества», всероссийского императора и Петра Великого. Петр I считал себя всероссийским самодержцем, московским, киевским, государем псковским и великим князем смоленским, царем казанским, астраханским и сибирским, князем

Образование империи является сложным и длительным процессом. Неразгромленный «старый» феодализм оставил в наследство «новому» феодализму ряд центральных и местных учреждений; некоторые из них сохранились до середины XVIII в. и даже позже. [1]

С начала XVII в. создается ряд приказов, ведающих торговые и хозяйственные дела крупнейших феодалов-купцов: Каменный, Дворцовый, Судный, Аптекарский, Хлебный, Конторский, Счетный, Монастырский, Смоленский, Малороссийский, Литовский, Денежный и т. д. В XVII в. отмирает ряд приказов, обслуживавших интересы «старых» феодалов: Сокольничий (1550—1658 гг.), Постельный (1505 г. до середины XVII в.), Ловчий (1509 г. до середины XVII в.). Ряд приказов поглощается другими: Военная коллегия поглощает ряд военных учреждений — Рейтарский приказ, Пушкарский, Стрелецкий и т. д. Петровское правительство, пытающееся создать единый централизованный аппарат, сливает ряд учреждений «старого» феодализма [приказы Большого двора (1649—1727), Большой казны (1676—1712), Земский (1649—1719), Казанского дворца (1649—1722), Монастырский (1649—1727), Поместный (1649—1722) и т. д.] с новыми учреждениями.

Учреждением в 1708 г. восьми губерний правительство ответило на восстания XVII в.: местный аппарат «приближался» к центральной власти.

Отмирание земских соборов и упразднение Боярской думы завершают процесс ликвидации учреждений, обслуживавших преимущественно «старых» феодалов. Новый централизованный военно-полицейский аппарат с «табелью о рангах» принципиально не внес ничего нового: старые феодальные учреждения и обломки старых учреждений были переименованы, наспех перекрашены и подчинены одной общей задаче — служить феодалам-крепостникам. [2]

Однако «русское самодержавие XVII в. с Боярской думой и ари-

эстляндским, лифляндским, карельским и тверским, югорским, вятским, пермским, болгарским, государем и великим князем Новгорода, низовых земель, черниговским, рязанским, ростовским, ярославским, белозерским, удорским, обдорским и всей северной страны повелителем, государем иверских земель, карталинских и грузинских царей и кабардинской земли, черкасских и горских князей и иных наследным государем и обладателем (История титула государей России, «Журнал министерства народного просвещения», 1847, октябрь, ноябрь; И. Прозоровский, О значении царского титула, «Известия И. Р. Археологического общества», XIII, 1875, т. IX, 1880, вып. 3).

[1] Среди них первое место занимают Разряд и Патриарший приказ.

[2] Механизм центрального аппарата правильно охарактеризован некоторыми буржуазными историками. А. Градовский («История местного управления в России», 1868) пишет: «Московское государство сосредоточило в Москве власть высшего управления в том виде, как она принадлежала удельным князьям и верховным городам. Москва только заменила своими приказами прежнее удельное управление». К. Кавелин пишет о приказах: «Приказы — канцелярии тех сановников, которым царь поручал известную отрасль управления» (Соч., т. I, стр. 52). См. также В. Ключевский «Боярская дума». *Шаг назад* делает П. Милюков, говорящий о разрушении приказного строя («Государственное хозяйство России в связи с реформами Петра Великого», гл. III).

стократией не похоже на самодержавие XVIII в. с его бюрократией и служилыми сословиями».[1] Оно не похоже не потому, что изменилась социальная природа царизма. Русское самодержавие XVIII в. не похоже на царизм XVII в. потому, что «азиатски-девственное самодержавие» (*Ленин*, «Письма издалека») не плохо овладело западноевропейским оружием» для закрепощения крестьян.

С внутренней политикой тесно связана колониальная экспансия. Рост государства происходил за счет захвата новых колоний. К началу XVI в. в состав государства уже входили область Заонежская, или Заволочье, Великая Пермь, Хлынов, земли Арская и Югорская, населенные нерусскими народами. В XVII в. Россия захватывает значительную часть Сибири, Ингерманландии и Карелии. В конце XVII в. Россия завоевывает почти всю Сибирь и Украину. В начале XVIII в. империя завоевывает восточный берег Балтийского моря. Щупальцы империи доходят до Китая и Кавказа.

Со второй половины XVII в. Черноморская и Балтийская проблемы становятся наиболее актуальными.

Значение Донского и Запорожского казачества, как орудия колониальной политики, мы поймем лишь в связи с борьбой за Крым и Черное море.

План завоевания Крыма и Балкан, составленный в средине XVII в. Юрием Крижаничем, выразил интересы тех феодалов-крепостников, которые колонизировали и захватывали Юг и в частности Украину.

Крымская проблема тогда не была самостоятельной, она была связана с борьбой за овладение берегами Балтийского моря, т. е. упиралась во взаимоотношения России с Голландией, Англией, Францией, Испанией, Швецией, Данией и Польшей.

Исход нидерландской революции имел большое значение для дальнейшего экономического развития России. После гибели Великой испанской армады в 1588 г. Испания обратила свой взор на Немецкое и Балтийское моря, решив лишить Голландию балтийской торговли, «матери всех коммерций». В 1614 г. Голландия имела в Архангельске «кораблей и разных товаров более, чем все другие народы вместе».[2]

В 1682 г. был выработан в Испании грандиозный план для «прекращения сношений Нидерландии (и заодно и Англии) с Москвою, как и для уничтожения голландского флота, дабы лишить Нидерландию лучшего и наиболее верного средства к жизни». В своем проекте испанцы исходили из того, что Россия «является богатейшим рынком для европейских фабрикантов и транзитной дорогой в Индию».[3]

---

[1] Ленин, Как с.-р. подводят итоги революции и как революция подвела итоги с.-р. Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 203.

[2] «Северный вестник», 1822, ч. III, стр. 184; W. Naudén Getreidehandelspolitik, 1896.

[3] Роль России как транзитного пути из Персии в Голландию охарактеризована голландским послом ф. Келлером: «... и тогда Амстердам сделается складочным местом и станет снабжать шелком все пограничные государства и княжества, которые все большею частию принуждены будут обратиться к нему, как примерно за тем ходили с большею опасностию, затруднениями и издержка-

Во второй половине XVII в. первенство в экономической эксплоатации России досталось Голландии после ряда морских побед над испанским и английским флотами и между прочим в Ледовитом океане.[1]

В начале XVII в. Голландия вывозила ежегодно на 1 795 000 фунтов стерлингов сельдей; из этой суммы вывоз в Россию составлял 27 000 фунтов стерлингов, или 1,5%. До 30-х годов XVII в. в Россию прибывало только 0,6% голландских кораблей; в 1618 г. в Россию прибыло 30 голландских и 18 английских кораблей. С 40—50-х гг. XVII в. Россия становится житницей Голландии, «как в свое время Сицилия для Рима».[2]

Характер борьбы между Швецией, Англией и Голландией также определяется Зундской и Нарвской проблемами, т. е. их взаимными отношениями к России: в начале XVII в. через Зунд проходило 70% общего числа голландских кораблей. Не только Балтийское, но и Белое море играли большую роль во внешней политике того времени. Архангельск получил значение тогда, когда появилась надежда на проникновение через Ледовитый океан в Китай и Японию.[3]

Каковы же были результаты тридцатилетней войны? По Вестфальскому миру (1648 г.) Швеция становится европейской державой, превратившей Балтийское море в свое внутреннее озеро, Россия же надолго остается оторванной от берегов Балтийского моря.

Швеция упорно стремилась максимально использовать богатства России. Иоганн де Родос, шведский комиссар и резидент в Москве, писал своему правительству в 1651 г. о сырьевых богатствах России и о возможности через Россию проникнуть в Индию. В России, по его мнению, можно получать из первых рук все то, что голландцы и другие народы привозят в Европу для продажи: все нужные для кораблестроения материалы имеются в изобилии в России.[4] Родос оценил ежегодную хлебную торговлю России в 1 600 000 руб. Свое донесение он заканчивает указанием, что с течением времени через Архангельск будут вывозить не меньше хлеба, чем через Данциг.

ми за шелком в Смирну. Потому мы не должны упустить из виду малейшей возможности и должны употребить всевозможные средства для достижения этой выгодной цели, т. е. добиться свободного проезда в Персию. Начало каждого дела бывает трудное».

[1] На Ледовитом океане Нидерландский торговый флот появился в конце XVI в. В 1596 г. экспедицией из Амстердама, при поисках пути в Индию, был открыт Шпицберген. В продолжение XVII в. только китоловный промысел в Белом море давал Голландии ежегодно свыше 2 млн. руб. Особенно интенсивны были нидерландские промыслы здесь с 1618 до 1635 г., т. е. во время наиболее напряженной борьбы протестантов с католиками; в эти годы число нидерландских судов, приходивших летом в Ледовитый океан, доходило до 260 с экипажем общим числом 18 тыс. человек.

[2] E. Brünner, De ontwikkeling van net handelsverkeer van Holland met Oost-Europa tot net linde der 16-e Eeuw, «Tijdschrift voor geschichtedenis», 41 Jaargang, Aftevering 4.

[3] Г. Форстен, Балтийский вопрос; Е. Н. Квашин, Морская идея в русской земле, СПБ., 1912.

[4] Донесения Родоса. «Сборник Новгородского общества любителей древности». Арсеньевские бумаги. 1915, вып. XVII, стр. 49.

Уже в XVII в. польская проблема являлась одной из наиболее актуальных: она была связана с хлебной торговлей. Вывоз хлеба из Польши, возрастая весьма быстро при Сигизмунде и Владиславе IV, в середине XVII века достигает высшей точки развития — превышает 100 000 ластов в год. [1] В конце XVI века ценность общего вывоза Данцига доходила до 41 млн. германских марок, а в начале XVII в.— свыше 80 млн. герм. марок. Московские помещики XVII в. понимали, что надо выбить Польшу из позиций, которые она завоевала на хлебном рынке Европы. По некоторым данным, Россия уже в 1660 г. заключила договор с Австрией о разделе Польши. [2]

Маркс указывает, что балтийская торговля в начале XVII века приобрела особое значение не по своим размерам, а по своему характеру. Это было время, когда в кораблестроении происходила революция, аналогичная той, которая ознаменовала собою первую половину XIX в. Весельное судоходство умирало. Галеры становились таким же анахронизмом, как теперь парусные суда. Английские, голландские и французские верфи соперничали в постройке больших парусных кораблей — двух, трех- и четырехпалубных. Ост-индские фрегаты «Great Eastern» того времени все чаще спускались с верфей. Для выделки парусов и канатов требовалось огромное количество льна и конопли. Ирландия насильственно превращалась в страну, производящую парусное полотно (sailcloth). Через Гамбург из Германии вывозился опять-таки холст. И в таких же огромных количествах потреблялись поташ, деготь и смола (в поташе вываривались паруса), вывозился мачтовый лес. Одним словом, для промышленности и торговли Англии эти «naval stores» (кораблестроительные материалы) имели такое же значение, как хлопок в XIX в. [3] Эти материалы Англия получала в большом количестве из России. Английская торговая агентура в России отмечала, что Англия не может обойтись без достаточного запаса смолы и канатов, имеющихся в «великих обширных владениях России»; при этом было констатировано, что русское снаряжение для кораблей прочнее и дешевле европейского. Победа англичан над «непобедимой испанской армадой» приписывалась лучшему оснащению английских судов. [4] Кромвель в речи, произнесенной в парламенте 25 января 1658 г., подчеркнул значение Балтийского моря как транзитного пути для перевозки материалов для кораблестроения. [5]

---

[1] С. Кутшеба, Очерки истории общественно-государственного строя Польши, 1907, стр. 185. Завоевание Россией балтийских портов нанесло удар Данцигу. Экспорт ржи и пшеницы из Данцига уменьшился с 409 449 четв. в 1651—1675 г. до 306 527 четв. в 1701—1725 г. и до 267 194 четв. в 1726—1750 г.

[2] Herman, Geschichte des Russischen Staates, III, стр. 640.

[3] Д. Рязанов, Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. 1918.

[4] Архив ИАИ; Материалы по истории англо-русской торговли в XVII в. Курц, Донесения Родоса и Архангельско-Балтийский вопрос в половине XVII в., «Журнал Мин. нар. просв.» 1912, III; Путешествие Корнилия Де-Бруина в «Чтениях в Обществе истории и древностей», 1872, II; И. М. Кулишер, Очерк истории русской торговли, 1923.

[5] С. Архангельский, Экономическое положение Англии в 50-х гг. XVII в. (рукопись).

Обращает на себя внимание в 60-х гг. XVII в. попытка Франции организовать «Северную компанию» (La compagnie du Nord) и включиться в архангельскую торговлю. Это был момент наибольшего напряжения меркантильной политики Франции, направленной на то, чтобы поразить английскую, особенно голландскую торговлю. Организация Северной компании была средством вырвать из рук голландцев транспорт французских товаров, находивших себе сбыт в прибалтийских странах и в Московском государстве. [1]

В течение всего XVII и начала XVIII в. Россия подготовляет почву для наступления на Кавказ. Кавказская политика России преследует в это время две тесно связанные и взаимно переплетающиеся между собой цели: с одной стороны подготовляется «закавказский плацдарм», главным образом против Турции, с которой в это время началась уже борьба за Черное море (Азовский и Крымский вопросы), а также в целях отбить устремления Турции к Каспийскому морю наперерез русско-персидскому торговому пути. В Грузию отправляется посольство для выяснения условий присоединения ее к России и разрабатывается проект оккупации балканских государств. [2] С другой стороны, подготовляется наступление на Персию, главным образом в целях овладения закавказским рынком. [3] Эта борьба за Кавказ и Закавказье была теснейшим образом связана с борьбой за Балтийское море: дорога из Персии в Европу лежала через Россию.

Россия в свою очередь добивалась особых торговых преимуществ в европейских государствах. Борьба с Крымом, Польшей, Швецией, союз с Австрией против турок и татар, союз с Пруссией против Польши и Швеции, торговые сношения с Китаем, Персией и Средней Азией находятся в теснейшей связи с колониальной политикой на Украине, Кавказе, Закавказьи, Урале, Поволжьи, Якутии и т. д.[4]

Оттесненная Швецией от берегов Балтийского моря, феодально-помещичья Россия начинает на Волге, на Дону и Оке готовиться к будущим войнам: строится флот и расширяется колониальная база в Поволжьи, Сибири, на Дону и Украине. Разгромить Украину было необ-

---

[1] С. И. Архангельский. Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. «Исторический сборник», 1934.

[2] С. Белокуров, Арсений Суханов, 1891, ч. I; «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», 1906, т. XI, кн. 4, стр. 422.

[3] М. Полуектов, Проект Кругемана и русская оккупация прикаспийских областей в двадцатых годах XVIII в. (рукопись). Е. Зевакин, План захвата Московским государством прикаспийских областей, предложенный голштинским посло в 30-х гг. XVII в. (рукопись).

[4] Колониальную политику России и Пруссии XVIII в. официальная историография «освещает» следующим образом: «Если орденская Пруссия была оплотом, выдвинутым германским миром против «диких восточных народов», то Киевская и Московская Русь отстояла всю Западную Европу и этот же самый «германский мир» против нахлынувших из Азии диких народов» (Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, V, 1880, стр. X). В этом заявлении нет ничего нового, оно достаточно характеризует «объективизм» представителей «чистой науки».

ходимо для того, чтобы развязать себе руки в будущей борьбе против Польши и Швеции. Разгром Швеции разрешил к концу первой четверти XVIII в. основную задачу империи — завоевание берегов Балтийского моря. Стремясь к Черному морю, империя не могла оставить независимый или даже полунезависимый Дон рядом с разгромленной Украиной. *Одновременно с этим нужно было ликвидировать остатки свободного крестьянства во всех колониях. Этот процесс был связан со всем ходом экономического развития страны и классовой борьбы: только при помощи внеэкономического принуждения можно было заставить крестьянство выбросить для экспорта свой хлеб.* ***Наступивший во второй половине XVII в. кризис ускорил процесс ликвидации свободных и полузависимых колоний.***

Среди феодалов-крепостников не было единодушия по вопросу о характере внешней и колониальной политики; феодалы центра страны требовали скорейшего нажима на Швецию, помещики юга — на Польшу и Украину. Эти разногласия особенно остро почувствовались накануне московского восстания 1648 г. и во время стрелецких восстаний.

Создание империи является длительным процессом: борьба за гегемонию на тогдашнем «мировом» рынке была связана с разгромом национальных и крестьянских революционных движений и с закрепощением крестьян.[1]

Этот сложный исторический процесс, связанный с образованием империи, опровергает тезис Троцкого о колониальной зависимости Московского государства.

Наряду с этим следует решительно опровергнуть положение всей великорусской историографии, что национальная идея была одной из движущих сил при образовании Московского государства и империи. Тезис В. О. Ключевского: «Московское объединение Великороссии рождало в умах идею народного русского государства» остался недоказанным.[2]

Надо отметить, что такие «марксисты», как Н. Рожков, находились в плену буржуазной историографии. В. Ключевский видит основу внешней политики царизма «в стремлении России к ее естественным пределам, к Черноморской береговой линии».[3] Н. Рожков повторяет: «Московское государство, как государство великорусского народа, поставило себе *национальные* задачи в области внешней политики: расширение пределов государства на всю территорию, занимаемую русской народностью, и распространение владений государства до естественных границ равнины — гор и морей».[4]

Великорусские историки обычно забывают, что донское казачество,

[1] Характер этого процесса определил представитель Нидерландов с точки зрения феодалов-крепостников. Он писал: «Народ сей благоденствует только в угнетении. Содержась в рабстве, он богат и счастлив. Вот почему все пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови».(Архив ИАИ, письма нидерландских посланников в России с 1614 г., стр. 7).

[2] В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, 1923, стр. 21.

[3] В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. V, 1922, стр. 20.

[4] Н. Рожков, Учебник русской истории, 1920, стр. 72.

*

украинцы, даже великорусские жители Сибири никогда себя не причисляли к русским. «Национальное самосознание» великорусского крестьянства великолепно иллюстрируется союзом великорусских крепостных масс с националами против великорусских феодалов; что же касается «национального самосознания феодалов», то достаточно указать тот общеизвестный факт, что великие князья и цари вели генеалогию от византийских императоров и немецких князей.[1] В этом отношении вполне искренним был Н. Карамзин, который писал: «История народа принадлежит царю». Ему не удалось смазать классовую природу государства, когда он рассматривал историю России как семейную хронику императоров.

Позднейшие историки под влиянием классовой борьбы упорно создают теорию о «народном русском государстве» и замалчивают красноречивые данные о суровой борьбе народных масс против этого «народного» государства.

О великорусском патриотизме и национальной идее не приходится говорить тогда, когда этой национальной идеи еще не было. Резолюция X съезда РКП отмечает, что «на востоке Европы (в Венгрии, Австрии и России) образование централизованных государств произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть раньше образования нации». Колоссальнейший фактический материал подтверждает полностью этот тезис.

В чьих интересах создавался централизованный государственный аппарат империи? *Он создавался в интересах феодалов-крепостников и крупного купечества.*[2]

«Старый» феодализм от «нового» отличался тем, что в первом еще закладывалась подоснова крепостной императорской России, а во втором она уже была заложена, — барщинная система победила не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Крестьянские войны еще не давали уверенности господствующим классам, что их диктатура долговечна. Городские восстания, разинщина, стрелецкие движения и булавинщина остро ставили вопрос о том, кто победит: непосредственный производитель в союзе с мелкой городской буржуазией или помещик в союзе с крупным купечеством. Поражение крестьянских движений приостановило разложение «старого» феодализма *и создало благоприятную почву для укрепления «нового» феодализма.*

Задача настоящей работы заключается в изучении этого процесса.

6. КРИЗИСЫ ЭПОХИ „НОВОГО" ФЕОДАЛИЗМА

Кризис второй половины XVI и начала XVII в. достаточно выяснен в исторической литературе. Кризис XVII в. не изучен. Также более или менее исследован кризис конца XVIII и начала XIX в.

---

[1] О фальсификации патриотами своей генеалогии см. В. Витевский — И. И. Неплюев и Оренбургский край, 1897.

[2] Считаю необходимым отметить антиленинский характер своей формулировки о социальной природе самодержавия («Вестник Коммунистической академии», 1925, № 15).

Первый кризис — кризис начавшегося разложения «старой» боярской вотчины. Третий кризис — кризис всей крепостнической системы, вызванный революционными событиями на Западе и сложными процессами внутри страны.

Кризис 40—90-х гг. XVII в. слабо изучен. Попытаемся исследовать кризис, вызванный дальнейшим нажимом на крестьянство и мелкую городскую буржуазию.

Прежде всего рассмотрим состояние городов.

Темп роста новых городов—торговых и военно-колонизационных пунктов — находится в тесной связи с колониальной политикой империи и революционными движениями.

Рост новых городов в XVII в. характеризуется следующими данными.

В 1610 — 1614 г. было построено	25 новых городов[1]	
» 1615 — 1630 » » »	84	103 » »
» 1631 — 1646 » » »	19	
» 1647 — 1662 » » »	99	158 » »
» 1663 — 1678 » » »	59	

Рост городов стоит в тесной связи с ростом крестьянских и бобыльских дворов в деревне (см. стр. 64). Непосредственно после разгрома крестьянской войны начала XVII в. начинается усиленное строительство новых городов; наибольший темп роста новых городов в колониях наблюдается в годы экономического кризиса и революционных движений: в борьбе с революционным движением и в поисках выхода из кризиса активизируется колониальная политика. Такой же усиленный рост отмечается в период стрелецких восстаний и булавинщины.[2]

Если от общих данных перейдем к более конкретным, то окажется, что наибольшее число городов строится в годы кризиса и революционных потрясений: 9 городов из 25 приходится на 1600—1601 гг., 74 из 84 — на 1627 г., 13 из 19—на 1636—37 гг., 72 из 99 — на 1654 г., 26 из 59—на 1672 г. и 54 из 65 — на 1708 г.

Рассмотрим рост городов по отдельным районам до середины XIX в.

В *великорусском* центре и Северном крае больше половины городов (58,01%) создается к эпохе опричнины. Затем второй значительный подъем (16,01%) строительства отмечается к началу городских вос станий. Третий скачок (18,18%) приходится накануне пугачевщины.

На Украине около половины общего количества городов (49,37%) создаются к хмельничине. Второй скачок (29,92%) падает на годы

[1] Подсчитано по «Общему списку русских городов» К. А. Неволина, VI.

[2] Мы совершенно не располагаем удовлетворительными данными о численности городов в России: С. М. Соловьев («История России», I, 1497—1498) насчитал 96 городов в Московском государстве до начала XVI в.; Н. Д. Чечулин — 170 городов до начала второй половины XVI в. (Города Московского государства, 1889, стр. 21—22); П. Смирнов (Города Московского государства в первой половине XVII в., I, вып. 2, 1919, стр. 356) в 1620 г. — 181 город, в 1650 г. — 226 городов (без Сибири), в XVII в.—226 городов; Н. Хлебников («О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории», СПБ., 1869, стр. 82) насчитывает 63 города в 1497 г., 68 городов в 1550 г. и 138 городов в 1610 г.

борьбы с империей за независимость. Третий скачок (17,15%) — на период пугачевщины.

В районе среднего и нижнего Поволжья основная масса городов возникает в эпоху разинщины и булавинщины (34,52%) и пугачевщины (21,43%).

На Дону и Придоньи получается аналогичная картина: усиленный рост колонизационных центров ускоряет взрыв.

Рассмотрим соотношение между ростом городов на данной территории и их удельным весом к общему числу городов страны.

Данные, сопоставленные в таблице № 7, помогают выяснить закономерность революционных движений в эпоху феодализма и крепостничества. Обратим внимание на знаменатель, показывающий процент новых городов к общему числу городов страны; высшие точки кривой по великорусскому центру падают на 1463—1550, 1551—1649 и 1751—1800 гг. В годы «затишья» кривая роста городов опускается ниже.

Такой же рост кривой знаменателя мы имеем по району Поволжья и Дона: высшие точки кривой падают на годы обостренной классовой борьбы на Дону.

Некоторое отступление мы имеем по Приуралью и Сибири: здесь наибольший процент новых городов падает на годы относительного затишья (16,33% на 1716 — 1750 гг.); но если принять во внимание, что в Приуральи и Сибири значительное число новых городов возникает в первой половине XVIII в., то без особых погрешностей можно к 16,33% прибавить 12,42% городов, возникших в 1751—1800 г. В итоге мы получим 28,75% — значительный процент *новых* городов в эпоху пугачевщины.

Для того чтобы не быть голословным, следует указать, что в 1628—1720 гг. на Урале возникло 32 завода, в 1720—1739 гг.—75, в 1739—1757 гг. — 145 и в 1757—1766 гг. — 189 заводов.

Рост заводов, как известно, находится в тесной связи с колониальной эксплоатацией и развитием укрепленных поселений.

Данные об удельном весе новых городов на территории колонии и их отношение к количеству новых городов всей страны — показатель напряженности наступательной колониальной политики феодалов-крепостников. Города бурно росли в период наступления «новых» феодалов на колонии; интенсивная наступательная политика повторялась в переходные периоды. Рост городов — показатель степени проникновения товарно-денежных отношений в колонии и нажима феодально-крепостнической метрополии на народы колоний.[1]

[1] В колониях отметим города, которые создавались колонизаторами-*купцами*. В 1640 г. купцы Гурьевы на свой счет построили Гурьев-городок (впоследствии Яик). Один только каменный городок «опричь деревянного» стоил им 200 000 руб. по ценам XVII в. От Гурьевского городка пути «подошли близко к богатым индейским землям». Гурьев так красочно описывает свой тяжелый подвиг, что стоит привести некоторые выдержки из его сообщения. Гурьев пишет: «Все то строил один Михайло своими остатками и промыслы своими, одолжал великими долгами и казаки ему на Волге и на море великие беды и разорения чинили, суды его жгли и топили, работных

Эпоха возникновения империи характеризуется относительно бурным темпом роста новых городов *в колониях* и дальнейшим упадком и захирением городов *в метрополии*.

Город «активного» района колоний значительно отличался своей величиной: в Тамбове было 733 двора, в Козлове — 981, в Шацке — 689, в Темникове — 513, в Кадоме — 243, в Тетюшах, Казанском пригороде, 250 дворов.[1] Города «пассивного» района отличаются незначительным числом дворов. По данным П. Смирнова,[2] средний размер посада составлял в двадцатых годах XVII в. 153,8 двора. Некоторые деревни и села активного района численностью населения превосходили некоторые посады центра конца XVII в. Из 60 сел Темниковского уезда в 1676 г. 8 сел были крупнее среднего посада Замосковного края, а одна слобода «Красная» имела даже 743 дома. В Шацком уезде было 12 таких сел из 105, в Кадомском 2 из 112. Такая же картина наблюдается в конце XVII в.: в 1692 г. в с. Рождественском (Починск то ж) Темниковского уезда было 430 дворов с населением в 1723 человека, в с. Ильинском того же уезда — 170 дворов с населением в 618 человек.[3]

Ко второй половине XVII века насчитывалось только пять посадов, имевших больше тысячи дворов. Лишь к крупнейшим из них приложимо замечание Маркса, что «основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Южный и поволжский город». отличался военным составом населения. Стрельцы и казаки—большею частью вооруженные торговцы — находились в более выгодных условиях, чем невооруженный посадский и крестьянин.

Быстрый рост числа городов в колониях — еще не показатель роста удельного веса городов; рост городов на окраинах и в колониях происходил за счет убыли населения в центре страны; если же мы от общих выводов перейдем к конкретному положению городов в XVII в., то получим следующую картину.

После крестьянской войны начала XVII в. наблюдается рост населения городов: с половины 20-х до половины 40-х гг. XVII в. только в 8 из 66 городов обнаруживается уменьшение населения. Во всех остальных городах население растет; в 33 городах, составляющих половину всех городов, о которых имеются сведения, население выросло более чем на 50%, из них 14 дают увеличение на 50—100%, 8 — на 100—200%, а 12 — более чем на 200%. В период же

его людей побивали, и всякими злыми муками мучили, и по суставам и на части рассекали для того, чтобы он Михайло отстал от того от Яицкого от городового строенья... но Михайло не уступил и всякие превеликие беды терпел от воров, потопов, пожаров, разгромов, от моровых застав и от иных всяких многоразличных бед». За 27 лет (7148—7175 гг.) Гурьев дал казне прибыли 500 000 руб. (серебр.) от продажи икры и «другой многой пошлины» по торговле с восточными народами. В заключение Гурьев указывает, что яицкая прибыль «велика не откупом... а от многой яицкой рыбы да от икры».

[1] «Известия Тамбовской архивной комиссии», 1911, № 51.

[2] П. Смирнов, Города Московского государства, ч. I, стр. 132

[3] ЛОЦИА, № 70. Приказ Воинского морского флота 1692 г. № 9.

Рост городов

	«Старый» феодализм	Разложение «старого» феодализма	Опричнина «смута» Хмельничина
	862—1462 гг.	1463—1550 гг.	1551—1649 гг.
Великорусский центр и Северный край	260 50,78% 39,04%	37 7,23% 75,51%	82 16,01% 39,42%
Украина	227 47,49% 34,08%	1 0,21% 2,04%	8 1,67% 3,85%
Белоруссия, Литва и Польша . .	109 65,27% 16,37%	2 1,20% 4,08%	7 4,19% 3,36%
Среднее и нижнее Поволжье . . .	1 1,19% 0,15%	3 3,57% 6,12%	22 26,19% 10,58%
Дон	2 3,45% 0,30%	1 1,72% 2,04%	9 15,52% 4,33%
Приуральский район (горы и река) и Сибирь	—	4 2,58% 8,17%	78 50,32% 37,50%
Прибалтийский район (с Финляндией), Крым, Кавказ, Бессарабия и территория, отошедшая от Русского государства в древний период (Галиция и берега Дуная)	67 39,18% 10,06%	1 0,59% 2,04%	2 1,17% 0,96%
Итого	666—40,98%	49—3,02%	208—12,80%

[1] Подсчитано П. В. Акимовым по работе К. А. Неволина «Общий список рус-
(числитель), показывает процент новых городов на данной территории. Цифра, располо

Таблица 7

в России[1]

Разинщина Булавинщина 1650—1715 гг.	«Затишье» 1716—1750 гг.	Башкирские восстания Пугачевщина 1751—1800 гг.	1801—1844 гг.	Итого
29; 5,66%; 11,79%	5; 0,97%; 10,20%	93; 18,18%; 28,88%	6; 1,17%; 7,06%	512—31,51%
143; 29,92%; 58,13%	4; 0,84%; 8,16%	82; 17,15%; 25,46%	13; 2,72%; 15,29%	478—29,41%
1; 0,60%; 0,41%	—	40; 23,95%; 12,42%	8; 4,79%; 9,41%	167—10,28%
29; 34,52%; 11,79%	7; 8,34%; 14,29%	18; 21,43%; 5,60%	4; 4,76%; 4,70%	84—5,17%
29; 50%; 11,79%	5; 8,62%; 10,20%	11; 18,97%; 3,42%	1; 1,72%; 1,18%	58—3,57%
10; 6,45%; 4,06%	8; 5,16%; 16,33%	40; 25,81%; 12,42%	15; 9,68%; 17,65%	155—9,54%
5; 2,92%; 2,03%	20; 11,70%; 40,82%	38; 22,22%; 11,80%	38; 22,22%; 44,71%	171—10,52%
246—15,14%	49—3,02%	322—19,81%	85—5,23%	1 625

ских городов» (Полное собр. соч., т. VI). Цифра, расположенная в правом углу над чертой
женная в левом углу под чертой (знаменатель) — процент к общему числу городов страны.

1646—1690 гг. замечается обратное движение; в 32 из 55 городов обнаруживается уменьшение населения. В северных городах кризис начинается в 1638—1641 гг. М. Богословский указывает на уменьшение населения между 1620 и 1670 гг. в Двинском, Сольвычегодском и Тотемском уу. и констатирует его рост в Приуральи. [1]

Кризис в городах севера В. К. Базилевич объясняет упадком сибирской торговли, выразившимся в сокращении вывоза «на Русь» пушнины и ввоза в Сибирь русских товаров. За время с 1648/49 (157 г.) до 1686/87 гг. (195 г.) бо́льшая часть дорогих англо-голландских товаров в Енисейске упала в цене в 3 раза, русские ткани и изделия — в 2 раза, сельскохозяйственные продукты — в $2^1/_2$ — 3 раза, металлы — в 3 раза, а некоторые товары даже в 5 раз. На снижение цен и сокращение спроса оказали влияние развитие в Сибири сельского хозяйства и обрабатывающих ремесел, конкуренция со стороны китайских товаров и обеднение сибирских пушных промыслов. Кризис сибирской торговли должен был больно ударить по северным торговым городам, процветание которых, начавшееся с открытием архангельской ярмарки, было связано с сибирской торговлей. Абсолютное сокращение числа посадских дворов в Ярославле, Костроме, Нижнем-Новгороде и Казани должно получить объяснение в свете данных, сообщаемых сибирскими таможенными книгами. [2]

Сравнивая показания писцовых книг 20-х и 80-х годов, С. Богоявленский приходит к выводу, что во многих городах уменьшилось число торговых помещений, занимаемых посадскими. Во второй половине XVII в. падало благосостояние крупных городов — Ярославля, Нижнего-Новгорода, Казани и Астрахани; это настолько общеизвестно, что в доказательстве не нуждается. [3]

По словам Коллинса, бывшего в XVII в. в Москве, русские области настолько пострадали от постоянных войн, что в промежутках времени от 1657 до 1667 гг. население страны убавилось по крайней мере на $^2/_3$. Также в 1710 г. в сравнении с 1678 г. отмечается убыль населения: 37% убыли падает на побеги. В Архангельской губ. убыль была 40%, в Ингерманландской — до 40,5%, в Смоленской—21,2%, в Московской — 24,8%, лишь в Казанской губ. был прирост — 16,9%, в Сибирской — 47,9%; по всей же России убыль составляла 19,5%. В 17 городах, приписанных к Тамбову, убыль составляла 36%. Значительной была убыль населения и в Азовской губ. [4]

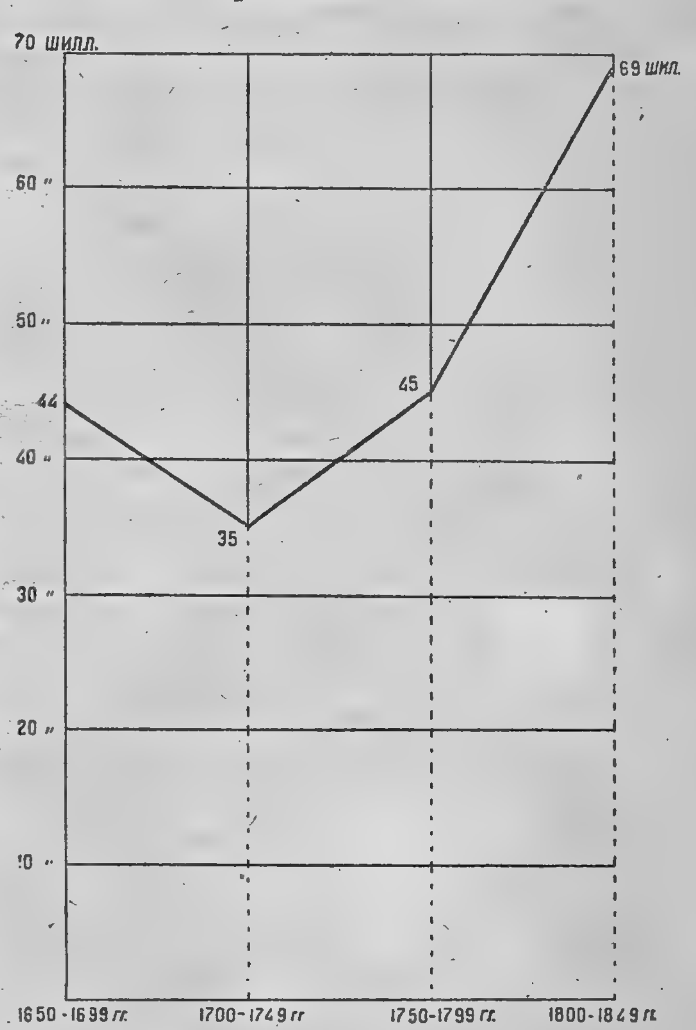
[1] М. Богословский, Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I.

[2] К. В. Базилевич, Таможенные книги XVII в. как источник экономической истории России («Проблемы источниковедения», 1933, № 1).

[3] См. «Русскую историческую библиотеку», 1898, т. XVII.

[4] М. Клочков, Население России при Петре Великом, 1911, стр. 85. В состав Азовской губ. входили города: Тамбов, Козлов, Шацк, Ряжск, Елатьма, Кадом, Темников, Троицкий острог, Инсар, Наровчат, Верхний Ломов, Нижний Ломов, Красная слобода, Керенск; во всех этих городах происходило разинское движение, только в Сапожке, Касимове не было революционного движения,

Отлив населения из городов России напоминает упадок городов в Германии после тридцатилетней войны. [1] Международное положение не могло не оказать влияния на Россию. Со второй половины XVII в. начинается неблагоприятная конъюнктура на английском рынке; с 1641 г. происходит падение цен на пшеницу: годичная средняя цена на квартер пшеницы в 1641—1649 гг. составляла 60 шилл. $5^2/_3$ пенса, в 1650—1659 гг. — 45 шилл. 8,9 п., в 1660—1669 гг. — 44 шилл. 9 п., в 1670—1679 гг. — 44 шилл. 8,7 п., в 1680—1689 гг.—35 шилл. 7,8 п., в 1690—1699 гг.—50 шилл. 0,4 п., в 1700—1709 гг.— 35 шилл. 0,1 п. [2] Беспрерывное понижение цен — показатель кризиса всего народного хозяйства. Этот кризис Англии не мог не втянуть в свою орбиту и Россию, которая вывозила главным образом в Амстердам и Лондон. Повышение хлебных цен в Англии начинается только с середины XVIII в. Одновременно с падением цен на предметы экспорта из России росли цены на внутреннем рынке. Цены в России на предметы питания возросли за вторую половину XVII в. в $1^5/_6$ раза. [3]

Средние цены на пшеницу в Англии за квартер (К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, изд. 4, 1932 г., стр. 221).

Кризис в России был вызван также и войнами на Западе. Расцвет голландской торговли в первой половине XVII в. оказывал благотворное влияние и на Рос-

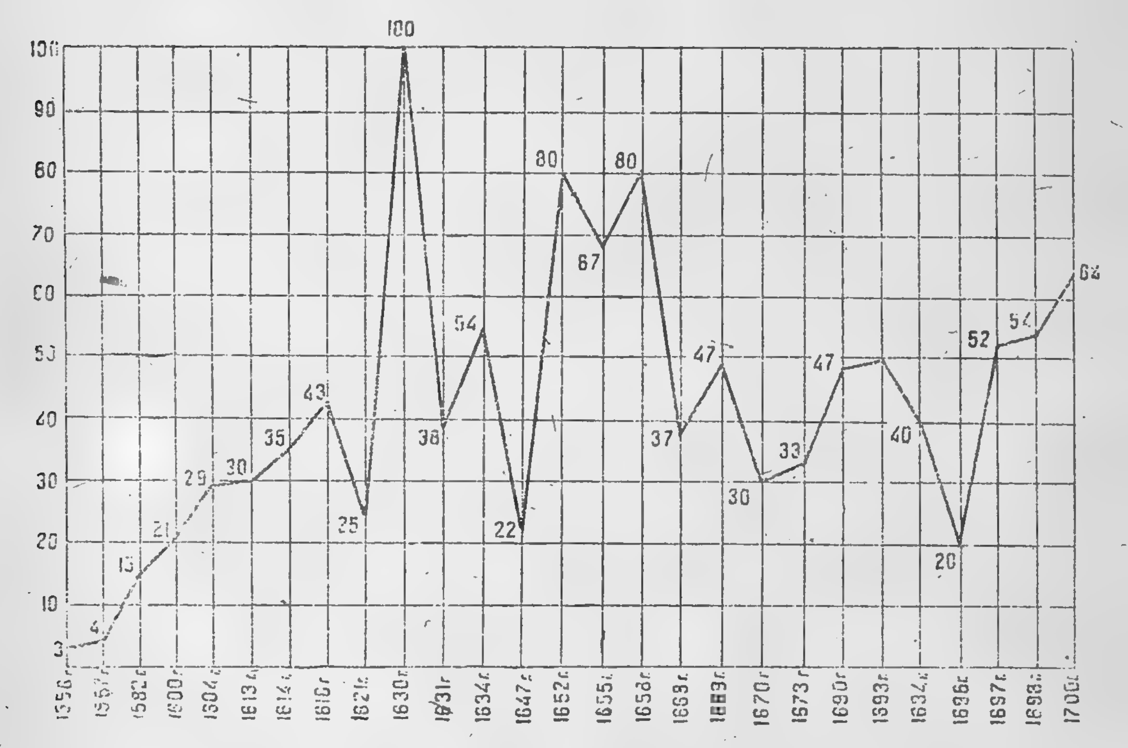
[1] G. Winter, Geschichte des Dreissigjährigen Krieges, цитирую по Г. Кунову «Allgemeine Wirtschaftsgeschichte», 1929, 487.

[2] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, 1932, стр. 221.

[3] Хотя в Англии цены на пшеницу падали, однако за период с 1538—1642 гг. цены на продукты питания все же значительно возросли. Это дало Т. Роджерсу повод заметить, что «за десятилетие 1641—1650 гг. заработная плата рабочих составляла 25% заработка дедов и прадедов». (С. И. Архангельский, Аграрное законодательство английской революции, «Известия Нижегородского гос. университета», IV. H. Cunow, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte, 1929, III, 476).

сию. Войны Голландии с Англией в 1652—1654 и 1666 — 1667 гг., затем участие Голландии в войне Испании против Франции в 1667—1668 гг., война Франции с Голландией в 1672—1678 гг. подорвали внешнюю торговлю России.

Это отмечает и Иоганн де-Родос в 1652 г. Он писал: «Торговля здешнего города (т.-е. Архангельска) сильно пострадала в настоящее время, когда Англия и Голландия вступили в открытую войну между собой, особенно потому, что предназначенный к отплытию сюда из Амстердама флот с разными товарами остался там». [1] Вывоз пеньки, кож, москательных товаров, продуктов обрабатываю-

Количество иностранных кораблей, прибывших в Архангельский порт в разные годы с половины XVI по XVIII в.

щей и химической промышленности значительно снизился в 1655 г. в сравнении с вывозом в 1651—1653 гг. По данным С. И. Архангельского стоимость вывоза в 1655 г. составляла лишь 56,75% вывоза одного из предыдущих лет. Рядом с этим С. И. Архангельский отмечает падение цен на целый ряд вывозимых товаров; в общем падение цен равнялось 78%. В 1655 г. Россия имела резко выраженный пассивный торговый баланс, превышение ввоза над вывозом достигало 439 025 руб. Середина 50-х гг. XVII в. (1653—1656 гг.) отмечена падением хлебных цен на европейском рынке.

Данные о прибывших к Архангельску кораблях дают некоторое представление о торговой конъюнктуре: в 1668, 1669, 1670, 1673 гг.

[1] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1915, ч. II, стр. 49

в Архангельск прибыло меньше кораблей, чем в предыдущие годы. [1] Вывоз поташа через Архангельск падает: в 1662 г. вывоз составлял 119 тыс. руб., в 1663 г. — 73 тыс. руб., в 1664 г. — 82 тыс. руб., в 1665 г. — 9 тыс. руб., в 1666 г. — 5 тыс. руб., в 1667 г. — 1 тыс. руб. [2] К сожалению, у нас нет позднейших данных, но данные 60-х гг. говорят о катастрофическом состоянии вывоза поташа—товара, поставлявшегося колониями.

Если судить по таможенным сборам в Архангельске, которые были весьма показательны для уровня экспорта и импорта, то наиболее тяжелыми годами следует признать 1654, 1655, 1656, 1662, 1667, [3] т. е. канун разинщины, 1671 г., год разинского восстания, и 1673 г., когда отголоски восстания слышались по всей стране. [4] Накануне стрелецких восстаний наиболее тяжелыми были годы 1678, 1679 и наконец 1682 — год восстания стрельцов. В период 1685—1696 гг. наиболее тяжелыми были 1685, 1686, 1687 гг. [5]

В Устюжских писцовых книгах 1686 г. причиной запустения выставляются хлебные недороды, солдатские службы, неимоверные правежи, большой оклад стрелецких денег и т. д. [6]

Кризис наибольшей силы падает на 1696 — 1699 гг., когда торговля архангельского порта была не больше торговли худших 50-х и 60-х гг. В 1696—1697 гг. сильно сократилась торговля с Сибирью: в 1696 (204) г. она составила 52% торговых оборотов 1695 г. и 27% в 1697 г. [7] Переход к лучшему начинается с 1701 г., когда число прибывших кораблей поднялось с 64 до 106, в 1702 г. — до 149, в 1708 г.— до 206. [8]

Кризис 40-х и 90-х гг. охватил всю метрополию с колониями: о недоборах на откупах, обнищании, неимоверном налоговом гнете, разорении и голодной смерти доносили со всех концов страны.

---

[1] П. Огородников, История Архангельска; А. Изюмов, Размеры русской торговли в XVII в. «Известия Общества изучения русского Севера», 1912, № 6, стр. 258; А. Титов, Летопись Двинская, 1889.

[2] ГАФКЭ, Книга Денежного стола 1662 — 1663 гг., № 323.

[3] Результатом кризиса 1666—1667 г. было уменьшение государственных доходов: доход Приказа тайных дел в 1663/64 гг. составлял 77 612 руб., в 1664/65 г. — 87 760 руб., в 1665/66 г. — 97 228 руб., в 1666/67 г. — 74 465 руб. («Сборник Киевского студенческого кружка», 1914, III, стр. 108; А. Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, 1902, стр. 155).

[1] Мы располагаем косвенными данными и о тяжелом 1663 г. Стрелец Ивашко Москва показал: «пять недель тому назад сошел в юрты из Австрахани для того, что есть стало нечего, хлеба нет, а *прокормиться никоим работою у русских людей нечем*» (Архив ИАИ, Астраханские акты, коробка № 2, л. 147).

[2] Таможенный сбор в 1648/49 г. в Енисейске составлял 2 363 руб., в 1685/86 г. — 1496 руб., недобор составлял 1867 руб.

[3] П. Иванов, К истории крестьянского землевладения на Севере в XVII в., «Древности», Труды А. К. Московского археологического общества, 1849, т. I, вып. 1, стр. 427.

[4] Б. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле, 1915 г., стр. 473 (подсчитано нами).

[5] Цифры составлены на основании «бумаг о коммерции», по архиву Воронцова, кн. № 91, архив ИАИ. Данные не совпадают с цифрами Огородникова. Наши данные ближе к цифрам в работе Б. Курца «Сочинение Кильбургера о русской торговле», 1915, стр. 56.

Дошедшие до нас «Книги Денежного стола» ярко характеризуют кризис. Во всех городах южной окраины за 1669—1670 гг. были большие недоборы и недоимки по кабакам, таможням и откупам, мельницам «и всяким угодиям». Во многих городах доход 1668 г. возрос в сравнении с доходом 1667 г. ... на алтыны. [1] Жесткие репрессии, применявшиеся к неплательщикам, положительных результатов не дали.

Иностранные путешественники сообщали о разорении мелкой городской буржуазии и крестьян. Переписные книги ряда городов 60-х и 70-х гг. зарегистрировали много случаев банкротства из-за медных денег. Чрезвычайный нидерландский посол Яков Борель доносил в 1664 и 1665 гг. о массовом банкротстве в России: русские должники не были в состоянии уплачивать долги нидерландцам. Поэтому посол просит русское правительство приказать принять меры, чтобы принудить уплатить тех, кто имеет средства, но отказывается выполнить свои обязательства, что же касается несостоятельных, то он предлагает взыскать с тех, кто «у них оные контракты за медную монету купили или коим они оные уступили». [2]

В Нижегородской переписной книге кризис 1663—1664 гг. получил достаточное отражение. «Как-де в прошлом году медными денгами торговать не велено, те денги залежали у него, и-де от того оскудел и низовой промысл покинул»... «Иван Козлов скупает хлеб в Нижнем и посылает к Москве — и как медными денгами торговать не велено и у него те деньги остались и вместо -де тех медных денег хлеб покупал на серебряные деньги. И оттого учинились ему убытки большие». У Левонтья Бессонова «те медные денги залегли, а оттово он низовой промысл покинул». У Андрея и Василия Михалевых была большая торговля шелком. «А ныне перед прежним у них низового промыслу убыло: учинились от медных денег убытки большие». [3]

Массовое разорение волжских судовладельцев («впредь ему низовым промыслом промышлять за скудостью стало нечем») увеличило безработную армию бурлачества, ярыжек и т. п. голытьбы. Волна восстаний охватила ряд городов. Все это должно было привести к значительному уменьшению численности их населения. Кризис сопровождался катастрофическим обесценением медных денег и ростом дороговизны. Накануне кризиса было выпущено медных денег на 20 млн. руб. [4] С марта 1658 г. до июня 1662 г. курс денег упал на 1400%. [5] Цены на предметы первой необходи-

[1] ГАФКЭ, Разрядный приказ, книга Денежного стола, № 355 за 1669—1670 гг.

[2] Архив ИАИ. Журнал нидерландского чрезвычайного посла за 1664—1665 гг.

[3] Архив ИАИ. Переписная книга Н. Новгорода 1664 г., лл. 53, 56, 72.

[4] Путешествие в Московию барона А. Мейерберга, 1874, стр. 178.

[5] Е. Ламанский, Денежное обращение в России в 1650—1817 гг., «Сборник статистических сведений о России» 1854 г., т. II. По официальным данным курс упал на 1500% (Архив ИАИ, Выписки из указов XVII в., № 4819, л. 8).

мости росли с неимоверной быстротой.[1] Пуд соли стоил в 1612 г. 15 коп., в 1644 г. — 18 коп., в 1661 г. — 16 коп., в 1662 г. — 2 руб. 40 коп.; четверть ржи стоила в 1612 г. 30 коп., в 1621 гг. — 87 коп., в 1661 г. — от 1 руб. 20 коп. до 5 руб. 20 коп., в 1662 г. — от 6 руб. до 36 руб.[2] Крестьяне приостановили во многих местах подвоз хлеба в города: они отказывались продавать на медные деньги. В это же время заработная плата рабочего снижается вдвое в сравнении с началом XVII в.[3]

Поступление налогов также характеризует экономическое положение населения: поступление налогов Устюжской четверти с 1664 по 1671 г. снизилось с 61 557 руб. до 16 402 руб., а недоимки возросли с 1 888 руб. до 29 907 руб.

Как же правительство пыталось ликвидировать кризис?

Совещание крупной торговой буржуазии в октябре 1660 г. нашло причину дороговизны в откупах, монополиях, спекуляции многих «закупщиков и кулаков». Создалось такое угрожающее положение, что совещание высказалось за изъятие излишков хлеба у патриарха и монастырей. Правительству удалось получить в Англии только небольшой заем в 40 тыс. ефимков. Внутри страны в 1662 г. объявляется 20% сбор с торговых предприятий, сбор по 50 коп. медных денег с остального населения и вдвое повышается пошлина, которая взимается только серебряными деньгами. Ордин-Нащокин распорядился закупить в Нидерландах «значительное количество серебра в слитках» и пытался получить заем под поташ.[4]

Одновременно принимаются меры для того, чтобы форсировать экспорт. Указ 9 февраля 1662 г. объявил шесть экспортных товаров — пеньку, поташ, говяжье сало, юфть, соболя и смолу — царской монополией. Вывоз четырех товаров (без пеньки и смолы) в 1650—1655 гг. через Архангельск составлял 44% всего экспорта из России[5]. Для этой цели экспортная торговля была централизована в одном ведомстве — Сибирском приказе; во всех торговых пунктах были назначены специальные уполномоченные, к которым были прикомандированы особые разъездные комиссары; затем был образован специальный денежный фонд для закупки товаров. Произведенная для

---

[1] В Англии порча денег практиковалась при Генрихе VIII, во Франции — в XVII в.; Испания после кризиса 1607, 1627, 1647 гг. переходит на медные деньги (M. W i t z, Das Geld. Praga, 1884). В связи с падением ценности денег у немцев связан денежный кризис в Польше в начале XVII в. (А. Ж е л у ж н о в с к и й, Денежный кризис в Польше во время Сигизмунда III, «Kwartalnik historyczny», III, Львов, 1900, стр. 584—623; Н. С у в о р о в, О финансовом кризисе в России в 1659—1663 гг., «Архив исторических и практических сведений», 1863, V).

[2] Памятная кн. Вологодской губ., 1862; «Временник Императорского московского общества истории и древностей российских», 1852, кн. 15.

[3] П. О р л о в, Пришлые рабочие в XVII в. в Москве, «Университетские известия», Киев, 1912, № 6.

[4] Архив ИАИ, письмо Н и к о л а я Г е й н с а от 15 октября 1670 г. в «Письмах нидерландских послов из России».

[5] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1915, II, стр. 167.

этой цели в 1662/63 г. мобилизация средств в центре дала 1 126 639 медных рублей. [1]

Мобилизация средств на местах дала: от Приказа—денежного сбора 568 973 руб., приказа Большой казны — 320 000 руб., Большого дворца—80 000 руб., Новгородского приказа — 70 000 руб., Костромской чети — 11 000 руб., Посольского приказа — 5 000 руб., всего 1 071 897 руб. Больше всего средств было собрано в Вологде — 74 828 руб., во Пскове — 64 500 руб., в Ярославле — 55 377 руб., в Нижнем-Новгороде — 37 061 руб., в Великом Новгороде —31 000 руб., в Костроме — 18 502 руб., в Устюге —10 000 руб. На эти деньги закупались внутри страны товары, которые продавались иностранцам на *серебряные* деньги.

Строгановы за 1650 — 1673 гг. выдали государству взаймы 418 569 руб. [2]

Правительство прибегало и к мелким займам: у москвича Шапошникова заняло 1 600 руб. Наличные товары фактически конфисковались, а не покупались; чаще за товар выдавали вместо денег мягкую рухлядь из Сибирского приказа. Часть полученных экспортных товаров казна опять продавала по более дорогой цене московским же купцам. Голландский посол собщил своему правительству о том, что московское правительство намерено закупить в Голландии «значительное количество серебра в слитках для чеканки монеты». Ордин-Нащокин хотел получить серебро в кредит с тем, чтобы «через год поставить поташ или другой товар». Посол выразил опасение, что «купцы наши, зная положение российского государства, не согласятся на подобные предложения». [3]

Средняя и мелкая буржуазия была ограблена, но полностью товары были проданы за границу только в 1676 г., т. е. через 14 лет, и только 36% выручки удалось получить серебряными деньгами; эти чрезвычайные мероприятия повидимому создали фонд для введения серебряной монеты.

Выпуск серебряных монет также стоит в тесной связи с конъюнктурными колебаниями: в 1682 г. было выпущено серебряной монеты на 312 661 руб. В последующие годы выпуск серебряных денег значительно сокращается: в 1683 г. было выпущено на 242 707 руб., в 1684 г. — на 214 720 руб., в 1685 г. — на 194 330 руб., в 1686 г. — на 191 256 руб., в 1687 г. — на 138 086 руб., в 1688 г. — на 151 352 руб., в 1689 г. — на 181 363 руб., в 1690 г. — на 217 667 руб., в 1691 г. — на 178 628 руб., в 1692 г. — на 215 829 руб., в 1693 г.— на 260 750 руб. Значительный перелом начинается в 1694 г. Рост товарооборота и расширение рамок национального рынка толкали на увеличение выпуска денег: в 1694 г. было выпущено серебряных денег на 393 055 руб., в 1700 г. — на 1 992 877 руб., в 1702 — на 4 533 194 руб. [4]

[1] ГАФКЭ. Разрядный приказ. Книга Денежного стола 1671—1676 гг., № 323.

[2] А. Дмитриев, Пермская старина, IV, стр. 28.

[3] Архив ИАИ. Донесения Н. Гейнса от 25 октября 1670 г.

[4] Станислав де-Шодуар, Обозрение русских денег, 1837, т. VI, табл. 6.

С введением новой монеты в 1663 г. было уничтожено различие в цене московских и новгородских денег. Последняя тень новгородской независимости стушевалась: империя получила однородную монету.

Введение новой монеты не ликвидировало кризиса; нидерландский посол в 1670 г. писал: «Царская казна и государственные доходы совершенно истощились; здесь стараются наложить новую подать. Это сильно огорчает умы». [1] Действительно налоговое обложение росло с неимоверной быстротой: в 1630 г. сбор стрелецкой подати производился в размере 95 руб. с сохи, в 1636 г. он доходит до 120 руб., в 1637 г. — до 240 руб., в 1639 г. он опускается до 120 руб., но уже в 1641 г. опять повышается до 168 руб.; в 1654 г. новое повышение доводит сбор до 228 руб., наконец в течение 1663—1671 гг. этот сбор равняется 822 руб. с сохи. За 33 года налог увеличился более чем в $8^1/_2$ раз. [2]

Убыль городского населения из метрополии продолжалась и в начале XVIII в. Она должна была привести к частичной реставрации натуральных отношений. Этот процесс не мог не усилить удельного веса помещичьего землевладения и не ослабить значения городского купечества.

Роль помещичьей вотчины усилилась еще потому, что в то время, как города сильно пострадали, инфляция оказала слабое влияние на крепостное хозяйство. Кризис, оказавший огромное влияние на мелкую городскую буржуазию и крестьянство, не отразился на торговых сделках феодалов (см. таблицу 8).

Все это должно было привести к большему нажиму на все население страны и в частности на население колонии.

Нидерландский посланник Николай Гейнс в 1670 г. донес своему правительству: «Народ во всем государстве недоволен настоящим правлением, жалуется не только на бояр или царских советников, но равным образом на сильные притеснения и ненасытную алчность воевод или губернаторов областей и городов». [3]

Исследователь, изучивший Замосковный край в XVII в., ставит вполне законный вопрос: сумели ли центральные области государства оправиться от экономических невзгод XVI в. и крестьянской войны? На этот вопрос он отвечает следующим образом: благосостояние крестьянских масс в XVII в. не повысилось, а понизилось. При этом надо прибавить: при одновременном повышении благосостояния крупных феодалов. Колониальные захваты не сопровождались увеличением интенсивности сельского хозяйства. Сельскохозяйственная техника не сделала ни одного шага вперед.

Каковы же были итоги кризиса? В годы кризиса число новых городов не уменьшилось, а значительно увеличилось. Отлив населе-

---

[1] Письмо Николая Гейнса Генеральным штатам в августе 1670 г.

[2] В. А. Мякотин, Лекции по русской истории, 1892, стр. 108.

[3] Архив ИАИ. Письмо Н. Гейнса от 28 июля 1670 г. Письма нидерландских посланников в России с 1614 г. Там же.

ния из старых центров обескровил крупные города и не усилил колонии. Однако население на новых местах (на Дону, Хопре, Медведице, в Слободской Украине, Поволжьи, Приуральи и т. д.) пыталось изменить систему общественных отношений не только в колониях, но и во всей стране. Экономический кризис, продолжавшийся почти всю вторую половину XVII в., благоприятствовал взрыву, но в колониях, на новых местах было еще меньше, чем в метрополии, объективных предпосылок для победы.

После подавления разинщины и стрелецких восстаний замечается некоторое оживление: расширение территории и рост внешней торговли с начала XVIII в. свидетельствует о переломе конъюнктуры. В конце XVII в. вывозили из России товаров на 1 050 000 руб., в 1726 г. — на 42 388 100 (в рублях того времени). [1]

С начала XVIII в. быстро растет крепостная мануфактура в центре страны и на Урале. Рост числа мануфактур, заводов и крепостных рабочих является не менее важным показателем временного улучшения конъюнктуры. Только на казенных заводах Московской губ. по данным 1710—1727 гг. работало 1 178, Петербургской губ. — 8 672, Воронежской губ. — 532, Казанской губ. — 48, Астраханской губ. — 186, Киевской губ. — 49, Сибирской губ. — 980, всего 11 605 рабочих. [2] Государственный бюджет также значительно вырос к началу XVIII в. в сравнении со второй половиной XVII в.: Котошихин определил для 60-х гг. XVII в. ежегодный доход казны в 1 311 000 руб., кроме дохода от сибирской пушнины около 600 000 руб., Невиль (в 1684 г.) — в 1 333 000 руб., по росписи 1680 г. — около $1^1/_2$ млн. руб., в 1700 г. — 8 129 349 руб., в 1702 г. — 10 192 400 руб., в 1703 г. — 9 833 586 руб. Могущественный феодально-дворянский государственный аппарат был мобилизован в интересах кучки крупных крепостников, эксплоатировавших многомиллионное крестьянство и народы колоний: на «благоустройство общества» тратилось только пять процентов всего бюджета.

Заканчивая обзор предпосылок революционных движений, подведем итоги.

Каков же был характер кризиса второй половины XVII в.? Три кризиса — кризис второй половины XVI в., второй половины XVII в. и начала XVIII в. и второй половины XVIII в. — отличаются друг

---

[1] В Архангельск прибыло в 1694 г. — 50, в 1700 г.—64, в 1701 г.—83, в 1702 г.—149, в 1704 г. — 122. в 1706 г. — 147, в 1708 г. — 208, в 1710 г. — 159, 1712 г. — 132, в 1714 г. — 155, в 1716 г. — 233 судна (С. Огородников, Очерк истории г. Архангельска, 1890, стр. 144, «Архангельские губернские ведомости» 1853 г., № 7—8, 11—17; «Морской сборник», 1889—90; «Записки Русского географического общества», 1877, VII. По данным 1727 г. Россия торгует с Выборгом, Ревелем, Ригой («и славный порт и многий приход торговых кораблей, главные товары: пенька, лен, поташ, смальчуг, хлеб, семя, мачты»), Кронштадтом и т. д. (И. Кириллов, Цветущее состояние Всероссийского государства, 1727). Напомним, что в 1761 г. во все порты России прибыло 1 859 кораблей.

[2] Архив ИАИ. Книга, в которой описаны губернии и провинции. Подсчитано нами. Цифры здесь явно уменьшены.

Таблица 8

Сведения о торговых сделках привилегированной верхушки феодалов за 1676—1689 г. (в рублях)[1]

Годы	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Всего
1676	1 076	809	828	671	1 168	607	1 243	603	898	735	1 166	1 509	11 313
1677	1 062	921	602	976	1 731	1 472	2 130	1 163	947	874	905	916	13 699
1678	773	705	820	653	1 055	925	1 766	1 082	848	699	689	866	10 881
1679	599	798	969	856	1 040	1 511	1 060	871	689	826	740	904	10 863
1680	1 168	1 134	926	919	1 331	1 139	1 745	898	694	1 235	1 231	1 228	13 598
1681	1 565	1 168	1 088	945	1 653	1 563	2 794	655	784	1 525	1 519	1 332	16 591
1682	1 282	1 193	898	1 255	2 030	2 273	2 969	1 814	452	709	999	1 269	17 143
1683	749	142	528	724	1 238	1 358	2 880	932	986	1 498	1 371	1 470	13 876
1684	1 185	921	564	524	1 043	1 208	2 357	682	968	1 596	1 183	1 218	13 449
1685	1 095	991	603	717	1 185	1 742	1 863	1 457	823	1 302	1 245	1 083	14 106
1686	933	783	493	850	1 277	1 088	2 884	726	824	1 184	1 160	1 007	13 209
1687	921	923	997	802	1 617	1 711	2 504	1 124	986	1 445	1 294	1 200	15 524
1688	1 084	949	598	1 012	1 589	893	1 240	354	563	911	929	1 303	11 425
1689	891	1 448	18 666	3 104	—	2 537	—	—	997	3 324	783	1 308	33 058

[1] ГАФКЭ, Дела печатной конторы беспошлинные 1674—1690 гг., книга 44.

от друга. Кризис первой половины XVI в. был вызван развивавшимся денежным хозяйством, которое проникало «точно разъедающая кислота в сельские общины, ведущие натуральное хозяйство» (Энгельс): производство, рассчитанное главным образом на собственное потребление, стало превращаться в товарное производство. Поражение крестьянских движений, как мы уже отметили, замедлило темп развития товарного производства.

Кризис второй половины XVIII в. и начала XIX в. вызван разложением феодально-крепостнических отношений, зарождением промышленного капитализма. Россия вступила в полосу такого развития, когда значительная часть владельцев средств производства и средств существования стала искать на рынке свободных рабочих в роли продавцов своей рабочей силы.

Кризис второй половины XVII в. характеризуется форсированным внедрением феодалов-крепостников в колонии и связан с возникновением единого национального рынка; рост товарного обращения и ускоренное превращение ремесла в мануфактуру происходили на основе *развивавшихся феодальных отношений.* Товарное производство и товарное обращение существовали, но подавляющая масса продуктов, предназначавшаяся непосредственно для собственного потребления, не превращалась в товары.

«Товарное производство и товарное обращение может существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначаемая непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости». [1]

Мануфактура требовала свободного рабочего, но в России преобладал крепостной рабочий. Развитие обмена, отделение города от деревни требовало мобилизации земельной собственности, в России же крепостной был окончательно превращен в придаток к земле, которая слабо покупалась и продавалась. Поэтому относительный прогресс страны был возможен ценою величайшего разорения и закабаления непосредственного производителя в городе и деревне. Кризис второй половины XVII в.—своеобразное проявление этого прогресса.

Борьба крестьянства, казачества, народов колоний и мелкой городской буржуазии была вызвана

1) наступлением укрепившегося «нового» феодализма в метрополии, развивавшегося «нового» феодализма в Поволжьи и зарождавшегося «нового» феодализма в Слободской Украине и на Дону;

2) ростом централизованного государственного аппарата феодалов-крепостников и крупного купечества в центре и окончательным превращением ряда «окраин» (Поволжья, Слободской Украины, районов Дона, Хопра, Медведицы и Бузулука) в колонии;

3) значительным расширением площади экспроприированных и

---

[1] К. Маркс, Капитал, I, 1925, стр. 140.

розданных земель. Расхищение и перераспределение земель во второй половине XVII в. не уступает этому процессу второй половины XVI в.

Революционные движения быстрым темпом развиваются со второй половины XVII в. до начала XVIII в., потому что:

1) английская революция, войны за испанское «наследство» и поражение турок под Веной содействовали включению России в систему европейского рынка и в коалиции государств, боровшихся за захват новых колоний и рынков; эти факторы форсировали распашку и колонизацию новых земель в метрополии и колониях;

2) революция цен в Европе, войны контрреформации, упадок Германии и Польско-Литовского государства, усиление Швеции, поражение России в борьбе со Швецией и Крымом содействовали реставрации феодальных отношений на новой расширенной основе в метрополии и быстрому насаждению феодально-крепостнических отношений в колониях; все это было связано с экспроприацией и закрепощением новых масс крестьянства и расхищением земель народов колоний;

3) развитие «нового» феодализма сопровождалось упадком крупных промышленных центров в метрополии, перемещением производственной деятельности из города в деревню, возникновением ряда новых незначительных городов в колониях, разгромом торгового монастырского посада, милитаризацией населения южных колоний в интересах колониальной политики феодалов-крепостников;

4) отлив населения из метрополии и приток его в южные колонии, возросший экспорт из колоний на внутренний и внешний рынки, захват земель усилили диференциацию населения, ускорили превращение поместий в вотчины и формирование «собственного помещика» в среде верхушек казачества, стрельцов и детей боярских;

5) эти процессы увеличивали категории плебейского населения колоний, стоявшего вне феодального общества (беглых, бурлаков), и следовательно ускоряли столкновение между мелкой буржуазией городов и крестьянством — с одной стороны и феодалами — с другой.[1]

7. ДЕРЕВНЯ В РАЙОНЕ ПОМЕЩИЧЬЕ-МОНАСТЫРСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Для того чтобы выяснить соотношение классов в колониях, рассмотрим отдельно деревню в районах: 1) помещичье-монастырской колонизации, 2) еще не закрепощенного крестьянства.

К району помещичье-монастырской колонизации, или к *активному* району восстания разинцев я причисляю местность между Доном

[1] Истории городских восстаний мы не изучаем. Поэтому следует перечислить города, охваченные восстанием с 1646 по 1650 г.: Елец, Томск, Москва, Козлов, Челнавский острог, Талецкий острог, Соль Вычегодская, Воронеж, Курск, Устюг Великий, Чугуев, Руза, Чердынь и Соликамск, Карпов, Болхов, Нарым, Нерехта, Кромы, Хотмышск и Псков. Движущей силой восстания были «меньшие» посадские люди, служилые, жители дворцовых слобод и стрельцы, казаки, подгородные крестьяне, ремесленники, «гулящие», голытьба и т. д.

и Волгой, правый берег Волги от Нижнего-Новгорода до Саратова и треугольник между Симбирском, Казанью и Тамбовом. Получив большой размах в «активном» районе, разинщина имела небольшой отклик в пассивном районе, расположенном на границе между Украиной и правым берегом Волги. К *пассивному* району, или к району, где преобладала крестьянская колонизация, следует отнести Слободскую Украину и Белгородскую черту. Слободская Украина занимала область Харьковской и часть Курской и Воронежской губ. в дореволюционных границах. На севере она граничила с Белгородской чертой, на северо-востоке — с Воронежским уездом, на западе ограничивалась Донцом, на юге — Сев. Донцом. [1]

В перечисленных колониях к началу XVII в. был уже закончен процесс экспроприации крестьянских земель: помещики рассматривали всю землю как свою собственность. Черные земли здесь уже окончательно исчезли и не упоминаются.

Дворянско-буржуазная историография считалась только с одним видом крестьянского землевладения — с *черной* землей на севере. Мы должны обратить внимание еще на один вид земли — на *пустошь*. Из 1 000 случаев земельных мобилизаций тульских помещиков за 1616—1650 гг. 876 случаев приходится на *пустоши*, у московских помещиков за 1597—1760 гг. на 1 304 случая приходится 1 113 *пустошей*. [2] Что такое пустошь? Можно ли всегда считать пустошь «пустым», ненаселенным местом? Нет. *Пустошью могло считаться и такое населенное крестьянством место, которое еще не закреплено за помещиком*. Пустошью могло быть и такое населенное место, которое юридически было закреплено за помещиком, еще не успевшим на ней организовать хозяйство.

В грамоте Троицкого монастыря за 1490 г. о пустоши сказано: «а пашут-де те пустоши и косят наездом хрестьяне троецкие, а нет-де на тех пустошах двора, ни кола». [3] Выпись Веневскому монастырю в 1590 г. перечисляет поместье Горюшкина, полпустоши, *что было* с. Старое Городище, да полпустоши, *что была* д. Верховая и т. д. «Пустошь» здесь возникает на месте старых деревень. Эта выпись заканчивается обычной трафаретной припиской: «а вы бы все крестьяне, которые на тех пустошах учнут жити, игумена... слушали и пашню пахали»... [4]

---

[1] В 1678 г. на Белгородской черте были города: Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль, Епифань, Черень, Данков, Лебедянь, Телецкой, Черновской, Ефремов, Оскол, Землянской, Обоянь, Суджа, Сумы. По черте от Белгорода направо были: Болхов, Карпов, Хотмышск, Вольной, Алешня, Ахтырка, от Белгорода налево: Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанской, Острогожск, Коротояк, Урыв, Воронеж, Костенская, Бело-Колодезь, Орлов, Сокольской, Усьман, Доброе, Козлов, Бельский, Чернавский. Мы берем главным образом левый район Белгородской черты (прибавление к IX т. дополнит. к актам историческим).

[2] Архив ИАИ. Судный список по тяжбе Троицкого монастыря в Мишутинской вол. Переяславского у. Материалы С. Б. Веселовского.

[3] С. Шумаков, Сотницы, 1901, II, стр. 100.

[4] См. такую же грамоту на имя арзамасского помещика Ивана Ржевского в 7154 (1634) г.

«Послушная грамота» 1630 г. на имя алатырского помещика Дмитрия Куроедова предлагает всем крестьянам в том поместьи на пустоши «слушать» помещика, пашню на него пахать и доход «ему помещиков платить». [1] Рамский монастырь Казанского у. в 1673 г. просил отдать ему пустошь на р. Каме у Свиных гор. Игумен указал: «на пустоши поселились пришлые люди», и просит допросить крестьян, которые «объявятся сверх ясачных людей». [2]

Такие «послушные грамоты» исчисляются десятками во всех актовых материалах. С этой точки зрения следует заново пересмотреть вопрос о «послушных грамотах».

В таком случае регистрацию пустошей следует рассматривать как захват таких земель, которые часто уже были заселены крестьянами.

Со второй половины XVII в. происходит убыль дворцовых земель в колониях. Расхищение дворцовых земель в Шацком, Темниковском, Тамбовском, Нижегородском уездах не могло не ухудшить положения крестьян и бобылей.

Крестьянство в метрополии (в Замосковном крае) было окончательно закрепощено в течение XVI в. Крестьянство изучаемых нами колоний закрепощалось в XVII в.

Колониальная проблема России совершенно не изучалась буржуазной историографией и слабо затрагивалась марксистской. [3] Больше того — Россию считали страной, не имевшей колоний. Можно было узнать о колониальном «могуществе» страны только из «литературы».

Через Алтай
Бросив локоть на Китай,
Темя вспрыснув океаном,
В Балт ребром,
Плечом в Атлант,
В полюс лбом,
Пятой к Балканам
Мощный тянется гигант.

Эта казенная «поэзия» восхваляла колониальную экспансию России. Уже в XVII в. Россия была большой колониальной империей. Рост метрополии был возможен только на основе грабежа колоний.

К. Маркс устанавливает три случая в истории колониальной политики: 1) народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет и производство; 2) побежденный обращается в рабство, и таким образом рабский труд делается основой производства; 3) народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на парцеллы и дает, сле-

---

[1] В. Н. Поливанов и В. Э. Красовский, Материалы исторические и юридические района б. прик. Казанского дворца, 1898, II, № 20, 21.

[2] Архив ИАИ. Копии с грамот Коллегии экономии, 6509/101, № 34.

[3] О народах колоний трудно писать. Архивы, сохранившие материалы по истории этих народов, еще не тронуты. Почти невозможно установить роль некоторых народов в восстаниях: правительство часто причисляло мордву и чувашей к татарам, чувашей смешивало с марийцами и т. п.

довательно, этим новым распределением новый характер производству.[1]

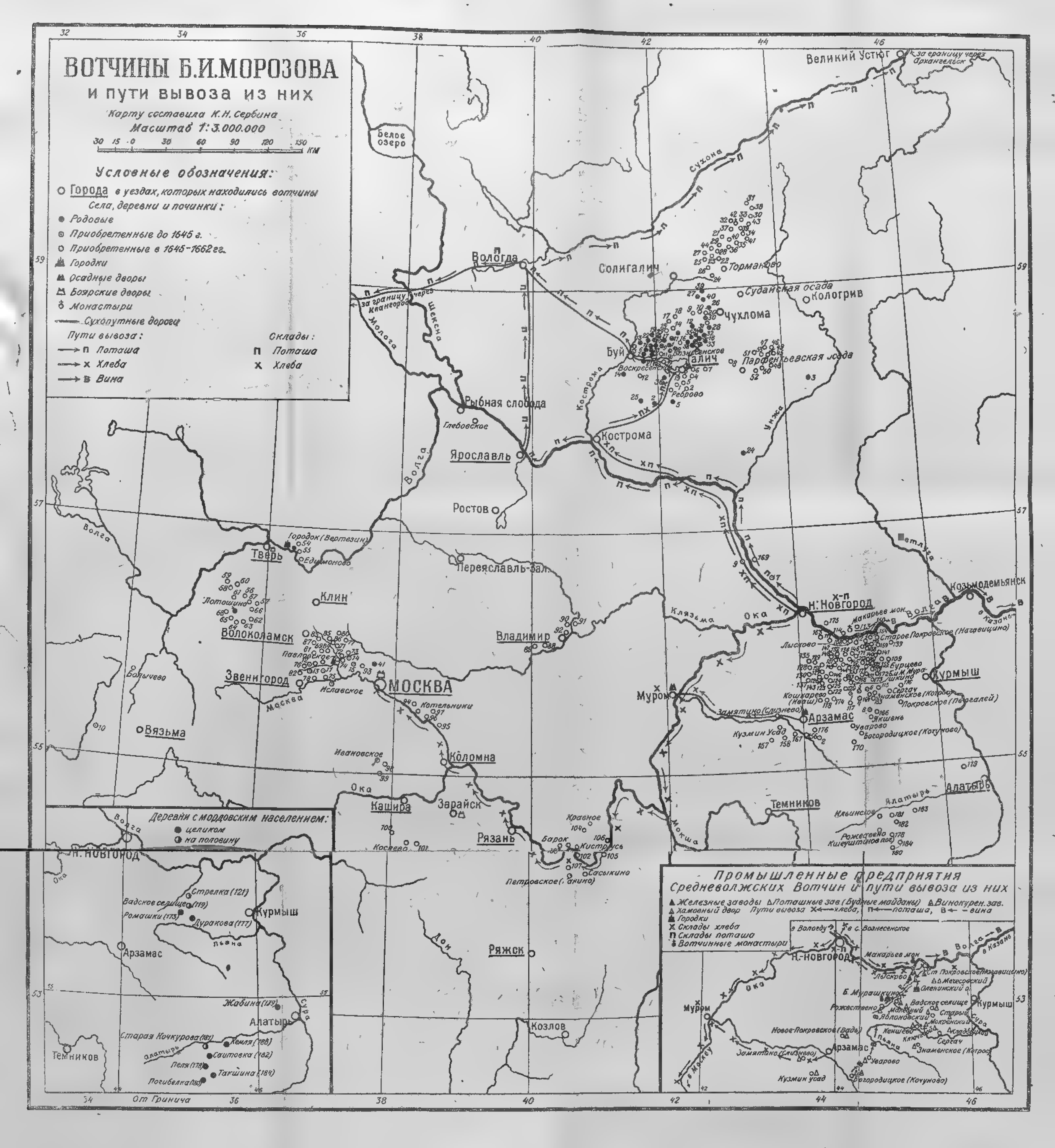
Какую политику проводил царизм? В колониях царское правительство: 1) искусственно создавало или содействовало образованию туземного помещика, кулака, ростовщика (мурзу, бая, тархана, казацкого старшину, украинского помещика и т. д.), 2) одновременно экспроприировало туземное помещичье землевладение, 3) закрепощало крестьянина помещику чужой национальности, 4) насильственно ассимилировало националов, 5) вызывало или обостряло межнациональные противоречия, 6) подчиняло интересы местной торговой буржуазии интересам торговой буржуазии метрополии, 7) ставило русского крестьянина в более привилегированное положение, чем крестьянина-национала, 8) задерживало развитие промышленности в колониях, 9) в России «народ-победитель» навязывал побежденным собственный способ производства.

На основании этих признаков к колониям со второй половины XVII в. следует отнести районы, населенные мордвой, чувашами, черемисами-мари, татарами, донскими казаками, башкирами и т. д. Эти народы жили в Нижегородском, Симбирском, Казанском, Пензенском, Тамбовском уездах, т. е. в среднем и нижнем Поволжьи, Приуральи, Придоньи и на Дону. К колониям следует причислить и Сибирь. Со второй половины XVII в. колонией России становится и Украина. Перечисленные колонии характеризуются тем, что они были очень редко заселены и захватывались помещиками Замосковного края. Некоторые туземные племена и народы стояли еще в стороне от тогдашнего «мирового» рынка.

Прежде всего обратимся к выяснению численности населения в метрополии и колониях. Н. Рожков по данным 1678 г. определяет численность сельского населения Замосковного края, т. е. метрополии, в 2 млн. человек обоих полов, на городское население он кладет 200 тыс., всего на метрополию 32% населения всей страны;[2] если с натяжкой причислить к метрополии население севера в количестве 420 тыс. чел., или 6,5%, то в метрополии имеем 38,5% населения всей страны. Следовательно на колонии придется 61,5%.

С какой численностью населения приходится нам оперировать? По данным Н. Рожкова население юга России уже в 1678 г. достигло 1 130 тыс. чел. обоих полов, что составляло по отношению к общему числу населения страны около $17^1/_2$%. Население Прикамья и Поволжья достигало, по приблизительным подсчетам, 1 270 тыс. Таким образом район изучаемых нами колоний охватывал приблизительно 2 400 тыс. населения. С этой цифры надо скинуть около 400 тыс. на Прикамье, район которого нами не изучается. Подсчеты, произведенные нами на основании переписи 1710 г. по работе М. Клочкова,[3] дают другую картину: на Московскую губернию падает 25,1% дворов

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, изд. 4, 1931.
[2] Н. Рожков, Русская история, 1922, стр. 3—9.
[3] М. Клочков, Население России при Петре Великом, 1911, стр. 70. Подсчитано мной. *С. Т.*

ВОТЧИНЫ Б. И. МОРОЗОВА
и пути вывоза из них
Карту составила К. Н. Сербина
Масштаб 1: 3.000.000
КМ
Условные обозначения:
Города в уездах, которых находились вотчины
Села, деревни и починки:
Родовые
Приобретенные до 1645 г.
Приобретенные в 1645–1662 гг.
Городки
Осадные дворы
Боярские дворы
Монастыри
Сухопутные дороги
Пути вывоза:
п Поташа
х Хлеба
в Вина
Склады:
п Поташа
х Хлеба
Великий Устюг
за границу через Архангельск
Белое озеро
Сухона
Вологда
Солигалич
Торманово
Судайская осада
Кологрив
Чухлома
за границу через Кавнеород
Шексна
Молога
Буй
Галич
Парфеньевская осада
Воскресенское
Реброво
Кострома
Унжа
Рыбная слобода
Глебовское
Ярославль
Волга
Ростов
Городок (Вертезин)
Тверь
Едимоново
Переяславль-Зал.
Клин
Лотошино
Волоколамск
Павловское
Звенигород
Исдавское
МОСКВА
Москва
Котельники
Владимир
Клязьма
Ока
Н. Новгород
Козьмодемьянск
в Казань
Макарьев мон.
Старое Покровское (Нагавицино)
Лысково
Бурцево
Курмыш
Муром
Замятино (Слизнево)
Арзамас
Кошкарево (Ивашково)
Знаменское (Котрос)
Покровское (Поргалей)
Якшино
Уварово
Богородицкое (Кочуново)
Кузмин Усад
Вязьма
Коломна
Ивановское
Кашира
Зарайск
Рязань
Кравное
Борок
Кисгрусь
Сасыкино
Петровское (Танино)
Костева
Темников
Мокша
Алатырь
Ильинское
Рожественно
Кшеуштинов пог.
Дон
Ряжск
Козлов
Деревни с мордовским населением:
целиком
на половину
Н. Новгород
Стрелка (121)
Вадское селище (119)
Ромашки (173)
Дуракова (177)
Курмыш
Арзамас
Жабина (179)
Алатырь
Сура
Старая Кочкурова (181)
Кемля (186)
Саитовка (182)
Пеля (178)
Такшина (184)
Погибелка (180)
Темников
От Гринича
Промышленные предприятия Средневолжских Вотчин и пути вывоза из них
Железные заводы
Поташные зав. (Будные майданы)
Винокурен. зав.
Хамовный двор
Пути вывоза — хлеба, — поташа, — вина
Городки
Склады хлеба
Склады поташа
Вотчинные монастыри
в Вологду
с. Вознесенское
Н.-Новгород
Макарьев мон.
в Казань
Лысково
Ст. Покровское (Нагавицино)
Мечесовский
Оленинский
Б. Мурашкино
Рожественно
Вадское селище
Курмыш
Муром
Ново-Покровское (Вад)
Замятино (Слизнево)
Арзамас
Уварово
Кузмин усад
Богородицкое (Кочуново)
Знаменское (Котрос)
Сергач
Пьяна
в Москву

всего населения страны, а на изучаемые нами колонии 64,9% общего количества дворов. Хотя точный подсчет невозможен, но совершенно ясно одно: население колоний в XVII в. растет относительно гораздо быстрее, чем в метрополии. Выводы В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» о росте населения центра и «окраин» в конце XIX в. вполне приложимы и к росту населения в XVII в.

Какова же была численность феодалов? В 1700 г. владели недвижимыми имениями с крестьянскими дворами 330 бояр и 14 711 дворян, всего 15 041 феодалов.[1] Если считать средний состав семьи из 4—5 душ, то окажется 60 — 75 тыс. феодалов, которые владели многомиллионным крестьянством.

Одновременно с разгромом черного землевладения и «освоением» пустошей росло землевладение феодалов. Со второй половины XVII в. земельные владения крупных феодалов значительно *увеличиваются.*[2]

В «активном» районе разинщины на правом берегу Волги, в Симбирском, Казанском, Пензенском, Нижегородском и Тамбовском уездах быстро развивалось мелкое феодально-крепостническое землевладение новых колонизаторов. «Старое» московское боярство медленно проникало в колонии: в 1647—48 гг. за ним числилось в Замосковном крае 25 241, в Окско-Волжском — 12 105, в Южном — 7 263, в Тамбовско-Пензенском районе — 3 220, на севере — 1 603 двора.[3]

Земли колоний жадно расхищались крупнейшими, недавно разбогатевшими «новыми» феодалами и «молодежью» — мелкими помещиками. Из 6 034 дворов в колониях боярин Б. И. Морозов владел 4 405, т. е. около 75% дворов.[4] Он имел в Нижегородском, Арзамасском, Галицком, Темниковском и Алатырском уездах большие земельные владения, гигантские бортные ухожаи, рыбные ловли, множество перевозов. Его владения, по верному замечанию Геймана, равнялись территории европейского государства. Со своих владений он собирал десятки тысяч рублей оброка в год и огромные запасы продовольствия. По данным 1668 г. до 80 тыс. руб. из его доходов (на довоенные деньги до 1 400 тыс. руб.) находилось в кабальных долгах. Денежный оброк выражался в сумме около 10 тыс. руб. на курс рубля XVII в.[5]

В руках феодалов находились села, не уступавшие по размерам городам. Село Спасское боярина Ив. Ник. Романова (в Калужском у.) в 1649 г. имело 441 двор, тогда как на Калужском посаде насчитыва-

---

[1] «Ведомость фамилиям бояр, окольничих...» «Ведомость общая дворянским фамилиям» в работе П. Иванова «Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей», М., 1836, стр. 229—551. (Подсчитано нами).

[2] Цифры, данные Е. Сташевским в «Очерках по истории царствования Михаила Феодоровича» (1913, ч. 1, стр. 277), *преуменьшены.* Более точные данные имеются у С. Рождественского, Роспись земельных владений московского боярства.

[3] С. Рождественский, Роспись земельных владений московского боярства 1647—48 гг., «Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», 1913, III. Подсчитал П. В. Акимов.

[4] По данным, опубликованным ИАИ в работе «Хозяйство крупного феодала-вотчинника», Б. И. Морозов владел 34 селами и 240 деревнями и починками.

[5] См. там же, предисловие В. Г. Геймана.

лось всего 588 дворов. Из 4 314 руб. пятинного (20%) сбора 1634 г., наложенного на Калужский у., 1 600 руб. приходилось на с. Спасское, а на Калугу — 2 106 р., на весь уезд — 608 р. [1]

К каким результатам привели расхищение земель и аграрная политика правительства?

Попытаемся сопоставить земельные владения бояр в 1647/48 г. с земельными владениями «шляхетства» в 1718 г.

Таблица 9

Земельные владения бояр и шляхетства.

Количество крестьянских и бобыльских дворов за боярством в 1647/48 г. [2]					Количество крестьянских дворов, принадлежащих шляхетству, которому велено быть на житье и строить дома в С.-Петербурге (1718 г.) [3]					
число бояр и %	1—100 дворов	101—500 дворов	501—1 000 дворов	больше 1 000 дворов	число владельцев и %	1—100 дворов	101—500 дворов	501—1 000 дворов	1 001—3 000 дворов	свыше 3 000 дворов
3 / 5,65	213 / 0,43				297 / 43,95	15 239 / 9				
29 / 54,70		9 255 / 18,71			287 / 42,40		43 322 / 26			
9 / 17			6 275 / 12,70		51 / 7,60			37,535 / 22		
12 / 22,65				33 695 / 68,16	38 / 5,60				56 664 / 33,40	
					3 / 0,45					16 267 / 9,60
53 / 100%	Всего 49 438 дворов / 100%				676 / 100%	Всего 169 029 дворов / 100%				

В 1647/48 г. еще не было бояр, владевших свыше 3 000 дворов. В 1718 г. в распоряжении этой группы было 16 267 дворов, или 9,60% общего количества дворов. Концентрация помещичьего землевладения была гораздо значительнее в начале XVIII в.: категория бояр, владевших более 1 000 дв., составляла в 1647/48 г. 22,65% общего количества бояр, она владела 68,16% всего количества дворов; в 1718 г. эта группа составляла 5,60% всех помещиков и владела 33,40% дворов. Также и средняя группа (501—100 дворов) была значительно сильнее в 1718 г., когда 7,60% землевладельцев владели

[1] Д. И. Малинин, Из Калужской старины, Калуга, 1925, стр. 13.

[2] Роспись земельных владений московского боярства 1647—1648 г. С. Рождественский, «Труды Археографической комиссии Московского археологического общества».

[3] ГАФКЭ, Вотчинный архив, Приказные дела, кн. 172 за 1718 г., л. 397 и т. д.

22% дворов, а в 1647—48 г. 17% владели 12,70% дворов. Вот какова была мощь «новых» феодалов, которые в конце XVII в. разгромили стрельцов и выдвинули Петра. Среди землевладельцев в 1718 г. на первом месте идет гражданская бюрократия (чины штатские, как-то тайные советники, окольничьи, бояре, думные дворяне и т. д.): 61,70% владельцев имели в своем распоряжении 165 175 дворов, или 79,53%; на втором месте идет военная бюрократия (чины военные, как-то генерал-лейтенанты, генерал-майоры, полковники, бригадиры, офицеры и т. д.), 31% владельцев имели 28 780 дворов, или 13,85%. На третьем месте стояли «недоросли во флоте и в академиях»: 7,30% владельцев имели 13 718, или 6,62% дворов. Совершенно в другом положении находились провинциальные помещики: так например в 1719 г. в Рязанской губ. в руках 73% мелкопоместных помещиков (1—20 дворов) находилось 16% крепостных, в руках 23% среднепоместных (21 — 100 дворов) 36% крепостных, в руках 4% крупных (свыше 100 дворов) 48% крепостных. Весьма незначительной была группа помещиков, владевшая числом дворов выше 100 человек. [1] В свете этих цифр станет ясной борьба в среде помещиков накануне реформ (см. главу о стрелецких восстаниях).

Как раздавалась земля в годы восстания Разина? Из 1 282 358 четей, розданных правительством за 1668—1680 гг., основная масса раздач приходится на 1668—1673 гг.

Таблица 10

Количество розданных четей земли [2]

Годы	Число лиц, получивших землю	Число четей, розданных помещикам	
1668	162	126 275	940 711 ч. в годы восстания (1668—1672)
1669	337	249 730	
1670	157	132 335	
1671	318	240 615	
1672	251	191 756	
1673	151	116 565	
1674	101	68 341	
1675	127	87 716	
1676	17	12 320	
1679	1	665	
1680	55	47 040	
Итого	1 677	1 156 793	

Надо вдуматься в эти цифры: в начале XVII в. светским и духовным феодалам принадлежало в Московской, Петербургской, Казан-

[1] «Алфабет на именные книги пехотного Азовского полку», Рязань. 1897.

[2] Таблица составлена на основании «Книги записной роздачи жалованья по поместным и вотчинным грамотам 1668—1676 г.» ГАФКЭ, № 390/1842 (в книге имеются данные и на 1676—1680 гг.).

ской, Киевской, Азовской и Воронежской гг. 3 472 000 четей земли; было же роздано 1 156 793.

В 1623 г., по данным Н. Павлова-Сильванского, в Московском уезде было 196 000 четей возделанной земли: помещикам же в годы разинщины было роздано 1 156 793 четей.

К сожалению, у нас отсутствуют данные, в каких районах расхищалась земля; нам только известно, помещикам каких районов раздавалась земля: из 1 677 помещиков—новгородцев было 82, москвичей—51, рязанцев — 44, псковичей — 24, каширцев — 19, костромичей—18, ярославичей — 17 и т. д. Правительство Алексея Михайловича в первую очередь удовлетворяло помещиков старых городов центра страны; помещикам провинции в эти годы уделялось незначительное внимание. [1]

Как шел процесс роста нового помещика? Во второй половине XVII в. колоссально вырос фонд мелких и средних помещиков. Они получали земельные оклады главным образом за участие в «черкасских походах» (см. главу «стрелецких восстаний»), т. е. за разгром хмельничины. Затем они получали значительные прибавления в день «объявления царевича Алексея Алексеевича», в день коронации Федора Алексеевича и т. д. Эти прибавления не поддаются учету, но можно безошибочно утверждать, что такого рода пожалования превосходили все прочие вознаграждения. [2]

Наряду с ними на южной окраине казак превращался в помещика: в 1632 г. в Шацком уезде было 109, в 1636 г. — 161 беспоместных казаков. [3]

Однако до конца XVII в. правительству не удалось «устроить» всех беспоместных и увеличить наделы всех мелкопоместных. Официальные данные 1708 г. отмечают наличие 1 868 жильцов. Размер их надела колебался от 2 до 28 четей. Многие были «без поместий» и у многих «поместья запустели». Закон 1692 г. определяет «жильцам кормовых денег не давать, а итти в походы в службу»: они назначаются на должности среднего и низшего командного состава — в капитаны, поручики, прапорщики, адъютанты, офицеры и т. д. [4] Только

---

[1] Н. Павлов-Сильванский, Государевы служилые люди, 1898, стр. 212.

[2] Для иллюстрации приведем типичные примеры. 1) Окладчик Киреевский, живший в Дмитровском у., имел в 1654 г. 350 четей земли и 12 руб. жалованья. За литовский поход он получил 100 четей, за конотопский поход — 100 четей и 10 руб., за черкасский поход — 150 ч. и 8 руб., за черкасские походы 130 четей и 9 руб., в день рождения Алексея Алексеевича 70 четей и 7 руб., за севскую службу 80 четей и 7 руб., за понизовую службу 60 четей и 5 руб., в день коронации Федора Алексеевича 80 четей и 9 руб. 2) Окладчик Михаил Салтыков имел оклад в 50 четей и 12 руб., за литовскую службу он получил 100 четей и 12 руб., за конотопскую 100 четей и 12 руб., за «полонное терпение» 50 четей и 3 руб., за черкасскую службу 150 четей и 9 руб., в день рождения Алексея Алексеевича 180 четей и 9 руб., за службу в Севске 80 четей и 8 руб., за «полонное терпение» у черкас 40 четей и 4 руб., в день коронации Федора Алексеевича 80 четей и 9 руб., и т. д. Дела Печатной конторы беспошлинные за 1676 г., кн. 48, (ГАФКЭ).

[3] Разрядный приказ ГАФКЭ, Книги Денежного стола 1631—1642 г. № 284.

[4] ГАФКЭ, Список жильцов № 1534.

33 жильца были отпущены «за старостью» и 8 отправлено «в каторги за вины». Таким образом к концу XVII в. и жильцы, низшая группа дворянства, были устроены.[1]

Крупные и лучшие участки получала придворная знать.

В 1691 г. Лев Кириллович Нарышкин получил с. Конобеево, Ялтутово, Черную слободу Шацкого у. с приписными селами, деревнями, починками, займищами и пустошами, бортными ухожаями, реками, озерами, рыбными ловлями, крестьянами, бобылями, с пашнею, лесами, сенными покосами «и со всякими угодьями». К нему перешли все доходы, поступавшие из этого района в приказ Большого дворца, «опричь стрелецкого хлеба, полоняночных и ямских денег».[2] Он получил 2 653 двора крестьян и бобылей, 34 180 дес. земли и 77 бортных ухожаев. Во время переходов к нему владений крестьяне вносили денежного оброка 1 876 руб. в год, стрелецкого хлеба, ржи и овса — 645 четей, столовых запасов 25 гривенок меду, 102 пуд. коровьего масла, столько же пудов хмелю, кроме того крестьяне варили 5 000 ведер вина. К Нарышкину перешел в огромном количестве рабочий и рогатый скот, весь инвентарь и т. д.[3] Такие огромные земельные пожалования передавались на правах вотчин.

Установившаяся официальная терминология «вотчина» и «поместье» не дает возможности правильно классифицировать типы хозяйств: способ ведения хозяйств в колониях не находился в зависимости от юридической природы землевладения.[3]

Между феодальным и крепостническим методами ведения хозяйства не было той грани, которая позволила бы противопоставить феодализму крепостничество как общественную формацию. Всегда встречаются землевладельцы, сдающие землю в аренду и одновременно ведущие самостоятельное барщинное и оброчное хозяйство. Ни феодал, сдающий хозяйство на оброк, ни крепостник, ведущий собственную запашку, в XVII в. не встречаются в чистом виде.

Монастырское, дворцовое и «черное» землевладение в колониях отступало перед помещичьим землевладением. Разгром черного землевладения и захват пустошей били по крестьянству; положение крестьянства ухудшалось также и в связи с тем нажимом, который производился на церковно-монастырское землевладение.

В метрополии (Московской и Петербургской губ.) светским землевладельцам принадлежало 666 тыс. дес. земли. В колониях (Казан-

---

[1] А. Изюмов в «Жилецком землевладении в 1632 г.» (М. 1913) насчитывает 772 жильца. Автор отмечает, что по сравнению с московскими дворянами жильцы владели очень незначительными земельными участками.

[2] Архив ИАИ, Список шацких писцовых книг и перечневый список 1623 г., л. 243.

[3] Архив ИАИ, Список шацких писцовых книг за 1623 г. В этой книге имеются данные за весь XVII в.

[4] К концу XVI в. поместная система несколько диференцируется. Из оборотного земельного фонда, составляющего около $^1/_3$ земельного запаса, часть могла потерять владельца и лежать впусте, часть земли необходимо было направить на поддержку подрастающего поколения (П. Смирнов, Орловский уезд в конце XVI в. Киев, 1910, стр. 119).

ской, Киевской, Азовской, Воронежской г.) первым принадлежало 735 тыс., вторым 112 тыс. дес. земли. Эти данные показывают, как быстро духовный феодал отступал перед светским: в средине XVI в. церквам принадлежала одна треть земель в государстве. [1]

Среди церковно-монастырских феодалов также преобладали крупные владельцы: по данным 1661 г. 34 крупных монастыря, составляя выше 7% общего количества монастырей, владели 66% крестьян всех монастырских вотчин, 442 мелких монастыря (т. е. 93% всех монастырей) владели 34% общего количества монастырских крестьян. [2] По данным Котошихина (около 1664 г.) патриарху принадлежало 7 тыс., митрополитам — 12 тыс., десяти архиепископам — 16 тыс., монастырям — 83 тыс. крестьянских (всего 118 тыс.) дворов.

Посмотрим, каково было соотношение между различными категориями землевладельцев и рода населенных пунктов? Каково было соотношение между селами, сельцами и деревнями на поместной, вотчинной и монастырской земле?

Таблица 11

Населенные пункты по данным 1677—1678 гг.

	В %%		
	Села	Сельца	Деревни
На поместной земле . . .	14,0	23,6	62,4
» вотчинной » . . .	14,5	19,5	66,0
» монастырской земле .	14,4	4,3	81,3

Если принять во внимание, что села являются центрами наиболее населенных пунктов, то очень незначительной окажется разница между тремя видами владений; учитывая глушь и отсталость деревень, нельзя не отметить, что монастырские владения оказываются позади владений светских феодалов. Вотчины вытесняют поместья:

[1] Данные по Московской губ. относятся к 1626—1647 гг. Данные по С.-Петербургской губ. относятся к 1632 г. и касаются уездов Белозерского, Великолуцкого, Новгородского, Новоторжского, Псковского, Ржевского, Углицкого, Холмского. По Казанской губ. имеются данные по Арзамасскому, Балахнинскому, Гороховецкому, Касимовскому, Муромскому, Нижегородскому, Юрьевец-Поволжскому уезду за 1620—1643 гг. По Киевской губ. беру данные по Курскому и Белгородскому у. за 1626—1630 гг. По Азовской губ. имеются данные о двух уездах: Валуйском и Шацком. Эти данные относятся к интересующему нас Шацкому уезду за 1645—1661 гг. По Воронежской губ. имеются данные о Воронежском, Данковском, Елецком, Ряжском и Чернском у. за 1628—1631 гг. (данные подсчитаны по «Книге Вотчинной коллегии» № 5333/266. Справка о четвертной пашне для комиссии Д. Голицына в 1727 г. См. описание документов и бумаг Московского архива М. Ю., т. VI, М., 1889).

[2] «Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. археологического общества», т. II, СПБ., 1861, стр. 401—402.

в 1677—78 г. поместья составляли 25,0%, вотчины — 45,1% и монастырские вотчины — 29,9%. Готье вывел для XVII в. процентное отношение для поместий 54, а для вотчин — 46. Сташевский получил для землевладения московских дворян отношение поместий к вотчинам, как 60 к 40. По нашим же данным получается отношение поместий к вотчинам (включая и монастырские вотчины), как 25 к 70.[1]

Каково было соотношение классовых сил в колониях? По данным В. О. Ключевского,[2] в 1710 г. в стране было посадских и черных крестьянских дворов 92 тыс., или 11,3%, церковных, архиерейских и монастырских 118 тыс. — 14,2%, дворцовых 83 тыс. — 9,9%, боярских 88 тыс. — 10,5% и дворянских 452 тыс. или 54,1%. Цитируемый нами автор приходит к выводу, что почти девять десятых всего тяглого люда находилось в крепостной зависимости от церкви, дворца и военнослужилых людей.[3] Было бы напрасно пытаться подсчитывать данные о соотношениях между разными категориями крестьян в колониях.

Революционное движение в центре и в колониях империи трудно будет понять, если не принять во внимание быструю, катастрофическую убыль населения за 1678—1710 г. Куда шло население?

Потоки беглых меняются в зависимости от ряда сложных обстоятельств: в 40—60-х гг. XVII в. направляется сильный поток населения на Дон, на р. Цну; в 70—80-х гг. после разгрома разинщины поток поворачивает в южные части Тамбовского и Козловского уездов к Хопру, Вороне, Медведице и т. д. Сильный поток направился на восток: в Казанской губ. население увеличилось на 16,9%, в Сибирской — на 47,9%. В районах восстания Разина и Булавина, Азовской губ., убыль составляет 13,7%. Сравнительно небольшой процент убыли населения еще не свидетельствует об относительном благополучии; в Азовской губ. процент населения до 15-летнего возраста выше, чем в уездах центральной России. Стало быть убыль взрослого рабочего населения была весьма значительна. *Бегство, передвижка огромных масс населения в конце XVII в. напоминает передвижку населения, происходившую в конце XVI в.* Попадая в новых местах жительства к помещикам, крестьяне снимались с места и уходили все дальше. Официальные документы 70—80-х гг. XVII в. красноречиво подтверждают, что беглые из понизовых городов и Украины уходили на Уфу, в сибирские города и на Хопер, стремясь выйти из пределов досягаемости московского правительства.[4] С 1719 до 1727 г. показано было беглых не менее 198 876 чел.,

---

[1] Данные подсчитаны по книгам Денежного стола № 211—212 за 1677—1678 г. ГАФКЭ.

[2] В. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, 1923, стр. 293 и 471. У Ключевского на 293 стр. в итоге имеем 888 тыс. дворов, на 471 стр. — 833 тыс. дворов, у М. Клочкова же указано 758 394 двора.

[3] Там же, стр. 294; такую же таблицу с итогом в 833 тыс. имеем у П. Милюкова в «Государственное хозяйство России», стр. 470—71.

[4] А. Новосельский, Побеги крестьян и холопов. «Труды Ин-та истории», I, 1926, стр. 358.

между тем как в это время в рекруты поступило только 147 418 чел. [1] Это свидетельствует о новом переделе земельного фонда во второй половине XVII в. в колониях, о новой грандиозной охоте на еще незакрепленные места в колониях. Это положение можно подтвердить и на примере одного Шацкого уезда, типичного для колоний эпохи разинщины.

В Шацком уезде в 1645 г. число крестьянских дворов на одного помещика колебалось от 35/48 до 41, бобыльских от 34/35 до 44 дворов, [2] в Тетюшском уезде в 1646 г. в среднем на один помещичий двор приходилось 7 крестьянских дворов [3]. Более подробные сведения имеются о Темниковском уезде.

Таблица 12

Рост крестьянских и помещичьих дворов в Темниковском уезде [4]

	1615—1630	1631—1646	1647—1662	1663—1678	1679—1694	1695—1710
Число новых сел	9	+ 3	+ 17	+ 15	+ 26	+ 9
Темп роста сел	1	+ 0,33	+ 1,8	+ 1,66	+ 2,8	+ 1
Число бобыльских дворов	59	—	+ 805	+ 11	+ 100	—
Темп роста бобыльских дворов	1	—	+ 13,6	+ 5,8	+ 1,7	—
Число крестьянских дворов	106	+ 129	+ 1 890	+ 129	+1 331	+ 603
Темп роста крестьянских дворов	1	+ 1,21	+ 17,83	+ 1,21	+ 12,55	+ 5,68
Число помещичьих дворов	23	—	+ 10	+ 2	+36	+ 66
Темп роста помещичьих дворов	1	—	+ 0,43	+ 0,08	+ 1,5	+ 0,2

Данные одного уезда недостаточны для выводов. Все же надо думать, что такая же картина наблюдается во многих селах колоний. Наибольший рост населения наблюдается непосредственно во время и после городских восстаний (1647—1662 гг.). Эти годы характеризуются наибольшей диференциацией населения (бобыльство). В годы большей глубины экономического кризиса (1663—1678 гг.) и восстания Разина замедляется темп роста населения. Оно отливает на юг. Скачок вверх наблюдается в двадцатилетие после подавления движения Разина.

Помещичье землевладение в «активном» районе разинщины переживало затруднения. Оно давало большой процент беглых и за-

[1] «Записки ИРГО», 1889, VI, стр. 62.
[2] ИАИ. Переписная книга Шацкого уезда 1645 г.
[3] Переписная книга Казани 1646 г., изд. ИАИ Академии наук, 1932
[4] Данные относятся к одному Темниковскому уезду и составлены по книге П. Н. Черменского, «Очерки по истории колонизации Тамбовского края», 1911.

пустевших крестьянских дворов. Особенно страдали мелкие феодалы, так как крестьянам у них было невыгодно жить. [1]

Крупные помещики часто и насильственно «свозили» крестьян мелких помещиков. [2]

Крестьянское хозяйство колоний развивалось главным образом в зависимости от роли и характера хозяйства крупных крепостников. Фактически господствовали не мелкие помещики, а те же крупные феодалы-крепостники, которые играли руководящую роль в хозяйственной и политической жизни метрополии; под их напором мелкий помещик отступал к югу. Какой-нибудь десяток крупных крепостников и монастырей держал в своих руках всю хозяйственную жизнь колоний. Каждый из них владел во многих районах землей, рыбными ловлями, соляными промыслами, пасеками и т. д.

Применение наемного труда, хотя бы в незначительных размерах, привлечение специалистов в разных отраслях хозяйства, лучшие приемы обработки земли практиковались только в крупных хозяйствах: в 1663 г. в крупные хозяйства, находившиеся в Измайлове, Чашникове, Пахре, Романове и Скопине, было отправлено из Тулы 2 150 сошников, 750 плугов, 650 косулей, 2 500 топоров и 300 кос. [3]

Мелкие помещичьи хозяйства носили исключительно потребительский характер. Десятки мелких и средних помещиков центра в 70-х гг. XVII в. показывают, что они «рыбу ловят про себя», «мельниц и никаких пожиточных угодий не имеют» и главное «с крестьян оброчных денег не емлют». Вместо денег они получали хлеб и сенные покосы. [4] В крупных же хозяйствах большую роль играло производство, связанное с рынком. Хозяйства крупных феодалов велись лучше: во владениях крупного крепостника Романова (в Тамбовском у.) перелог составлял 23,14% пахотной пашни, у мелких крепостников перелог был равен пашне или больше. [5] Не везде

---

[1] Крупные феодалы не только переманивали беглых, но и скрывали их. Приблизительный подсчет поступивших на Б. И. Морозова жалоб по поводу скрытых им беглых с распределением челобитчиков по уездам и с перечислением их фамилий произведен П. Смирновым в статье «О начале уложения и земского собора 1648—1649 г.» («Журнал министерства нар. просв.» 1913 г., сентябрь, стр. 48—50, примечание). При этом однако не было обращено внимания на черновые отрывки грамот Б. И. Морозова его приказчикам по означенному вопросу, встречающиеся на оборотах этих челобитных. В издании Историко-археографического института печатаются три таких восстановленных по отрывкам грамоты Б. И. Морозова, разоблачающие его закулисные действия, направленные к сокрытию крестьян от бывших их владельцев. Переписка эта в подлиннике обнимает свыше 180 ставов (Дворцовый архив № 42070, стр. 1—168 и сл. В. Гейман; Предисловие к книге «Хозяйство крупного феодала-крепостника», 1933).

[2] «Действия Нижегородской архивной комиссии», 1913, т. XVI, в. 2; «Хозяйство крупного феодала», изд. ИАИ, 1933.

[3] Архив ИАИ, собрание Гамеля. Указ 15 февраля 1663 г. об отпуске в разные города из Тулы сошников и пр.

[4] ГАФКЭ, Дела печатной конторы беспошлинные. Книга 1676 г., № 48.

[5] П. Черменский, Колонизация Тамбовской губ. «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1911, стр. 57.

было одинаково соотношение перелога к пашне: хозяйство крупного крепостника Б. И. Морозова было лучше поставлено в Нижегородском, чем в Галичском уезде. В общем, в колониях перелог и дикое поле еще долго преобладали над пашней. Лучшие «образцовые» хозяйства составляли исключение. Отсталая техника господствовала в сельском хозяйстве метрополии и колонии. Не надо переоценивать роли трехполья, нашедшего свое отражение в обычном трафарете писцовых книг («в поле столько-то, в дву по тому ж»); при значительном преобладании перелога, пашни «наездом», не могло быть речи о каком-либо прогрессе в технике сельского хозяйства. Надо согласиться с И. Миклашевским в том, что техника сельского хозяйства не прогрессировала в течение двухсот лет. Н. Рожков считает урожайность на крестьянских полях в конце XVI в. «сам-пять». Е. Сташевский,[1] оспаривая данные Рожкова, называет «сам-3,8» и даже 2,2. В первой четверти XVII в. урожай на государевой пашне в Елецком уезде колебался от «сам-2½ до 3½».[2] Цифры эти о прогрессе не говорят. В 60-х гг. XIX в. в черноземных губерниях урожай ржи с десятины колебался от 5,87 до 6,63 четв. В первой четверти XVII в. в тех же губерниях собирали с десятины не больше 10 четв. ржи. Налицо имеется даже регресс сельского хозяйства, который продолжается в течение всего XVII в. даже в черноземных колониях:[3] в Курской губ. в 1617 г. урожайность овса 2 и 1,7.[4]

Удобрение применялось только в крупнейших хозяйствах Алексея Михайловича, Морозова, Новгородского Софийского дома и т. д. В этом отношении Россия очень отстала от Европы: в XVI в. в Италии уже хорошо понимали значение плодопеременного хозяйства, в Германии делает эпоху Макс Фуггер своей книгой о скотоводстве (1578 г.). Усовершенствования в обработке почвы начинаются с изобретения рядовой сеялки (в 1500 г. и 1663 г.) и травосеяния. Об этом в России в XVII в. не было слышно. В России пользовались сохой, которая свидетельствовала об отсталости.[5]

---

[1] Е. Сташевский. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, Киев, 1913, стр. 38.

[2] Описание документов и бумаг Московского архива юстиции, 1884, т. IV, стр. 369.

[3] А. Танков, Историческая летопись Курского дворянства, 1913, стр. 415.

[4] Иностранцы, как Барбаро, Иовий, Герберштейн, Гваньини, Флетчер и др., преувеличивают урожайность России. Герберштейн например уверяет, что во Владимирской и Нижегородской областях нередко были урожаи «сам-20» и «сам-30». Эти сведения нельзя считать вполне достоверными, но что урожаи в XVII в. были для некоторых мест выше, чем в начале XIX в., с этим нельзя не согласиться. Грамота, относящаяся к Ярославскому уезду (средины XVII в.), указывает: при посеве ржи 3½ четверти получился умолот 30 четвертей; посев 3½ четвертей — умолот 35 четвертей; посев 5 четвертей — умолот 50 четвертей. Относительно Владимирского и Костромского уездов имеем такие данные (1595—1599 гг.): для первого рожь дает максимум «сам-6»; для второго пшеница дает «сам-5», овес «сам-3» и ячмень «сам-10½». («Сборник в память 300 лет царствования дома Романовых», 1913, стр. 7—8).

[5] Этнограф Зеленин в «Истории сохи» совершенно правильно объясняет причины долговечности сохи. Соха увеличивает работу пахаря, которому приходится все время держать соху «на весу», не давать ей валиться на бок, очень

Закрепощенный крестьянин, низкая урожайность, застойная техника сельского хозяйства были продуктом феодально-крепостнических отношений.

Если обратимся к соотношению между помещичьей и крестьянской запашкой, то увидим, что они резко отличаются, в зависимости от районов страны. На севере крестьянский участок вдвое-втрое и даже вшестеро превышал размер помещичьей пашни.[1] В дворцовых селах Лыскове и Мурашкине дворцовая пашня была больше крестьянской около четырех раз.[2]

Посмотрим, как крестьянство обеспечивалось землей. По данным Огановского,[3] самостоятельно подсчитавшего данные Рожкова, получаются следующие цифры: в центре до 70-х гг. XVI в. средний размер пашни на один двор составлял 12,3 дес. в трех полях, в конце века — 6,6 дес. В Новгородской области соответствующие цифры составляли 10,5 и 4,8 дес.

Готье в Замосковном крае наблюдает в первой половине XVII в. рост крестьянской запашки сравнительно с XVI в., а Е. Сташевский отмечает ее сокращение.[4] В этом вопросе прав Е. Сташевский. Данные Тайного приказа[5] 60 гг. XVII в., относящиеся к центру страны, говорят о значительном сокращении крестьянской запашки: в дворцовых волостях запашка земли на один двор составляла 2,1; 4,5; 3,2 десятины. Только в одном случае мы имеем 12,5 десятины. В Лебедянском уезде, богатом землей, в среднем на крестьянский двор приходилось 2,32 дес. в одном поле, т. е. меньше, чем приходилось на двор крестьян Морозова (от 3 до 4 дес. в одном поле) в более населенном Нижегородском уезде. В Арзамасском у. в дер. Казариново на крестьянский двор приходилось гораздо меньше — по $^1/_4$ дес., в Надеинском Усольи Симбирского у. $1^2/_3$ дес., в д. Ар-

глубоко уходить в землю или выскакивать из борозды. Соха облегчает работу лошади: полоз тащится по земле и испытывает при этом весьма сильное трение, которое приходится преодолевать пахарю. Отсутствие у русской сохи особой подошвы, по мнению Зеленина, свидетельствует о том, что русский крестьянин брал на себя треть всей работы, оставив на долю лошади только две трети. Руководился же он в данном случае не столько гуманными соображениями, сколько недостаточностью и слабостью своего рабочего скота. Зимою на плохом корму плохие крестьянские лошаденки обыкновенно так исхудают, что пахать им даже в легкой двуоральной сохе едва-едва вмоготу. Даже в крупных хозяйствах XVIII в. плуг встречается очень редко.

[1] В. Сторожев, Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому у., 1918.

[2] Список с писцовых книг по Мурашкину и Лыскову, 1624—1628 (7132—7134) гг.

[3] Очерки по истории земельных отношений в России, стр. 117, цитирую по кн. Е. Сташевского «Очерки по истории царствования Михаила Федоровича», 1913, стр. 44.

[4] Е. Сташевский, стр. 44. Ю. Готье («Замосковный край в XVII в.», 1906) однако не отрицает, что *со второй* половины XVII в. сокращается пашня, приходящаяся на душу: она сокращается с 3 десятин в трех полях до 1,75 дес. в трех полях (стр. 509—513). На этой же точке зрения стоит и Н. Рожков (Русская история, т. V, стр. 34).

[5] М. Барановский, Дворцовое хозяйство по делам Приказа тайных дел. «Сборник студенческого ист.-этногр. кружка», Киев, 1914.

*

бузове — по $1^1/_2$ дес. В Арзамасском уезде помещичья пашня от 20 до 40 раз превышала крестьянскую. [1]

В дворцовых селах крестьянам жилось свободнее, и они лучше обеспечивались. Дворцовые крестьяне Верхоценской волости Тамбовского уезда имели по 2 дес. пашни в трех полях, по 2 дес. лугов. Сверх тяглой нормы они пахали некоторое количество на выть. [2] К дворцовым селам приписывалась резервная земля для будущих тяглецов, которую крестьяне брали на оброк. В общем дворцовые крестьяне некоторых сел имели по 12 дес. на душу в трех полях, т. е. в три-четыре раза больше, чем в Замосковном крае. Дворцовые и черные крестьяне, находившиеся в лучшем положении, чем помещичьи крестьяне, населяли в «активном» районе восстания больше семи тысяч дворов. [3]

Благосостояние дворцовых крестьян не имело прочного фундамента: дворцовые крестьяне составляли резервный фонд для награждения помещиков.

Кризис 60-х гг. ударил и по дворцовым крестьянам. Правительственный наказ 1674 г. отмечает: «многие деревни и починки доходов не платят, изделия не делают, живут во льготе и иные не хотят платить государевых доходов, живут в городах, в селах и в деревнях, в захребетниках, переходя в разных местах». Дворцовое ведомство приказало крестьянам, чтобы они «у сторонних людей оброк не нанимали, не пахали бы пашни». Крестьянам предлагалось в оброк «иметь только *дворцовые* пустоши». Правительство обещало вновь поселяющимся льготы «на два, на три года», но крестьяне все же убегали. [4]

Монастырские крестьяне часто были обеспечены лучше помещичьих. Отношение крестьянского земельного фонда к фонду Троицкого монастыря на реке Цне составляло 11 к 3, в деревне Глубокой — 4 к 3, в слободе Троицкой — 9 к 20, в селах Верхоценской волости Тамбовского уезда — 4 к 1. [5] В селах казанского архиерейского дома крестьяне владели большими участками «доброй» земли. Не во всех монастырях была одинаковая норма: в Чебоксарском у. к концу 20-х годов на один крестьянский двор приходилось от $1^1/_2$ до 2 дес., в Свияжском Богородицком монастыре в 60-е годы больше $6^1/_2$ дес. [6] Ближе к метрополии земельный фонд крестьян беспрерывно сокращался.

---

[1] Архив кн. Баюшевых, 1882, ч. I; В. Сторожев, Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому у. 1918; копии грамот Коллегии экономии, 5314/347.

[2] 48 десятин пашни в трех полях или 50 десятин сенокоса. Эта земля называлась завытной.

[3] Черные и дворцовые дворы были в Царевококшайском, Свияжском, Царевосанчурском, Козьмодемьянском, Нижегородском, Арзамасском и Казанском уездах (А. Яковлев, Приказ сбора ратных людей, 1917, «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1911, вып. 57).

[4] ГАФКЭ, Список с писцового наказа 7182 г. стольника Михаила Самарина с дворцовых волостей в ярославские села, № 786/1312.

[5] Н. Николин, Материалы по истории Тамбовского края, 1884; «Летопись занятий археографической комиссии», 1865—66, ч. IV.

[6] Грамоты Коллегии экономии, 14441/11, 11512/54.

Монах в рясе был подлинным помещиком, который льготы церкви использовал главным образом для себя. Крестьяне это особенно стали чувствовать со второй половины XVII в. Грамоты Коллегии экономии переполнены протестами и жалобами крестьян на монастыри, которые «наглостно» их выживали с земель, сенных покосов, рыбных ловлей, травили скотину и переводили ее в свои владения. Желая воспользоваться привилегиями, крестьяне вынуждены были бегать в монастыри, но в их лице они встречали крепкого, хорошо организованного конкурента, который чаще лучше помещика налаживал свое хозяйство. Крестьяне окраин наталкивались не только на монополии местных монастырей, но и на монополии монастырей центра и владений патриарха.

Необеспеченность землей заставляла крестьян прибегать к аренде. Крестьяне крупного крепостника Морозова часто арендовали землю. Крестьяне Троице-Сергиева монастыря Алатырского района сняли в аренду в 1657 г. в с. Четвертаковом 10 дес. за 50 руб. [1]

Крестьяне арендовали землю не только у помещиков, но и у крестьян. Встречаются также случаи продажи земли крестьянами: в 1645 г. кулеватовские крестьяне Григорьевы купили у тамбовского крестьянина Сухосери два огромных бортных урожая за 2 руб. [2]

В 1661 г. Кузьма Архипов продает три четверти своей земли в Арзамасском у. за 10 руб.[3] В писцовых книгах по Лыскову и Мурашкину за 1672 г. упоминается крестьянин, владевший купчей землей.

Как развивалось самостоятельное крестьянское хозяйство, независимо от помещичьего? Имеющиеся скудные данные очень любопытны. Бегство наблюдается не только среди слабой, но и среди сильной группы крестьянства: среди 33 беглых г. Платова (Воронежского района) было 15,1% безлошадных, 57,6% с одной лошадью. [4]

Беглые на новом месте пытались наладить хозяйство: беглый из вотчины Морозова (из с. Мурашкина) в 1659 г. посеял на новом месте «ржи полтретья загона ($2^1/_4$ корсунской меры). [5]

Урожайность крестьянских полей была ниже помещичьих; между тем посевы ржи и овса *беглых* демшинских крестьян (Воронежского уезда) давали урожай не ниже помещичьего: $11^1/_6$ десятины дали 6 копен, 2 десятины — 11 копен, 11/12 десятины — 7 копен и т. д. [6] Беглые крестьяне торговали, служили по найму на извозе. Беглый крестьянин Волотка Казанцев с Петрушкой имели в Симбирске семь мельниц, за которые они предложили на торгах по 400 руб. ежегодно.[7]

---

[1] С. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, 1899, стр. 80.

[2] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1887, стр. 6.

[3] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», 1—5 вып., стр. 10.

[4] И. Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства.

[5] «В этой ржи овинов в десять, пуд пшеницы, три четверти овса, четыре овина проса, да льну».

[6] Л. Вейнберг, Очерк с.-х. промышленности Воронежской губ., вып. I, стр. 54.

[7] А. Н. Зерцалов, Материалы для истории Синбирска, 1896.

Однако беглые не добились успеха на новом месте, где «они не покидали сферы сословного строя, образовав лишь новое сословие, и сохранили свой прежний способ работы».[1] Хозяйство беглых на новом месте не было устойчиво; в любой момент оно могло быть разрушено.[2] Указы в XVII в. предлагали изгонять с новых мест и закрепощать крестьян, которые «учнут жить» на «пустоши и диком поле». В лучшем случае они насильственно возвращались на «старые места».[3]

На *годы кризиса* падает подавляющее число беглых крестьян. Это подтверждают данные отдаточных книг «беглым людям и крестьянам, которые сысканы по розыску». Случайно ли «отдаточные книги» заводятся в 60-х гг. XVII в.? Не случайно. В третьей Шацкой книге по Козловскому уезду за 1664/1665 г. приводится список 2 994 беглых, пойманных в Козловском у. и возвращенных своим помещикам центра России. В другой Шацкой книге насчитывается не меньше 1 000 беглых, по Алаторской книге — не меньше 3 000 беглых. Мы можем указать, как распределялся 341 беглый крестьянин, пойманный в Козловском уезде, среди помещиков: от 1 до 5 беглых крестьян приходилось на 61 помещика, от 6 до 10 — на 36, от 11 до 20 — на 14, от 21 до 30 — на 2 и свыше 40 крестьян на одного помещика.[4] Такая охота на беглых происходила только в конце XVI в. Беглые возвращались помещикам «з женами, з детьми, животами, хлебом стоячим и молоченным и земляным», т. е. имущество у них полностью конфисковалось.[5] Такой нажим на крестьянство колоний в 60—70-х гг. XVII в. не мог не вызвать упорного сопротивления.

Крестьянское население отличалось значительной диференциацией. Крестьяне одного и того же села обрабатывали не одинаковое количество земли: в пределах Чебоксарского и Нижегородского уездов отношение высшей группы крестьян к низшей составляло 5 : 1

---

[1] Маркс, Капитал. т. I, стр. 245.

[2] В 1626 г. в Бельском у. бежал крестьянин и «унес» с собой: 3 лошадей ценою 15 руб., 2 коров — 8 руб., 10 свиней — 6 руб., 2 помещичьих лошадей; у беглых трех олексинских крестьян оказалось: 50 четь хлеба, 30 ульев пчел, 50 свиней, 90 копен ржи. В Мценском у. у беглых оказалось 100 овец, 10 свиней, 8 коз, жернова, штаны, 6 овчин бараньих, посуда и т. д. В 1630 г. помещик Апухтин предъявил иск к беглому крестьянину: 1) за три года (7135—7138) крестьянка с мужем должна была ежегодно исполнять следующие повинности в пользу помещика: а) запашка ржи 2 дес., овса 2 дес., по 10 коп. ржи и овса, эта повинность ежегодно — 40 четь ржи, 50 четь овса; б) мелкий доход — 2 барана, 2 туши мяса свиного, 5 грив. масла коровьего, 2 курицы; в) к Москве 2 подводы; г) укос сена 30 копен, д) сумму уплаченных помещиком за ту пустую выть податей в эти 3 года и т. д. (Е. Сташевский, Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, Киев, 1913, стр. 224—225).

[3] Грамоты Коллегии экономии Казанской губ., 11505/48, л. 88.

[4] Пользуемся случаем для того, чтобы отметить, что «отдаточные книги» еще никем не изучались. Между тем они содержат богатейший материал по истории беглых крестьян и их диференциации.

[5] Литература о беглых небогата. См. П. И. Кёппен, О народных переписях в России — «Записки «ИРГО», 1889, VI, а также работы А. Новосельского в «Ученых записках» РАНИОНА.

($7\frac{1}{2}$: $1\frac{1}{2}$ дес.), иноземцев — 13 : 3 ($6\frac{1}{2}$: $1\frac{1}{2}$ дес.), мордвы 6 : 5 ($1\frac{1}{2}$: $1\frac{1}{4}$ дес.). Имеются данные 1671 г. о расслоении крестьянского населения активнейшего участка движения—сел и деревень Верхоценской и Рыбной пустоши монастырских вотчин Тамбовского уезда.[1] Тягловое бремя было не одинаково наложено на деревни: тягло 270 дворов в одних селах и деревнях составляло 10 вытей,[2] в других 275 дворах распахивали $7\frac{1}{3}$, в третьих 384 дворах распахивали $13\frac{1}{4}$ и 242 — $7\frac{1}{6}$ вытей и т. д. В таком случае неодинаковой была и тяжесть работы отдельных работников: на долю одного рабочего одной и той же или разных деревень приходилось распахивать $^3/_8$, $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_3$, $^1/_{16}$ кола пашни. Так же были диференцированы бортники Нижегородского края: отношение численности крайних групп русских бортников (за 1642—1668 гг.) составляло 10 : 1, мордовских— 14 : 1. Мордовские бортники были часто богаче русских. Среди церковных крестьян часто преобладали «лутшие»: в восьмидесятые годы XVII в. 22 села церковных крестьян Темниковского у. Тамбовской губ.[3] имели 407 дворов «лутших», 2 028 — средних и только 152 «меньших». Маломощные крестьяне были только в четырех, средние — в 20 и крепкие крестьяне — в 13 селах из 22. Надо думать, что не земледелие было основным занятием церковных крестьян. Об этом говорит слабая обеспеченность крестьян землей: на 11 «лутших» и 48 «молодчих» приходится церковной земли 18 дес. В с. Уреях Пензенского уезда, в Красной слободе Тамбовского уезда на 90 «лутших», на 6 средних и 29 «молодчих» крестьян приходится 30 десятин земли и т. д. Такое количество земли не могло служить источником для возникновения «лутших», да еще в таком значительном числе.

В «активном» районе большую роль играло кулачество. Лысковский и Мурашкинский районы выделялись своей торговлей.

Мурашкино было торговое село: в 1624 г. на 400 дворов было 57 крестьянских лавок, 38 полулавок, 36 полок, 15 кузниц и 5 харчевен, которые обслуживали повидимому весь Мурашкинский район. Среди ремесленников-бобылей было 16 профессий. На первом месте среди них шли плотники и мясники. Среди ремесленников были токарь и серебряник, которые повидимому обслуживали потребности богатых групп населения. В полулавках, надо думать, крестьяне торговали своим собственным товаром: рядом с наименованием хозяина часто указывается его профессия. Среди крестьян деревень встречаются такие профессии, которых нет среди жителей села Мурашкина — кожевник, свечник и калачник. Сравнительно большое число кузниц указывает на интенсивную хозяйственную деятельность крестьян. Из 11 мельниц 8 принадлежали крестьянам.[4]

---

[1] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1911, в. 45.

[2] Выть составляла 16 колов, кол «высевается ржи в московскую меру по 3 четв. с осминою в поле, а в дву по тому ж», в других деревнях высевалось по 4,5 и 8 четв. в одном поле.

[3] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1887.

[4] Данные по Мурашкину и Лыскову взяты из списка с «писцовых книг Курмышского у. дворцовым селам Мурашкину и Лыскову с проселками и 3 деревнями и пустоши письма и меры Семена Жеребцова 132, 133, 134 г. четвертной пашне».

Мельник в деревне — обычно ростовщик; если расположить торговые заведения по восходящей линии платежей по дворцовому ведомству на одно заведение, то получим: полулавку (в среднем 18 денег), полку (20), лавку (26), кузницу (58) и мельницу (минимум 210, максимум 2 000 денег). Мельница таким образом платила в среднем от $10^1/_2$ до 111 раз больше полулавки.

Мельницы на оброке держались «непахотными» крестьянами: мельник крупнейшей мельницы платил оброк в 292 раза больше средней лавки.

Роль денежных отношений в Мурашкинском районе характеризуется еще одним важным фактом: 1 село, 3 приселка, 15 деревень и пустошь были на *денежном* оброке. Только за *денежный* оброк крестьяне распахивали 1 538 десятин, т. е. 40% всей пашни.

Торговый характер Лыскова характеризуется имевшимися 30 лавками, 15 полулавками, 47 полками, 38 амбарами и 14 кузницами. Высшая категория лавочников была сильнее низшей на 100%, полулавочников — на 150%, хозяев полок — на 1250%.

Каковы были взаимоотношения крестьян с дворцовым ведомством? У нас нет данных об этом. Нам только известно, что монополия дворцового ведомства на перевозы, мельницы, водку, квас и бани стесняла крестьян. Поборы с крестьян были тоже значительны: они платили ямские, 13 крупных дворцовых налогов, в том числе и налог за «лошадиные водопои» и за всякие мелкие расходы. Если прибавить сюда налоги за доходные оброчные статьи, то получим еще 26 видов всяких налогов. Все же жизнь дворцовых крестьян следует считать райской в сравнении с тем временем, когда Лысково и Мурашкино были вотчинами Морозова. Приказчики Морозова вмешиваются в производственную и личную жизнь крестьян; каждый шаг крестьянина регламентируется: вступление в брак, посещение церкви, работа в вотчине и т. д.

Между Макарьевским монастырем и селом Лысковым шла давнишняя вражда, возникшая на почве привилегий, которыми монахи пользовались за счет крестьян. Между обоими берегами Волги был перевоз, и монахи, чтобы лишить лысковцев выгоды, доставляемой перевозом, построили церковь и перевоз на правом берегу. Отсюда возник целый ряд столкновений, которые нередко оканчивались драками и «смертным убийством».[1]

Неземледельческие занятия были развиты не только среди дворцовых крестьян. Монастырские «вкладные» проливают свет на диференциацию крестьян: суммы, вырученные крестьянами от продажи Мамонтовскому монастырю своего имущества, колебались между 2 и 156 руб., пожертвования — от 7 до 300 руб.[2] Полковые казаки были богаче крестьян: продажи монастырям колебались от 6 до

[1] П. Смирнов, Нижегородские казенные кабаки. «Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XVI.

[2] Подсчитано по книгам И. Н. Николаева, «Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края», Тамбов, 1884, и П. Пискарева, «Мамонтова пустынь Тамбовской губ.», 1887.

320 руб. и пожертвования от 10 до 15 лисиц. Полковые казаки, находящиеся в лучшем положении, не так щедро жертвовали монастырям: они меньше крестьян опасались захватнической политики «нищей братии». Продолжительная налоговая практика духовенства выработала нормы обложения «молодчих», средних и «лутших» в деревне и в городе. В городе налог взимался с этих групп пропорционально 1 : 2 : 6, а в селах — 1 : 2 : 4.[1] Эта пропорция еще не дает представления о степени диференциации, так как в действительности противоположность была гораздо резче.

Крестьяне «активного» района вели большую торговлю по Оке, Волге и Дону. Крестьяне торговали солью, рыбой, хлебом, владели крупными судами, откупами, извозами, мельницами, выбирались в целовальники, таможенные головы.

Почти исключительно в руках крестьян находились на откупу мельницы и перевозы. Откупщик-мельник из крестьянской среды вытеснял посадских и детей боярских. В хлебной торговле на Оке и Волге крестьянская и городская буржуазия играла большую роль. Крестьяне-торговцы выделяются не только величиной оборотов, но и ассортиментом. Купцы и посадские большей частью торгуют только рожью и пшеницей, а крестьяне — рожью, пшеницей, коноплей, ячменем, гречихой, житом и горохом. В руках крестьян был сосредоточен ростовщический капитал. Перевоз на реке Оке и мостовщина были отданы на откуп «крестьянам с товарищи». На крупных торгах крестьяне удачно боролись с посадскими. Расслоение крестьян видно из того, что на Пяткинской мельнице на реке Цне было 100 рабочих.[2] У многих крестьян вотчины Б. И. Морозова были судовые, соляные и пр. промыслы.[3] На откуп 13 озер и двух заводей в Свияжском уезде конкурировали крестьяне, бобыли и посадские. Крестьянская буржуазия пользовалась даже большим кредитом: лысковский крестьянин Ивашко Антропов, торговец солью, получил у Морозова заем в две тысячи рублей, его же крестьяне были откупщиками мельниц, «вина и сусла». Крестьянин с. Лыскова Исаев вез из Астрахани «небольшое судно с солью, а у Ивана Спешнева с Петром был промысел судовой большой». Следует иметь в виду, что эти крестьяне нанимали рабочих и приказчиков. В некоторых переписных книгах указывается на наличие *наемных* рабочих у крестьян: в с. Толмине Казанского у. в 1646 г. на 164 крестьян было 18 «наймитов», в д. Мысу — того же уезда 9 «наймитов» на 79 крестьян.[4]

В вотчинах Б. И. Морозова было немало крестьян, занимавшихся отхожими промыслами в Москве и в городах по Волге.

Владельцы бортных участков экспортировали мед за пределы своего края. Судя по вкладным книгам, крестьяне Верхоценских

---

[1] И. Шимко, Патриарший приказ, 1894.
[2] Н. Дубасов, Материалы по истории Тамбовского края, т. IV, стр. 37.
[3] Хозяйство крупного феодала-крепостника, 1933.
[4] Переписная книга г. Казани за 1646 г., изд. ИАИ, 1933.

сел (Тамбовского уезда.) владели большими бортными участками. Вкладные книги говорят о больших богатствах крестьян, которые продавали и жертвовали монастырям Тамбовского, Пензенского и Нижегородского уездов значительные доли своих владений.

От крупных и мелких феодалов крестьяне спасались в монастырях и патриарших слободах. Последние до 1649 г. имели право освобождать крестьян от постройки городов, ямской повинности, постоя солдат, доставки подвод и т. д. Крестьянские вклады монастырям, как это ни хочется «святителям», меньше всего были вызваны религиозными соображениями. Для того чтобы получить представление о значении церковно-монастырских привилегий, приведем следующие цифры: монастырские крестьяне составляли среди ремесленников Нижнего-Новгорода в 1664 г. 19,88%, среди торговцев — 17,79%, совмещали работу по найму с торговлей 42,04%.[1]

В Казанском архиерейском доме работали кожевники, калачники, мучники, скорняки, скатертники, кумачники, котельники и т. д.

Монастырские крестьяне имели *собственные* суда, которые «ходили в Астрахань с запасом, а оттуда с солью и рыбой». Шесть стругов одного монастырского крестьянина Нижнего-Новгорода возвращались из Астрахани «с заморским товаром». Один монастырский крестьянин «ездит за море за товарами».

Крестьянин жаждал попасть в монастырь, дабы избавиться от посягательств крупного помещика. Желая откупиться от монастырей, крестьянин давал свои вкладные «на помин души» или продавал монастырю за бесценок часть своего надела. Крестьяне, не имевшие права продавать свою землю, нашли способ обходить запрещение: продажа часто совершалась под видом или уступки или дарения. Крестьяне часто постригались в монастыри под видом «убогих», чтобы избавиться от закрепощения. В 1657 г. помещики и дети боярские Казани, Свияжска, Тетюшей и других городов жаловались, что «их деревнишки стали пусты» из-за того, что крестьяне переходят в патриарши владения «за льготы». Часто мелкие помещики были бессильны перед насильственным патриаршим свозом их крестьян.

Патриаршие монастыри имели еще право приписывать незакрепощенных крестьян. Находилось конечно немало «гулящих» крестьян, готовых выгоднее себя продать на том основании, что якобы на них нет претендентов. Крупные торговцы-крестьяне были часто связаны с монастырями: вдова Оксинья Митрофановна показала, что ее муж, крестьянин Саввинского Спасского монастыря (Ярославского уезда), с сыном своим вел большую торговлю «с многими русскими и немецкими городами». После смерти мужа она предъявила иск к ограбившим ее на 20 тыс. руб. Ярославские патриаршие крестьяне Михеев и Ворошины были щедро вознаграждены за то, что, будучи в Пскове у льняного дела, они «государю учинили прибыль». Патриарший крестьянин Ефимов получил 1 908 руб. за краски «на иконное

[1] «Переписная книга по Н.-Новгороду за 1664 г.».

письмо». [1] Богатые монастырские крестьяне даже приписывались к гостиной сотне. Максим Шаровников, крестьянин Богоявленского монастыря Костромской губ., в 1682 г. был переведен в гостиную сотню, так как он «крестьянин добрый и прожиточный и многие торговые промыслы в Сибири и в Астрахани и у г. Архангельского и за морем у него есть. И приказчики его в тех городах для торговых промыслов живут беспременно». Жители Спасской слободы Ярославского монастыря ездили с товарами и приказчиков посылали в Архангельск, Сибирь, Казань, Астрахань, Персию. [2] Монастыри так привлекали крестьян, что в 1666 г. даже мордва деревни Городище (Тамбовской губ.) отказалась от своих земельных владений и поселилась «за Троицким монастырем». [3] Целые монастыри заселялись исключительно беглыми не только из помещичьих, но и из дворцовых сел: так например Новоспасский монастырь Шацкого у. с 1648 г. заселялся беглыми из дворцовых сел.

Активный район характеризуется ростом ярмарок, устраивавшихся в первую очередь при монастырях, которые этим привлекали крестьян. При некоторых монастырях возникли ярмарки общенационального значения. Макарьевская ярмарка под Нижним-Новгородом собирала торговцев местных, из Москвы, Астрахани, Казани, Сибири, Украины и из-за границы. Низовые города доставляли на ярмарку соль и рыбу, лысковцы — полотно, мурашкинцы — рукавицы, тулупы и шапки, керженцы — посуду, Заволжье — шляпы и валенки, нижегородцы — до 30 000 пуд. хлеба ежедневно в Астрахань и Москву, поташ за границу. Крестьянская торговля на крупной ярмарке ограничивалась Макарьевским монастырем, которому накануне разинщины принадлежало около 4 000 крестьян.

Московские монастыри (Троице-Сергиева лавра, Новоспасский, Чудов и др.) высылали на Волгу крупные рыбные артели. Рыбный промысл на Волге находился в руках крупных архиерейских домов, владевших тарханными грамотами. Особенно успевали в торговле учреждения патриарха, казанского и астраханского митрополитов, Троице-Сергиева, Чудова, Свияжского Богородицкого, Казанского, астраханских и прочих монастырей. [4]

Монастыри производили большие ростовщические операции хлебом. Часто они скупали наличный хлеб и заставляли голодающее население покупать его по непосильной цене. В неурожайный 1671 г. отовсюду слышались жалобы на монастыри. Так например Калдаловский монастырь Тотемского района, пользуясь голодным 1671 г., «всякой хлеб с осени закупил во многих местах из Устюжского уезда». Этот монастырь ухитрился провезти только мимо одного г. Тоть-

---

[1] Расходная книга Сибирского приказа 7149 г., л. 38, 51. Цитирую по собранию Гамеля, т. II, стр. 565.

[2] Грамоты Коллегии экономии 1626 г., № 14800/52.

[3] От 1640 до 1686 гг. в Мамонтовой пустыне насчитывается 32 вкладных, 11 купчих, 6 мировых и 4 раздельных записи. «Вкладная» была часто замаскированной купчей.

[4] ЛОЦИА, Книга указов XVII в., л. 175.

мы 3 000 подвод с хлебом, в то время как «многие люди от хлебной скудости с голоду помирают».

Патриаршие слободы в первой половине XVII в. развивались очень быстро. За три года после составления уложения (1649—1652 гг.) от духовенства к светской власти перешли 21 036 посадских дворов. Хотя под покровом монастырей быстро развивалась промышленность, но еще далеко до вывода, что церковно-монастырское хозяйство было прогрессивнее светского. Между политикой духовных и светских феодалов не было никакого принципиального различия.

Разгром церковного землевладения в Западной Европе сопровождался усилением торгово-капиталистических центров. У нас же этому процессу сопутствовало усиление крепостнических форм землевладения. Борьба церковно-монастырского капитала против светского в Московском государстве имела прогрессивный характер лишь постольку, поскольку основной силой движения было закрепощенное крестьянство, боровшееся под покровом церковной идеологии за свободу товарных отношений: за 165 монастырями в 77 городах-посадах в середине XVII в. было 4 749,5 дворов, из которых 83,3% составляли дворы крестьян и бобылей: около 25% монастырей имели в городах крестьян и бобылей.

Положение крестьян начинает значительно ухудшаться с 50-х гг. XVII в., когда в колониях с новой силой стали ограничиваться права монастырского землевладения. В переписной книге казанского архиерейского дома 1646 г. (составленной еще до уложения) уже нет архиерейских торговцев-крестьян. Жалобы крестьян усиливаются с того времени, когда правительство стало ограничивать права патриарха и церкви. Нажим на крестьян тогда удесятерился. Поэтому со второй половины XVII в. начинается повальное бегство крестьян из монастырей; так например в 8 селах активного Темниковского района за 50—90-е гг. число крестьянских дворов при церквах уменьшилось с 584 до 403, причем в трех селах из восьми число дворов уменьшилось на 50%.[1] Беглые, как и в Западной Европе, пытались спастись в городах, но оттуда их изгоняли, так как «крестьяне — не посадские люди и на посаде не живали».[2] Беглые сотнями направлялись большею частью на Дон. Крупные вотчинники, как и монастыри, имели возможность своеобразно «регулировать» крестьянскую торговлю: разрешали ярмарку в одном месте, запрещали в другом и т. д. В 1660 г. заведующий таможней боярина Морозова возбудил вопрос о запрещении крестьянского базара в с. Старом Покровском, где «торгуют беспошлинно», и о принуждении торговать в с. Мурашкине, чтобы «от недобору вконец не погибнуть». Крестьяне села Лыскова заявляют Морозову, что они обеднели и не в состоянии снабжать своего вотчинника рыбой из-за того, что рыбный откуп находится в руках Шорина, крупного купца того времени.[3]

[1] Подсчитано по книге В. И. Холмогоровых, «Материалы для истории статистики и археологии Темникова в XVII и XVIII вв.», Тамбов, 1890.

[2] Грамоты Коллегии экономии. Дела Чебоксарские, 14434/4, л. 13.

[3] Хозяйство крупного феодала-крепостника, 1933.

Симбирские крестьяне, «скудные, бедные, помирали голодной смертью», так как они не имели права ловить рыбу в истоках и озерах, которыми владели государевы откупщики.[1]

Наконец со второй половины XVII в. государственными и монастырскими кабаками начинает вытесняться бортный промысел крестьян. Медоварение было столь выгодным предприятием, что глава казанского архиерейского дома «святитель» Гурий предложил спаивать инонационалов, «поити их у себя квасы и посылати их поити медом».[2] Запретив медоварение, правительство сделало кабак источником своих доходов. Соблюдая свои интересы, кабацкие головы обязывались собирать кабацкие деньги с прибылью, для этого они могли действовать «бесстрашно и в том приборе никакого себе опасения не держать», а главное — «питухов от кабаков не отгонять». Правительство добилось своего: кабаки давали не меньше 1 500% дохода.

Крестьяне не в состоянии были выдержать конкуренцию с крупными пасечниками: один Ромодановский имел в районе Белгородской черты (635) немного меньше пасек, чем десять мелких помещиков (743). Крестьянское бортное хозяйство было слабее помещичьего.[3] Только очень крупное крестьянское купечество ставилось в относительно привилегированные условия: свободными временно оставались только те крестьяне, которые «торгуют свалными большими товары, ходят судами и торгуют данными отъезжими товары».[4]

Городское купечество также требовало ограничения крестьянской торговли. С соответствующей декларацией выступали в 1649 г. московские гости, просившие запретить крестьянскую торговлю, «как это было при государе, царе и великом князе Иване Васильевиче». Провинциальное городское купечество разгоняло крестьянских торговцев.

В 1649 г. в Галиче приказано было крестьянам продавать или снести «дворы своя, лавки и амбары», которые находятся на черной земле, и в варницах соли не варить. В противном случае предложено имущество крестьян конфисковать.

В 1669 г. поступило заявление Ипатьевского монастыря Костромской губ. о том, что костромское купечество «волочит земскую избу и сажают в чепи и в железа торгующих крестьян и бобылей».[5] А эти крестьяне «кормились своими торговыми промыслами и ремесленными рукоделиями», — это были портные, сапожники, скорняки, кузнецы и т. д. Такие выступления городской буржуазии против крестьянского купечества происходили неоднократно в районе Оки и верховьев Волги. В 1588 г. торговцы-крестьяне в Туле составляли 31%, в 1625 г. — 8,55%, в 1685 г. — 0,58%.[6]

---

[1] А. Н. Зерцалов, Материалы для истории Синбирска и его уезда, Симбирск, 1896.

[2] И. Покровский, Казанский архиерейский дом, 1906, стр. 98.

[3] И. Токмаков, Материалы по истории пчеловодства в России, 1885.

[4] Грамоты Коллегии экономии 1626 г., № 14840/52.

[5] И. Миловидов, Содержание рукописей Ипатьевского монастыря, 1887, стр. 34.

[6] Г. Белоцерковский, Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв., Киев, 1914.

«Активный» район восстания отличался тем, что крестьянская торговля в нем, вопреки ограничениям, до разгрома разинщины занимала значительное место, в то время как «участие крестьян в торговле и промыслах в пригородных местностях Замосковного края оказалось ничтожным». [1]

Хотя в активном районе, как и в Замосковном крае, происходило сокращение крестьянской запашки, однако *в колониях были еще значительные массы незакрепощенного крестьянства, которые исчезают посла разгрома разинщины*.

О степени расслоения населения активного района восстания можно наконец судить по данным о численности бобыльства. В монастырях при церквах района помещичье-монастырской колонизации бобыли составляли значительную общественную группу. [2]

Что представлял собой бобыль? «В Воронеже на посаде слобода боярина Н. И. Романова, а в ней 70 чел. бобылей живут на время для промыслов». «В вотчине Б. И. Морозова бобыль побрел из с. Лыскова с торговым промыслом в Астрахань». [3]

Бобыли Белева Спасского монастыря «разъезжают по торгам и по промыслам». Бобыли Свияжского Богородицкого монастыря торговали астраханскими товарами и хлебом. В этом же монастыре «бобыли без пашни, кормятся от кожевных промыслов и черною работою». И те бобыли «денежные и хлебные и всякие подати платят с посадскими людьми вместе». [4]

Выбранный в целовальники козьмодемьянский бобыль Ильин «животами прожиточен». Бобыль Микишка Макаров вотчины Морозова купил 250 п. соли. [5] В с. Архангельском Казанской губ. было много бобылей, впоследствии перешедших в казанское купечество. В Свияжском у. Казанской губ. дворцовые бобыли арендовали рыбные ловли. [6] С другой стороны, мы имеем бобылей-рабочих, голытьбу и т. д. На церковной земле с. Мочасово (Нижегородская губ.) «живут бобыли и питаются от церкви божией и *работают на попов*». [7] Про усманских бобылей сказано: «Земляные дачи за ними нет, кормятся *работою*». Про бобылей тверской вотчины Морозова указано, что они, как безземельные, не платят тягла.

Среди лысковских церковных бобылей насчитывается 11 профессий. Среди них встречаются уже такие профессии, которых не было в Мурашкине: шерстобит, угольник и мыльник. Зато здесь отсутствуют более квалифицированные ремесленники — серебряники и токари и преобладают портные. Среди крестьян отмечено всего 6 профессий: больше всего среди крестьян было овчинников. В Лыскове

[1] Ю. Готье, Замосковный край, стр. 530.
[2] И. Покровский, Казанский архиерейский дом, 1906.
[3] Хозяйство крупного феодала-крепостника, изд. ИАИ, 1933.
[4] И. Покровский, Казанский архиерейский дом, 1906.
[5] Хозяйство крупного феодала-крепостника.
[6] С. Мельников, Акты исторические и юридические, Казань, 1859, стр. 131.
[7] Выписка из писцовых книг на с. Мочасово, «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», 1913, т. XV, вып. 2, стр. 9.

бобыльские дворы составляли 69% всего числа дворов. Это — признак значительного расслоения населения.

Оброчные бобыли в с. Мурашкине большей частью ремесленники и торговцы. В 252 непахотных оброчных дворах было 295 бобылей; подсоседники и захребетники среди них составляли 12%. Среди оброчных бобылей насчитывалось 29 профессий; по численности первое место занимают кузнецы, калачники и портные. Здесь мы уже встречаем совершенно новые профессии — гусельника, скомороха, зелейщика и иконника. Разделение труда здесь уже пустило глубокие корни.

Бобыльство в колониях в середине XVII в. возрастало, тогда как в метрополии оно уменьшалось или стабилизовалось.[1] В начале XVIII в. бобыльство почти повсеместно исчезает: в середине XVII в. бобыльство во многих местах колоний преобладает над крестьянством. В конце XVII в. наблюдается другая картина: так например в 1692 г. в Починковской волости Темниковского уезда бобыльские дворы составляли 9,8%, в Сергацкой волости Арзамасского уезда — 3,5% общего числа дворов.[2] Захребетники в с. Ильинском, Рождественском и Кочкурине в 1692 г. составляли 6,3% населения.

В Мурашкинской переписной книге указывается: «Захребетники, которые кормятся работой в наймах, а своих дворов нет». В Лыскове накануне разинщины подсоседники и захребетники составляли почти 25% взрослого мужского населения. У каких владельцев было больше бобылей?

Таблица 13

Категории крестьян в семи уездах замосковного края за 1677—1678 гг.[3]

	Задворных людей	Крестьян	Бобылей
	дворы в %.		
На поместной земле . . .	9,2	68,4	22,4
» вотчинной » . . .	6,7	70,2	23,1
» монастырской земле .	5,4	72,3	22,3

Мы видим почти одинаковое количество бобылей на земле вотчинников и монастырей и меньше на земле поместий. Задворных людей было больше на поместной земле и меньше на монастырской.

[1] По данным Ю. Готье видно, что в 20-х гг. XVII в. в некоторых уездах Замосковного края бобылей было в 2,5 раза больше, чем в 1592—1594 гг., а пропорционально их количество успело возрасти даже с 1616 г., достигая к 20-м гг. до 43% всего тяглого населения. С 40—50-х гг. начинается сокращение бобыльства. В колониях бобыльство начинает сокращаться гораздо позже, примерно в конце XVII в.

[2] Подсчитано нами по № 9 «Приказа воинского морского флота» 1692 г., № 70.

[3] Подсчитано по книгам Денежного стола за № 211—212 за 1677—1678 гг. ГАФКЭ (см. табл. 14).

Ю. Готье[1] соглашается с Беляевым, Дьяконовым, Лаппо-Данилевским в том, что бобыль — обедневший, опустившийся в хозяйственном отношении крестьянин. Буржуазного историка ввела в заблуждение официальная терминология. Только Б. Д. Греков, правда нерешительно, выделяет некоторые случаи зажиточных бобылей. Бобыли были продуктом разложения феодального общества и давали элемент, стоящий вне тяглого общества. Наличие огромных масс бобыльства свидетельствует об обострении классовых отношений, наличии огромной массы, которая была «кандидатом» для перевода на барщину. Исчезновение бобыльства Ю. Готье объясняет ликвидацией кризиса, порожденного «смутой».[2] В действительности же исчезновение бобылей, захребетников, подсоседников и т. п. категорий объясняется реставрацией феодальных отношений, победой «нового» феодализма. Последний в колониях победил позже, чем в метрополии. Поэтому естественно бобыли исчезли там позже, чем в метрополии. Наличие же большего количества бобылей на земле вотчинников и монастырей является показателем того, что последние были больше связаны с рынком, чем поместья.

Среди задворных людей перечисляются конюхи, плотники, мельники, кузнецы, рыбаки, бочары, тележники, портные, часовники, колесники и т. п. ремесленники. Среди задворных людей встречаются деловые, т. е. те же ремесленники. Наличие задворных, деловых и дворовых людей показывает, что все категории помещиков начинают широко применять барщинный труд. Бобыльство все же было своеобразной отдушиной в системе натуральных отношений. Рост задворных — показатель степени развития товарных отношений на феодальной основе. Исчезновение бобыльства — признак реставрации натуральных отношений, полнейшей «заделки» той бреши, которая существовала в натуральном крестьянском хозяйстве. Наше положение подтверждается анализом данных, относящихся к Вологодскому уезду за 1677—1678 г.[3] В Вологодском уезде мы насчитали 83,0% крестьянских, 14,9% — бобыльских и 2,1% задворных дворов. Общеизвестно, что на севере было слабо развито крепостничество и более развиты денежные отношения: недаром бобыльских дворов было здесь в 7,0 раза больше дворов задворных людей, в то время как в семи уездах Замосковного края (см. табл. 14) на поместной земле бобыльских дворов в 2,4 раза больше, на вотчинной земле в 3½ раза больше, на монастырской земле — в 4,1 раза больше, чем дворов задворных людей.

Ухудшалось беспрерывно не только положение крепостного крестьянства. Беспрерывно падала номинальная и реальная заработная плата сельскохозяйственного батрака: наемные полевые работники в 1591—92 гг. в Тихвинском монастыре получали за летний сезон 3 руб., в середине XVII в. в Галичском уезде — столько же; в

---

[1] Замосковный край, 1906, стр. 133—135.
[2] Там же, стр. 262.
[3] ГАФКЭ, Книга Денежного стола № 212 за 1677/78 г.

Таблица 1…

Состав населения в семи уездах Замосковного края в 1677—1678 гг.[1]

Поместья

Уезды	Число населенных пунктов: Села	%	Сельца	%	Деревни	%	Итого	Число дворов: Затворных людей	%	Крестьян	%	Бобылей	%	Итого
1. Московский	41	25[illegible]	3[illegible] 5/6	23,8	79 5/6	50,3	15[illegible] 2/3	201	29,2	465	67,6	22	3,2	688
2—3. Ростовский и Бежецкий	95 9/10	13[illegible]	126 1/2	[illegible]	464 1/2	67,[illegible]	68[illegible] 9/10	135	3,9	2456	71,5	844	24,6	3435
4. Переяславль-Залесский	57 1/[illegible]	1[illegible]	[illegible]21 11/12	[illegible]	113 1/2	38,[illegible]	202 [illegible]/12	144	8,[illegible]	[illegible]027	63,1	457	28,1	1628
5. Дмитровский	2[illegible]	[illegible]	58 1/3	24,3	160 [illegible]/6	66,9	239 3/1[illegible]	80	8,9	523	58,0	298	33,1	901
6. Звенигородский	3	2[illegible]	8 [illegible]/3	53,3	[illegible]	26,[illegible]	1[illegible] [illegible]/3	10	11,5	6[illegible]	77,0	10	11,5	8[illegible]
7. Вяземский	23 1/3	[illegible]	59[illegible]	16,4	249 1/12	70,43	326 3/10	153	14,1	803	73,9	130	12,0	1086
Итого	21[illegible] 3/20	[illegible]	40[illegible] [illegible]/30	23,6	1071 1/12	62,4	171[illegible] [illegible]/15	723	9,2	5341	6[illegible],4	1[illegible]61	22,4	7[illegible]25

Вотчины

Уезды	Число населенных пунктов: Села	%	Сельца	%	Деревни	%	Итого	Число дворов: Затворных людей	%	Крестьян	%	Бобылей	%	Итого
1. Московский	156	16,1	233 1/12	24,1	578 2/3	50,8	96[illegible] 3/4	[illegible]97	12,[illegible]	5325	75,2	860	12,1	7[illegible]82
2—3. Ростовский и Бежецкий	12[illegible] 5/6	13,0	[illegible] 123/128	9,3	740 1/3	[illegible]	953 [illegible]/6	328	3,6	6347	70,2	2393	26,2	9[illegible]38
4. Переяславль-Залесский	[illegible]4	15,0	11[illegible] 3/4	23,9	302 2/3	61,1	495 5/12	[illegible]4 1/2	3,[illegible]	2[illegible]6[illegible]	5[illegible],8	1[illegible]6	37,5	[illegible]46 1/2
5. Дмитровский	52 1/3	13,3	116 1/6	29,6	224 5/6	5[illegible]	393 1/3	150	6,5	17[illegible]4	70,4	561	23,1	243[illegible]
6. Звенигородский	[illegible]7	23,9	17 [illegible]/3	24,0	37	52,1	71	44	6,4	48[illegible]	70,5	160	23,1	691
7. Вяземский	[illegible] 5/6	9,2	31 2/3	16,4	147	[illegible],4	196 1/2	84	7,9	954	90,0	22	2,1	1060
Итого	442	[illegible]4,5	604 123/128	19,5	2 [illegible]0 1/2	66,[illegible]	3 0[illegible] 1/[illegible]	[illegible]00 [illegible]/2	6,[illegible]	1[illegible]	7[illegible],2	[illegible]861	23,1	[illegible]345 1/2

Монастырские вотчины

Уезды	Число населенных пунктов: Села	%	Сельца	%	Деревни	%	Итого	Затворных людей	Число дворов: %	Крестьян	%	Бобылей	%	Итого
1. Московский	83 1/3	23,6	24	6,[illegible]	24[illegible]	69,[illegible]	352 1/3	6[illegible]	[illegible]3	3205	69,3	750	16,4	[illegible]756
2—3. Ростовский и Бежецкий	92	9,7	5	0,5	854	89,8	951	[illegible]8	[illegible]	6121	7[illegible]	19[illegible]8	23,3	[illegible]407
4. Переяславль-Залесский	48	20,[illegible]	14 1/2	[illegible]	169	7[illegible]	2[illegible] 1/2	75	[illegible]3	29[illegible]	[illegible]	1255	2[illegible]	4232
5. Дмитровский	35	12,[illegible]	26 1/3	9,[illegible]	216	7[illegible]	2[illegible] 1/3	7	[illegible]	2222	[illegible]	274	[illegible]	2503
6. Звенигородский	14	29,8	4	8,5	29	[illegible]1,[illegible]	47	29	[illegible]3	306	4[illegible]	337	49,9	675
7. Вяземский	5	7,2	9 1/2	13,0	5[illegible]	79,8	69 [illegible]/2	2[illegible]	1[illegible]	209	7[illegible]	29	[illegible]8	266
Итого	2[illegible] 1/3	14,4	83 [illegible]/3	4,3	156[illegible]	[illegible],3	192[illegible] 2/3	1128	[illegible]4	1[illegible]07[illegible]	7[illegible]	463[illegible]	22,3	20[illegible]

[1] Данные подсчитаны по книгам Ден[illegible]го стола Разрядного приказа № 2[illegible] и 212 за 1677—1678, ГАФКЭ. Само собою разумеется, что здесь представлено не все крепостное население семи уездов.

1882—87 гг. пеший работник на своих харчах получал 44 р. за сезон и на хозяйских харчах 34 р. Заработная плата сельскохозяйственного рабочего в течение столетий стояла на одном уровне, следовательно фактически понижалась. [1]

Обратимся к выяснению роли промежуточных социальных групп. Своеобразное положение этих групп в южной степной «окраине» России можно видеть из следующих выборочных данных, относящихся ко второй половине XVII в.

	Число крепостников	Число закрепощаемых
Помещики	27	—
Крупная бюрократия	32	—
Мелкие помещики (служилые, дети боярские и пр.)	22	21
Посадские и пр. жители городов	46	14
Казаки	3	25
Крестьяне	—	16
Попы	5	3
Иноземцы	25	—

Эта таблица [2] дает ключ к пониманию, почему *мелкие помещики (дети боярские, беломестные казаки)*, *посадские, придонское и низовое казачество и духовенство колебались между крупными помещиками и крестьянами. Только помещики и крупная бюрократия находились на одном полюсе, крестьяне — на другом. Даже посадские часто пытались превратиться в помещиков: уже в XVII в. политическая позиция нашей торговой буржуазии определилась.*

Описывая диференциацию крестьян, мы не должны терять перспективу. Следует помнить, что «капитализм не разоряет только, а разлагает крестьян на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а создает его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства и у «пролетарского». [3] Как было в феодально-крепостной России? Феодализм преимущественно *разорял* крестьянство, *процессы разложения же были незначительны.* «На практике крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось, приняло наиболее грубые формы, — оно ничем не отличалось от рабства». [4] Это обстоятельство суживало внутренний рынок.

---

[1] В 80-х гг. XVII в. английский городской рабочий зарабатывал 15 фунтов стерлингов, сельскохозяйственный рабочий — 22½ фунта стерлингов в год (H. Cunow, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte», 1929, стр. 477). Следовательно зарплата русского сельскохозяйственного рабочего была ниже зарплаты английского в 30—40 раз. Ю. Арсеньев, Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкой вотчиной, М., 1902 г.; А. В. Шестаков, Наемный труд в сельском хозяйстве России, 1924; Дела Тайного приказа, 1904, III, стр. 351; Приходо-расходные книги Тихвинского монастыря, Архив ИАИ.

[2] Число случаев подсчитано Н. Новомбергским в «Вымученной кабале», 1913, стр. 100, и систематизировано нами.

[3] Ленин, Собр. соч., изд. 1, т. II, стр. 150.

[4] Ленин, Новые статьи и письма, вып. I, 1930, стр. 97 — 98.

«Массовая экспроприация и вымирание громадной части крестьянства слишком еще заслоняют «первые» шаги крестьянской буржуазии».[1] В большей степени это положение Ленина приложимо к крестьянской буржуазии эпохи феодализма и крепостничества.

В эпоху развития «нового феодализма» в колониях крестьянство экспроприировалось и превращалось в придаток к земле. Различные категории среди крестьян (задворные люди, деловые, захребетники, бобыли и т. д.) исчезали: к концу XVII в. тяжесть феодального гнета была нивелирована в метрополии и колониях.

Накопление в крестьянской среде урезывалось и перекачивалось в хозяйство помещиков-феодалов. Крестьянин лишался не только прибавочного, но и необходимого продукта своего труда. Борьба из-за рабочей силы между различными группами владельцев пагубно отражалась на состоянии крестьян: так например борьба из-за бобылей между Мамонтовым монастырем и помещиками привела к тому, что «бобыли в конец погибли и их животина умерла». Хищнический способ ведения хозяйства, крепостническая система, живодерская налоговая политика привели к тому, что техника хозяйства держалась на одном уровне. Методы эксплоатации нашего феодала-крепостника ничем не отличались от методов хозяйничанья Испании в ее колониях; у обоих получались одинаковые результаты: хищническая система надолго задержала развитие производительных сил.

Хотя земельный простор был так велик, что можно было поднимать целину и снова ее забрасывать, однако среди крестьян чувствовалась земельная теснота. Простое воспроизводство крепостного хозяйства было возможно только на экстенсивной основе. Крепостное хозяйство находило выход только в беспрерывной колонизации новых земель.

Недаром упорная гражданская война была направлена в первую очередь против монастырей, крупных феодалов-крепостников, крупного купечества и ростовщиков.

8. ДЕРЕВНЯ В РАЙОНЕ ЕЩЕ НЕ ЗАКРЕПОЩЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА

А) ДЕРЕВНЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ

Какова была картина общественных отношений в Слободской Украине по Белогородской черте, в «пассивном» районе, где восстание нашло слабый отклик?

Слободская Украина колонизировалась теми элементами, которые вынесли на своих плечах тяжесть борьбы против польской шляхты. Колонизация Слобожанщины стоит в тесной связи с событиями на Украине и с экономическим кризисом в России. Поэтому неправ Багалей, считающий, что военнослужилая колонизация предшествовала крестьянской. Массовые выселения безоговорочно опро-

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 123.

вергают мнение Багалея: в 1640 г. Польша пожаловалась на то, что 20 тысяч «изменников-черкас» перебежали в Слобожанщину. В 1654 г. на Слобожанщине считалось 80 тыс. казаков и крестьян.[1] В 1669 г. слободским полкам было предоставлено право беспошлинной торговли и «держать шинки по своим прежним обыкновениям безоброчно и податей и оброков никаких не платить». Правительство обнадеживало колонистов, что «те места жительству угодны, лесами и пашенными землями пространны, рыбными ловлями и звериными промыслы доволны». За это колонисты должны были служить «над изменники-черкасы, над татары промыслы и поиски чинить, государю всякого добра хотеть и искать лучшего». Почти та же служба, которая в конце XVII в. возлагалась на пограничные станицы и сторожи, расположенные по черте от р. Орел через Новгород-Северск, Путивль, Рыльск, Мещерск, Тулу, Епифань, Данков, Ряжск и Шацк, во второй половине XVII в. была возложена на слободские казачьи поселения, размещенные по черте, далеко отодвинувшейся на юг и шедшей от того же Путивля, по направлению не к северу, а к югу, через Суджу, Сумы, Лебедянь, Ахтырку на Харьков, и поворачивавшей к северу на Острогожск. и Землянск. Земля, отведенная колонистам, была хлебородна, богата лесами, сенными покосами. Она давалась по разрядам службы: детям боярским — по $12^1/_2$ дес. пашни, казакам 20 и 40, стрельцам и пушкарям 8 и 15.[2] Дети боярские и казаки получали земли не меньше помещиков в соседнем Курском уезде. Правительственные документы определяют казаков Острогожского полка Ивана Дзинковского, принявших участие в восстании, как «семьянистых и прожиточных»: среди них было 66% богатых и средних и только 30% бедных.[3] Мельница, церковь, скотина и «всякие многие заводы по цене на многие тысячи», оставшиеся после казни Дзинковского, активного участника разинщины, показывают, что этот полк вел большие торгово-ростовщические операции. Указ 1647 г. велел принимать «переезжих людей семьянистых и прожиточных, добрых и торговых, от которых измены не чают, а худых и одиноких» не пропускать. Однако и им Москва мало доверяла, — они отдавались под надзор специальных воевод.[4] Багалей указывает, что на территории Воронежского края образовались две группы украинских поселенцев — одна, входившая в состав Острогожского слободского казачьего полка[5] со значительной внутренней автономией, другая, не получившая таких льгот и рассеянная в разных городах и селениях среди великорусского населения, стремившаяся сохранить свои привилегии, но находившаяся под сильным давлением московских колонизаторов. Очень рано Ост-

[1] Отчет о 37-м присуждении наград Уварова, 1897, стр. 181.
[2] В. Щелканов, История Харьковской губ., Харьков, 1882, стр. 21.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] В состав Острогожского казачьего полка вошли: Коротояк, Урыв, Землянск, Ольшанск, Талецк, Усерд, Ново-Оскол, Короча, Ливны, Ендовище, Перловка, Гвоздевка и пр. (Острогожский календарь 1909 г., стр. 92).

рогожск стал местом все более обострявшейся конкуренции русских и украинских торговцев. Великорусские посадские люди, постепенно начавшие оседать в Острогожске, опираясь на московских воевод и действуя через них, стремились уничтожить привилегированное положение украинцев. Острогожские украинцы жаловались, что пришлые русские люди теснят их, в самом городе заняли своими лавками торговую площадь и нарушают их привилегии.

По данным Миклашевского слобожане были удовлетворительно обеспечены скотом. Жалованная грамота 1682 г. слободским полкам, разрешавшая «пашенные земли пахать и всякими угодьями владеть по их черкасской обычности», констатировала то положение, которое создалось на Слобожанщине после разгрома Хмельницкого. Москва временно отказалась от посягательства на крестьянскую землю Слободской Украины. Крестьяне захватывали огромные земельные участки. В Белогородском уезде «у крестьян земли много, а сколько четвертей той земли — не мерив, сметить не мочно». В Придоньи (в Воронежском уезде) крестьяне арендовали землю на выгодных условиях: в начале XVII в. арендаторы платили по 10 коп., а со средины XVII в. —40 коп. за $1^1/_2$ десятины (четь в трех полях), в то время как аренда земли в Нижегородском у. обходилась от 10 до 15 р. за десятину. Придонский край в начале XVII в. был, — по выражению Вейнберга, — своего рода Калифорниею, куда беглые стремились «добуваться». В степной «окраине» распашка земель шла быстрым темпом: с 1643 по 1686 г. пашня в районе р. Б. Оскола в с. Короваеве увеличилась больше чем в три раза, в д. Сторожевой опочке — в $3^5/_7$ и в с. Пятницком — больше чем в девять раз.[1] Даже в районах, ближе расположенных к Москве, было много «порозжей» земли: в Курском уезде 90% земли не распахивалось, а очевидно было под лесом, лугами, пустошами и пр. Размер пашни на один крестьянский двор был все же значителен: двор вотчинных крестьян Воронежского уезда в 1629 г. имел от $3^3/_4$ до $22^1/_2$ десятин.

Земля, стоившая в конце XVI в. по 20 коп., в начале XVII в. — по 50 коп., продавалась к средине XVII в. по 1 и по 2 руб. за четь.[2]

Приблизительно столько же стоила земля в Симбирской губ.: четверть земли в Корсунском уезде до 1735 г. не превышала одного рубля. Между тем в старых областях Замосковного края, в Вологодской губ., во второй половине XVII в. десятина пашни стоила от 15 до 26 руб. Только одна эта разница в стоимости, помимо других условий, могла вызвать приток колонизации на юг.

Такая земля *покупалась* не только помещиками, но и *крестьянами* с публичных торгов «из наддачи». В сельском хозяйстве колоний применялась *наемная* рабочая сила. Сельскохозяйственный рабочий Воронежской губ. во второй половине XVII в. получал ежемесячно

[1] Писцовая и межевая книга по Старому Осколу. Архив вотчинный, т. III, кн. 79.

[2] Л. Вейнберг. Очерк с.-х. промышленности Воронежской губ., вып. I, 1890, стр. 51.

от 6 до 20 алтын, хозяйские харчи, [1] и был таким образом неплохо обеспечен. Если принять во внимание дешевизну земли в Придоньи, то следует притти к выводу, что только подлинная голытьба продавала свою рабочую силу. Масса крепостных рабочих составляла ядро той «голи кабацкой», с которой «думушку думал Степан». Эта масса вербовалась главным образом из среды тех беглых, которые тысячами покидали Украину после поражения восстания Хмельницкого.

Украинский колонист принес в Слобожанщину плуг, садовое пчеловодство, усовершенствование медоварения, секрет улучшенной выделки кож, производство молочных продуктов и выгодный способ откармливания скота побочным продуктом винокурения — бардою и т. д. Вместе с хлебопашеством в пассивном районе (в особенности в Воронежской губ.) развивались не только лесное, но и садовое пчеловодство, огородничество, бахчеводство, льноводство, хмелеводство, табаководство и овцеводство. Большое место занимала обработка сельскохозяйственных продуктов. Огородничество было не очень значительно развито в поместьях и вотчинах Курского края. Более значительно было хмелеводство. Хмель, как необходимый продукт для варения браги и пива, разводился во всем Курском крае. В XVII в. число хмельников настолько увеличилось в Курско-Белогородском крае, что московское правительство нашло необходимым обложить их денежным оброком. В более обширных размерах существовали в Слобожанщине производства: винокуренное, медоваренное, мукомольное, рыбное, воскобойное, кожевенное, селитряное, шерстобойное, дрожжевое, уксусное, свечное и т. д. Сырье и полуфабрикаты этого района частично через Вологду вывозились за границу. Во второй половине XVII в. кое-где начинается унавоживание полей, применение плуга, организация конских заводов. Быструю эволюцию проделывает мельница: наряду со ступой, домашним жерновом появляются водяная и ветряная мельницы. Эти новые технические приемы и усовершенствования применяются монастырями и светскими феодалами. По нашему подсчету 142 мельницы Слободской Украины и Придонья распределялись следующим образом: 49 мельниц принадлежали монастырям и попам, 22 — крестьянам, 19 — городским жителям, 25 — выходцам из Украины (черкасам), военнослужилому и мелкопоместному элементу — 22, прочим — 5. [2] Эти данные объясняют, из-за чего происходила борьба между монастырями, крестьянами и военнослужилым поместным элементом.

Закрепощение крестьян происходило только в восточной части степной окраины, в Воронежском и Лебедянском уездах. Воронежские и костенские украинцы в начале XVII в. «за измену» были отданы и проданы в работу помещикам. В Лебедянском уезде в 1646 г. мелкие помещики имели 15,06, монастыри — 18,12, крупные фео-

---

[1] Л. Вейнберг, Очерк с.-х. промышленности Воронежской губ., вып. I, стр. 51.

[2] Подсчитано по книге Н. Новомбергского «Продовольственное дело в Московском государстве», т. I, 1914, т. II, 1915.

далы — 66,82% дворов уезда. [1] В Тульском уезде в 1646 г. мелкие помещики имели 48,41, крупные феодалы — 41,45, монастыри — 9,14% дворов. [2] В Лебедянском уезде у двух помещиков было почти столько же селений (15), сколько у 182 помещиков. Другое соотношение классовых сил было к западу от р. Воронежа, по Белгородской черте. Хотя здесь было мало крепостных, однако не прав Д. Багалей, который видит целую пропасть между «крепостными и черкасами, жившими за путивльскими помещиками». Совершенно прав Н. Миклашевский, который считает этих украинцев готовыми кандидатами в крепостные. [3]

Для Слободской Украины, как и всей южной окраины, характерно наличие большого количества мелких помещиков (детей боярских). Они занимались торговлей, строили пасеки и «всякие промыслы владели».

Чернозем, степные и луговые пастбища, чередовавшиеся с густыми лесами, тянувшимися по Донцу и его притокам, по правому берегу Оскола и по берегам Тихой Сосны, создавали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Хлеб отсюда вывозился на Дон и в центральные московские уезды. Таможенные книги южных городов указывают на большой вывоз рыбы с Дона, Донца, Цны и их притоков. [4] В этом районе образовалось несколько пунктов отпускной рыбной торговли, самым крупным из которых был Коротояк.

Иногда крестьяне юга ставились даже в более привилегированное положение, чем дети боярские: указ 1680 г. запретил отдавать детям боярским пасеки с публичных торгов: «Мимо крестьян на оброк не отдавать, чтобы от того угодья не запустели». Повидимому правительство пыталось некоторыми уступками привлечь крестьян на свою сторону. Слободская Украина не поддержала восстание острогожского полковника Дзинковского. Через Белгород на Киев направлялась огромная армия «для разрешения» польско-украинского вопроса. Но развитию восстания мешала не только армия. Слободская Украина находилась *на особом привилегированном положении, казачество еще имело возможность захватывать огромные пространства земли и свободно торговать.* Слободские украинцы, наиболее торговый элемент, требовали отмены внутренних пошлин, свободного пропуска на Дон торговцев. Протестуя против московских монополий, чугуевцы отказались продавать московским солдатам съестные припасы.

Монастыри Слобожанщины были очень богаты: так например змиевский Николаевский монастырь на собственные средства построил кирпичные заводы, рыбные дворы, пивоварки, мельницы, сукновальни, просорушки, сотни ульев и т. д.[5] Однако влияние монастыр-

[1] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1917, 57.
[2] Е. Щепкина, Тульский уезд в XVII в., «Чт. в об-ве ист. и др.», 1892, № 11.
[3] Отчет о 37-м присуждении наград гр. Уварова, 1897, стр. 181.
[4] К. В. Базилевич, Таможенные книги XVII в. как источник экономической истории России, «Проблемы источниковедения», 1933, вып. I.
[5] Е. Максимов, К вопросу о колонизационном значении монастырей Слободской Украины, «Киевская старина», 1887, т. XIX.

ского хозяйства здесь было гораздо слабее, чем в активном районе восстания. В особенности слабы были монастыри в правом районе Белогородской черты. Крестьянам жилось легче в монастырях Слобожанщины, которые с 1657 г. находились в ведении патриаршей области.

Слабый отклик на разинщину в Слободской Украине стоит в связи с процессом возникновения однодворцев.

Число крестьян и бобылей, как выяснил Миклашевский, в южных уездах 3-й четверти XVII в. постоянно уменьшалось, тогда как число поселений и число служилых людей постоянно возрастало. Помещики превращались в однодворцев. Юридическая терминология И. Миклашевского («К истории хозяйственного быта Московского государства», 1894) и Н. Благовещенского («Четвертное право», 1894) затрудняет понимание этого процесса. Оба исследователя отмечают, насколько распространены были помещики без крестьян. Хотя служилые получали землю на поместном праве, однако нельзя их отнести к помещикам, так как они не имели крестьян. Без крепостной рабочей силы они фактически оставались крестьянами, хотя стремились стать помещиками. Это удерживало их от присоединения к восстанию Разина.

Нельзя также не отметить, как неверно разрешил Н. Благовещенский вопрос о происхождении однодворцев. Автор «Четвертного права» видит причину роста численности однодворцев и дробления их землевладения в общинной форме земельной собственности и в лености и неумении служить (стр. 89)[1].

Также весьма далеко от исторической истины утверждение Лаппо-Данилевского о том, что однодворческое поселение сложилось под влиянием правительства. Правительство, как известно, в достаточной мере наделяло южного помещика крестьянами, но последние от него убегали. Захирение служилых, превращение их в однодворцев объясняется: во-первых, тем, что они не получили крепостных крестьян, и во-вторых, восстанием Разина. Крестьянин на южной окраине ценился баснословно дорого: в 1683 г. крестьянская семья продавалась за 50 р., калмыцкая работница — 30 р., а молодой крестьянин—за 100 руб. «московских денег ходячих»[2]. В 27 городах Белогородского полка в 1675 г. из 30 717 служилых только 717 имело 1 016 зависимых крестьян. Трудно было удержать крестьян на границе между метрополией и колонией, где для них открывалось дикое поле. Восстание Разина сократило население в Воронежском уезде на 50%, в Лебедянском уезде—в девять раз, так же значительна

---

[1] Пользуясь случаем, мы должны отметить, что в колониях XVII в. еще не было следов общинного землепользования. Точка зрения славянофила И. Беляева о существовании общины в XVII в. фактами нетрудно опровергнуть («Крестьяне на Руси», 1860, изд. 3).

[2] В Поволжьи были другие цены: в 1701 г. за Андрюшку и его детей заплатили 60 руб. В 1720 г. за женку с детьми — 8 р. Материалы исторические и юридические б. приказа Казанского дворца.

была убыль населения в Тульской губ. [1] Иной была роль однодворцев в пугачевщине: к середине XVIII в. выяснилось, что правительство их закрепощает наравне с государственными крестьянами. Пассивную роль крестьянства и однодворцев в разинщине следует объяснить и тем, что низшие слои Украины в это время поддерживали Москву в борьбе с Польшей. Иным было настроение тех однодворцев и детей боярских, которые находились в соседстве с крупными боярами. Елецкие мелкие помещики заявили, что они меньше страдали от литовского плена, от крымцев и ногайцев, чем от большого боярина Ив. Ник. Романова, к которому сбежала третья часть их крестьян и бобылей. Они были недовольны и тем, что от них крестьян выводили, и угрожали даже, что пойдут «до иного государя». Крестьяне Слободской Украины в XVIII в. были полностью превращены в крепостных. Такой дорогой ценой заплатили они за свое пассивное отношение к разинщине и булавинщине.

Б) ДЕРЕВНЯ СЕВЕРА

На севере восстание принимало более острые формы в тех местах, где было распространено помещичье и монастырское землевладение. Деревня севера меньше слободско-украинской деревни знала помещика. В XVII в. небольшое число помещичьих земель было в Уржумском, Яранском и Царевосанчурском уездах, входивших в состав понизовых городов. В 1678 г. здесь почти единственным помещиком был Б. М. Хитрово, которому было выделено из дворцовой волости 535 дворов. [2] Кроме того за детьми боярскими числилось в этих уездах в поместьи 38 дворов. В этих же уездах были расположены и дворцовые села. Больше всего помещичьих владений было в Галичском уезде, где восстание приняло наиболее серьезный характер. В этом районе крестьянство находилось в одинаковом положении с крестьянами центра.

Крестьяне вотчины кн. Н. И. Одоевского часто жаловались на невозможность сводить концы с концами и на нищету, вынуждающую их, особенно в голодные годы, покидать насиженные места. [3]

Во второй половине XVII в. помещичьи дворы в Архангелогородской губ. убыли на 40%.[4] Автор, опубликовавший архивы усадьбы Волженских, правильно указывает, что разорение крестьян происходило только от непосильных податей, так как «на севере не от кого было обороняться». [5] Крестьянство здесь было плохо обеспечено. На

[1] Г. М. Белоцерковский, Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв., Киев, 1914.

[2] «Земля и люди на Вятке в XVII в.» «Древние акты», стр. 207.

[3] Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде, «Второй исторический сборник», Кострома, 1919—1921, стр. 195.

[4] М. В. Клочков, Население России при Петре Великом, т.I, стр. 71—72.

[5] Правительство рассматривало и русское крестьянство как объект колониальной политики: свою «живодерскую» налоговую политику оно иначе построило в чисто-крестьянских районах на черносошном севере, чем в центре страны; в черных волостях налоговый аппарат значительно сокращал размеры сохи. Этим значительно увеличивалось налоговое бремя крестьян севера. Этого об-

человека, считая взрослых крестьян и бобылей, приходилось пашни и перелога всего 5,34 четверти земли, т. е. по 8 дес. Надел недостаточный, если принять во внимание женщин и детей, а также и низкий уровень техники сельского хозяйства. Крестьяне здесь страдали от малоземелья, из-за которого происходила борьба между ними и помещиками.[1]

В районе Унжи и Ветлуги на крестьян, кроме помещика, наседали монастыри. Среди крупных монастырей в расхищении крестьянских земель большую роль играл Макарьев Унженский монастырь.[2] Его торговое значение видно из того, что он сдавал в аренду амбары и избы приезжим торговцам из Юрьевца, Галича, Унжи, Костромы, Нижнего-Новгорода и Москвы.

На севере большую роль играли ростовщики и кулаки, о которых было сложено немало народных песен. В Ипатьевском монастыре были беспашенные крестьяне и бобыли, которые кормились «своими торговыми промыслами и ремесленными рукоделиями», «из сел и деревень хмелю, хлеба, скотины и рукодельного товара несут в Кострому на торге для продажи на откуп».[3] На Устюг Великий приезжали холмогорцы, торговцы других городов и крестьяне Устюженского уезда. Они покупали у московских торговцев товары в продажу «сот по пяти и по шести и по тысяче рублев и с теми же товары ездят».[4]

Таких случаев можно привести не мало. В противовес монастырям кулацкие часовни вели ростовщические операции (часовни строились кулачеством в годы падежа скота, неурожая и т. д.) и кредитовали крестьян.[5] Кулачество этого района активно боролось на стороне «белых».

Движущей силой восстания был непосредственный производитель, продукт которого в активном районе урезывался «сверх известной меры». В «пассивном» южном и северном районах, где торгующее крестьянство и городская торговая буржуазия играли большую роль, восстание широко не развернулось, так как непосредственный производитель (крестьянин) еще не был полностью закрепощен. В городах активную роль играли плебейские элементы, которые закрепощались; барщинная система хозяйства быстро вытесняла даже оброчное хозяйство, дававшее крестьянству относительную самостоятельность распоряжаться продуктом и временно уходить в город на заработки. Наибольший размах революционное движение приняло в деревне, т. е. там, где подавлялся непосредственный производитель, а не в

стоятельства совершенно не учел великодержавный историк А. С. Лаппо-Данилевский в своей работе об организации прямого обложения в Московском государстве.

[1] Архив усадьбы Волженских.

[2] Грамоты Коллегии экономии, № 3477/147.

[3] И. И. Миловидов, Содержание рукописей Ипатьевского монастыря, 1887, стр. 34.

[4] Городовая книга по Сольвычегодску 1619 г., № 1, л. 81.

[5] Н. Ф. Яницкий, Северно-русская часовня в конце XVII в., «Юбилейный сборник» университета св. Владимира, Киев, 1914.

городах (Казани, Нижнем и т. д.), где торговая буржуазия активно боролась против восставших. Непосредственный производитель *стремился стать товаропроизводителем, собственником средств производства, свободно распоряжаться всем производимым продуктом; он пытался пойти по действительному революционизирующему пути, но эта попытка надолго потерпела поражение.*

9. НАРОДЫ КОЛОНИЙ

В особом положении находилось крестьянство колоний.

Каковы же были предпосылки захвата последних?

Крупные города метрополии играли роль на мировом рынке благодаря товарам, вывозимым из колоний. Де-Родос (в 1650—1655 гг.) отметил, что юфть в Европу доставляется только из России: в составленной им таблице вывоз юфти через Архангельск составляет 29%, сала — 11%, поташа — 10%, соболей 4,9%. Эти товары вывозились главным образом из колоний и при посредничестве голландских купцов перебрасывались во Францию, Ливорно и испанско-американские колонии.

Основные торговые пути на Восток проходили через колонии. О значении волжского пути распространяться не следует. Надо только отметить, что через Астрахань, Нижний-Новгород, Казань и Алатырь проходили торговые караваны восточных стран.[1]

В Нижний-Новгород, лежавший на границе метрополии и колонии, стекались товары: западно-европейские — через Архангельск, Москву и Ярославль, средне-азиатские — через Астрахань, сибирские — через Казань.

Казань поддерживала торговые сношения с Приуральем и Сибирью.

В 1639 г. отменяются мелкие откупа в некоторых городах колоний[2]. В 1645 г. мурзы, татары и мордва поднимают вопрос об уничтожении старой темниковской засеки, т. е. о расширении границ своего района.[3]

В 1699 г. упраздняются таможенные заставы как в самой Казани, так и в пунктах, расположенных выше и ниже города.

Большое торговое значение имел район р. Суры, протекавшей в национальных районах Симбирского, Саратовского, Пензенского, Казанского и Нижегородского уездов. Такую же роль играл район р. Цны, бассейна р. Оки, протекавшей через ряд национальных районов. Мокша служила водным путем для оживления торговли между юго-востоком и центром государства. Хлеб и сырье этих районов вывозились в метрополию и в Западную Европу.

Ведомство приказа тайных дел было высокого мнения о богатстве национальных районов Поволжья: «во всех уездах хлебом и скотом и медом и рыбою изобильно гораздо». Представитель приказа предло-

[1] За 1578—1646 г. прошли по этому пути 48 посольств с товарами из восточных стран.

[2] «Симбирские епархиальные ведомости», 1851, № 14—21.

[3] Там же, 1883, № 58.

жил «здесь завесть пашни великие»: земли в тех местах «самые добрые». Экспорт хлеба из среднего Поволжья «будет гораздо прибыльнее», чем из Нижнего-Новгорода. Мордва этих районов доставляла хлеб и воск в Москву «по вся годы», в этих местах было много «медвяного угода». Тайный приказ организовал в этих местах рыбную ловлю, соляные варницы и т. д. [1]

Наиболее крупную роль в торговле играла Астрахань, которая была центром международной торговли.

На татарском базаре в Астрахани встречались европейцы (немцы, англичане, голландцы, литовцы и т. д.) и представители почти всех восточных народов (бухарцев, персов, индусов и т. д.). В Астрахани коммерческие операции велись государевой казной, крупным московским купечеством, хлеботорговцами Окско-Волжского района, восточными и великорусскими работорговцами, «гулящими» и беглыми. Сюда стекались агенты метропольных помещиков за выходцами и пленными из Персии и Крыма, которые насильственно свозились или продавались в Великороссию. Здесь же скоплялся беглый, «гулящий» бурлацкий люд и волжская голытьба.

В Астрахани не прекращалась классовая и национальная борьба между крупными монастырями, монополизировавшими рыбные ловли, и местным рыбацким населением, между калмыками и татарами и т. д. Астрахань, как и Дон, не имела своего собственного хлеба. В этом отношении она находилась в зависимости от Москвы, которая также дорожила Астраханью, как крупным центром восточной торговли. [2]

Даже в небольших городах колоний был широкий спрос на иностранные товары: по данным таможенной книги г. Касимова за 7163 г. (1654 55 г.) в Касимов привозились: золото, шелка, бумага, краски и т. д. Иностранный товар поступал преимущественно с Востока, но некоторая его часть ввозилась из Западной Европы. Торговля иностранными товарами происходила во многих, даже самых незначительных южных и юго-западных городах: ввоз иностранных товаров отмечается таможенными книгами Курска, Тамбова, Старого Оскола, Яблонова и других мелких городов Белгородской черты. В сибирских таможенных книгах содержится огромный материал по торговле европейскими и азиатскими товарами во всех сибирских городах. [3]

Сибирь, в частности Якутия, снабжала метрополию пушниной, которая в XVII в. являлась своеобразной золотой валютой. Торговые операции с Востоком и в значительной степени с Западом были бы невозможны без пушнины. [4]

---

[1] И. Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, 1902, стр. 356.

[2] Архив ИАИ. Астраханские дела 1671 г.

[3] К. В. Базилевич, Таможенные книги XVII в. как источник экономической истории России, «Проблемы источниковедения», 1933, вып. I.

[4] Надо отметить, что «служилый» в Сибири наделялся не землей, а «денежным жалованьем».

Украина, в особенности Слободская Украина, служила районом колонизации; здесь земля захватывалась русскими феодалами-крепостниками. Урал только начинал колонизироваться, —феодалы-заводчики начали захват его богатств.

Колонии России находились на различной стадии развития: в одних (среди казанских татар) господствовали более развитые феодальные отношения, в других (среди чувашей, марийцев, калмыков и т. д.) родовые отношени стали вытесняться феодальными, в третьих (среди сибирских народов) феодальные отношения только начали зарождаться и т. д.

Безусловно прав Г. З. Минкин, который в своей работе «О феодализме в Калмыкии» [1] высказывается против установившегося неправильного положения, что среди отсталых народов, в частности среди калмыков, родовые отношения господствовали до Февральской революции: у этих народов пережитки родового быта консервировались феодализмом на протяжении столетий. И эта«прививка» феодализма началась еще в XVI в.

Захватывая какую-нибудь территорию, правительство начинало «жаловать» верхушку помещиков-националов дворянским званием. Но не ко всем националам было одинаковое отношение: среди титулованных дворян в России было 95 княжеских родов литовско-русских, 26 — по титулам иностранных государств, 95 — грузинских родов и только 42 княжеских рода от *татарских мурз*; среди баронских родов мы находим 33 русских барона, 76 балтийских, 67 — по титулам иностранных государств, 82 мекленбургских; среди *графов* 147 русских графов, 81 польский, 126 иностранных государств и 93 финляндских. [2] Среди баронов и графов не было ни одного лица татарского происхождения. Среди титулованных дворян не было ни одного чувашского, мордовского, марийского происхождения. После разгрома крестьянской войны начала XVII в. среди разбогатевших русских дворян было только 6,9% националов. Здесь проводилась сознательная политика: чуваши, мордва и пр. ставились в худшее положение, чем татары. Такая политика должна была ускорить развитие феодальных отношений среди татар, которым часто закрепощались чуваши, марийцы и т. д.

Феодалы-националы, в особенности татары, превращались в служилых; в XVII в. они занимали в армии не только рядовые, но и командные должности.

В 1625 г. общее количество ясачных националов в Поволжьи составляло свыше 24 799, в 1629 г. — свыше 26 280 и в 1635 г. — свыше 22 392 дворов. [3]

По данным 1637 г. во всем Волжском районе числилось 27 838 вотяцких, чувашских, марийских, мордовских дворов и 200 татар-

---

[1] «Революционный Восток», 1933, № 1.

[2] С. Васильевич, Титулованные роды российской империи, 1910; подсчитано нами.

[3] Н. Фирсов, Положение инородцев в Московском государстве, «Ученые записки Казанского университета», 1866, т. II, стр. 209.

табунщиков;[1] на 11 431 русских служилых приходилось 2 042 национала, 161 казаков и «новокрещеных». По данным С. Веселовского[2] в 1661 — 1663 гг. было 33 176 ясачных татар, мари и вотяков. Ногайских татар в середине XVII в. было около 500 000.[3]

В районе Поволжья бо́льшая часть местного дворянства составилась из крещеных татарских мурз и мордовских «панков».[4]

Касимовский царевич Сеит-Булат в 1636 г. был пожалован «всякими касимовскими доходами и служилыми людьми, чем его отец владел».[5] Касимовские царевичи владели крепостными крестьянами, богатыми обширными поместьями, таможенными и кабацкими доходами в Казанском и Пензенском уездах. В 1643 г. касимовский царевич жаловался на крестьян, беспошлинно торговавших в его вотчине.[6] Шацкая провинция была богата множеством «порозжих» земель. Лучшие участки достались татарам, владевшим большими поместьями в Нижегородском крае. Среди крупных помещиков Симбирской губ. во второй половине XVII в. встречаются татарские князья и мурзы, имевшие большие владения в Кадомском и Саранском уездах.[7]

Среди пострадавших от разинщины встречаются сотни помещиков-националов, требовавших новых крепостных актов на землю и на людей, взамен уничтоженных разинцами. В Темниковском уезде в 1641 г. у крестьян мурзы Махмета Исекеева требуются оброчный мед и деньги.[8]

Городскую стену в Касимове (в 1671 — 1674 гг.) делали «*вотчинные* крестьяне Касимовского царевича». В 80-х гг. XVII в. от касимовских царей было освобождено 500 русских крепостных крестьян, находившихся во власти касимовских царей. Мурзы имели право покупать, продавать, закладывать и завещать своих крестьян («чура»).[9] Больше половины населения Краснослободского присуда (Пензенского уезда) находилось в крепостной зависимости от татар. Обращает на себя внимание и обилие русских половинщиков у татар Пензенского уезда.[10] В одном с. Вачь-Помре, Темниковского у., татары имели 173 крепостных. Под требованием дворян в 60-е и 90-е годы XVII в.

---

[1] Подсчитано по ст. Порфирьева в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1912, т. XXVIII, вып. 4—5. Астраханский воевода Волынский сообщал в 1636 г., что «военных людей у калмыков збирается до 10 000 и больше» (ГАФКЭ, Дела калмыцкие, 1636, Архив № 1, л. 10).

[2] С. Веселовский, Сметы военных сил Московского государства, 1661—1663 гг.

[3] «Записки Императорского общества истории и древностей российских» (Одесса) 1879, т. XI.

[4] Е. П. Карнович, Родовые прозвания и титулы в России, 1886.

[5] «Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1912, т. XXVIII, вып. 4—5.

[6] «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», 1899, вып. 8.

[7] Всесоюзная библиотека им. Ленина. Выписки из писцовых книг № 311. Архив кн. В. Баюшева, Казань, 1882.

[8] «Симбирские губернские ведомости», 1883, № 9.

[9] «Труды Рязанской ученой архивной комиссии», 1892, т. VI, Касимов в 1646 г.

[10] Половинщики, пользуясь половиной земельных наделов, брали на себя половину служебных обязанностей своего хозяина-помещика. Татарский князь Анчурин имел в Тамбовской губ. большие поместья «со крестьяны».

о возврате беглых с Дона были также и подписи помещиков-татар.[1] Мордовские князьки имели собственные земли и крепостных. В заявлении городовых дворян и детей боярских 1677 г. говорится, что их беглые крестьяне живут и «за татары и за мордвой».[2]

Каковы были размеры владений националов? Касимовский царевич Сеит-хан Арасланович в 60-х гг. XVII в. владел 725 дворами с населением в 2 518 чел.[3] Романовские и ярославские мурзы владели крестьянскими и бобыльскими дворами в количестве от 20 до 230 дворов.[4]

На левом берегу Волги в Казанском районе по Алацкой дороге на 166 помещичьих дворов был 91 крестьянский двор, по Арской дороге на 99 дворов — 105, по Зюрейской на 203 двора — 246 и т. д.[5] На правом берегу Волги и в «активном районе» встречаются более крупные помещики. В Шацком уезде были помещики с 10 дворами крестьян и бобылей, в Темниковском уезде — с 39 дворами.[6] В этом же районе встречались у националов крупные поместья свыше 100 четвертей. Князь Анчурин Упряк с братьями имел в трех уездах Тамбовской губ. «села, деревни и починки, а в них пашни 512 чети».[7] Хотя среди националов встречались средние и даже крупные помещики, но подавляющее большинство землевладельцев следует отнести к категории мелкопоместных и размерами своих владений они значительно уступали русским колонизаторам. В таком же положении находились и служилые националы. Пензенский служилый национал обеспечивался хуже русского: надел последнего доходил до 1 000 четей земли, редко опускаясь ниже 100, надел же служилого национала редко доходил до 400 четей. Большая разница была и в денежном жалованьи: вознаграждение русского служилого доходило до 79 руб., а «инородца» — до 23, будучи в среднем часто не свыше 5 — 10 руб.

О чем говорят эти факты? Феодальные отношения насаждались и поддерживались царизмом в колониях и на окраинах среди различных народов, в зависимости от ряда сложных социально-экономических причин в разных районах. С. Кузнецов в своей работе о мордве утверждает, что беляками назывались клочки мордовской территории, получаемые в наследственное владение мордовскими князьями от татарских мурз-завоевателей.[8] А. Гераклитов оспаривает это положение следующим образом: «В самом деле — пишет он, — разве не странно, что, будь беляки феодами, на их развалинах после ликви-

[1] Дополнения к «Актам историческим», т. VI.

[2] Архив ИАИ. А. Новосельский и А. Яковлев, Памятники по истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.

[3] ГАФКЭ, Отдаточные книги по Шацкому уезду за 1664—1665 г., № 3.

[4] ГАФКЭ, Разрядный приказ книги Денежного стола 1661 г., № 322, л. 586 и дальше.

[5] И. Покровский, К истории поместного и экономического быта в Казанском крае, 1909.

[6] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1901, в. 45.

[7] Архив Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Выписки из писцовых книг, № 311.

[8] «Русская историческая география», I, 1910, стр. 20.

дации феодального строя на мордовской территории не возникло крупного татарско-мордовского помещичьего землевладения, а все деревни, входившие в беляки, оказались или служилыми или же государевыми, а не помещичьими, как бы следовало ожидать. Татарская или отатарившаяся знать, — продолжает он, — получила права на обширные территории по пожалованьям казанских царей или золотоордынских ханов,— она, несомненно, в той или иной форме отстаивала бы эти пожалования перед новой московской властью»... [1] Гераклитов не прав. Правительство было гораздо дальновиднее: старые «пожалованья» отменялись, перетасовывались и никогда механически не переходили целиком к новым феодалам. Такая перестановка отвечала требованиям феодальной политики.

Со второй половины XVII в. в отношениях к татарам начинается перелом к худшему и в более привилегированное положение ставятся калмыки. За калмыками ухаживали: правительство пыталось с ними договориться, так как хотело иметь в их лице союзника против казаков. [2] Правительство вынуждено было считаться с фактом слабой заселенности нижней Волги русскими. [3]

Со второй половины XVII в. начинается нажим на буферное Касимовское государство, пользовавшееся призрачной автономией. Если сравним данные о составе служилых приказа Казанского дворца, относящиеся к 1637 г., с данными 1661 — 1663 гг., то получим такую картину (в процентах): [4]

Годы	Дети боярские	Стрельцы	Пушкари	Казаки	Националы	Прочие
1637	4,55	37,6	0,06	3,38	54,04	0,37
1661—1663	4,9	60,8	1,5	9,4	14,2	9,2

Таким образом со второй половины XVII в. националы выталкивались с военной службы и заменялись стрельцами. Выброшенные с военной службы националы лишались доверия и часто политических прав.

Награждаясь поместьями за службу, они теряли свои владения под напором колонизаторов-помещиков из метрополии.

Служба националов крестьян была так тяжела, что отмечается вы-

[1] А. А. Гераклитов, Мордовский беляк, «Известия Краеведческого института», Саратов, т. II, 1927, стр. 9.

[2] ЛОЦИА. Министерство внутренних дел, VIII делопроизводство, земский отдел, 1913 г., № 3986.

[3] По данным митрополита Савватия в 1683 г. в Астраханской и Терской епархии в уездах «кроме чужеземцев и басурман, нет никого». Дополнения к «Актам историческим», X, № 83, стр. 397.

[4] Подсчитано по ст. С. И. Порфирьева, Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 1637 г. («Известия Общества археологии, истории и этнографии», Казань, т. XXVIII, вып. 4—5) и С. Б. Веселовского, Сметы военных сил («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1911, кн. 3).

мирание многих селений и бегство населения целых областей под влиянием обременительной сторожевой службы. Для постройки пограничных укреплений с русских брали на работу 20%, а с националов — 33% населения. Националы (марийцы) должны были отдавать в казну налог, составлявший 35% доходов. Кроме того они беспрерывно жаловались на тяжесть конкуренции и захватническую политику метропольных помещиков и купцов.

Крестьянам-националам приходилось вести героическую борьбу за каждую пядь земли: чуваши Симбирского уезда дер. Чабырь-гора «многие померли», преследуемые колонизаторами из Великороссии. У чувашей дер. Шланги экспроприировалась не только земля, но и семена на обсеменение полей.[1] Чуваши, жившие «без разрешения на государевой порозжей земле» в Цывильском и Чебоксарском уездах, вынуждены были уйти на восток. В казанском Спасском монастыре часто не допускались к рыбной ловле татары, которые снабжали монастырь рыбой (за право рыбной ловли они платили монастырю $^1/_3$ улова).[2]

Макарьев-Унженский монастырь в 1667 г. владел рыбными ловлями и бобровыми гонами мари на 100 верст. Русских крестьян поселили деревнями и починками на землях мари.[3] Марийцев «били, увечили, стреляли, от обид и налог им стало жить не в мочь...»

Казанский Спасо-Преображенский монастырь в 1644 г. жаловался на татар, которые хотели разорить «богомолье на Чертыковском острову, завладеть деревнею и всеми угодьи».[4]

Татары в свою очередь жаловались на монастырь, который завладел их сенными покосами: «сирот твоих бил и из луков и из пищалей по нас стрелял, и грабили, сироты от насильства до конца погибли, разорены стали до основания, женишки и детишки свои иззакладывали». Таких фактов можно привести очень много.

Иное отношение было к татарам, жившим на далеком расстоянии от Москвы: в 1651 г. ногайские мурзы и «лутшие» люди подкупались «государевым жалованьем» и подарками.

Нажим на мордовскую землю усиливается сейчас же после разгрома крестьянской войны начала XVII в. В 1619 г. предлагается мордву Арзамасского уезда «розсаживать на пустые выти» и следить за тем, чтобы в «изобылых нихто не жил». Беглых и ушедших мордвинов возвращали к старым владельцам и сажали на «старинные их жеребья». Земля и имущество беглых мордвинов «отписывались на государя», т. е. конфисковывались.[5]

В писцовых книгах Алатырского уезда перечисляются десятки мордовских деревень, передаваемых дьяку Небогатову «впредь для владенья». Земельные владенья мордвы были обширны. За 19 тяглыми

[1] В. Поливанов и В. Краевский, Материалы района б. Приказа Казанского дворца, ч. II, 1898, стр. 58.
[2] Архив ИАИ. Грамоты Коллегии экономии 1586 г., № 6539 (13).
[3] Грамоты Коллегии экономии 1667 г., № 3545 (215), л. 380.
[4] Там же, № 6429/21, л. 137.
[5] Акты писцового дела, т. I, собрал С. Веселовский, М. 1913.

дворами деревни Отяшевой, Алатырского уезда, захваченной Небогатовым, было 130 четей пашни, 300 четей перелогу и 400 четей дикого поля в одном только поле. Таков же был размер владения и во многих других мордовских селах. И эта земля полностью захватывалась русскими помещиками.

Б. И. Морозов захватил большинство мордовских владений и поместья арзамасских служилых татар. [1]

Точка зрения правительства на земельную собственность националов изложена в обращении к разинцам: «сказать черемисам Ядринского и Чебоксарского уездов, что *безгосударственные земли нигде нет*».

Все незанятые земли государство рассматривало как дворцовое имущество. В 1652 г. правительство предложило незанятые земли называть дворцовыми: «а учнут называть порожние поместными и вотчинными землями, а не нашими дворцовыми», то за это «воровство» «будут биты кнутом». [2] Если такое наказание грозило помещикам, то не трудно себе представить, что угрожало крестьянам. Захватывая новые области, империя объявляла чужие земли «государевою» собственностью и экспроприировала туземцев.

В насажденьи феодализма большую роль играла церковь. Рост церквей Замосковного края (за 1628 — 1657 гг.) равен отношению 100 : 140, в активных районах разинщины — 100 : 196, [3] в активном астраханском районе 100 : 305. В активном национальном районе (Тамбове, Козлове, Шацке, Кадоме, Темникове) были 124 церкви и поповских двора, в пассивном районе (Лебедянске, Усмани, Добром и Челнавском) только 24 церкви и двора духовенства. [4] Эти цифры — яркий показатель остроты отношений накануне разинщины. Церкви и монастыри в колониях — форпосты феодально-крепостнической колонизации. В то время как в XVI в. возникло 12%, в XVIII в. — 10,1% — в XVII в. возникло 26% новых монастырей России, т. е. другими словами захват «инородческих» и крестьянских земель был наиболее интенсивен в XVII в. [5]

Какое значение имел такой быстрый рост церквей? Он содействовал развитию феодализма и крепостничества в колониях: церковь и монастыри энергичнее помещиков закрепощали националов и расхищали их земли. «Вся история самодержавия есть сплошной гра-

---

[1] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», 1890, вып. 9; Перетяткович, Поволжье в XVII в. и в начале XVIII в., Одесса, 1882.

[2] Акты Археографической экспедиции, т. IV, № 61.

[3] Подсчитано по И. Шимко, Патриарший приказ, М., 1894.

[4] Так например в Симбирске и его уезде в 1648 г. было 6 церквей, в 1654 г. — 12 церквей и 3 часовни, в 1667 г. — 25 церквей (В. Холмогоров, Материалы для истории Симбирского края, 1898, 145 стр.). В Нижегородской епархии в 1672 г. было 336, в 1679 г. — 378 церквей (И. М. Покровский, Русские епархии, т. I, Казань, 1897).

[5] Эти данные не совсем сходятся с цифрами других авторов. См. Статистический Временник Российской империи, III, вып. 18, 1887; В. Зверинский, Монастыри Российской империи, стр. 8; Вопрос о реформе монастырей, «Вестник Европы», 1873, № 8.

беж местных областных и национальных земель» ...[1] и беспощадное уничтожение и закабаление народов колоний.

Аграрные отношения в колониях обострялись национальными: часто крестьяне одной национальности находились в зависимости у феодалов другой национальности.[2]

Натуральные отношения одновременно разлагались торгово-ростовщическими операциями, которые так же, как и в центре страны, не затрагивали основ феодального землевладения.

Каково же было участие националов в торгово-капиталистических операциях? Татары вели большую торговлю лошадьми, которыми снабжалось дворцовое хозяйство; некоторые из них пользовались правом торговать беспошлинно. Среди чувашей мы встречаем зажиточные группы: ясачные чуваши в 1660 г. обещали уплатить 500 руб. за «полюбовный» раздел земли.[3] Мордва Тамбовской губ. торговала медом, доставляла в Саратов хлеб в порядке торгового обмена.[4]

Ради ломовских и керенских татар был устроен торг в Новоспасском монастыре. Темниковская и кадомская мордва между Поволжьем и Москвой не могла не испытывать влияния торговых операций, совершавшихся на Волжском торговом пути.

В возникновении Макарьевской ярмарки под Нижним-Новгородом большую роль сыграло вступление калмыков в 1630—1632 гг. в волжские пределы. Калмыки снабжали Россию большим количеством кожевенного сырья и шерсти. Это сырье обрабатывалось русским населением, которое сбывало его на ярмарки.

Денежное хозяйство содействовало диференциации населения. Ростовщический капитал подчинял себе националов: мурзы Ивановы Алатырского уезда в 1646 г. за неоплатные долги «часть своей земли отдали монастырю».[5] Мордва д. Комаевой Темниковского уезда уступает крестьянам этого же монастыря «вотчину» отцов и дедов, так как им платить стало невозможно.[6] В Яренском уезде с марийцев налог собирали серебряными деньгами. Скупщики из среды тамбовской мордвы арендовали в Кадоме рыбные ловли. Татары и чуваши Свияжского уезда за право рыбной ловли платили тархану «Бурундайку 20 алтын на год, а он, Бурундайка, сам платил по 17 алтын на год». Националы Козьмодемьянского уезда жаловались

---

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 524.

[2] Надо взять под сомнение положение А. А. Гераклитова (Мордовский беляк, «Известия Краеведческого института», т. II, Саратов, 1927, стр. 5), что «татары Темниковского уезда сплошь принадлежали к служилому, а не к тяглому сословию». Национальная классификация писцовых книг не заслуживает доверия; также не заслуживает доверия и филологический разбор имен и названий.

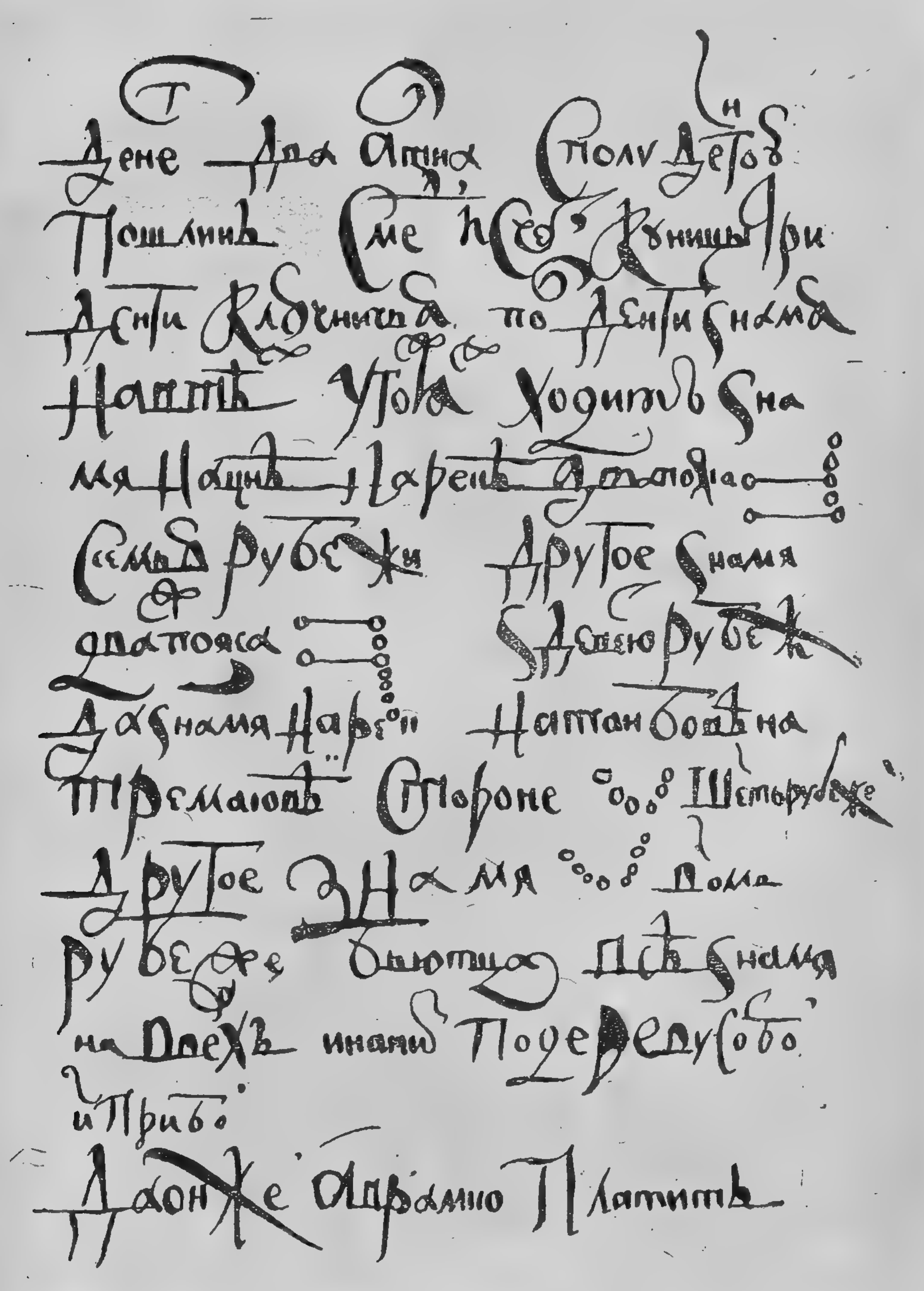
[3] П. Мартынов, Материалы исторические и юридические б. Приказа Казанского дворца, т. IV.

[4] А. Гераклитов, Роль Саратова и Самары в XVII в. в жизни мордвы. «Известия Н.-Волжского института краеведения», Саратов, т. III.

[5] С. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, 1899 г., стр. 80.

[6] Там же, стр. 95.

Образцы национальных знамен.

Денег два алтына с полуденьгою пошлин с меду и с чети куницы три денги ключничья полденги знамяна в тех угожьях ходит знамя на Цне на реке два пояса (*знамя*) с семью рубежи. Другое знамя два-ж пояса (*знамя*) з деветью рубежи. Да знамя на реке на Танбове на Тремасове стороне (*знамя*) шесть рубежей. Другое знамя (*знамя*) восмь рубеже. Бьютца все знамяна вверх и на низ по дереву с отбои и прибои.

Да он же Аврамко платить...

на чуваша Шутубейко, захватившего все их угодья и причинившего соседям «убытки и разорение великое». [1]

Писцовые книги до середины XVII в. переполнены сведениями о бортниках-националах. Оброк вносился главным образом натурой — медом и воском. Кильбургер, бывший в России в 1674 г., пишет: «в провинции Мордве собирается наилучший мед и весь потребляется в стране». [2] Далее... «воск добывается в большом количестве в Нижней Казанской обл. и Мордве». Продукт отчуждался у националов и превращался в товар. Наряду с продуктовой рентой с националов взыскивался и денежный оброк.

Во многих районах продуктовая рента уступала денежной; архаический сбор «с куницы» уже везде был заменен денежным сбором. Сбор «доимочного» хлеба и меду, покупка хлеба в национальных районах для Москвы [3] часто приводили к закабалению и экспроприации крестьян.

Большую роль в этом процессе сыграли казенные кабаки. Они не только вытесняли туземный «бортный» промысел, но и вели широкие ростовщические операции. Правительство принимало чрезвычайные меры для насильственного спаивания местного населения, производило «большие повальные обыски» для выяснения причин недобора «кабацких денег». [4] Кабатчик в роли культуртрегера и менялы — историческая фигура колониальной политики во всех колониях, в частности в Сибири и Средней Азии.

Рост продуктовой ренты и денежного оброка привел к упадку туземного бортного промысла. Во второй половине XVII в. мы наблюдаем упадок и затем исчезновение бортного промысла. Упадок бортничества вместе с тем означал кризис родового строя.

«Знамена» быстрее исчезали там, где побеждало крупное землевладение: они редко встречаются в вотчинах Морозова и чаще — в районах, не охваченных крупным землевладением. В первом случае родовое или семейное «знамя» вытесняется единоличным.

Мед обычно собирался с определенного числа «знамен», т. е. определенных владений, отмеченных особыми знаками, данной группы. В «нижегородских платежницах» (7116 и 7120 гг.) 1608 и 1612 г. имеются богатейшие данные о «знаменах». Приведем некоторые из них: «Балгильдей Бокчюрин с товарищи», черемисы Юрмачевской волости гор. Чебоксара, платят оброк медом «з двух знамян», черемисы Яныш Янбердеев, Байбах Якчюрин и Янбас Чюняев с товарищи — с трех «знамян», черемисы Тотиша Итотик и Окшолик Насузин платят с двух «знамян». [5] Чебоксарские «черемисы» Кулдюш Кулунов и Байсун Бичюрин «с товарищи» платили со семи «знамян». Подобными данными переполнены писцовые книги Казанского, Нижегородского, Шацкого, Темниковского и прочих уездов.

[1] Тяжебные документы чувашей Козьмодемьянского уезда. Казань, 1893.
[2] Б. Курц, Сочинение Кильбургера, 1915, стр. 112, 117.
[3] «Симбирские губернские ведомости», 1851, № 23.
[4] Там же, 1851, № 35.
[5] Нижегородские платежницы 7116 и 7120 г., М. 1910.

Образцы национальных знамен.

Пояса (*знамя*) с пятью рубежи, знамя в Янтуновском ухожье, (*знамя*) пять рубежев, да в Кервелском ухожье знамя (*знамя*) пояс с шестью рубежи. Знамя Лопштанка Семенова на Выше и на Керемсе два пояса (*знамя*) с шестью рубежи. Да в Янтуновском ухожье знамя (*знамя*) пять рубежев, другое знамя в Кервеле пояс (*знамя*) с четырма рубежи. Да они-ж платят водяного оброку с реки Выши шесть денег. Л. 134 об. и 159 об.

Список с писцовых бортных книг Федора Чоботова Шацких дворцовых сел 130 (1621/22) году.

Какова была величина семьи? На это трудно ответить. Нижегородские платежницы 1648 г. дают такие сведения. У Кудринских мордвинов «у Пиговатку Кузмина, Пиговатку Вихтяпова, Первушку Кеждеева, Ческа Уздеманова, у Тепелевских мордвинов у Чатреску Норкесева, Сыческу Кирдякова, Ларку Григорьева, у Кужедомских мордвинов у Малки Феодорова, Милюши Иванова, Кечюшу Малкова, Сыреску Ермушева и у внука его Сатушку и у Костки Васильева «в детьми», у Ишайку, Сулдейку, Ашенку, его племянника Водманку Данисова, Муратку, Васни Кирдяковых, у Сардонских мордвинов у Сенки Чичкова, Виртянка Мелцеедова и его внука Тумодейку Арзюкова» оброк взимался с «их знамян», т. е. с общих знамен.

Что же мы видим в данном случае? Большую семью, перерастающую в *род*. Эта группа давно связана: переписчик, перечисляя всех плательщиков, прибавляет, что *«они ходили по старине»* (курсив наш).[1]

В Записной книге по Нижнему-Новгороду за 1668 г. часто перечисляются бортные участки у русских крестьян, *«что было на оброке за мордвою»* (курсив наш). У помещичьих крестьян оброк медом часто взыскивается «с новоделного знамяни», т. е. с новых бортных участков или возникавших рядом со старыми.

«Знамя» русских крестьян лишь механически воспроизводит старый знак или символ, обозначавший у националов собственность большой семьи или даже рода. Надо предположить, что многие знамена давно исчезли, а оброк с них взыскивался. Ведь в XVII в. в тех же уездах с националов брали денежный оброк «с куниц и лисиц». Иногда упоминается о «живущих» знаменах, т. е. о действующих, которые может быть следовало бы противопоставить исчезнувшим, с которых все же долго взыскивался оброк.

Все это говорит о том, что большая национальная семья или род переживали серьезные затруднения: ничтожная часть националов получает феодальные привилегии, подавляющее же большинство закрепощается; большая семья и род законсервировались *на основе феодальных отношений.*

«Так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то родовой строй может дальше существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства (марки)».[2] В этих словах Энгельса — ключ к пониманию причин долговечного существования большой семьи как в метрополии, так в особенности в колониях.

Каково же было отношение народов колоний к господству метропольного помещика и крупного купца? Крупные, а часто и средние феодалы поддерживали начинания метрополии и служили оплотом правительству в ряде проводившихся мероприятий. Крестьянство

---

[1] Материалы по истории Нижегородского края. «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XV, вып. 5, 1913, стр. 7.

[2] Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1922, стр. 153.

же, даже исповедующее «православные христианские веры», тысячами убегало в леса. Целые районы вымирали. «Ни в одной европейской стране, как в России, чужеземное господство не приняло такой формы экспроприации местных уроженцев». [1]

10. КРЕПОСТНАЯ МАНУФАКТУРА

Образование крепостной мануфактуры было обусловлено окончательным закрепощением крестьян, захватом колоний, создавшимся внутренним национальным рынком, обширными торговыми операциями, выходом России на европейский рынок и концентрацией капитала в руках купечества и дворянства. Кризис второй половины XVII в. ускорил процесс образования новых мануфактур.

Руда добывалась во многих местах Московского государства, но крепостная мануфактура возникала только там, где 1) до ее образования преобладала домашняя промышленность, «переработка сырых материалов в самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает» (Ленин); 2) ее организаторы обладали крупными капиталами и привилегиями и 3) было закрепощено крестьянство.

Крепостная мануфактура тем отличается от капиталистической, что она была основана на крепостном труде и возглавлялась предпринимателями-крепостниками. [2] В ней вырос многочисленный крепостной рабочий, переданный в наследство капиталистической фабрике. Крепостная мануфактура у нас в некоторых районах играла ту же роль, какую играло ремесло на Западе; она обучила рабочего для эпохи капитализма. С ней же частично связан рост дворянского предпринимательства и крепостной буржуазии. Незначительная часть нашей промышленной буржуазии со своими капиталами вырастала из крепостной мануфактуры. [3]

---

[1] К. Маркс — Ф. Энгельсу 2 ноября 1867 г., Соч., т. XXII, стр. 464.

[2] Надо исправить ошибку т. Струмилина, который считает Тульский завод в XVII в. «значительным капиталистическим предприятием» («Плановое хозяйство», 1930, № 4, стр. 113). С каких пор считается капиталистическим такое предприятие, которое работает на крепостном труде приписных крестьян?! На этих же ошибочных позициях стоят авторы ряда других работ.

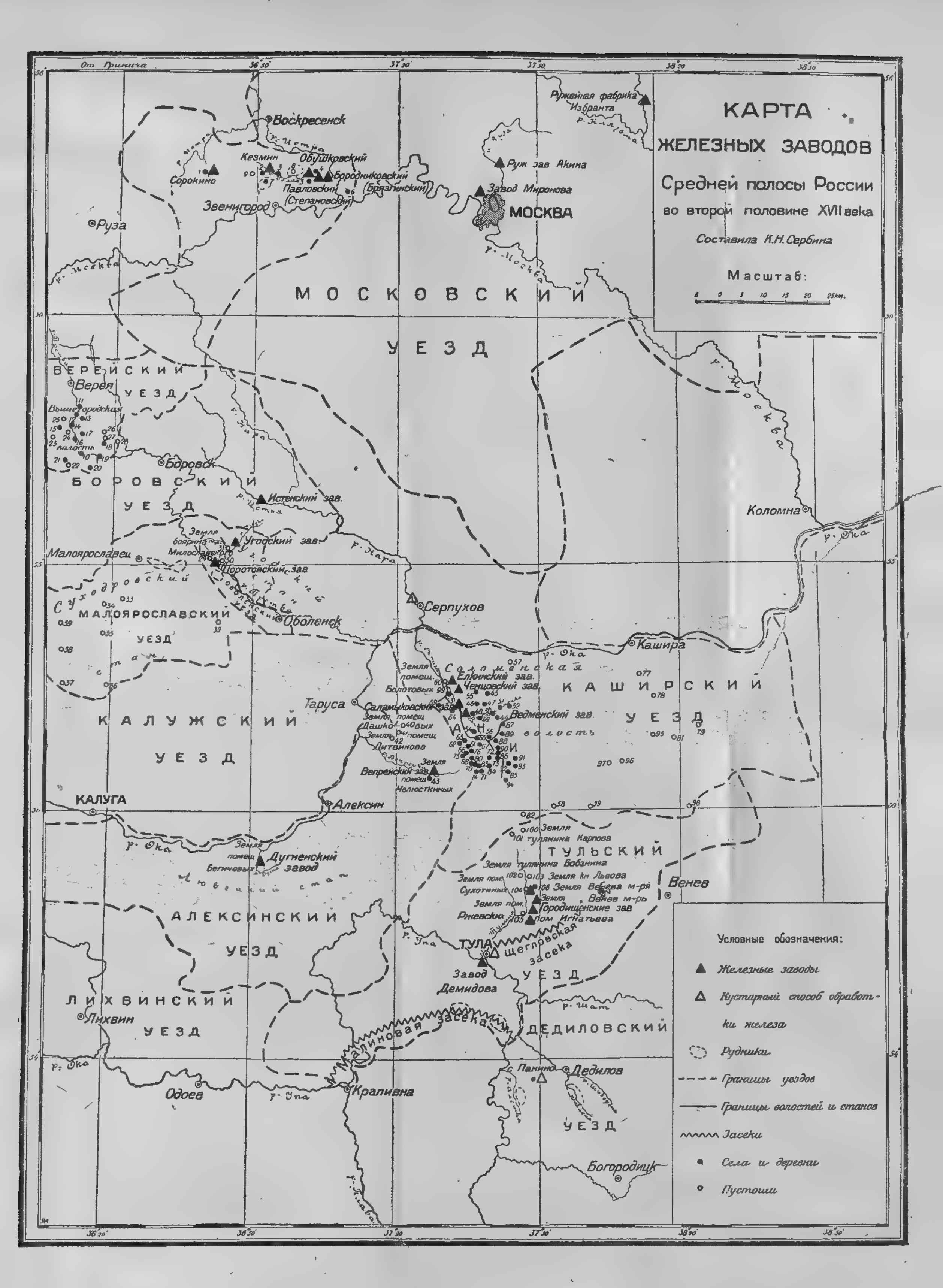
[3] В XVII в. возникли, между прочим, следующие крепостные м-ры: раньше 1625 г. полотняная в Москве, в 1632 г. — железоделательная в Туле и Кашире, в 1634 г. — стеклянная близ Звенигорода, в 1634 г. — по выделке лосиных кож, в 1630—1640 гг.—железоделательная в Чердынском уезде, медеплавильная на р. Каме, в 1646 г. — пороховая, в 1651 г. — также пороховая под Москвой, в 1655 г. — бумажная в Московском уезде, основанная патриархом Никоном (в 1660 г. он ее передал голландцу Сведену), в 1640—1650 гг. железоделательная в Звенигородском уезде, в 1661 г. — красильно-суконная в Москве, в 1668 г. — сафьянная в Москве, в 1666 г. — кожевенная в Московском уезде на р. Клязьме, в 1666 г. — медеплавильная и железоделательная в Олонецком уезде, в 1668 г. — стеклянная в Измайлове, в 1668 г. — стеклянная в Черноголовской волости Московского уезда, в 1673 г. — бумажная на р. Яузе, в 1681 г. — шелковая и бархатная в Москве, в 1683 г. — суконная в Москве, в 1696 г. — парусная в Москве, в XVII в. (год неизвестен) — монетная (на ней же лились пушки и колокола). Мы здесь даем описание Тульской мануфактуры, как наиболее характерной. (См. тт. I—IV «Крепостной мануфактуры». Ссылки в тексте на стр. относятся к I т.).

Маркс устанавливает три исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: простую кооперацию, мануфактурное разделение труда и машинную крупную промышленность. К первым двум стадиям с некоторыми оговорками следует причислить и крепостную мануфактуру, так как она повышала производительность труда даже в условиях крепостного хозяйства.

Задолго до организации изучаемых нами заводов появилось ремесло, т. е. «первая форма промышленности, отрываемой от патриархального земледелия» (Ленин). Кузнецы у себя на дому делали оружие из собственного материала по заказу правительства. Домашний способ производства уже в XVI в. практиковался в широких размерах. Ручные горны были широко распространены в домах крестьян. [1] Это видно между прочим и из того, что крестьяне с. Панина Дедиловского уезда «держали на оброк» (стр. 207) доменные места. Задолго до организации заводов ремесленники работали на скупщика. Сопоставляя число самостоятельных ремесленников с числом подмастерьев в Туле, Г. Белоцерковский [2] приходит к выводу, что роль подмастерьев была довольно велика: они составляли 40,26% ремесленников. Из числа 51 тульских ремесленников, занимавшихся обработкой железа, только 10 чел. работают самостоятельно, 17 чел. «наймуютца работать в кузнецы» и 24 чел. работают и ярыжничают в кузнице. [3] Наемный труд более всего находил себе приложение у кузнецов. Надо отметить, что почти 34 (71,01%) наемных рабочих не тянули тягла «от бедности». Совершенно прав автор «Тулы и Тульского уезда», что мы имеем дело с городским наемным рабочим, который «питаетца по миру» или «скитаетца меж двор». Также в Олонецкой губ. до XVII в. были кузницы с небольшими горнами, на которых карелы варили из болотных руд железо и из него ковали ружья, ножи, косы и мелкие изделия для домашнего употребления. [4] В конце XVII в. кузнецы, работая дома, обслуживали фабрики: так например бумажная фабрика на р. Яузе в 1673 г. заключила договор с кузнецом «делать всякие железные снасти к мельнишному заводу». [5] Первым организаторам мануфактуры или скупщикам не стоило большого труда собрать ремесленников в одно помещение или подчинить себе производство разрозненных ремесленников и кустарей. Централизованная мануфактура раньше возникла в горном деле, требовавшем более сложных орудий производства. Централизованная текстильная мануфактура возникает не раньше середины XVIII в. В избах помещичьих крестьян до XIX в. (и позже) сохраняются «станы». Между тем производство монастырскими и помещичьими крестьянами бердышей, топоров и прочего вооружения в XVIII в. прекращается.

---

[1] «Тульские губернские ведомости», 1872, № 70.
[2] Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв., Киев 1914, стр. 103.
[3] Там же, стр. 104.
[4] В. Рожков, Горнозаводский промысел в Олонецком крае. «Горный журнал», 1882, февраль, т. I, кн. 2, стр. 290.
[5] С. Белокуров, О бумажной мельнице в Москве, 1907.

КАРТА
ЖЕЛЕЗНЫХ ЗАВОДОВ
Средней полосы России
во второй половине XVII века
Составила К. Н. Сербина
Масштаб:
5 0 5 10 15 20 25 км.
Условные обозначения:
Железные заводы
Кустарный способ обработки железа
Рудники
Границы уездов
Границы волостей и станов
Засеки
Села и деревни
Пустоши
От Гринича
МОСКОВСКИЙ
УЕЗД
МОСКВА
Воскресенск
Звенигород
Руза
Сорокино
Кезмин
Обушковский
Бродниковский
(Брязгинский)
Павловский
(Степановский)
Ружейная фабрика Избранта
Руж. зав. Акина
Завод Миронова
р. Москва
р. Истра
ВЕРЕЙСКИЙ
УЕЗД
Верея
Вышегородская волость
Боровск
БОРОВСКИЙ
УЕЗД
Истенский зав.
р. Истья
Угодский зав.
Земля боярина Милославского
Поротовский зав.
Малоярославец
Суходровский
МАЛОЯРОСЛАВСКИЙ
УЕЗД
Оболенск
р. Нара
Серпухов
Коломна
р. Ока
Кашира
КАШИРСКИЙ
УЕЗД
Солоцинская
Елкинский зав.
Ченцовский зав.
Салтыковский зав.
Ведменский зав.
волость
Таруса
КАЛУЖСКИЙ
УЕЗД
КАЛУГА
Алексин
Вепрейский зав.
Дугненский завод
Любуцкий стан
АЛЕКСИНСКИЙ
УЕЗД
ТУЛЬСКИЙ
УЕЗД
Городищенские зав.
Венев
ТУЛА
Щегловская засека
Завод Демидова
р. Упа
р. Шат
ЛИХВИНСКИЙ
УЕЗД
Лихвин
Малиновая засека
ДЕДИЛОВСКИЙ
УЕЗД
Дедилов
с. Панино
Одоев
Крапивна
Богородицк

Во второй половине XVII в. во многих городах и монастырских селах была довольно значительной роль скупщика, овладевшего производством и сбытом кустарей. Однако крепостные мануфактуры возникали только в тех местах, где были исключительно благоприятные условия (близость сырья, торговых путей, центров и т. д.). Посмотрим, что представляла собой крепостная мануфактура на начальной стадии.

Маркс различает гетерогенную и органическую мануфактуру, которые «встречаются иногда в смешанном виде».

В Тульской, Каширской и Олонецкой мануфактуре на начальной стадии развития один производственный процесс выполнялся 3 — 4 работниками, мастерами и подмастерьями: так например при горне молотовой мельницы мы видим двух мастеров иноземцев и двух подмастерьев; в молотовой кузнице — одного иноземного мастера, одного подмастерья и одного рабочего. Такое разделение труда вносило нечто новое: оно проводило грань между ремесленным характером труда, между простой кооперацией и новыми формами труда, характеризующими гетерогенную мануфактуру.

Кооперация в простейшей форме в железоделательном производстве до XVIII в. уже насчитывала много специальностей: производство холодного оружия знало разделение труда на 20, железоделательное производство — 20, производство огнестрельного оружия — 19, пушечное производство — 18, чеканка монеты — 12, литье колоколов — 8, горное дело — 6 специальностей. Среди мастеров и подмастерьев тульских заводов насчитывалось не меньше тридцати специальностей.

М. В. Довнар-Запольский указывает, что диференциация московских ремесел в XVII в. достигла поразительных размеров; иногда очень дробная часть какого-нибудь дела имела своих специалистов. Он насчитывает 250 различных специальностей. Наиболее диференцировано было железолитейное и меделитейное дело, охватившее наибольшее число московских ремесленников. Все же в крепостной мануфактуре разделение труда носило примитивный характер: «иноземцы, покинув крицы, плавят и тянут брусья и иные дни у готового связного железа заваривают обухи» (стр. 26). У плавильного горна работники «руду железную били, в горн носили и всякую работу делали» (стр. 13). Волостные крестьяне вместо «конной работы» (стр. 37) занимались отделкой стволов.

Маркс указывает, что мануфактура с одной стороны исходит из комбинации разнородных самостоятельных ремесел. «Эти ремесла утрачивают свою самостоятельность и делаются односторонними в такой степени, в какой это необходимо для того, чтобы они могли стать дополняющими друг друга частичными операциями в процессе производства одного и того же товара». [1] Отдельные ремесла крепостной мануфактуры XVII в. еще не утрачивали своей самостоятельности. Техника производства была так примитивна, что одни и те

[1] «Капитал», т. I, стр. 315.

же рабочие выполняли различные производственные процессы. На заводах еще не было строгого разделения труда. В одной и той же мануфактуре сосредоточивались выплавка руды и обработка разнообразных полуфабрикатов, орудий, снарядов, котлов, дверных досок [1] и т. д.

Таким образом на своей начальной стадии развития изучаемые заводы *представляли комбинацию кооперации в ее простейшей форме с гетерогенной мануфактурой.* [2] Гетерогенную форму в чистом виде, о которой говорит т. Скубицкий, [3] тульские заводы принимают только в XVIII в. В XVIII в. отдельные части оружия оружейники производили в своих собственных мастерских *на основе простой кооперации*, другие части производственного процесса были сосредоточены в заводских мастерских.

Крепостная мануфактура конца XVII в., представлявшая комбинацию кооперации в простейшей форме [4] с гетерогенной мануфактурой, даже в таком виде была значительным шагом вперед в сравнении с домашним ремеслом.

Маркс соглашается с мнением A. Redgrave, что «устройство водяных фабрик было первым ударом для домашней системы мануфактуры». Действительно, изобретение водяной мельницы, «машины в ее элементарной форме», в свое время имело не меньше значения, чем применение пара в XIX в.

Первые горизонтальные и вертикальные мельничные колеса появились в первой четверти XVII в. в вотчинах Строгановых. Они вытеснили ступы и ручные жернова. На тульских и каширских заводах повидимому впервые была применена механическая сила воды. Вода, огороженная плотиной, была механической силой, приводившей в действие большие молоты, горные мехи и сверлильные станки. До 1632 г. железо в России производилось ручным способом: оно вываривалось в маленьких горнах непосредственно из руды и выковывалось ручными молотами. Надо отметить, что не сразу была признана вододействующая система. Марселис в 1644 г. предложил организовать пороховой завод без вододействующей системы: заводчик опасался

---

[1] «Оружейный сборник», 1875, № 1, стр. 4.

[2] Органическая форма мануфактуры отличается от гетерогенной тем, что, являясь совершенной формой, она производит продукты, «которые пробегают связанные фазы развития, последовательный ряд процессов, рядом и одновременно с другими в пространстве и времени» («Капитал», т. I, стр. 323).

[3] «История пролетариата СССР», 1930 г., т. I, стр. 266.

[4] «Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (большею частью с одним или двумя подмастерьями) изготовляет весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер» («Капитал», 1925 г., т. I, стр. 314). В другом месте Маркс пишет: «По отношению к самому способу производства мануфактура, например, отличается в своем *зачаточном* виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большого числа одновременно занятых одним и тем же капиталистом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена» (цитирую по Ленину, Соч., т. III, 286).

разрушительного действия половодья,—еще не научились подчинять себе стихию осенних и весенних разливов (стр. 144 и т. д.).

Вторая половина XVII в. характеризуется значительным техническим прогрессом в военном деле: чугунная пушка вытесняет медную, фитильноколесный замок ружья заменяется ударно-кремневым, продержавшимся почти два с половиной века, появляются отдельные образцы нарезных ружей, заряжающихся с казенной части. Вододействующая механическая сила давала тульским заводам большое преимущество. На сибирских заводах железо «родилось на неделю по пуду». Крестьяне Макарьевского монастыря на Волге в 60-х годах XVII в. добывали «железа по семи криц», а из каждой крицы по четыре прута железа. [1] Ни сибирские ни макарьевские железоделатели не могут быть поставлены рядом с тульскими заводами. На тульских и каширских заводах один горн выплавлял по 100 — 120 пудов железа в сутки; исправный горн давал «чугунного железа» по 3 600 пудов в месяц. Три мастера в сутки высверливали по две пушки.

В устройстве воздуходувных мехов введено было существенное усовершенствование, состоявшее в замене кожи деревом. С заменой движущей силы людей и животных силою водяных напоров, упругость и количество дутья настолько увеличились, что кожаные бока мехов не могли более выдерживать напора и лопались. [2] Хотя ряд недостатков (взрывы, возгорание мехов, дороговизна и т. д.) совершенно устранялся заменою кожи деревом, однако кожаные мехи долго существовали наряду с деревянными.

Технический прогресс сказывался и в том, что «оружие выделывалось по чертежу» лучше оплачиваемыми специалистами, инженерами-иностранцами. Здесь зарождалась техническая интеллигенция. [3] Все же тогдашние теоретические сведения были неустойчивы: отсутствовали какие-либо общие правила в назначении калибров выделываемых орудий или в известной зависимости калибров последних от самой конструкции. Такая беспомощность наблюдалась в технике многих производств. [4]

Технические возможности мануфактуры того времени были весьма ограничены: в плотинах проводились деревянные трубы. Железных труб еще не умели делать или невыгодно было устраивать. Работа производилась хищническим способом: наполнявшийся водою рудник бросался и заменялся новым. [5] В XV в. уже научились в Венгрии выкачивать воду из шахт. [6] В России не умели этого делать.

---

[1] «Ученые записки Казанского университета», 1890, III, стр. 26.

[2] В. Кнаббе, Чугунолитейное дело, т. I, стр. 79.

[3] «Мануфактурное разделение труда, — пишет Маркс, — приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и порабощающая их сила... человек науки отделяется от производительного рабочего целою пропастью» («Капитал», т. I, стр. 340).

[4] «Исторический каталог С.-Петербургского музея», 1877, ч. I, стр. 63.

[5] Б. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 168.

[6] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, S. 26.

Днем и ночью «вода из ям» выливалась примитивным способом.

Статистика заводов не заслуживает доверия: отсталая техника не позволяла взвешивать большие тяжести: 16 000 пудов железа принимаются «на глаз»: «к весу того железа возить и на вес носить с ким, а перевесить дерево будет в два месяца и больше» (стр. 11).

Владелец завода должен был сознаться в осталости техники его производства. В 1668 г. Марселис писал: «кованных пушек зделать не мочно и не прочно, и мастеровых таких людей нет. А форм литых зделать нельзя и не ведется». Литейщики с большим трудом открыли «секрет» иностранцев, как отливать надписи на колоколах. В этой области мы отставали от Запада. В производстве более сложных предметов русские мастера не были искусны в той степени, на какой производство стояло на Западе. Почти вся церковная или столовая утварь выковывалась гладко или без всяких украшений, или с самыми незначительными украшениями из мелкой резьбы и чеканки. [1]

Работа на заводах производилась в тяжелой примитивной обстановке: «в рудоносных ямах бывают всегда с огнем, светят лучину». Лучиной пользовались в то время, когда в домашней обстановке применялась свеча. Современник Мазепы, украинский поэт Климентий Зиновьев, следующим образом описывает технику железного производства на Украине:

Бо хоч водою млатй в руднях ударяют,
Еднак без великоі праци не бівают;
Гди ж при болотáх треба и землю копати
Да руди з великою пильностю искати,
А знайшедши где руду, особенно копати
И, в кошниці беручі, в воді полоскати,
Потом на уголля дров в дуброву рубати
И вішей хлопа в костер довгий д тасовити;
Напотом дерн різать костер той вскрывати,
И смотріть, жеб поломъя не могло псовáти. [2]

Не лучше обстояло с техникой и в других мануфактурах. Техника кожевенной промышленности, обслуживавшей массового потребителя, с 1670 г. не менялась в течение 125 лет. [3] При всей своей примитивности, древнерусская техника установки рассольных труб была сложной и носила затяжной характер. Бурение земли затягивалось до 2 и 5 лет. В XIX в. из дневников буровых мастеров мы усматриваем такую же медлительность работ. [4] По заключению А. Введенского, техника солеваренного дела в XIX в. в основном осталась такой же, какой была в древней Новгородской и Московской Руси.

---

[1] И. Забелин, О металлическом производстве в России до конца XVII в. «Записки Императорского археологического общества», 1853, V.

[2] «Основа» 1861, т. I, стр. 228.

[3] П. Любомиров, Очерки по истории русской промышленности, 1930.

[4] А. Введенский, Служащие и работные люди у Строгановых. «Архив истории труда в России», 1924, № 11—12, стр. 65.

Маркс замечает, что на «писчебумажном производстве можно было бы вообще изучить до деталей как различие между различными способами производства, так и связь общественно-производственных отношений с различными способами производства: старинное германское писчебумажное дело дает образец ремесленного производства; Голландия XVII и Франция XVIII в. — образец мануфактуры в собственном смысле слова».[1] В этом отношении ближе к Германии стояла Россия, где писчебумажное производство носило ремесленный характер.

Бумажное производство в России даже по тогдашним понятиям не стояло на уровне техники своего времени. Несмотря на то что во второй половине XVII в. в Германии и в Голландии уже входил в обиход новый аппарат для размола тряпья (голландр или рол), вытеснявший старые толчейные аппараты, на бумажной мельнице и на р. Яузе дело велось старым способом. Обычно при таком способе производства тряпье подвергалось в кучах гниению, варилось и потом промывалось водой. К тому же в России в конце XVII в. нехватало тонкого тряпья, из которого только и можно было делать бумагу хорошего качества.[2]

Маркс указывает на компас, книгопечатание и автоматические часы как на великие открытия ремесленного периода. В России не было самостоятельного ремесленного периода. Даже в «ремесленный период» в Европе Россия не заимствовала и части тех усовершенствований, которыми пользовалась Европа.

«Одна эпоха отличается от другой не тем, что́ производят, но как производят». Эпохой перелома для России является вторая половина XVII в. и первая четверть XVIII в. Дальнейшие технические усовершенствования до конца XVIII в. уже не представляют собой принципиально нового и существенного. Колесо приводилось в движение водою или животным—«простой машиной». Наряду с совершенными доменными печами западно-европейского типа на Урале, у нас продолжали еще почти двести лет действовать первобытные домницы с их хищническим производством.[3]

Маркс писал Энгельсу в 1863 г.: «За все время от XVI до средины XVIII в., т. е. за весь период развивавшейся из ремесла мануфактуры до подлинно крупной промышленности, двумя материальными основами, на которых внутри мануфактуры строилась подготовительная работа для машинной индустрии, были часы и мельница (сначала зерновая мельница, в частности водяная)». В России был развит только мельничный механизм. Механизм часов у нас не усовершенствовался и даже не привлек внимания.[4] В крепостную эпоху даже не эволю-

[1] «Капитал», т. I, стр. 359.

[2] Г. Новицкий, К истории промышленности и труда во второй половине XVII в., «Труд в России», т. I, стр. 36—41.

[3] В. Кнаббе, Чугунолитейное производство, 1900, I, стр. 185.

[4] «Очень важную роль сыграло спорадическое применение машин в XVII в., так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики» (Маркс, Капитал, т. I, 1925, стр. 327). В России машина начинает применяться только в начале XIX в.

ционировала и техника производства предметов роскоши для «благородного сословия»: так например русская гравюра на дереве, предмет роскоши или прихоти, в виде иллюстраций книг религиозного содержания, с XVI в. в продолжение целых 150 л. не представляла никаких существенных усовершенствований. [1]

К нашей крепостной мануфактуре неприложимо замечание Маркса о том, что «мануфактурный период упрощает, улучшает и умножает рабочие инструменты».

Таблица 15

Техника производства в Зап. Европе и России в 1701—1705 гг. [2]

Место, где производились опыты	Из 4 п. руды получается		Из 1 000 п. руды получается	
	Свинца	Серебра	Свинца	Серебра
В Берлине	64 ф.	3/4 зол.	400 п.	1 п. 8 ф. 58 2/3 зол.
» Амстердаме	66 2/3 »	23 »	416 » 26 2/3 ф.	1 » 19 » 86 »
» Риге	40 »	9 1/3 »	250 »	24 » 29 1/3 »
» Гамбурге	86 3/4 »	32 »	541 » 26 2/3 »	2 » 3 » 58 »
» России	16 »	15 1/3 »	100 »	1 »
	9 »	5 »	56 » 10 »	13 » 22 »

Россия стояла на одном из последних мест.

Крепостная мануфактура XVII в. отличалась от капиталистической мануфактуры не только тем, что она была основана на крепостном труде и возглавлялась феодалами-крепостниками, но и тем, что она так и застыла только на гетерогенной форме. Органическая крепостная мануфактура в России и позже в XVII в. заметной роли не играла. Иначе не могло быть в стране, где 1) был закрепощен крестьянин, 2) слабо был отделен город от деревни, 3) разделение труда в крепостной мануфактуре в свою очередь оказывало слабое влияние на общественное разделение труда, 4) слабая диференциация инструментов труда находилась в тесной зависимости от тех отраслей производства, в которых эти инструменты изготовлялись. [3] В крепостной России не только не происходило революции в орудиях труда, которой столь большое значение придает Маркс (т. I, стр. 343), но очень слабо эволюционировало орудие труда.

Крепостная мануфактура у нас создала значительные материальные предпосылки для капитализма. Однако машина не была в состоянии органически вырасти в недрах крепостного хозяйства. Крепостная мануфактура создала частичные предпосылки для машины, ко-

[1] Ровинский, Обозрение русского гравирования на металле до 1725 г.
[2] ИАИ, Россыпь Гамеля.
[3] «Капитал», т. I, стр. 330—331.

торая была привезена из Англии. Россия в данном случае не является исключением. Маркс в письме Анненкову в 1846 г. указывает, что только конкуренция Англии на внутреннем и внешнем рынках заставила европейские нации применять машины. [1] Благодаря этим особенностям в нашей технике долго господствовала «чересполосица»: наряду с производствами английского типа у нас господствовали старые архаические учреждения. Эта особенность у нас сохранилась до Октябрьской революции.

Тульские, каширские, олонецкие и пр. мануфактуры являются важным этапом в том отношении, что обслуживали нужды государства. Марселис доказывал, что он работал дешевле заграничных фирм: «и от того тебе (царю) многие прибыли чинили, а те деньги, которые преж того за моря посланы, и ныне останутца в Московском государстве, пойдут в мир, многие люди от того прокормятся, а русские люди тому мастерству научатся».

Крепостные мануфактуры обслуживали не только потребности казны, но и нужды *внутреннего рынка*. [2] Они готовили сельскохозяйственные орудия для дворцового села в Измайлове, где мы находим заступы, косы, резцы для сечки соломы, косули, плуги и грабли с железными зубцами. [3] Чугуевские виноградари и арбузные «садовники» обратились в 1670 г. с просьбой продать им тульское железо на мотыги, заступы, топоры и т. д. Олонецкие заводы снабжали холмогорские лесопильные мельницы железными подковами и чугунными отливками.

По данным Кильбургера толстое прутовое железо употреблялось для стен в домах и церквах. Из тонкого прутового железа делались основы к железным дверям и ставням. Из тонких досок делались сковороды. На заводе ковали маленькие и четырехзубчатые якоря от 7 до 8 пудов для окских и волжских судов. [4]. Рамы для слюдяных окон делались из белого или красного железа, в сетку, основанием которой служили 4 железных прута. По мнению Павла Алеппского, тульское железо было очень дешево, и поэтому «все двери каменных домов, дворцов, церквей, складочных подвалов и створы лавок в Москве сделаны из чистого железа». Заводы производили также црены для солеварниц, чугунные котлы, подковы, двери, прутовое железо «на починки сошников», сохи с палицами, топоры, засовы с замками, гвозди, ступы, кандалы, кровельные доски, гири, железо для «стругового дела», лопаты, решетки, мельницы. Всё это расходилось по всем углам государства: в Москву, Смоленск, Сибирь, Украину и т. д.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 1922, стр. 11.

[2] Надо исправить преувеличенное представление Н. Рожкова (Русская история, V, стр. 21) о заводах Виниуса и Марселиса, которые, по его мнению, работали главным образом *не на казну, а для рынка* (курсив мой — *С. Т*).

[3] «Земледельческий журнал», 1821, № 1.

[4] Б. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 168, 463, 464. Также см. «Дело 1670 г. о найме стругов для перевозки взятых у П. Марселиса 170 якорей струговых по 5 п. в Ряжск, а оттуда в Козлов на подводах» (И. Козловский, Первые почты, 1913, I, стр. 83).

Мельницы основывались не только ради перемола зерна в муку. Они были типом старинного предприятия. Украина XVII в. знала мельницы мукомольные, пороховые, бумажные, толчеи для проса, валюши для валянья сукон и т. д. [1] М. Слабченко считает, что под выделыванием мельниц следует подразумевать производство орудий производства для обслуживания ряда возникающих предприятий, обычно называемых мельницами.

Несмотря на относительно широкий спрос на железные предметы, администрация тульских заводов повидимому с пренебрежением относилась к запросам внутреннего рынка. Марселис в 1668 г. писал: «гвоздей у нас не делают — мелкое дело и мастеровых людей таких нет, а мельницы опасно делать — в Пушкарском приказе охуливать станут».

Расцвет дворцовой и церковной архитектуры в XVII в. и постройка богатых «хором» и струговое дело были бы совершенно невозможны без помощи железоделательных заводов. Производство предметов широкого потребления осталось в руках деревенского кузнеца, который ковал гвозди дешевле заводов. [2] Марселис жаловался на то, что крестьяне-кузнецы причиняют ему значительный ущерб. Однако железо повидимому еще не играло заметной роли в жизни крестьян. Рейтенфельс заявляет: «Домашняя утварь у русских вся деревянная, да и та немногочисленная. Железного же у них почти ничего нет». Крижанич сильно раскритиковал русское хозяйство: «Телеги круто неудатно и неспособно делаются на Руси; топоры суть все единого обличия и единые меры». Они в других странах разной формы и веса, отчего ими было легче работать. Русские же не имели пил для пиления досок, а делали доски топорами, на что уходила масса времени, труда и материала. Крижанич также не видал в России плотничьих инструментов. [3] Такое игнорирование запросов внутреннего рынка продолжалось очень долго. И в XX в. наши фабриканты и заводчики считали, что производство гвоздей и подков для многомиллионного крестьянства — мелочь, которой не стоит заниматься.

11. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА РАБОЧЕГО МАНУФАКТУРЫ

Правительство не могло скрыть, что «пущими заводчиками» в восстаниях были рабочие приокских поташных заводов. Нидерландский посол фан-Кленк также отмечает, что неустрашимые и храбрые повстанцы были в Лыскове и Мурашкине. [4]

В Нижегородском уезде на майданах (будных станах) было около полуторы тысячи рабочих. Майданные рабочие рекрутировались из среды бедных крестьян: «а буде которые бедные крестьяне взять не-

---

[1] М. Слабченко, Организация хозяйства Украины, 1922, т. II, стр. 15.
[2] Б. Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 168.
[3] Там же, стр. 469.
[4] «Посольство Конрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу», 1900, стр. 455.

чего, тех отсылать к будному делу зола жечь». Крестьяне из дальних деревень и вотчин должны были доставлять дрова, золу к майданам и поташ для отправки за границу. Сергачские крестьяне жаловались на то, что их заставляют дрова носить на майдан, в то время как на других майданах носят дрова будники. Вотчинник вынуждал лысковских и мурашкинских крестьян возить поташ «без найму и без подмоги». Крестьяне «одинокие и бесконные», не поспевавшие дрова рубить, возить и золу жечь, должны были на свои средства покупать дрова и золу.

Поташ играл большую роль во внешней торговле, однако в 1661 г. приказано было свесть «те будные станы», в которых скрывались беглые.[1]

В Тамбовском районе была особая группа безземельных крестьян-майданников. В 1649 г. в с. Спасском было девять майданов с населением в 2 860 душ. Будные станы находились также в районе Казани. В Симбирском районе находились соляные варницы — Надеинское Усолье. В 1660 г. эти варницы были приобретены правительством у «вдовы Антониды» за 6 500 руб и пожалованы Савве-Сторожевскому монастырю. Усолье имело в 1676 г. крестьянских, бобыльских, мастеровых и рабочих 253 двора и 30 дворов чувашей. На варницах работали крестьяне и бобыли, принимавшие активное участие в революционном движении. После восстания население Усолья уменьшилось на 46 дворов. Это повидимому заставило правительство Федора Алексеевича освободить рабочих от «податей и стрелецкого хлеба».[2]

К кадрам рабочих следует отнести ярыжек, образовавших большие повстанческие отряды на Волге и на Дону.

Что же собой представляли ярыжки? Приведем типичную биографию ярыжки, который в восстаниях играл большую роль. В 1663 г. в Астрахани был арестован Пашка, работавший на посаде. Пашка оказался белоруссом Смоленского уезда, «а которого повету и чину был ево отец — Пашка не помнит». Под Смоленском он попал в плен к боярскому сыну Иванову. Последний его продал одному московскому торговцу, который променял Пашку на татарина, принадлежавшего посадскому в Казани. Посадский, одолжив денег у садовника, оставил Пашку в качестве залога. Пашка сбежал и «нанялся на государевом насаде итить в Русь у ярыжных в кошеварах». Пашка, арестованный за бегство, был сдан в солдаты «до указу».[3] Такими беглыми ярыжками были переполнены города Поволжья.

В районе разинщины были большие кадры ремесленников и подмастерьев в монастырях и вотчинных военизированных ремесленников, плотников, вольнонаемных и сельскохозяйственных рабочих, принимавших активное участие в восстании. Кадры сельскохозяйственных рабочих повидимому рекрутировались из среды разорившихся или беглых крестьян.

[1] «Акты Археографической экспедиции», т. IV, № 126.
[2] А. Зерцалов, Материалы по истории Симбирского края, 1900.
[3] Астраханские акты, коробка № 41, столб. 42, л. 4.

Рабочие были сконцентрированы большими массами на поташных и в особенности на железоделательных заводах.

Что же представлял собой рабочий поташных и железоделательных мануфактур?

Описывая дореформенную суконную промышленность, Ленин отметил: «Суконное производство является примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда в промышленности». [1]

Это замечание Ленина в большей степени приложимо к дореформенной железоделательной промышленности. В 1647 г. на тульских заводах было 52% наемных рабочих, в 1662 — 1664 гг. на тульских и каширских заводах было 53% наемных и оброчных подмастерьев, среди рабочих было 51 человек наемных и 94 приписных. На поротвских и угодских заводах в 1663 г. было только 35% наемных и 65% оброчных и приписных. На тульских, каширских и алексинских заводах в 1690 г. было 24% наемных и 76% крепостных.

Что представлял собой *наемный рабочий* в крепостную эпоху?

Нельзя поставить знака равенства между наемными рабочими эпохи капитализма и крепостничества. Указ 10 февраля 1664 г. дедиловским рудокопам совершенно определенно указывает их «приписное» отношение к заводам. Указ предлагает «выбрать в ровщики 50 человек и дать к железным заводам для рудокопного дела», всех «собрать, переписать и пересмотреть». [2]

Надо ли напоминать об указе (7175 г.) 1667 г. о передаче тульских и каширских заводов Марселису «со всяким строением и Соломенскою волостью»? Известно, что волости не отдавались без крепостных людей.

Вольнонаемный рабочий был оброчным, а *оброчный рабочий — еще не пролетарий* в марксовом понимании. Преемственный рабочий еще не был пролетарием, он был настоящим крепостным рабочим; продолжительный рабочий стаж не превращал крепостного рабочего в пролетария. Переписные книги целиком и полностью ликвидируют представление о вольнонаемном характере рабочих. В «Крепостной мануфактуре» мы читаем: «список с переписных книг Каширского уезду государственным дворцовым селам и деревням». Государев и дворцовый крестьянин никогда не был *вольнонаемным*. Все крестьяне без исключения, занесенные в писцовые книги, считались *крепостными*. А. Виниус посылал крестьян в Тулу для «своих покупок» и по дороге «их-де бивали и грабливали». Почему же они не отказывались от таких рискованных поездок? От иноземцев «многие налоги были», от налогов «крестьяне разбежались». [3] «За тех-де беглых крестьян тягло платят и работу работают крестьяне всей волостью». Разве в среде вольнонаемных рабочих могла бы господствовать круговая порука? На стр. 33 (там же) читаем: «поляки Петр и Яков...

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, 1924, стр. 382.

[2] Архив ИАИ. Тульские заводы, указ 10 февраля 7172 г. (1664 г.). О дедиловских рудокопах.

[3] «Крепостная мануфактура», т. I, 1932.

отданы на завод по боярскому приказу». Более четко подчеркнут социальный состав рабочих на 96 стр. Здесь ясно сказано: «Акеме и отдано... для всяких железных дел... и в Верейском уезде государева дворцовая Вышегородская волость». Здесь точно фиксируется величина тягла. Крестьяне платили в приказ Большого дворца, пахали десятинные пашни, косили сено, давали хлеб натурой, стрелецкий оклад и т. д. Они были на положении обычных крепостных. Почему же *отданных* на завод считают наемными пролетариями?. На стр. 107—108 подробно выясняется характер «отказных книг» 1667 г. Что такое «отказные книги»? Отказная книга — не договор в нотариальной конторе. В «отказных книгах» содержится перечень *крепостных* крестьян. Такой характер имеют «отказные книги» 1690 г., данные Льву Нарышкину на заводы и на приписанную к ним дворцовую Соломенскую волость. По переписи 1690 г. в Соломенской волости оказалось 359 «крестьянских *пустых* мест», т. е. крестьяне бегали, так как они были закрепощены. Книги так и пестрят перечислением беглых. Когда же «бегство» вольнонаемных рабочих носило массовый характер?

Указ 1690 г. предлагает переписать всех крестьян-бобылей «по имяни со отцы», детей, братьев и племянников, соседей, подсоседников и захребетников. Не подлежали переписи только *наемные мастера и работные русские люди и иноземцы* (стр. 109). Имеются подлинные указания, что рабочие у Петра Марселиса были закрепощены. На стр. 125 сказано: «Жил-де он Ивашко в работниках у иноземца Петра Марселиса, и как-де он Петр умре, и *после ево отпущен он Ивашко на волю с отпускною*». Заводовладельцы совершенно свободно распоряжались крестьянами: «Деревня Чернцова, что ныне в той деревни построен двор иноземца Крестьяна Марселиса, а крестьяне ж той *деревни Чернцовой* переведены в-ыные деревни» (стр. 147).

Посмотрим, как формируется рабочий состав на окраине государства в Астрахани. В 1648 г. стрельцов заставляют бесплатно работать в *виноградниках Астрахани.*[1] Рабочие для виноградника брались из среды «ссыльных из русских людей, из иноземцев и вольных людей и тюремных сидельцев». У рабочих брались «поручные записи», что им «в-работниках быть и не збежать». Стрельцы же должны были ручаться за своих товарищей, выделенных в рабочие, что они не сбегут; в противном случае за беглых отвечали порукой.

Рабочие также покупались: в 1672 г. садовник Жданов купил 10-летнюю татарку за 4 руб. Поэтому неудивительно, что рабочим приходилось работать в кандалах.

Откуда брались в феодально-крепостной России XVII в. вольнонаемные пролетарии? Каким же образом они могли очутиться в Тульском уезде? «Если к Тульскому уезду начала XVII в. еще может быть приложимо наименование «полустепной, полурусский уезд», то к средине этого века он становится в полном смысле слова русским уездом. Жизнь в нем постепенно теряет характер жизни окраинного

[1] Архив ИАИ. Астраханские акты, коробка 12а, столбец 13, л. 16, 18.

уезда, и пресловутое московское «гуляество» вынуждается уходить все более и более на юг. Колонизация с севера уже не задерживается в Тульском уезде, минует его, направляясь на юг — на Дон и на юго-восток — в Понизовье... Помещиков щедро наделяли дикими полями и пустынями на Солове, на Ливнах и других уездах окраины, а помещики спешили перевести туда часть своего крестьянства, чтобы заводить запашки». [1]

Что же тогда представляли собой наемные рабочие, о которых говорится в «Крепостной мануфактуре»? Это были оброчные, «гулящие», бродяги и т. п. элементы феодального общества. В крепостническом окружении, на помещичьей и дворцовой земле, при господстве феодальных отношений капиталистическая мануфактура — квадратура круга. Историку никогда не следует забывать указания Маркса, что нельзя подобрать одну отмычку для решения проблем истории народов разных эпох. Без учета конкретных российских условий никогда не понять характера русской мануфактуры.

Еще меньше оснований считать мануфактуру капиталистической на том основании, что ее владельцы якобы не были крепостниками. Марселис, Виниус и прочие «знатные» иностранцы в России являются *типичными крепостниками*, несмотря на то, что они были выходцами из передовых капиталистических стран. К заводам иноземцев приписывались крепостные крестьяне, которые на них обязаны были работать как на помещиков. Заводчики освобождались от пошлин, заводчики с крестьянами были неподсудны городовым воеводам (стр. 219). «Иноземец» Акема владел «поротвскими и угоцкими заводы в Вышегородцкою волостью со крестьяны». Монопольные феодальные права Акемы Марселиса не уменьшались от того, что в грамоте оговаривалось: «а наймовать к тому делу всяких русских людей по доброте, а не в *неволю*». Эта обычная трафаретная отписка не умаляла значения крепостнических привилегий «иноземцев».

Анализ социальной природы рабочих Кадашевской слободы, горных заводов Урала и будных станов приводит нас к тем же выводам — о том, что не правы те, кто причисляет крепостного рабочего к категории вольнонаемного рабочего в капиталистическом обществе. Вместе с тем важно подчеркнуть, что массы предпролетариата в лице крепостных рабочих появляются в эпоху «нового» феодализма.

Крепостная мануфактура была организована в России голландцами, передовым народом XVII в. Сравнивая технику в мануфактурах Голландии и России, нетрудно притти к выводу об отсталости и несовершенстве наших мануфактур. *Передовая голландская техника упиралась у нас в крепостнические отношения.* Не следует переоценивать темп экономического развития России в XVII в.:

[1] Г. М. Белоцерковский, Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв., Киев, 1914, стр. 195; Е. Н. Щепкина, Тульский уезд в XVII в., «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1892, № 11; цитирую по Г. Белоцерковскому.

в Архангельск ежегодно прибывало в среднем до 20 голландских кораблей, в Данию и Норвегию — 500, в Испанию — 2 000. Совершенно верно замечание И. Любименко, [1] у которой мы заимствовали эти цифры, что внешняя торговля России тогда занимала определенное место между европейской и колониальной торговлей: колониальный вывоз голландцев выражался в цифрах: десять кораблей для Гвинеи, три — для Китая, семь — для Ост-Индии, по сравнению с которыми 20 кораблей для России уже приобретали серьезное значение. Эти данные приблизительно определяют место московской России в тогдашнем «мировом» (европейском) хозяйстве. Это место определило и социальную значимость нашей крепостной мануфактуры. [2]

В споре с Корсаком и Милюковым об «искусственности и естественности» нашего капитализма Туган-Барановский был прав. В настоящее время уже не стоит спорить с утверждением Милюкова, что «мануфактура и фабрика не успела развиться органически из домашнего производства, под влиянием роста внутренних потребностей населения». Этот тезис давно опровергнут. Туган-Барановский ошибался однако в определении термина «фабрика», а также в своей *переоценке* прогрессивной роли крепостнического государства и в частности петровских реформ. «Объективный легальный марксист» приходит к совершенно неверным выводам, когда он считает, что «превращение кустарного производства в фабричное было невозможно благодаря примитивности техники производства, грубости и дешевизне изготовляемых изделий». [3] Корень зла *был не в примитивной технике, в этом производном факторе, а в общественных отношениях того времени — в крепостном строе.*

Доказывая «экономическую необходимость» нашего развития, как Туган-Барановский, так и Милюков совершенно упускают из виду взаимоотношения классов и классовую борьбу в Московской России.

Восстания Разина и Булавина почти не нашли отклика среди рабочих крепостной мануфактуры и приписных крестьян. Рабочие не восстали даже тогда, когда на близком расстоянии от Тулы находился помощник Разина, Василий Ус. Рабочие молчали, когда булавинцы подходили к корабельным верфям.

Крестьянство тульской окраины, вошедшей в состав Замосковного края, ко второй половине XVII в. уже было закрепощено. Общественные отношения тульского района в эпоху Разина уже значительно отличались от общественных отношений в районе правого берега Волги, где крестьянство еще не было закрепощено. История крупнейших крестьянских войн показывает, что закрепощенное

---

[1] «Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией». «Русское прошлое», 1923, т. V, стр. 18.

[2] «Исторической предпосылкой первого расцвета мануфактуры в Италии, а позже во Фландрии явились сношения с иностранными народами» (Архив Маркса и Энгельса, 1924, I, стр. 236).

[3] «Русская фабрика», 1900, стр. 9, 25.

уже крестьянство неспособно подняться большими массами. *Разгром разинщины и булавинщины сохранил у нас надолго отсталую примитивную технику в мануфактуре, надолго замедлил темп экономического развития всей страны.*[1]

12. МЕЛКАЯ ГОРОДСКАЯ БУРЖУАЗИЯ В РАЙОНЕ ПОМЕЩИЧЬЕ-МОНАСТЫРСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Роль мелкой городской буржуазии в восстаниях XVII в. можно объяснить, рассмотрев политику правительства с середины XVI в. В эпоху образования империи и закрепощения крестьян мелкая городская буржуазия интенсивно экспроприировалась, насильственно приписывалась к посаду и часто закрепощалась. Этот процесс начался со второй половины XVI в. и более активные формы принял после разгрома крестьянского движения начала XVII в. Монополии царской торговли, крупных гостей, указ 1649 г. о высылке английских купцов, новоторговый устав, чрезвычайные налоги и поборы, разгром и ограничение прав монастырских посадов, упразднение стрелецкой армии в конце XVII в., создание института прибыльщиков, конфискации — все это звенья одной цепи, сковывавшей мелкую городскую буржуазию по рукам и ногам.[2]

Со второй половины XVII в. приток населения в города значительно сокращается: крестьянство не имело права приписываться к посаду. Торговые права самого посадского населения были урезаны в интересах крупного купечества и дворянства. Внутри посада по-

[1] Наши ретивые критики не понимают связи крепостной мануфактуры с капиталистической; они видят только *реакционные* черты крепостной мануфактуры и не замечают ее *прогрессивных* элементов. Хотя Ленин в «Развитии капитализма в России» оставил в стороне те формы промышленности, которые основывались на труде крепостного населения (Соч., т. III, изд. 3, стр. 444), однако его замечание о крепостной мануфактуре приобретает большое значение. Он пишет: «То же самое крепостное право, *которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма*, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма (курсив наш *С. Т.*). Наши невежественные критики («Исторический сборник», 1934, 1, стр. 295) не знают, что Ленин видел *обе стороны* процесса. Изучая историю тульских заводов, Ленин принимает периодизацию В. Борисова («Труды кустарн. ком.», вып. IX), который делит историю тульских заводов на три периода. Ленин видит непосредственную *преемственность и связь* между старыми цеховыми мастерами и принципалами позднейшей капиталистической мануфактуры (стр. 382). Можно ли в таком случае видеть только реакционные черты крепостной мануфактуры? Мы уже не говорим о значительных массах предпролетариата, игравших революционную роль (см. «Социальный состав рабочих, ИАИ, 1934).

[2] Работа А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве» (1890) была признана лучшей. Что же на самом деле представляет эта работа? Она смазывает живодерскую налоговую политику царизма. Лаппо-Данилевский считает волость основанием податной раскладки на севере России, вотчину — в центре России и отдельного хозяина — на юге. Между тем крестьянин не был ни вотчинником ни «хозяином». Затушевывая налоговую политику правительства по отношению к мелкой городской буржуазии и крестьянству, автор в то же время говорит о «постепенном ограничении податных привилегий служилого класса». П. Милюков в «Основных вопросах финансовой истории Московского государства» *солидаризуется* с Лаппо-Данилевским.

садские жители сталкивались со стрельцами, пользовавшимися бо́льшими политическими правами. Катастрофическое состояние мелкой городской буржуазии иллюстрируется следующими данными:

Таблица 16

Убыль черных дворов в городах

	В 1646 г. в среднем черных дворов на один посад	XVI в. до 1646 г. % ±
Города метрополии		
Центральный район	399,7	—17,8
Западные замосковные города	397,7	—47,7
Восточные » »	414	+ 2,4
Псков с пригородами	550,4	— 80
Города колоний		
Южный край (украинские и рязанские города)	223	—52
Восточный край (Казанский дворец)	499,5	—77,1[1]

Эти данные помогают нам уяснить причины городских движений 1648 — 1660 гг., бегства посадских и их участия в разинщине, стрелецких восстаниях и булавинщине. Процесс закрепощения не мог привести к другим последствиям: мелкая городская буржуазия спасалась из городов бегством, ее положение все ухудшалось и ухудшалось. Донесения сената за 1714 г. рисуют довольно неприглядную картину положения посадских: «в московских сотнях и слободах купецких людей убыло 5 432 человека»; 1 242 человека отданы были и сами ушли в солдаты, 536 чел. — на заводы, 123 чел. — «в разные губернии», 3 131 чел. «пропали и оскудели», остальные записались в крепостные крестьяне.[2] До чего незавидно было положение «купецких людей», если они добровольно отдавались помещикам! С. М. Соловьев, оценивая положение мелкой городской буржуазии, указывает, что последняя в итоге восстания 1648 г. добилась отмены уложением закладничества. Историк находится в плену юридических норм: добровольное закрепощение ничуть не уступает закладничеству.[3]

Выясним сначала соотношение классов в крупных поволжских городах, Нижнем-Новгороде, Казани и Астрахани, игравших большую роль не только во внутренней, но и во внешней торговле.

В 1664 г. в Нижнем-Новгороде 21,32% ремесленников продавали свой товар через посредника, т. е. *попадали в зависимость от скупщика.* Остальные работали на заказчика или доставляли товар непосредственно на рынок. Техника ремесла находилась на низком уровне и не влияла на связь производителя с рынком. Эта связь

---

[1] П. Смирнов, Города Московского государства. «Университетские известия», Киев, 1918, № 1—2, ч. I, стр. 130.

[2] «Доклады и приговоры в Сенате в царствование Петра Великого», № 97, 1888, ч. IV, стр. 67.

[3] С. Соловьев, т. XIII, стр. 44—45

определялась наличием капитала и социальным составом ремесленников.

Среди ремесленников, продававших свой товар через посредников, почти вдвое больше крестьян, чем среди ремесленников, непосредственно связанных с рынком. Среди ремесленников-крестьян преобладали главным образом кожевенники, рукавичники и т. д. В 1664 г. в Нижнем-Новгороде уже почти не было земледельцев: 24,41% городского населения работали по найму, 37,51% занимались ремеслами, 33,34% — торговлей, а 4,44% совмещали работу по найму с ремеслом и торговлей. Для сопоставления напомним, что в 1646 г. в Ярославле 43% населения занималось ремеслом и 18,9% торговлей. [1]

Для того чтобы яснее представить себе общественные отношения в Нижнем-Новгороде, следует указать, что в его пригороде Василь-городе 94,64% жителей совмещали земледелие с работами по найму, ремеслом и торговлей. В то время как жители пригорода торговали только на местном рынке, 24,53% жителей Нижнего-Новгорода связаны с другими городами и 0,27% населения торговало с заграницей.

В чьих руках концентрировались богатства? В Нижнем-Новгороде 1664 г. на первом месте по числу лавок, амбаров и харчевен стоят купцы гостиной сотни, на втором месте — духовенство, на третьем — монастырские крестьяне. Крупная торговля была сосредоточена только в руках первых двух групп, крестьяне же владели не больше чем одной лавкой. Торговый характер крупного города ярко выражен: так например налог по Нижнему-Новгороду в 1682 г. распределялся следующим образом: налог на торговлю и таможню по городу — 66,8%, по уезду — 8,9%, на кабаки — 32,1 и 66%. Город давал 17 583 руб., а уезд — 2 405 руб. [2]

В Казани в 1646 г. насчитывалось 116 профессий. Среди ремесленников на первом месте стоят посадские (555 домохозяев), затем бобыли (106), монастырские крестьяне (23) и стрельцы (4). В 1564 — 1568 гг. крестьяне Казани были представлены 25, а в 1646 г. — только тремя профессиями. По численности профессии следует расположить в следующем порядке: кожевенников по отношению ко всему числу занятых ремеслом было 27%, пищевиков — 20%, портных — 16%, прочих — 15%, металлистов — 10%, деревообделочников — 9%, и химиков 3%. Эти данные говорят о том, что в городах возникли предпосылки для зарождающейся крепостной мануфактуры. Обратимся к диференциации населения (см. табл. 17 на стр. 121).

Эти данные показывают, что диференциация в городах колоний зашла довольно далеко. К сожалению у нас нет исчерпывающих данных о расслоении городского населения. Только по Балахне имеются сведения за 1678 г. об обеспеченности торговцев рабочей силой: богатый двор в среднем имел двух рабочих, дворы гостиных и сукон-

[1] Подсчитано по переписной книге Нижнего-Новгорода 1664 г.
[2] Подсчитано нами по «Дополнениям к Актам историческим», 1867, X, № 32.

ных сотен — около двух рабочих. В 1646 г. в Ярославле еще встречаются три категории рабочих: свободные, кабальные и крепостные.[1]

Таблица 17

Отношение высшей платежеспособной группы населения к низшей

Города метрополии	
Ярославская рыбная слобода	11 : 1 [2]
Углич	25,3 : 1 [3]
Кашира	1,35 : 1
Кинешма	9,7 : 1 [4]
Юрьевец-Поволжский	87,5 : 1 [5]
Города колоний	
Н.-Новгород (граница колонии)	240 : 1 [6]
Саратов	12 : 1 [7]
Астрахань	860 : 1
Балахна	148,5 : 1 [8]
Свияжск	19 : 1

Откупщики в городах на Волге большею частью рекрутировались из посадских, среди которых выделялись крупные купцы.[9] Существовало также значительное расслоение и среди той части городского купечества, которое переходило к организации производства: среди владельцев соляных варниц Балахны в 1674 г. было 35% крупных, 41% средних и 24% мелких фирм. В течение XVII в. происходила концентрация фирм. Количество крупных фирм увеличилось на 50%, средних уменьшилось на 49% и количество мелких сократилось в $3^1/_4$ раза. В конце XVII в. замечается концентрация лавок и торговых помещений во многих городах.[10]

---

[1] О. В. Константинова, Ярославский посад по переписи 1646 г. «Труды Ярославского педагогического института», 1929, т. III, вып. III.

[2] Писцовая книга дворцовой Рыбной слободы 1674—1676 гг.

[3] «Труды Ярославской губ. ученой архивной комиссии», 1892, вып. II; данные относятся к 1678 г.

[4] «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», 1904, вып. VI, данные относятся к 1646 г.

[5] «Костромская старина», 1912, VII; данные относятся к 1676 г.

[6] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», XII, вып. II, данные относятся к 1629 г.

[7] «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», 1915, вып. XXXIII; данные относятся к 1634 г.

[8] «Труды Нижегородской ученой архивной комиссии», 1899, вып. 12; данные относятся к 1674 г.

[9] Откупная сумма в г. Саратове в 50—60-х гг. на 1 596 руб. распределялась так: один откупщик платил 1 000 руб., а 11 — 596 руб., среди последних сумма колебалась между 8 и 132 руб.

[10] «Труды Ярославского педагогического института», 1929, т. III, вып. III, стр. 116. Пользуясь случаем, должен отметить, что О. Константинова приходит к неверному выводу о возросших торговых оборотах Ярославля конца XVII в. Автор исходит из роста налогового обложения, не принимая во внимание денежной инфляции и налоговой политики, которая не учитывала платежеспособности населения.

Городское купечество Астрахани было представлено исключительно демократическим элементом: ремесленниками, дворовыми, гулящими и т. д. Поставщики материалов на Астраханский деловой двор следующим образом распределяются по социальному положению.

Таблица 18

Социальное положение поставщиков на Астраханский деловой двор в течение всего XVII в. (за 1620—1687 гг.) [1]

	В процентах	
	Поставщики	Поставленные ими товары на сумму
Посадские	32,5	33
Крестьяне	16,8	23,6
Стрельцы и пушкари	15	1,5
Гости	4	13
Торговые люди	16	16
Высшая бюрократия	3	0,6
Духовенство	2	2,5
Ремесленники	4	7
Гулящие люди	1	0,3
Дворцовые люди	0,7	0,9
Неизвестные	5	1,6
	100%	100%

Поставщики вели торговые операции в размере от 2 до 500 руб. включительно. В среднем на первом месте по величине торговых оборотов находятся гости, затем ремесленники, на третьем месте крестьяне, на четвертом посадские и т. д. Если же обратимся к абсолютным данным, то получим другую картину: большинство посадских, крестьян и торговых людей ведет торговые операции до 50 руб., большинство стрельцов, духовенства, пушкарей и высшей бюрократии — до 10 руб. Среди крупных купцов на первом месте стоят крестьяне, затем ремесленники и гости. Среди 67 волжских торговцев солью было только 6 гостей из гостиной сотни; остальные вербовались из среды посадских, крестьян, стрельцов и т. д. Среди 141 волжских торговцев ~~солью~~ рыбой было только 4 гостя из гостиной сотни; остальные торговцы — посадские, крестьяне, стрельцы, бобыли и т. д. [2] Численно преобладали демократические элементы, но господствовали на рынке гости, феодалы и крупные купцы.

Если напомним, что в метрополии на первом месте среди торговцев идут гости и бояре, то поймем причину и характер борьбы купечества в колониях, в частности астраханского купечества, активно поддерживавшего разинцев в 1671—1672 г. и стрельцов в 1705 г. *Города колоний отличались от городов метрополии тем, что*

[1] Таблица составлена А. Пруссак и З. Тимофеевой по астраханским актам, подготовляемым к печати.

[2] Данные относятся к 1664—1698 гг. (о торговцах солью) и к 1664—1691 гг. (о торговцах рыбой) и взяты из Астраханского фонда, обработанного бригадой ИАИ в составе А. Пруссак, Р. Беркович, З. Тимофеевой и Я. Притыкина.

их посадские в изучаемую эпоху еще не выделились в значительную сословную группу. Это говорит о том, что в городах колоний еще господствовали более свободные общественные отношения, чем в городах метрополии.

Таблица 19

Посадские жители в % ко всему населению [1]

Города активного района восстания	
Шацк	0
Коротояк	2,5
Козлов	6
Острогожск	6,5
Темников	7
Симбирск	29,4
Тетюши	32
Лаишев	34
Города Замосковного края	
Орел	10
Елец	13
Курск	43
Калуга	66
Ярославль	71
Серпухов	74
Кострома	95

Во всей России в 1668 г. посадские составляли 30,4% населения

Тип посадского накануне восстаний характеризуется следующими данными. Так например в Нижнем-Новгороде в 1664 г. среди лиц, работавших по найму, посадские составляли 60%, среди ремесленников — 79,04%, среди торговцев — 82,21%, среди совмещающих работу по найму с ремеслом — 90,9%, среди совмещающих работу по найму с торговлей — 56,8%. [2]

---

[1] Данные относятся к 1668—1678 гг. и взяты из «Очерков по истории колонизации и быта степной окраины», 1887, т. I, стр. 216, и из работы П. Черменского «Очерки из истории колонизации Тамбовского края» в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» 1911, вып. 54; С. Соловьев, «История России в эпоху преобразования», 1863, приложение XI; «Край Ильича» (Казань), 1927, № 2.

[2] Исключение составляют Кадом и Воронеж. Кадом имел 63% посадских. Этот факт объясняется как древностью города, так и значительным торговым движением по реке Мокше. Этим же объясняется значительное число посадских (20%) в Воронеже. Предприятия Симбирска находились в руках следующих групп: среди торговцев, владельцев мельниц, амбаров, лавок, полок и харчевен было 98 посадских, 16 казаков и 15 стрельцов (А. Зерцалов, Материалы для истории Симбирска и его уезда, Симбирск, 1896). В. Ключевский (Курс русской истории, ч. III, изд. 20, 1923, стр. 104 и дальше) идеализирует московские порядки, когда пишет, что посадские призывались к «устроению земли». XIX глава Уложения «о посадских людях», «Новоторговый устав» как раз показывают, как мало заботились о посадских: все законодательство было направлено против мелкой городской буржуазии.

Торгуют, как правило, «лутшие» группы. Ремеслом занимаются главным образом средние и «молодшие» посадские: так например в 1646 г. в Кинешме ремесленники среди «средних» составляли 10%, среди «молодших» 29%.

Такая же картина наблюдается в других торговых пунктах; так например в Соли Вычегодской в 1627 г. «все посадские людишки работные: повары и водолеи, песочники и дровосеки, хлебники, колашники, площадные прасолы... Работу робят работные всякие людишки... И много работных людишек и жены и детишка нищетно около строгановых дворов и скитаются в миру, — в свои дворишка прибегают для своей бедности».[1]

Данные о расслоении населения недостаточно полно вскрывают соотношения классовых сил. Посадские жили в посаде, на «белых местах» (т. е. освобожденных от налога), на оброчной монастырской, дворцовой, ясачной земле, в помещичьих владениях и т. д. Одна группа посадских имела особые права, особые налоговые ставки, особое покровительство, другая группа в любое время произвольно изгонялась, закрепощалась или экспроприировалась.[2]

Посадские, перейдя от духовных феодалов к светским, попадали из огня в полымя. В конце концов им было безразлично, кто их будет грабить. Если же принять во внимание государеву монополию и централизованный аппарат, то нельзя не признать, что от реформы Б. И. Морозова посадские только проиграли: попав в руки «великого государя», посадские лишались последних остатков привилегий.[3]

Город активного района был переполнен деклассированным элементом — бурлачеством, бобыльством, «гулящими» людьми без определенных профессий и ссыльными, украинскими политическими эмигрантами, которые «шли от нетерпимого великого голода» на заработки. Города Симбирской черты почти исключительно комплектовались из ссыльных и беглых, т. е. из наиболее революционно настроенных групп. В городах этого района были значительные слои казенных ремесленников и рабочих, пушкарей, ярыжек, затинщи-

---

[1] П. Смирнов, Классовая борьба в городах XVII в., «Исторический сборник», № 3, 1934.

[2] Надо отметить, что крупнейший землевладелец и торговец Б. И. Морозов имел в городах всего около 0,08% владений, т. е. он не имел оснований интересоваться положением городских жителей. Поэтому в 1648/49 г. он пошел на конфискацию городских слобод у старых феодалов и передачу их в распоряжение «великого государя». В своей работе П. Смирнов, у которого мы заимствовали приведенную цифру, считает, что Б. И. Морозов выражал интересы городского посадского населения. Так ли? С этим вряд ли можно согласиться.

[3] П. Смирнов, Правительство Б. Морозова и восставшие 1684 г. Ташкент, 1930. О городах см. литературу: И. Дубасов, Очерки из истории Тамбовского края, 1883; А. Хвощев, Очерки по истории Пензенского края, 1922; И. Тихомиров, К истории колонизации Пензенского края, «Журнал Министерства народного просвещения» 1909, XXI, июнь; Карцов, Тамбовская и Козловская сторожевая черта, 1901; К. Невоструев, Историческое обозрение Симбирска, Симбирск, 1909.

ков. Последних следует отнести к категории низко оплачиваемых рабочих, которые обычно набирались из среды черных людей.[1]

Города активного района отличались наличием большого числа вольнонаемной рабочей силы. Во второй половине XVII в. многие тысячи крестьян служили на волжских насадах. Купец Гурьев возил на Яицк с Руси «мастеровых людей, наймуя их великою ценою втрое и вчетверо». Кроме того беглые жили «в служилых, в наймах, в извозе, на будных заводах, на стругах и торговые люди их наймовали в работу и извоз». Мы видим, *что города активного района были переполнены плебейским элементом, который играл большую роль в крестьянских войнах.*

13. МЕЛКАЯ ГОРОДСКАЯ БУРЖУАЗИЯ В РАЙОНЕ ЕЩЕ НЕ ЗАКРЕПОЩЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Иным было соотношение классовых сил в городах *пассивного* района, принимавших слабое участие в восстании. Город пассивного района отличался от городов замосковных. Города на юге были гуще расположены, и число дворов в них мельчало. Торговлей занимались все слои населения — служилые люди, дети боярские, бобыли и т. д. На окраинах монастыри встречались реже, нежели в центре государства, но зато 54% монастырей на юге имели поземельные связи с городами, в то время как эта связь по северо-западным областям выражалась в 18,70% и по центру — в 38,6%.[2]

Таблица 20

Дворы в городах первой половины XVII в.[3]

Районы	Всех городов	% дворов		% вотчинных владельческих дворов крестьян и бобылей
		служилых людей	тяглых людей	
Метрополия				
Центральный	58	13,9	66,4	19,7
Северный	22	23,6	73,2	3,2
Западный	37	71,2	23,5	5,3
Колонии				
Южные	62	85,3	8,5	6,2
Восточные	47	87,3	11,6	1,1

[1] По указу 1640 г. лебедянские стрельцы вербовались «из бобылей, половинщиков и из церковных бобылей и из гулящих людей. По Корсунской черте (Симбирского у.) затинщики за скудостью земли не пашут» (В. Холмогоров, Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII в., Симбирск, 1898).

[2] П. Смирнов, Города Московского государства, «Университетские известия» (Киев), 1919, № 9—10, стр. 346.

[3] П. П. Смирнов, Города Московского государства, ч. I, стр. 346.

Состав населения в городах колоний говорит об их специфическом социальном характере; в 1668 г. посадские люди в Белогородской черте составляли всего $2^1/_2$%.[1] Здесь военный преобладал над тяглым. Выгодное положение служилого состояло в том, что он был вооружен и пользовался некоторыми привилегиями, в то время как посадские и крестьяне метрополии уже были разоружены. Между посадскими и стрельцами происходила беспрерывная борьба: конкуренция служилых разоряла посадских.

За период 1632 — 1650 гг. число служилых людей в Московском государстве возросло на 68,9%, на юге — на 92,2%, на востоке — на 97,5%. Важно отметить, что среди служилых на первом месте стояли стрельцы, т. е. та часть населения, которая милитаризировалась: по росписям 1650 г. на один город южной колонии приходилось стрельцов 313,4, пушкарей — 50,7.[2] Наиболее быстрый темп роста приходится на стрельцов.

Отношение стрельцов к военной службе характеризуется следующими данными: из 6 163 московских стрельцов, бывших в 1674 г. на Дону, оказалось больных 1 120, беглых — 1 260 и умерло 1 040, т. е. выбыло из строя больше половины.[3] В то же время в активном районе, в частности в районе Приказа Казанского дворца, на 30 787 служилых было только 1 481 человек дворян и детей боярских. Значительные группы населения городов «пассивного» района не были заинтересованы в борьбе за изменение существовавших общественных отношений. Представление о различии между социальным составом «активного» и «пассивного» районов в 1661 — 1663 гг. дает следующая таблица.[4]

Таблица 21

Социальный состав населения «пассивного» и «активного» районов

	Дворяне и дети боярские	Стрельцы	Казаки	Пушкари, затинщики, казенные ремесленники	Ямщики, гулящие люди, крестьяне	Националы	Прочие
	В процентах						
«Пассивный» район (Белогородская черта)	28,6[5]	11,3	26,6	4,8	0,7	—	28
«Активный» район (Приказ Казанского дворца)	4,9	60,8	9,4	1,6	—	14,2	9,1

[1] Д. И. Багалей, Очерки из русской истории, 1911, стр. 216; Доп. к Актам историч., IX, стр. 258; цитирую по работе В. Юркевича «Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького», 1932, стр. 67.

[2] П. Смирнов, ч. I, стр. 161.

[3] Архив ИАИ. Донские дела, т. VI, стр. 609.

[4] По данным Н. Благовещенского (Четвертное право, 1899, стр. 85) в 77 городах степной окраины и Белогородской черты было в конце XVII в. 44,1% детей боярских.

[5] Подсчитано по данным С. Веселовского, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1911, кн. 3.

Города северного пассивного района, где преобладало черное крестьянство, значительно отличались от городов южного пассивного района. Они выделялись международной и крупной торговлей, значением городской буржуазии и ролью свободного крестьянства и вольнонаемных рабочих. В Соловецком восстании, восстании крупной торговой фабрики Севера, играли большую роль «трудники», вольнонаемные рабочие и торговая буржуазия.

Классовое расслоение чувствовалось особенно в северных городах. Подьячий Давыдов в 1646 г. писал из Устюга, что городские низы не смеют жаловаться «на тех сильных и богатых людей, потому что они у них задолжены и в крепостях укреплены многие»... Крупное купечество говорило Давыдову: «государь-де нам поверит, ничево-де тебе с середними и с мелкими людьми не зделать, сломаем-де хотя и не тебя». Давыдов пугал центральное правительство тем, что оно может остаться без налогов, так как «богатые люди учнут твои государевы деревни покупать и под заклады имать и насильством обнимать попрежнему». Будущее подьячий рисовал мрачными красками: «твои государевы крестьяне у богатых в половниках будут все так же, как и за Строгановыми». [1]

Поведение городских жителей во время восстания определялось не столько соотношением классовых сил в городе, сколько классовой борьбой в деревне: в то время деревня еще господствовала над городом. Поэтому участие городских жителей в восстании объяснялось не только ролью низших слоев в городах, но главным образом удельным весом феодально-помещичьей колонизации в районе города. [2]

14. КРУПНОЕ КУПЕЧЕСТВО МЕТРОПОЛИИ В КОЛОНИЯХ

В своеобразных российских условиях феодал-крепостник был неотделим от купца. Особенность России состояла в том, что в лице помещика персонифицировался ростовщик, землевладелец и торговец. В «Теориях прибавочной ценности» (I, 26) Маркс пишет: «Борьба между денежным капиталом и землевладением наполняет с небольшими перерывами все столетие от 1650 до 1750 гг., так как дворяне с неудовольствием видели, что ростовщик забирает их в свои руки, а возникновение в конце XVII в. новейшей системы кредита и государственного долга дало этим ростовщикам возможность успешно бороться с ними в области законодательства». В России этого не было. Московское восстание 1648 г. направляется одновременно против ростовщиков, спекулянтов хлебом, владельцев крупных мануфактур и помещиков. Олицетворением этих групп был боя-

---

[1] П. Смирнов, Классовая борьба в городах XVII в., «Исторический сборник», № 3, 1934.

[2] З. Зайцев, Русские пограничные города, «Московские ведомости», 1860, № 12; Е. Зверев, Воронежские церковно-исторические акты, 1891; «Заселение Коротоякского края в XVII в.»; «Памятная книжка Воронежской губ.», 1899; А. Хлебников, Астрахань в старые годы, 1906; Чекалин, Саратовское Поволжье до конца XII в., 1892.

рин Б. И. Морозов, против которого было направлено восстание 1648 г. На Западе ростовщик урезывал часть дохода помещика. Наш помещик и монастырь выступали перед крепостными как ростовщики и землевладельцы. Поэтому эксплоатация крепостного приняла в России наиболее суровый характер и содействовала концентрации крупного землевладения.

Обратимся к выяснению социальной физиономии купечества.

Вотчины Алексея Михайловича заключали в себе 10 700 десятин обработанной земли и 50 000 крестьянских дворов, не считая бобыльских. Его хозяйства приносили ежегодно до 2 000 000 рубл. дохода. Дворцовое хозяйство поглощало 10%, а иногда и половину государственных доходов. Если прибавить к этому богатства бояр Морозовых, то окажется, что торговля всей страны находилась в руках нескольких крупных владельцев.[1] Царская монополия, поражавшая иностранцев, имела свои корни в богатстве этих феодалов.

Помещик, ростовщик, купец — обычная фигура для начала XVIII в. В начале XVIII в. определенные группы помещиков обязаны были поселиться в строящемся Петербурге. Что представляли собой эти феодалы? Имеющиеся данные о 607 помещиках, обязанных переехать в новую столицу, характеризуют их следующим образом: один помещик владел 8 тыс. крестьянских и бобыльских дворов, один — 6 тыс., один — 3 тыс., 6 — от 2 до 3 тыс., 31 — от 1 до 2 тыс., 51 — от 500 до 1 000, 83 — от 300 до 500, 31 — от 200 до 300, 118 — от 100 до 250, 152 — от 50 до 100 и 132 владели до 50 дворов крестьян и бобылей.[2]

Среди них были такие известные феодалы, как Нарышкины, Черкасские, Меншиков, Стрешнев, Ромодановский, Репнин, Долгоруков, Головины, Апраксины, Одоевский, Прозоровский, Ростовский, Салтыков, Куракин, Голицыны, Шереметевы, Мусин-Пушкины, Матвеев и т. д. Не приходится доказывать, что все перечисленные «птенцы Петра» занимались спекуляцией, торговлей и ростовщичеством. Исключения не составляли и малоизвестные Мотовиловы, Жабины, Шестаковы, Жолобовы, которые у нас фигурируют среди помещиков, владевших до 50 дворов; в строящийся Петербург переводились в первую очередь те помещики, которые имели отношение к торговле и были связаны с рынком.

Приводимые данные о социальном составе нашего купечества и первых заводчиков подтверждают неоднократно высказывавшиеся мною положения о том, что наш купец, заводчик, помещик и ростовщик часто персонифицировались в одном лице. Купец, ведущий большую торговлю с заграницей, это также часто очень крупный землевладелец, боярин или дворянин.

---

[1] Е. Карнович, Замечательные богатства частных лиц в России, СПБ, 1874, стр. 39.

[2] Гафкэ, Подсчитано нами по приказным делам Вотчинного архива, кн. № 172 за 1718 г., л. 397 — 461, по донесению в канцелярию Правительствующего сената. В табл. 9 сведены данные о 676 помещиках.

Таблица 22

Поташ, поставленный в казну в 1662—1676 гг.

Продавцы	Число продавцов поташа [1]	Сделка на сумму в медн. руб. [2]	На одно лицо руб.	Число продавцов смальчуги	Сделка на сумму в медн. руб.	На одно лицо руб.
Крупные землевлад. (бояре, дворяне) . .	10	521 789	52 179	4	11 083	2 770
Гости и торговцы .	23	66 132	2 874	24	16 134	672
Разные	4	1 903	475	—	—	—

Мы имеем за период 1661—1676 гг. данные о 26 будных и 13 смальчужных станах, половина которых находилась в районе восстания. Эти станы были исключительно в руках бояр.

Таблица 23

Товары, поставленные в казну в 1662—1676 гг.

Продавцы	Число торговцев	Юфть		Число торговцев	Пенька		Число торговцев	Сало	
		Стоимость проданн. товара	Стоимость проданн. товара на одно лицо		Стоимость проданн. товара	Стоимость проданн. товара на одно лицо		Стоимость проданн. товара	Стоимость проданн. товара на одно лицо
	в рублях [3]								
Бояре	1	1 156	1 156	7	22 618	3 231	2	7 037	3 518
Гости	3	12 240	4 080	12	35 453	2 954	1	692	692
Купцы	5	16 121	3 224	11	33 657	3 059	—	—	—
Торгов. иноземцы .	5	33 547	6 709	3	19 579	6 256	—	—	—
Крестьяне	15	8 736	582	17	28 362	1 674	8	7 149	893
Стрельцы	3	6 149	2 049	1	1 027	1 027	—	—	—
Татары	3	66	22	—	—	—	—	—	—
Посадские	321	316 350	985	109	222 923	2 045	46	68 601	149
Мастера серебр. дел	—	—	—	2	7 750	3 875	—	—	—

Если обратимся к диференциации отдельных групп, то окажется, что одна боярыня Морозова продала поташа на 359 037 руб., а все остальные 9 бояр — на 162 755 руб. То же самое наблюдается среди торговцев смальчуги: один боярин Матюшкин продал на 6 476 руб., а остальные 3 бояр на 4 607 руб. Концентрация капитала

[1] Для указания роста производства поташа надо отметить: в 1651 г. Морозов отправил в Архангельск 5 494 пуда, а в 1662 г. — 94 940 пудов.

[2] Составлено по книге Денежного стола 1671—1676 гг., № 323.

[3] Разрядный приказ. Книга Денежного стола 1671—76 гг., № 323, Москва. Суммы указаны в круглых цифрах. Все эти товары выкачивались в основном из колоний.

среди боярства была так значительна, что в сравнении с одним Морозовым остальное боярское купечество имело небольшое значение. [1]

Это определило и политическую мощь крупного боярства и гостей. Гораздо ровнее были представлены купеческие группы: наряду с «левиафанами» был ряд средних торговцев.

Выясним концентрацию капитала в торговле юфтью, пенькой и говяжьим салом.

Торговля этими товарами находилась в «демократических руках». По величине торговых оборотов на одно лицо следует расположить группы в следующем восходящем порядке:

По торговле пенькой	стрельцы, крестьяне, посадские, гости, купцы бояре, мастера, серебреники, иностранцы.
» » юфтью	татары, крестьяне, посадские, бояре, стрельцы, купцы, гости, иностранцы.
» » говяжьим салом ...	посадские, гости, крестьяне, бояре.

Итак иноземцы идут на первом месте по торговле пенькой и юфтью; второе место занимают серебреники и бояре. Крестьяне занимают видное место в торговле говяжьим салом.

Решающей однако является не средняя цифра, а степень концентрации капиталов.

Крупнейшие купцы-феодалы играли решающую роль, — они поражали своих конкурентов-посадских и крестьян, которые владели мелкими распыленными капиталами. В свете этих данных и становится понятным безвыходное положение мелкой буржуазии, которая к тому же была лишена гражданских прав. В свою очередь крупное городское купечество отступало на задний план перед монополистами, связанными с казенной торговлей. [2] Монополисты подавляли и разоряли мелкую городскую буржуазию. [3] Крестьянство также принимало участие в торговле с колониями, в частности с Якутией, но это было исключительно северное крестьянство, [4] которое в конце концов было вытеснено крупным купечеством.

---

[1] См. предисловие В. Геймана к указанной выше книге. Б. Морозов спекулировал хлебом: имея в наличности свыше 20 тыс. четвертей ржи (четверть — около 9 пудов), он все же закупает еще крупную партию в 7 685 четвертей (т. е. до 70 тыс. пудов). Экспорт царского хлеба на 1628—1633 гг. составлял 12% всего хлебного вывоза за границу (Н. Строминлов, Первая царская ферма в XVII в., «Сельское хозяйство и лесоводство», 1872).

[2] Купцы, доставлявшие мягкую рухлядь из Сибири в обмен на персидский шелк и литовское сукно, делали обороты от 1 500 до 15 тыс. руб. в год.

[3] О. Ротштейн и Н. Шилова в работе «Павлово в XVII в.» (1930), констатируя упадок в средине XVII в. крупного торгового пункта с. Павлова, не в состоянии объяснить изучаемый процесс: они его приписывают не то моровой язве, не то отливу капиталов (стр. 29). Самого главного — крепостнических отношений — они не заметили.

[4] С Якутией за 1639—1661 гг. торговали важане, верхотурцы, владимирцы, вымитяне, вычегжане, вятчане, галичане, заонежане, казанцы, кайгородцы, каргопольцы, мезенцы, москвитяне, новгородцы, осташковцы, пижемцы, пинежане, Польского города, сольвычегодцы, Тобольского города, усольцы, устьцылемцы, устьянцы, устюжане, холмогорцы, южане, Якутского острога, ярославцы («Якутские акты». Архив ИАИ).

В то время как феодалы завоевывали внешний рынок Западной Европы, гости экономически завоевывали колонии России и рынки Востока. Приведем несколько примеров: гость Никитин, вышедший из среды черносошного крестьянства, вел большие торговые операции с Сибирью, Китаем, где он обменивал пушнину на предметы туземной кустарной промышленности и на иностранные немецкие, персидские и китайские товары. Одновременно он вел ростовщические операции и не брезгал торговлей *рабами*. Вологодский гость Фотиев рисуется крупным подрядчиком и откупщиком, он вел обширную торговлю с окраинами и за границей. Он владел *крепостными* крестьянами, и за невыплаченные долги Фотиеву отдавались в работу на долгие годы целые семьи *посадских* людей. Гость Панкратьев владел соляными варницами, вел обширные операции по «осваиванью» соседних земель. [1]

Анализируя деятельность гостей, мы не можем не притти к следующим выводам: *1) крупные гости стремятся стать крепостниками, рабовладельцами*; *2) они часто разоряются из-за того, что тратят большие капиталы на скупку земель*; *прекращая крупную торговлю, они большею частью еще не становятся крупными землевладельцами*; *3)* иногда они фрондируют, становятся оппозиционерами; некоторый процент из их среды попадает в Преображенский приказ (политическую полицию), который экспроприирует их собственность.

Какое значение имело то обстоятельство, что купец и ростовщик часто персонифицировались в лице одного феодала? В. И. Ленин описывает четыре основные формы, какие принимает торговый капитал в мелких промыслах. «Вторая форма торгового капитала состоит в соединении его с ростовщичеством; постоянно нуждающийся в деньгах крестьянин занимает деньги у скупщика и потом отдает за долг свой товар». Как же происходит сбыт товара? «Сбыт товара в этом случае всегда происходит по искусственно пониженным ценам, не оставляющим часто в руках кустаря и того, что мог бы получить наемный рабочий. К тому же отношения кредитора к должнику неизбежно ведут к личной зависимости последнего, к кабале, к тому, что кредитор пользуется особыми случаями нужды должника и т. д.». [2] Эти условия должны были привести к более суровым формам закабаления и экспроприации непосредственного производителя; они содействовали более продолжительному существованию крепостничества.

Кризис 40—90-х гг. XVIII в. должен был привести к большей концентрации капиталов, землевладения и следовательно к большему обнищанию народных масс.

---

[1] В. Гейман, Соляной промысел гостя Панкратьева, «Летопись занятий А. К.», 1929, т. XXXV; С. Бахрушин, Торги гостя Никитина в Сибири и Китае, «Сб. статей Института истории», 1926, вып. I; Е. Заозерская, Вологодский гость Фотиев, «Записки Историко-бытового отдела Государственного музея», 1928, I.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 297.

Итак в городах создалась достаточная почва для обостренной классовой борьбы. Не случайно города в колонии играют активную роль в разинщине.

15. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Мы уже показали, что крепостническая метрополия не могла долго терпеть рядом с собой свободный Дон. Крепостническая колонизация юга была невозможна, пока беглые имели прибежище на Дону. Вместе с тем в борьбе за Азовское и Черное моря правительство пыталось превратить казаков в орудие своей колониальной политики.

Донское казачество вело обширную торговлю с Украиной, Великороссией, Поволжьем, Крымом, Турцией. Избытки казачьей добычи (лошади, скот, турецко-персидские товары, пленные) шли в обмен на товары из метрополии и колоний. Азов был большим торговым пунктом сбора московских, татарских, турецких и донских купцов. Пристани г. Черкасска, столицы Дона с богатым оседлым населением, всегда были заняты торговым судами Турции и Московского государства. С рынков Кафы, Очакова и других портовых городов Крымского ханства пленные развозились как товар по всем районам Средиземного моря. Они обращались в гребцов на каторгах и в домашнюю прислугу. Крымские татары во время своих набегов на Польшу и Московию иногда приводили с собой десятки тысяч пленных (по данным мемуаров, относящимся к южной Руси). Казаки не оставались в долгу. Они также захватывали большие армии пленных. Сумма откупа за богатых турок доходила до 30 тысяч злотых. Выкуп русских пленных был очень выгодным делом для казаков. Из списка пленных, выкупленных в 1654 г., видно, что за боярских детей платили по 68, 80, 90, 100, 135 и 150 руб. Дворцовые крестьяне шли по 70 — 90 руб., помещичьи крестьяне оценивались в 50 — 100 руб., жены боярских детей — в 35 — 100 руб., крестьянки — по 30 — 80 руб. [1]

Помещикам метрополии такой торг был выгоден: пленные продавались в качестве крепостных. Казачество пользовалось свободой торговли: «нигде никогда з казаков пошлин не имано». Свобода торговли была дана казакам в 1615 г. за «службу, разъезды по шляхам, бережение перевозов» и т. д. [2] Даже в начале XVIII в. казаки, облагаемые налогом, протестовали на том основании, что они «не купецкие люди, а казаки», т. е. они отстаивали ту точку зрения, что свободная торговля является привилегией казачества.

Казачество было диференцировано. Ранние донесения 1593 г. отмечают наличность на Дону ростовщиков. В 1623 г. Москва пыта-

[1] Ю. Гессен, Пленные в России, 1918. На Дону и в Астрахани были наиболее дешевые цены на рынке рабов и пленных: тобольские татары, посадские и служилые продавали взрослого раба в 1671/72 г. от 8 до 20 руб., малолетнего — от 1 руб. 50 коп. до 4 руб. На Дону и в Астрахани «ясырь» оценивался во много раз дороже.

[2] Архив Белгородского стола, дело 1710 г., связка 10.

лась разведать, сколько среди «атаманов добрых, средних и худых». Надо считать спорным категорическое заявление Сватикова, [1] что до третьей четверти XVII в. занятие хлебопашеством не было известно на Дону. Не следует забывать, что помещичья и монастырская колонизация Придонья происходила при участии и содействии *богатого низового донского казачества*, [2] которое строило монастыри и церкви. За монастырскими оградами, снабженными артиллерией, колонизация развивалась успешнее помещичьей.

Не прав Тхоржевский, считающий низовых казаков [3] профессиональными разбойниками.

К 60-м годам XVII в. они значительно эволюционировали. Зажиточное казачество было сосредоточено в низовьях Дона. Низовое казачество стало выделять старшин, пользовавшихся рабским и наемным трудом для охраны табунов, для косьбы и прочей работы. Казачий атаман в начале XVIII в. — работорговец и помещик. Так донской атаман Лукьян Максимов держал «татар в неволе». [4]

Указ 1706 г. подтверждает наличие своза «утайкою» крестьян в качестве рабочих на пчельниках и на мельницах. [5] Последними, как известно, владело только богатое казачество. Низовые казаки раньше верховых стали переходить к мирной жизни: они ссужали голытьбу оружием и платьем, скупали за бесценок имущество беглых, получали львиную долю за свои ростовщические операции. [6]

Беглые, бездомные бурлаки и украинцы на низу не пользовались политическими правами до тех пор, пока не принимались в казачество. Жалованье обычно давалось «добрым и старым казакам, которые в городах живут и служат давно». Одна из грамот 1655 г. упрекает казаков в том, что они «жалованья и хлебных запасов с вольными людьми» не делили. Имеются прямые указания на то, что верховые казаки не получали жалованья. [7]

---

[1] История Донского войска, 1925, Прага.

[2] В. Дружинин, Раскол на Дону, СПБ. 1889, считает верховыми городки до г. Голубые, вверх по р. Дону и по его притокам, а низовыми — городки, лежащие ниже г. Голубые. «Материалы для истории войска донского» (1825) считают г. Цымлю границей верховых и низовых городов; таково же и официальное толкование.

[3] С. Тхоржевский, Стенька Разин, 1923, стр. 14.

[4] Кабинет Петра, № 8, л. 212 об.

[5] Донские дела, св. 24, № 76, К. № 76, № 31, 1706.

[6] Так казак, арестованный за грабеж, показал, что «атаманы и старшины всех их воровство ведали. Их-де ссужал атаман Корней Яковлев (разгромивший Разина. — *С. Т.*) и иные многие старшины, и донские казаки давали им запас и ружье *исполу, что добудут* (Архив Белгородского стола, 1674 г., л. 98). Это нашло отражение и в народной песне:

«Голова ль ты, моя головушка,
К бою, ко батальице ты наипервая,
На паю-то, на дуване ты последняя».

[7] Донские дела, XII в., 1674 г., № 7, л. 3.

Низовое казачество пыталось объяснить свою политику тем, что верховые казаки — «бражники», пропьют свое жалованье. [1]

Москва систематически воздействовала на «лутших» казаков: давала им больше жалованья и подарков. Голытьба не без основания обвиняла «лутших» в том, что они продавались Москве «за соболя и жалованье». Московское жалованье распределялось «в нижнем большом войске», а казаки верховых городов не получали его и даже постепенно удалялись из казацкого круга. [2] Богатое (домовитое) казачество дорожило связью с метрополией, правами свободной торговли и связывалось с боярством в процессе борьбы с низами: «московская партия» на Дону состояла только из старшины и буржуазной части населения. Старшина даже переносил на Дон обычаи придворной жизни московских бояр.

Неправ С. Тхоржевский и в том, что низовое казачество составляло ядро разинцев. Москва великолепно разбиралась в социальном положении казаков. В 1646 г. Москва предписала «вольным людям быть на Дону в нижних городках, а на Русь и *в верхние городки не отпущать*». [3] Правительство опасалось общения «вольницы» с верховьем Дона и со спокойной совестью отдавало их под надзор низовья. Во время усмирения восстания казаки низовьев Дона предъявили верховым казакам обвинение в том, что они: 1) полностью не выполнили служебной разверстки, 2) скрыли у себя больше 1 000 беглых, 3) давали беглым «суды, запасы и ружье». [4] Атаманы заверили Москву: «у всех казаков *в нижних* казачьих городах никаких злых умыслов нет и не бывало». [5] Хитрово, усмиритель восстания, писал в 1673 г., что «прежние Стенькины воры живут в *верховых* казачьих городках», и выразил опасение, что «з Дону из верховых городков пристанут к нему казаков многие воры». [6] И через 20 лет после подавления восстания Разина беглый казак Оська Чирский уверяет: «готова восстать больше половины казаков до Пяти-Изб», т. е. до границ низовья Дона. [7] В 1683 г. атаманы заявили, что «старшине от голутьбы ныне стало тесно».

Путаница у Тхоржевского вытекает из непонимания им социальной природы казачества и роли этих групп в движении.

Крепнувшую связь казацкой верхушки с Москвой Тхоржевский принимает за переход всего казачества на сторону Москвы. Причину этой связи он видит в «*укреплении в казаках религиозно-национального сознания*». [8] Не буду спорить ни о том, является ли религиозно-

---

[1] Низовые казаки создали для верховых прозвище «чига», которое верховым казалось очень обидно. Долго сохранялась у низовых поговорка, метко выражающая это чувство: «Матушка, не мой здесь ножки, здесь виклятой (проклятый) чига воду пил». Верховые давали низовым названия: «таранья толчь» и пр.

[2] См. С. Тхоржевского, Донское казачество в первой половине XVII в., «Русское прошлое», 1923, № 3.

[3] Военный архив, Похвальные грамоты. Дела казачьи, ст. I, № 226, л. 115.

[4] Там же, ст. IV, № 231, № 21.

[5] Донские дела, 1671, связка X, № 19/6, л. 6.

[6] Донские дела, св. VIII/в., 1673, № 13, л. 158.

[7] Донские дела, 1690, св. 18.

[8] С. Тхоржевский, Донское казачество в первой половине XVII в., «Русское прошлое», 1923, № 3, стр. 26 (курсив мой. — *С. Т.*).

национальное сознание движущей силой истории, ни по поводу того, обладали ли в то время этим магическим сознанием сами командующие классы империи, но донское казачество было весьма далеко от этого сознания. Ни венчание казаков вокруг березы, даже и в XVIII в., ни существование прочного раскольничьего гнезда на Дону после поражения Разина, ни сильная оппозиция донской церкви московской в XVIII в., ни восстания Разина и Булавина не обнаруживают и намека на это сознание.

Факты ликвидируют легенду о религиозных настроениях казачества в XVII в. «По допросу донских казаков, сколько чего на церковное строение, книг, риз и ладону надобно, атаман Федоров и казаки про то ничего не сказали; а говорят, что они — люди полевые, того им сказать не уметь и им не за обычай». [1]

Богатое низовое казачество накануне восстания еще с опаской относилось к господству московского помещика, который был против отлива крепостных крестьян на Дон. Это противоречие интересов нарождающегося придонского помещика и Москвы объясняет пассивное и выжидательное поведение низового казачества во время наступления Разина на Москву.

Рост казацкой буржуазии задерживался турецко-крымскими разгромами казачества. В борьбе за Азов пал цвет старшинского казачества и были уничтожены богатые городки Дона. С 1660 г. вновь начинает расти низовье Дона. Беглых привлекали на Дон сами казаки, вручая им свои луга для сенокоса, земли для обработки. С удивительной смелостью и изобретательностью приводили казацкие старшины толпы беглых и старательно укрывали необходимые рабочие руки. Все это делалось под страхом сурового наказания, но это происходило невозбранно за спиной и под покровительством богатого казака — нарождающегося помещика и ростовщика. Богатое казачество принимало участие и в монастырской колонизации Дона; монастыри вовсе не были только убежищем для престарелых, — они были крупными хозяйственными предприятиями, применявшими крепостной труд.

Основная масса беглых оставалась в верхних городках. Низовые казаки, опасаясь увеличения благосостояния казаков верховьев Дона, упрекали их в том, что они пользуются беглыми, как рабочей силой. Крестьяне, перебираясь на Дон со всеми своими «животами», со всем своим крестьянским скарбом, переносили туда и свои земледельческие привычки. [2]

Опасность для Москвы состояла в том, что Дон становился вооруженным убежищем бывших крепостных крестьян, которые не выдавали беглых. Казаки верховьев Дона грозили «побивать до смерти» присылаемых к ним «для выемки беглых» приставов. Бегство крестьян в 50-е годы, очевидно, приняло такие широкие размеры, что «стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы Тульского

[1] Дела казачьего управления, ст. II, 229, по второй описи, л. 2.

[2] В. Марков, Крестьяне на Дону, «Сб. Областного войска Донского статистического комитета», вып. XI, 1913.

и Веневского уездов» поднялись на защиту своих интересов и коллективно били челом на донских казаков, которые «уговаривали к бегству купленных холопей и крестьян». Жители Коротояка (Воронежской губ.) также жаловались, что «казаки во время остановок в их местностях подговаривали работников бежать на Дон».

В 1658 г. московские дворяне требовали у правительства, чтобы «впредь беглые холопы и крестьяне и их дети своим воровским побегом на Дон от нас холопи наши в холопстве и крестьяне в крестьянстве не отбыли». Беглый иногда пользовался иммунитетом, приезжая в Москву с представителями Дона. Поэтому московские помещики требовали лишить крестьян этого права, «как станут выезжать с Дону к тебе, государь».

Совершенно прав А. Новосельский, [1] что движение беглых на юг было настоящим колонизационным потоком, лишавшим помещиков центра рабочей силы. Понятно, почему помещики так бурно нажимали на правительство в вопросе о сыске беглых. Помещики центра претендовали не только на своих беглых. Они хотели получить с Дона тех беглых и пленных, которые возвращались из Азовского плена.

Донское казачество пополнялось и посадскими и свободными крестьянами, убегавшими от тяжелых поборов: так например курские посадские «людишки» шли в донские казаки или «борисовские крестьяне», «показачились» и воруют с казаками; из них «многие с охотою шли в казаки».

Казаки защищали беглых с оружием в руках. В 1646 г. воронежский воевода донес Москве, что «казаки ударили его, воеводу Мясного, в душу, вырвали из рук царский указ и пригрозили, что приедут к воеводе на двор». [2] Войсковой круг обвинил верховые города в том, что они не выдали ни одного беглого, которые «у них ссуды берут, покупают запасы и ружья и их к Руси отпускают». [3] Даже в 1675 г. после разгрома Разина казаки просили, чтобы с р. Дону «людей не имать».

Москва не была в состоянии сразу покончить с положением, создавшимся на Дону.

С одной стороны, московское правительство нуждалось в казачестве, охранявшем границы государства от набегов татар и прочих кочевников. С другой стороны, правительство с опаской относилось к казакам, которые сами нападали на границы государства и ввязывались в войну с Крымом тогда, когда Москве невыгодно было драться. Москва часто тайно организовывала казачьи походы на Крым. Когда эта затея встречала отпор со стороны Крыма, Москва выдавала казаков головою. Дон и притоки его среднего и нижнего течения служили выходом к южным морям, которые находились в руках крымского хана. Уже Юрий Крижанич понимал, что «донская торговля была бы выгоднее калмыцкой или каспийской, ибо Азов соединяется с океаном, а Франция и Англия торгуют с Турцией

[1] Ст. «Побеги крестьян», «Труды Института истории», РАНИОН, 1926, I, 334.
[2] Е. Савельев, Крестьянский вопрос на Дону. Новочеркасск, 1917.
[3] Архив ИАИ. Донские дела, т. VI, стр. 587.

и окружают Царьград своими торговыми ладьями будто лесом». Но в 1642 г. Москва отказалась помочь казакам удержать Азов.

Азовское море нужно было донцам не только как торговый путь, но и как стратегический пункт для *объединения с запорожцами*. Этого боялась Москва. Она откладывала сокрушительный удар против Дона до разрешения украинской проблемы. Казачество было хорошим заслоном против турок и татар, союзников Украины. Только, когда разинцы восстали, правительство решило отвлечь внимание казаков тем, что предложило им в 1671 г. напасть на Азов. Наконец, после разгрома восстания, Москва решается захватить Азов.

Правительство пыталось отвлечь внимание казаков войной. Поэтому в этот момент дипломатические сношения России с другими государствами достигли таких широких размеров, как никогда прежде. В 1672 г. Алексей Михайлович отправил за границу несколько посольств с поручением втянуть европейские державы в войну с Турцией. [1] Эта сторона московской политики совершенно затушевывалась буржуазными историками, которые замалчивали тот факт, что разгром под Азовом помешал донцам объединиться с запорожцами. Община верховых казаков Дона была более демократическим учреждением, чем Запорожская сечь. Это в свою очередь служило препятствием для объединения запорожцев с донцами. Потеря Азова, неудачные попытки объединиться с запорожцами, переполнение Дона политическими эмигрантами из Украины, необходимость для значительной части казачества после потери Азова пересесть с судов на коней, — все это внесло существенные перемены в казацкий строй.

Переход к скотоводству и земледелию мог бы создать на Дону прочную базу для наступления на Москву, но это было связано с угрозой ускорить наступление на Дон помещика метрополии. Поэтому земледелие на Дону преследовалось *верховыми* казаками. [2] Однако, несмотря на это, низовое казачество все же переходило к сельскохозяйственным работам. Нужда в хлебе ставила Дон в зависимость от Москвы, которая ежегодно посылала казакам хлеб, вино и «зелье ручное, пушечное и свинец». «Государево жалованье» встречалось очень торжественно «судами по Дону», конные же «берегом из ружья и из пушек стреляли, молебны пели и воду святили». За жалованье они выражали «радость служить и о государственных делах радеть и государевы повеления исполнять» (1667 г.). Однако обещания расходились с делом. Казаки верховьев Дона давали отпор посягательствам Москвы на их автономные права.

В 1645 г. казаки отказались присягать Алексею Михайловичу: «казаки-де не могут заставить по-христиански» присягать донцов, среди которых имеется много нехристиан и большинство детей которых родилось от басурманок. В 1647 г. они отказались притти в ставку царского посла за жалованьем, как этого требовала Москва.

[1] Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, 1874 г., т. I, стр. XX.

[2] Также и придонское казачество иногда бойкотировало земледельческую работу, так как не хотело платить «стрелецкий хлеб».

В 1661 г. казаки потребовали от Москвы убрать ее военного представителя Хитрово, который «вместе с ними не думает никаких царственных дел». [1] Москва должна была предложить Хитрово «вести ратное дело вместе с казаками». В 1666 г. Москва опять потребовала, чтобы казаки сами явились в ставку царского представителя за жалованьем, так как «з государевым жалованьем в круг итти непригоже, — то будет великого государя имени не к чести».

Москва, формально уступая, фактически отвечала тем, что задерживала жалованье и часто запрещала окраинным городам торговать с Доном. Этими запретами пользовались перекупщики, взвинчивавшие цены на хлеб. Казачьи «отписки» указывали, что без государева жалованья, без запасов они голодною смертью погибают, оцынжали и перепухли. «От таково голоду и наготы, — писали они, — многие наши братья хотят разбрестися розно по украинным городам, а иные по запольским речкам кормитца». [2] Даже аккуратно присылаемое жалованье было недостаточно «не токмо что на пропитание, но и на квас», а с 1664 г. присылка хлеба из Москвы снизилась с 5 до 3 300 четвертей. Присылаемые медные деньги на Дону отказывались принимать: «те медные деньги в расход не идут». [3]

С 50-х гг. XVII в. беглое население на Дону увеличивалось благодаря усиливавшемуся процессу закрепощения крестьян в метрополии и поражению крестьянских восстаний на Украине. Численность населения Дона трудно установить. Казаки уклонялись от переписи и после восстания: попытки переписать их в 1696 и 1701 гг. не дали результатов.

Данные 1703 г. устанавливают весьма любопытную картину. Все казачьи селения отвечали, что о времени основания их города «памятухов нет». Этим они конечно хотели подтвердить, что они все «туточные прирожденные» и что среди них не имеется «беглых боярских холопей и крестьян задворных и деловых людей». Но последнее заявление, данное «по святой непорочной евангельской заповеди господни», расходится с их собственным указанием, что жители станиц — «сходцы» из разных русских городов.

Состав населения Дона проливает свет на тактику восставших и характер движения. Обратное бегство с Дона в метрополию в 1647 г. заставило донцов жаловаться на «скудость людьми», а в 60-е годы «скудость» была от того, что во многие донские города пришли с Украины беглые. Число казачьих городков трудно установить: оно у разных исследователей колеблется от 30 до 120. [4] Атаман Минаев показал в 1672 г., [5] что по Дону от Воронежа до Черкасска было 45 городков. В материалах Второва и Дольникова имеются данные о 52 городах [6]. А. Синицын, не указывая источников, насчитывает

---

[1] Архив АИА. Донские дела, V, изд. Археографической комиссии, 1917.
[2] Там же, стр. 382.
[3] Архив ИАИ. Донские дела, т. VI, стр. 21.
[4] О казачьих городках см. у В. Г. Дружинина, Раскол на Дону, стр. 226.
[5] Архив ИАИ. Донские дела, т. VI, св. 22, стр. 192.
[6] «Материалы для истории Воронежской и соседних губ.», т. I, стр. 49.

125 городков.[1] Такие же противоречивые сведения имеются о численности населения. Численность донцов без казаков Медведицы и Хопра Минаев определил около 10 тыс. Котошихин определил число казаков до 20 тыс., а Дружинин — до 30 тыс.[2] Повидимому атаман Минаев в 1762 г. дал уменьшенную цифру. По данным атамана Татарина уже в 1638 г. на Дону было 10 тыс. казаков. В документах 1641 г. приводятся данные о 7 — 8 тыс. населения.[3] Донское население быстро возрастало. Об этом говорит ряд прямых и косвенных источников. Население Воронежской губ., через которую направлялся основной поток беглых, увеличилось с 80 тыс. до 150 за 1613 — 1675 гг.

Не зная состава казачества, нельзя получить представления о характере восстания. Попробуем его установить. С целью охраны окраины в 1643 г. был отправлен на Дон отряд из 1 000, в 1647 — 3 037, в 1660 г. — 6 000, в 1669 г. — 1 000 стрельцов и казаков. Кроме того на Дону оседало много гребцов (атаманы неоднократно жаловались на бегство и «озорство» гребцов).

В 1646 г. строились для Дона 100 стругов. В 1647 г. пошло на Дон 70 «больших, средних и меньших судов», в 1653 г. — 500, в 1659 — 500, в 1661 г. было отправлено 548 гребцов с хлебом, в 1663 г. — 116 стругов и 63 лодки, в 1664 г. — 150 стругов;[4] в 1671 г. готовились 64 струга и 610 лодок, в 1674 г. — 400 стругов. На стругах с деньгами полагалось по 5 гребцов и кормчих, на атаманском струге — 3, под хлебными запасами — 7. Экипаж на стругах состоял из 30, 60, 70 и больше человек. На Дону, по указаниям казаков, было не меньше тысячи запорожцев и украинцев. Во время взятия Азова казаками было освобождено 3 тыс. пленных, большинство которых осталось на Дону. Кроме того не поддается учету та масса рабочих и приказчиков, которая отправлялась на Дон по делам частных «фирм». На Дону находили применение своему труду ремесленники разных специальностей, приезжавшие из Руси, — плотники, портные, сапожники.[5] Эти группы, имевшие опыт по борьбе с польскими помещиками, должны были играть большую роль в восстании Разина.

Кроме гребцов и *беглых*, на Дон прислано из района Поволжья и южных окраин 8—10 тыс. стрельцов и казаков. Данные Котошихина о разношерстном национальном составе казачества разрушают националистическую концепцию донского историка Е. П. Савельева о происхождении казаков от Адама (Савельев писал свою историю по заказу Кубанской рады, пытавшейся задним числом оправдать борьбу казачества за «федерацию»).

---

[1] «Русская историческая география».

[2] В. Г. Дружинин, Посылка людей на Дон, «Записки разр. военной археологии и археографии Имп. русского военно-исторического об-ва», т. I, 1911.

[3] ЛОЦИА. Военный архив, ст. IX, № 236, о преимуществах свободной и беспошлинной торговли, стр. 26.

[4] Подсчитано по «Памятной книжке Воронежской губ.» 1856 г. и Донским делам, т. VI. Между прочим и Корней Яковлев подтверждает, что в 1669 г. на Дон прибыло 1 000 стрельцов.

[5] А. Новосельский, Донская торговля в XVIII в. (по рукописи).

В своей работе о колониальной политике на Дону[1] Н. Янчевский занимается главным образом выяснением социальной природы донского казачества. Попутно автор сваливает в одну кучу Карамзина, Соловьева и Рожкова. Он не видит никакой разницы между трактовкой Карамзиным и М. Н. Покровским вопроса о происхождении и социальной природе казачества. Н. Янчевский пытается доказать, что донские казаки XVI—XVII вв. представляли собой наемное войско, которое было орудием колониальной политики торгового капитала Московского государства. Вряд ли стоило так усердно трудиться для того, чтобы доказать то, что уже было известно лет триста тому назад: в XVI в. было известно, что донцы представляют собой войско. Ничего принципиально нового не получается и от того, что казаки были *наемным* войском. В основу своей работы автор положил неверный тезис. На стр. 3 он пишет: «Немалую роль в истории заблуждений относительно казачества сыграла логическая ошибка, а именно: вопрос о социальной функции казачества как орудия насилия господствующих классов Московского государства подменялся вопросом о социальном составе (беглые, крепостные, «вольница»). Если бы при оценке исторической роли армий воюющих государств в эпоху империалистической войны мы исходили из социального состава этих армий, состоявших главным образом из рабочих и крестьян, а не из социальной функции этих армий, представлявших собою составную часть системы насилия буржуазных государств, то пришли бы к нелепым выводам. Тем не менее к этой нелепости прибегают при объяснении истории донского казачества».

Если бы солидаризироваться с Янчевским, то никогда нельзя было бы выбросить лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую. Даже и не-марксисты давно поняли, что социальные функции армии подчинены ее социальному составу. Забыв это, автор совершает грубую ошибку. Он пишет: «Вряд ли представляет сколько-нибудь существенное значение для истории вопрос о том, формировалось ли войско донское из *разноплеменных отрядов*, пополнялось ли оно *служилым людом* украинных городов, лежало ли в основе его *беглое крестьянство* или же перешедшие на службу к Московскому государству *наемные отряды* турецкого султана или литовского короля (подчеркнуто мною. — *С. Т.*). В каждый данный момент Московское государство формировало войско донское из тех элементов, какие были под руками, поэтому и способы формирования, а также национальный и социальный состав войска донского менялись на протяжении описываемого периода. Войско же донское постоянно оставалось орудием торгового капитала, являлось наемным войском в буквальном смысле этого слова» (стр. 138—139). Совершенно *не безразлично*, состояли ли донцы из беглых крестьян,

---

[1] Н. Янчевский, Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв., Ростов н/Д, 1930.

наемных профессиональных солдатских банд или из поместных дворян. [1]

Отвлекаясь от социального состава казачества, автор не может не притти к ряду неверных политических выводов. Совершенно правильно автор подчеркивает тот важный факт, что казачество было орудием колониальной политики Московского государства. Правда, в этом заявлении нет ничего нового, — буржуазные историки этого не отрицают, и М. Н. Покровский это великолепно доказал. Отвлекшись от анализа социального состава казачества, мы не поймем: 1) истории Дона, которая благодаря такой концепции отрывается от истории метрополии, 2) борьбы украинского и главным образом великорусского крестьянства, так как тысячи крепостных спасались на Дону от крепостной зависимости, 3) процесса возникновения феодально-крепостнических отношений на Дону, 4) борьбы внутри казачества в связи с вопросами московской политики, 5) характера казацко-крестьянских восстаний Разина и Булавина (его автор не понял и трактует по Платонову и Плеханову). *Положение приводит автора к игнорированию крестьянской проблемы на протяжении всего XVII в.* Автор не видит, что борьба Москвы с Доном по сути была борьбой московского помещика с крестьянством, которое не хотело добровольно лезть в ярмо барщины. Суть дела не меняется от того, что беглый крестьянин служил в наемной армии.

Как же автор рассматривает социальный состав казачества? Он приходит к выводу, что, во-первых, социальный состав донского казачества не был однороден, оно включало все слои тогдашнего общества, от князя Друцкого до разбойника Онички Юрьева; во-вторых, «беглые» из пределов Московского государства не определяли собою состава донского казачества, и к середине XVII в. всякого рода «прибыльные» люди, а также черкесы, татары и т. д. не могли даже пополнить убыли, так что правительству пришлось прибегнуть к массовому набору «вольных» людей для пополнения казацких рядов.

Историк, «имевший в своем распоряжении фактический материал» (стр. 3), не может ставить знака равенства между беглым князем Друцким и разбойником Оничкой Юрьевым (стр. 150). Известно, что помещики вели беспрерывные войны с разбойниками, т. е. с беглыми крестьянами, а не с князьями, которые часто направлялись на Дон... для ловли крестьян и захвата земель. Небезызвестно, что до XVIII в. князья на Дону насчитывались единицами, а беглые крестьяне — тысячами.

До невероятных вещей договаривается т. Янчевский в своей статье «Крах казачества как системы колониальной политики» [2]. По его

---

[1] Французский генерал Манштейн неплохо понял социальную природу донского казачества. Он писал: «Дон населен русскими крестьянами, которые притеснены от своих помещиков. Они разбежались и составили свое общество до 15 тыс. человек» (ген. М а н ш т е й н, Записки исторические, политические и военные о России с 1727 г. по 1744 г., СПБ, 1784 г., ГАФКЭ, 823/1389, л. 28, отдел рукописей).

[2] «На подъеме», июнь 1930, Ростов н/Д.

мнению «основная масса казачества, за исключением дворянства, являлась по существу так называемым «государственным крестьянством», платившим за пользование казенной землей взамен денежных налогов натуральный налог путем отбывания военной службы со своим конем» и т. д. Смешивая казачество с государственными крестьянами, автор совершает грубую ошибку; государственное крестьянство представляло своеобразный фонд, из которого систематически черпался материал для раздачи дворянству. Между тем даже рядовое казачество в сравнении с крестьянством находилось в более привилегированном положении. Мы уже не говорим о верхушках казачества, которых автор не отделяет от низов.

Польское правительство лучше многих «марксистов» разрешило вопрос о социальной природе казачества.

В 1646 г. московское правительство отказалось выдать полякам беглых крепостных на том основании, что не по-христиански возвращать беглых православных католикам. Поляки на это возражали: «Мужики что знают? О вере у них никакого попечения нет. Бегают от того, что не хотят своему пану малого оброка заплатить. Побежит мужик в дальние города, то пану еще не так досадно, потому что он его не видит, а то убежит и станет жить близко в порубежных местах, и, смотря на своего мужика, всякому досадно».

Расследование социальной природы казаков дает нам возможность уяснить движущие силы классовой борьбы на Дону, а также почему восстание Разина вспыхнуло в 60-е годы XVII в., а не в другое время.

Во время освобождения крестьян донские историки спорили по вопросу о социальном составе казаков. А. Леонов на страницах «Донских войсковых ведомостей» (1862 г., № 39—40) выразил взгляд казаков-крепостников. Возражая на статью Краснова («О народности в Донском войске», «Военный сборник», 1862, № 4), он высказывается против того, что «для поступления в казаки ...господствовала совершенная свобода». Леонов пытается доказать, что состав войска был однороден: казачество не принимало в свою среду азиатских выходцев. Украинцы и великороссы же, по его мнению, приходили на Дон не для поступления в казаки: они становились бурлаками и батраками, которые были ограничены в правах. Такая точка зрения об однородности социального состава казачества должна была оправдать крестьянскую и иногороднюю политику донских крепостников. Эта точка зрения была признана всей официальной казацкой историографией и оказала влияние и на современных историков казачества.

Смазывая вопрос о социальном составе казачества, рассматривая казачество только как войско, Янчевский естественно приходит к одинаковым с Тхоржевским выводам о характере разинщины. Янчевский повторяет положение Тхоржевского о том, что разинщина 1667—1668 гг. не выходит из рамок обычного разбойничьего похода.

Установка Янчевского не дает возможности правильно разрешить вопрос о возникновении помещика на Дону, так как он имеет

дело только со всем войском в целом, а не с верховыми и низовыми казаками.

Хотя наш статистический метод неудовлетворителен, однако цифровые данные и анализ социальной структуры империи заставляют притти к следующему выводу: *верховое казачество надо рассматривать не как группу, имевшую обособленные казачьи интересы, а как беглое крестьянство и городскую мелкобуржуазную группу; их интересы были тесно связаны с интересами метрополии. Они очутились в обстановке, благоприятной для повторения и продолжения тех городских восстаний, которые не прекращались в течение XVII в.* Это положение вовсе не меняется от того, что подавляющее большинство донского служилого элемента вербовалось не из метрополии, а из колоний. Это только подтверждает то положение, что крестьянство колоний следует рассматривать как часть крестьянства метрополии. Наконец нельзя не считаться с тем, что среди верховых казаков было немало плебеев, деклассированных и т. п. элементов.

Восставшее крестьянство ставило себе задачи, вытекавшие не из особенностей жизни колоний, а из тех общественных отношений, которые создались в империи к концу XVII в. и острее и болезненнее всего ощущались в колониях.[1]

Верховое казачество вместе с крестьянством боролось против закрепощения и против возникавшей империи. Анализ социальной природы казачества и истории его борьбы в эпоху образования империи ликвидирует легенды националистических и великодержавных историков о казачестве: казачество не было ни самостоятельной обособленной нацией, ни однородным по своему классовому составу, ни борцом за православие и «за единую неделимую Россию», ни «ядром» великорусского народа. Казаки-крепостники становятся авангардом контрреволюции только в эпоху промышленного капитала и империализма.

[1] См. нашу рецензию на книгу т. Янчевского в журнале «Историк-марксист» 1930 г., № 18—19.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ

1. ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Разинщина — одно из тех революционных движений, которым посвящено бесчисленное множество народных песен, легенд и сказок. Она занимает большое место в народной литературе. [1]

Когда, в какие эпохи разинщина интенсивнее изучалась? В эпоху пугачевщины (1770 — 1793) вышло 18, в эпоху восстания декабристов (1809—1828) — 17, в годы революций в Европе и кризиса крепостного хозяйства в России (1830—1861) — 74, во время народнического движения — 104, в годы начальной стадии рабочего движения (1885—1895) — 38, в эпоху подъема рабочего движения и первой революции — 88, в годы реакции и мировой войны — 61, в эпоху Октябрьской революции и диктатуры пролетариата (1917—1930) — 87 работ по разинщине. [2] Изучение разинщины по степени интенсивности следует расположить в следующем порядке: эпоха первой революции, эпоха реакции, эпоха Октябрьской революции и диктатуры пролетариата, время народничества, годы революций в Европе, время декабристов и пугачевщины.

От читателя в течение веков были скрыты подлинные документы об этом движении. Революционно настроенный читатель черпал свои познания о разинщине из народных песен.

Посмотрим, как разинщина освещалась теми группами, которые во имя своих классовых интересов фальсифицировали историю.

Первая работа о разинщине была написана в октябре 1773 г. в Оренбурге во время его осады пугачевцами. Работа эта за исключением некоторых деталей ничего нового не дала, но важно то, что боярин Петр Золотарев под «влиянием злодейского замешательства» пытается осмыслить исторический процесс и приходит к заключению, что разинщина—одно из самых «важнейших и бедственных приключений». [3]

---

[1] А. Н. Лозанова, Народные песни о Степане Разине, 1928.

[2] Подсчитано мною по работе М. Н. Сменцовского «Разин в литературе и искусстве», «Каторга и ссылка», 1932, № 7, 8, 9. Надо отметить, что материалы М. Н. Сменцовского далеко не полны, — у него почти совершенно отсутствуют брошюры, газетные и журнальные статьи. Поэтому эпоха народничества здесь оказалась на четвертом месте.

[3] Отрывки из этой работы см. в «Астраханском сборнике», вып. I, 1896, и в работе А. Попова «История возмущения Стеньки Разина», 1859.

Очевидец пугачевщины и ее активный враг пытался оставить «в назидание» потомству памятник о «преступных замыслах черни». Классовый враг, стоявший лицом к лицу с пугачевщиной, другого написать не мог.

Славянофилы кажется первыми выступили с оценкой крестьянских движений. Идеологи разорявшегося дворянства жили в эпоху крупных революционных потрясений в Европе. Им надо было доказать, что в России революции не будет, так как «ее никогда в России не было».

К. С. Аксаков в записке «О внутреннем состоянии России»[1] писал: «В русской истории не было ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав. В русской истории встречаются восстания за законную власть против беззаконий; такое восстание свидетельствуют о духе законности в русском народе». Продолжая свою мысль, вождь славянофилов пишет: «Кто слышал, чтобы простой народ в России бунтовал или замышлял против царя? Никто, конечно, ибо этого и не было и не бывает! Самым лучшим доказательством может служить раскол: известно, что он гнездится в простом народе, между крестьянами, мещанами, купцами. Раскол составляет в России огромную силу, многочисленен, богат и распространен по всему краю. И между тем раскол никогда не принимал и не принимает политического значения, а казалось бы, это очень легко могло быть. В Англии например это бы так и могло быть. Было бы и в России, если б был в ней хотя малейший элемент политический. Но политического элемента в русском народе нет, и раскол русский только страдательно противится, хотя в энергии у раскольников нет недостатка». Далее он восхищается тем, что русские раскольники скрывались, бежали, готовы были итти на мученичество, но указывает, что их протест никогда не имел политического характера. Обращаясь к историческим фактам, вождь славянофилов забывает про разинщину, считает стрелецкие восстания буйством и находит, что «страшная пугачевщина боролась во имя законного царя Петра III». Эти факты, по мнению К. С. Аксакова, должны убедить в «совершенной антиреволюционности» русского народа, «истинной опоры престола».

На другой точке зрения стоял М. Погодин. Он писал: «Не Мирабо страшен, а Емелька Пугачев: Ледрю-Роллен со всеми коммунистами не найдет в России приверженцев, а перед Никитою Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Маццини не перешагнет никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда угрожает нам опасность, вот с которой стороны стена наша представляет пролом».[2]

---

[1] Сб. «Ранние славянофилы», вып. V, М., 1910.

[2] Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, XIII, 1899, стр. 156—166. См. матер. Н. Фролова, сл. ИКП.

М. П. Погодин выразил испуг и отчаяние помещиков, которые понимали неизбежность крестьянского движения. [1]

В своем «Бунте Стеньки Разина» (1859 г.) Н. И. Костомаров подает руку славянофилам, а в автобиографии пишет: «Мне особенно было приятно, что государь император, как сказал мне министр, отозвался очень одобрительно о моем сочинении «Бунт Стеньки Разина», которое прочитал». [2]

Н. Костомаров, уделивший разинщине много внимания, относился к ней враждебно. Разин для него — изверг, злодей, а Корней Яковлев, возглавлявший антиразинщину, был «недюжинное лицо и замечательный характер». Н. И. Костомаров даже, вопреки своему обыкновению, не указывает источников, на основании которых он так клевещет на революционное движение и идеализирует Яковлева. Разинщину он считает фактом реакционным, оно было «*не новым началом жизни, а старым*, запоздалым, отцветшим: оно было страшно настолько, чтобы задержать русский народ, сбить его на время на старую дорогу, но бессильно и бессмысленно, чтобы проложить ему новый путь. Удельно-вечевая вольница встрепенулась, размашисто заколыхала дебелыми мышцами; но умственная сторона ее существа давно уже подверглась старческому разложению. Она не могла произвести ничего кроме эпохи Стеньки Разина — кровавой, громкой, блестящей, приведшей в ужас и ожидание, по словам современника, не только Московское государство, но всю Европу, и *бесплодной*, как метеор». [3]

Н. И. Костомаров расходился с Соловьевым во всех основных вопросах истории России, но в том, что разинщина имела реакционный характер, он был с ним согласен: отрицательное отношение к революционному движению крестьянства объединило великодержавного историка с федералистом. [4] Костомаров даже не остановился перед фальсификацией истории разинщины.

---

[1] На другой точке зрения стоял М. Погодин в начале своей деятельности. В это время в русской истории все вызывает у Погодина восторг и удивление. «Ни одна история не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как российская. Воображая события, ее составляющие, сравнивая их неприметные начала с далекими, огромными следствиями, удивительную связь их между собою, невольно думаешь, что перст божий ведет нас, как будто древле иудеев, к какой-то высокой цели». «У нас не было рабства, не было пролетариев, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства: зато было отеческое управление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка; одним словом, в среднем веке было у нас то, о чем так старался Запад уже в новом, не успел еще в новейшем и едва может успеть в будущем» (М. Погодин. Взгляд на российскую историю, «Ученые записки Императорского Московского университета», 1833, № 1).

[2] «Литературное наследство» (автобиография), 1890, стр. 112.

[3] Н. Костомаров, Бунт Стеньки Разина, 1859, изд. 2, стр. 13.

[4] Современные белогвардейцы стоят на этих же позициях. Некий С. Пушкарев пишет: «Психология, связанная с стремлением «добывать зипуны», снимая их с чужого плеча, тянется через всю нашу историю от новгородских ушкуйников, через воровских казаков XVI — XVII вв. до современных комбедов» (С. Пушкарев, Россия и Европа в их историческом прошлом. «Евразийский временник», 1927, V, стр. 134).

Н. Михайловский оказывается в одном лагере с Костомаровым и Соловьевым. Не случайно эпигоны народничества в лице Н. К. Михайловского считали крестьянские движения фактором реакционным. Михайловский, будучи одним из лучших выразителей взглядов русских буржуазных демократов последней трети прошлого века, разделял все слабости буржуазно-демократического движения. Из группы Михайловского вышли первые ликвидаторы, которые осенью 1906 г. отреклись от «подполья» и его лозунгов; наконец, «социал-кадеты» были верными продолжателями Михайловского. Эта оценка Михайловского, данная В. И. Лениным, объясняет взгляды эпигона народничества на историю крестьянских войн. [1] В вопросе о характере крестьянских движений он остается на чисто-буржуазных позициях. Он соглашается с Лассалем по вопросу о характере крестьянских войн и некритически смешивает Костомарова со Щаповым. [2]

Между Михайловским и поздним Плехановым не было никакой разницы в оценке движения. Взгляд Плеханова на исторический процесс России, заимствованный у Соловьева и Чичерина, органически связан с меньшевистскими взглядами на роль крестьянства в революционных движениях (см. гл. «Связь петровских реформ с крестьянскими войнами»). На позициях Плеханова стоял и Н. А. Рожков. Последний считал крестьянские движения реакционными. «Реакционность этих движений подтверждается тем, что как Болотников, так и Разин и Пугачев желали возврата назад, к тем временам и порядкам отношений, которые существовали в казачестве раньше, даже возврата к тому положению, в котором находилась Россия в киевский период, когда главными отраслями хозяйства были охота и рыболовство с примесью экстенсивного и крайне несовершенного скотоводства». [3]

Из современных историков, сочетавших взгляды Щапова и Костомарова, отметим Н. Н. Фирсова.

«Успех» Н. Н. Фирсова объясняется его способностями популяризатора и наличием радикальной фразеологии. От Щапова он берет романтическое сочувствие «ко всем страждущим и обездоленным», от Костомарова — отрицательное отношение к революционным движениям тех же «страждущих». Недаром он отмечает «народолюбчество» Семевского, как историка крестьянства, сердечный порыв «зарождения жалости и любви к народу» декабристов, изучает Щапова, «который не мог говорить без слез о социальных страданиях крестьянства», Некрасова, «Русские женщины» которого являлись заключительным эффектным штрихом народолюбчества, [4] и т. д. Вместе с тем у Щапова Фирсов заимствовал самые слабые стороны

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 371—373.
[2] Н. К. Михайловский, т. V, 1883, стр. 465—466.
[3] Н. Рожков, Методика преподавания истории и история XIXв., стр. 23. Пгд., 1918.
[4] Н. Н. Фирсов, В. И. Семевский как историк русского крестьянства, «Голос минувшего», 1916, стр. XXXI.

народничества — слепое преклонение перед мужицкой стихией. Фирсов с горечью подчеркивает: «Долго не знали, а потом как-то не хотели знать, что все *оригинальное* в русском крестьянстве, все, перед чем просвещенные наблюдатели народной жизни останавливались с удивлением, а иногда и с восхищением, было забытой в этой жизни стариной, далеко оставшейся позади, но *уцелевшей в крестьянстве*». Вот до какого реакционного славянофильства в 1916 г. скатывается «печальник горя народного».

Дав совершенно верную оценку «Разинщины» Тхоржевского, смазывающего классовые противоречия накануне восстания, Н. Фирсов утверждает, что казачество боролось во имя «казацкого» коммунизма(!). Он пишет: «Идя против бояр, он (Разин) шел не только против боярского правления во имя казацкого круга, но и против имущих во имя наделения бедняков богатством при помощи нового уравнительного казацкого распределения». Совершенно непонятно, каким образом автор, претендующий на марксизм, применяет такую терминологию, как «казацкие пролетарии», «дуванный коммунизм», соединявшийся с «анархией потребления», «чисто-казацкий коммунизм» и т. д. От Фирсова мы узнаем о новом виде коммунизма,— «о казацком» дуванном коммунизме. От него же мы узнаем о том, что Разин «однажды хотел разорить обитель, за это он был ослеплен богородицей и прозрел только тогда, когда покаялся», [1] или: «народ прав в том отношении, что Разин собственно никогда не разрывал с верой православной, в которой вырос»... По Фирсову Пугачев был обыкновенный, хотя и довольно бойкий и ловкий авантюрист бродячей Руси, не веривший в конечное торжество своего дела. [2] Он, оказывается, за 60 лет до Николая Первого боролся за осуществление уваровского принципа «православие, самодержавие и народность». Пугачев, по мнению Фирсова, хотел утвердиться на устоях: царь, народ и старая вера». [3]

Фирсов немало потрудился для того, чтобы изобразить Пугачева как развратника, ловившего «момент наслаждения» [4] и предававшегося «женолюбию». Совершенно прав т. Тихомиров, [5] что о работах Фирсова пожалуй не стоило бы и толковать, если бы не то, что они получили большое распространение.

Фирсов вообще не понимает причин крестьянских движений, когда пишет, что аграрного вопроса тогда (в эпоху пугачевщины. — *С. Т.*), не существовало в смысле крестьянского малоземелья. [6]

Повидимому аграрный вопрос существовал еще и «в каком-то другом смысле», о котором Фирсов умалчивает.

---

[1] «Народные движения в России», 1924, стр. 38.
[2] Там же, стр. 170.
[3] «Пугачевщина», 1925, стр. 97.
[4] Там же, стр. 113, 114, 115, 123 и т. д.
[5] «Разинщина», 1930, стр. 8.
[6] «Пугачевщина, 1925, стр. 104.

Совсем другую оценку крестьянских движений мы находим у А. П. Щапова. Несмотря на наивно-романтическую оценку казачества, А. П. Щапов, кажется, один из первых признал революционное значение крестьянских движений. От Костомарова и Соловьева он отличается тем, что оценивает разинщину с положительной стороны. Он рассматривает разбойничество как следствие крепостнических отношений. Он пишет: «Разбойничество XVIII столетия было каким-то злобным, свирепым мщением, большею частью направленным на богачей, на дворян-помещиков, на начальников. Но и оно заключало в себе те элементы, которые после вызывали согласие бегунов и пугачевщину». [1]

От А. П. Щапова надо провести нить к М. Бакунину. Он придает крестьянским движениям большое значение; крестьянство является у него движущей силой революции. Поэтому М. Бакунин неоднократно обращается к истории разинщины и пугачевщины. Призывая к установлению «живой бунтарской связи между разъединенными общинами», М. Бакунин ссылается на прошлые крестьянские движения. Он пишет: «В смутные времена, например в лже-дмитриевской междоусобице, в стенки-разинской и пугачевской революции, а также и в новгородском бунте, в начале царствования императора Николая I, сами общины стремились к установлению этой спасительной связи». [2]

Еще в июле 1866 г. в письме к Герцену и Огареву Бакунин заявил, что спасения русского народа можно ожидать только от «бунтовской стенки-разиновской, пугачевской, раскольничьей его части». «Это сторона уже не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто-революционная даже и тогда, когда она пробуждается с призывом царского имени». [3]

В 1869 г. Бакунин вновь повторяет, что разбойничий бунт—традиционный, интенсивный протест народа против государственного порядка. В разбойнике он видел «настоящего и единственного революционера — революционера без фраз, без книжной риторики, революционера непримиримого, неутомимого, неукротимого на деле»... Разбойники в лесах, в городах, в деревнях, разбросанные по целой России, и разбойники, заключенные в бесчисленных острогах империи, составляют один, нераздельный, крепко связанный мир — мир русской революции... Кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной, тот должен итти в этот мир». [4]

Революционные народники агитируют в тех районах, где действовали Разин и Пугачев, там, где жили о них предания. «Земля и воля», навязывая движениям Разина и Пугачева чуждые им федеративные принципы, призывает следовать «программе народных ре-

---

[1] А. Щапов, т. I, 1906, стр. 529—530.
[2] Собр. соч. М. А. Бакунина, изд. Балашова, т. II, стр. 257, 1906.
[3] Письма М. А. Бакунина к Герцену и Огареву, стр. 284.
[4] Б. Козьмин, П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х гг., 1922, стр. 187—188.

волюционеров-социалистов Пугачева, Разина и их сподвижников».[1]

В объявлении Исполнительного комитета Народной воли «Славному казачеству войска Донского, Кубанского, Уральского» и др. от 3 сентября 1881 г. «Народная воля» рисует Разина как вождя казачества, «знаменитого атамана храбрых донцов», который шел на Москву с целью «обратить всех крестьян в казачество». «Народная воля» рассказывает казакам, как их прадеды ходили воевать против царя Бориса за то, что он закрепостил крестьянство, как «знаменитый атаман Степан Разин со своими храбрыми донцами также ходил на Москву, разбивая царских воевод и обращая всех крестьян в казачество».[2]

Крестьянский утопический социализм народовольчества, как и всего революционного народничества, был мелкобуржуазным социализмом. Революционное народничество утопически рассматривало крестьянскую общину как социалистическую ячейку, мужика-общинника считало готовым социалистом и не замечало заложенных в крестьянском движении буржуазных тенденций. Взгляды революционного народничества на роль крестьянских войн мы поймем, когда вспомним следующее положение Ленина. Ссылаясь на Энгельса, Ленин писал: «Ложный в формально-экономическом смысле народнический демократизм есть истина в историческом смысле; ложный в качестве социалистической утопии, этот демократизм есть истина той своеобразной, исторически обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы».[3]

Посмотрим, что же представляла разинщина на деле.

2. РАЗИНЩИНА

Периодизацию разинщины мы установили в своей работе, помещенной в «Книге для чтения по истории народов СССР» (т. I, стр. 67). Напомним ее. Первый период движения связан с неудачной попыткой Василия Уса, выступившего в 1666 г. с небольшим отрядом на Воронеж и Тулу. Второй этап — это поход Разина в Персию (1666—1669). Третий период движения начинается весною 1670 г., когда разинцы двинулись на метрополию. Четвертый период характеризуется подъемом движения в крестьянском и национальном районах (сентябрь—декабрь 1670 — 1671 гг.) Пятый период — упадок движения.

Разинщина — замечательное событие в истории народов СССР, оставившее немало восторженных легенд, сказок и песен о героической борьбе крестьянских масс и недюжинной личности Разина.

[1] Цитирую «Социально-политические судьбы песен о Разине» Н. Пиксанова, «Художественный фольклор», 1926, I.
[2] Литература партии «Народной воли», Москва, 1907, стр. 458.
[3] В. Ленин, Соч., т. XX, ч. 1, стр. 360.

Народная песня изображает Разина не только всемогущим богатырем, но и «ведуном-чародеем», для которого нет ничего невозможного, ничего недостижимого: то он отводит глаза царским воеводам, уходя от их преследований; то издевается над пулями и ядрами, которыми осыпают его царские войска; то ускользает из тюрьмы, усевшись в лодку, нарисованную на стене углем. Историк казачества пишет: «Стенька слыл колдуном, летавшим по воздуху и плававшим по воде; поэтому тогдашние войсковые старшины боялись, что простая цепь не удержит его: они даже опасались поместить его в обыкновенной тюрьме, потому что ему стоило только начертить угольком на стене лодку да приложить к ней руку, — тотчас он очутится на Волге». [1]

Уже во время восстания рабочих Симбирского насада распространяет слух о том, что ни одна пушка не в состоянии выстрелить по Разину. Вопреки буржуазной историографии, народная песня не считает соратников Разина разбойниками:

«Мы не воры, не разбойники,
Стеньки Разина работники».

Надо отметить, что роль Степана Тимофеевича Разина [2] исключительно преувеличена: когда он от Симбирска отошел далеко на юг, движение в колониях только разгоралось.

История разинщины изобиловала легендами, что объясняется той безмерной жестокой борьбой, которая велась обеими сторонами, прекрасно сознававшими, что исход восстания определит судьбу борющихся сторон на очень долгое время.

Вот просьба Разина от 4 ноября 1661 г. о разрешении ему помолиться в Соловках: «Государю царю... холопи донские атаманы и казаки, Оська Петров и все Войско донское, челом бьют. В нынешнем г., во 170 г. ноября в 2 день, били челом тебе, великий государь, и в кругу нам, всему Войску донскому, донские наши низовые казаки, Степан Разин да Прокопий Кондратьев, а сказали: обещалися-де они Соловецким чудотворцам Изосиму и Саватию помолиться, и чтобы ты, великий государь, пожаловал, велел их отпустить к Соловецким чудотворцам Изосиму и Саватию помолиться. И мы тех казаков, Степана Разина да Прокофья Кондратьева, отпустили с Дону из Черкасского городка ноября в 4 день».

---

[1] «Дон и донцы, церкви в Старочеркасске», «Русская старина», 1879, XXV.

[2] По словам иностранного офицера, служившего в Астрахани на корабле «Орел», Разину было 40 лет («Русский архив», 1880, I; «Астраханский сборник», 1896, I, стр. 196). Разин — выходец из Зиновейской станицы (А. Ригельман, История о Донских казаках, М., 1846, стр. 56). Наружность Разина описана очевидцем Стрюйсом: «Вид его величественный, осанка благородная, выражение лица гордое, роста высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и любовь» («Русский архив», 1880, I; «Астраханский сборник», I, стр. 102). В 1652 г. Разин идет в Соловецкий монастырь на богомолье («Русская историческая библиотека», т. XXIX, стр. 551). В 1658 г. он был в Москве по делам казачества (там же, т. XXIV, стр. 355, 357, 368, 417). В 1661 г. Разин ведет переговоры с калмыками (там же, т. XXXIV, стр. 846, 850). В 1661 г. он вновь отправился на богомолье в Соловецкий монастырь.

Автор «Stephanus Rasin, Cosacus Perduellis» (1674 г.) сравнивает Разина с Катилиной в Риме и с Вильгельмом Грумбахом в Германии (стр. 19). Этот же автор считает Разина «опытным в военной службе» (militaris officii pesitus erat)».

В 1666 г. с небольшим отрядом с Дона выступил Василий Ус. Он был видной фигурой среди казачества. Живя в Астрахани, Ус организовывал антиправительственные казачьи отряды на Волге. Его выступление по направлению к Туле следует рассматривать как попытку поднять рабочих тульских крепостных мануфактур. Но они Уса не поддержали. Помещики тульской окраины были встревожены. Правительство однако не решилось применить к Усу репрессивных мер, и ему было предложено вернуться на Дон.[1]

Неудачный поход Уса, позже игравшего большую роль в разинском движении, толкнул казаков на р. Яик и затем в Персию, т. е. в сторону наименьшего сопротивления. У яицких казаков Разин надеялся найти помощь: яицкие казаки не решали важных дел без согласования с донскими казаками. Донской атаман Минаев в 1690 г. показал, что яицкие казаки издавна «в послушании донцам» и «обо всяких делах в пересылке» с ними.[2]

а) ПОХОД В ПЕРСИЮ

Дворянско-буржуазная историография уделила много внимания походу Разина в Персию в 1668 г. Были созданы легенды о неимоверных грабежах и разгулах казачества во время этого похода. Поход в Персию привлек внимание иностранцев: в Астрахани в это время находились европейские и среднеазиатские торговые посольства. Персидский поход, имея много общего с обычными казацкими походами, характеризуется уже новыми чертами: казаки первоначально были намерены поселиться в Персии и перейти к земледельческой колонизации.

Кроме того в лице персов они искали нового союзника, так как надеялись поссорить Персию с Россией и Турцией. Разинцы ошиблись: Персия, ведшая большую торговлю с Москвой и пользовавшаяся транзитной волжской дорогой, не хотела ссориться с Россией. Персия уступила даже тогда, когда русское правительство отказалось возместить персам и иностранцам огромные убытки, причиненные им разинцами. В грабежах казаков московское правительство обвиняло персов в том, что правительство шаха не приняло на службу разинцев, арестовало их представителей и тем «к пущему воровству» привело разинцев. Между прочим, хивинское правительство отомстило России: русского представителя, дворянина Бориса Пазухина, хивинский хан ограбил и «наругался всячески, бороду у него выбрил, а лицо вымазав кислым молоком, посадил его, Бориса,

[1] В 1673 г. «отписан был на великого государя в Астрахани за многое воровство и за измену двор вора Васьки Уса и жены его Оленки». «Астраханские дела» за 1673 г. Архив ИАИ.

[2] В. Г. Дружинин, Раскол на Дону, 1889, стр. 34.

на лошадь и возил по всему городу»; говорили ему «хановы ближние люди, что-де тебе велел учинить хан за то, как-де учинил вор Стенка Разин над хановым послом Полаткулою в Астрахани». [1]

Разин послал от себя к шаху представителей с просьбой «указать ему место, где им жить и питатца». Шах отказался удовлетворить его просьбу. Тогда казаки заявили: «Мы-де будем служить, обасурманимся и донских казаков приведем к себе». В данном случае разинцы выражали настроение большинства казачества, которое пыталось в союзе с Персией напасть на Москву.

Военные действия Разина в Персии были удачны: персидский полк был разинцами уничтожен полностью. Персы объяснили свою неудачу тем, что на их стругах «запалился порох». Из Персии Разин вернулся с отрядом освобожденных пленных и рабов. Удача в Персии и нерешительность московского правительства, поверившего Разину на слово и разрешившего ему безнаказанно вернуться на Дон, ободрили казачество и толкнули их на более энергичные действия.

Разин, по данным одного иностранного автора, Юста Мартио, в Персии «пополнил свои припасы», но опасался немедленного выступления против Москвы из-за «недостатка продовольствия и недоверия самому себе». [2] Подкрепившись на Дону, весною 1670 г. Разин опять двинулся на Астрахань, но уже с той целью, чтобы оттуда направиться на Москву. В Астрахани разинцы уничтожили корабль «Орел», яхту и военное судно без названия и захватили 22 орудия.

В 1670 г. в Астрахани с разинцами дрались не только русские купцы, но и персидские воеводы: «персидские купчины и торговые люди с ворами, не щадя голов своих, бились». Астраханский воевода просил у персидских купцов «денег взаймы стрельцам давать жалованья». Купцы вместо денег предложили товар. Стрельцы отказались принимать персидский товар вместо жалованья, «сложились со Стенькою» и пустили казаков в город. Персидские купцы заперлись с воеводами во внутреннем городе и «бились». [3] Тогда казаки предложили персам не драться с ними, заверив, что они их товаров не тронут. Персидские купцы не сдались: они сражались и «побивали многих людей до смерти». Разин вел наступление с армией в 1000 человек, с семью пушками. Астраханские жители по данным персов не хотели сражаться с разинцами: астраханцы «учали тех воров на стенку принимать за руки». Из показаний Федора Шелудяка, пытавшегося захватить Симбирск после гибели Разина, мы узнаем, что после того как разинцы ушли вверх по Волге, атаманами г. Астрахани были назначены Василий Ус и Федор Шелудяк, старшинами — стрелец Иван Красулин и Путилко Дементьев, есаулом — Митка Самара, казначеями — донской казак Лазарко Тимофеев и астраханец Федот Панок, письмоводителями — подья-

[1] «Персидская книга», 1671—1674. Посылка Симановского к персидским купчинам.

[2] «Stephanus Razin, Cosacus Perduellis», 1674, стр. 19, об этом же см.: «A relation concerning the Particurats of the Rebellion in Moscovy», 1672, стр. 16.

[3] «Персидская книга», 1671—1674, № 15, л. 10.

чий приказной избы Алешка Олсерьев и площадной Янка Ефремов. Последний на допросе сознался, что он вел большую переписку: он писал Разину в Симбирск, переписывался с крымским ханом, который обещал помощь казакам, отослал «ворам письмо, чтоб им, ворам и астраханцам всяких чинов людем, стоять за великого государя и на бояр итти с боем». [1]

Из этих данных видно, что Разин в Астрахани организовал военный аппарат, который возглавлялся энергичными работниками, игравшими большую роль до и после гибели Разина — Василием Усом, Шелудяком и Лазарко Тимофеевым.

Б) РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИМБИРСКО-НИЖЕГОРОДСКОМ РАЙОНЕ

Весною 1670 г. с Дону с Разиным вышел двухтысячный отряд На Царицыне у него уже было пять тысяч повстанцев.

Пятитысячный отряд разинцев под Царицыным разбил отряд «белых» в тысячу человек. Огромная армия Разина была слабо вооружена: «многие-де люди у него, Стенки, без ружья, только-де одни у них гротики». Саратовцы просили Разина немедленно двинуться им на помощь. Из Царицына он отправил в Паншин городок атамана Якова Гаврилова со своим братом Фролом Разиным.

В Саратов Разин пришел с восьмитысячной армиею, т. е. по дороге от Царицына его армия увеличилась на одну-две тысячи человек. Если же принять во внимание, что с Яковым Гавриловым ушло и на Дон две тысячи казаков, имевших 10 пушек [2] и 40 тыс. руб., то надо предположить, что революционная армия увеличилась на три-четыре тысячи человек. [3] Все источники сходятся на том, что из Астрахани в Царицын Разин ушел с 6—8-тысячной армией. Из Царицына в Саратов Разин направился на стругах и лодках: на струге помещалось по 10—20, на лодке — по 5 человек.

Из Саратова движение распространилось по правому берегу Волги. [4]

---

[1] «Книга приезду и отпуску персидского посланника Юсуфь хан Бека да с ним купчины Мирза Юсуфа Заламбединова да юргенского посла Полат Кулы», «Персидские дела» 1671—1674 г., № 15; «книга, а в ней отпуск великого государя з грамотами в Персиду к Сулейман шахову величеству Андрея Приклонского в 7180 г.», 1672—1675.

[2] По данным казака Бориса Бухвостова — 15 пушек, а по данным сотника Алексинца — 8 пушек.

[3] К сожалению, неизвестна численность «белой» армии. Беглый татарин показал, что разинцев было в Астрахани 6 тыс., а «белых» — 30 тыс. Он дал приблизительно верную цифру разинцев, может быть близка к действительности и цифра 30 тыс. для правительственной армии.

[4] Разряд, приказный стол № 423, Московский стол № 419, 441, Белгородский стол № 692, 687, 681, 441, Корабановский столбец № 26, Ширинский-Шихматов, Смерть преосвященного Иосифа, «Труды Императорской Академии наук», 1842, ч. V; Щербатов, Краткая повесть о бывших в России самозванцах, 1774; П. Юдин, Несколько слов об астраханских воеводах с 1695 по 1709 г., «Астраханский листок», 1898, № 143; Stephanus Rasin, donicus cosacus, 1683.

4 сентября 1670 г., по сообщению кн. Ю. Н. Барятинского, пришел Разин с своими единомышленниками под Симбирск на стругах, ночью обошел Симбирск, стал выше города «за полверсты», вышел из стругов и хотел итти к городу на приступ. Бой ночью «был великий и на том бою многих побили». Утром за полчаса до рассвета разинцы начали вновь приступать к городу. Ю. Борятинский отступил к Тетюшам, пригороду Симбирска, просил в помощь прислать ему двухтысячный отряд пехоты. Наступление Разина было отбито; через три дня он организовал второй приступ. На этом приступе «безмерно воров много побито было». Третий приступ был также неудачен. Для того чтобы зажечь город, разинцы возили из уездов солому, делали «туры», клали порох, смолу, сухие драницы. Наконец, после четвертого приступа Разин должен был отступить и покатился вниз по Волге. «Красные» отступили в большой панике: они переплывали Волгу «на бревнах и лубках». По показаниям разинского казака Луконька Сергеева от двадцатитысячной разинской армии под Симбирском уцелело только три тысячи. [1]

Но нелегко было Юрию Борятинскому пробраться из Казани к Симбирску. 20 сентября у р. Свияги у с. Куланги (Курланга?) он должен был выдержать большой бой с трехтысячным отрядом казаков, татар, чувашей, мари и мордвы. 23 сентября по р. Карле он выдержал с ними второй бой. 27 сентября был большой бой с националами в д. Поклоуш. Только 29 сентября Борятинскому удалось добраться до Симбирской черты.

В начале сентября воевода Акинфий Бутурлин донес о том, что восстание охватило весь Симбирский уезд: стрельцы Симбирской черты, татары, мордва, марийцы, казаки, крестьяне Симбирского уезда изменили и «синбирен дворян и детей боярских, которые жили в Синбирском уезде, побили с женами и з детьми и домы их все разграбили, да и ратных людей, которые утекли с бою и которые ехали на службу в полк к окольничему и воеводе ко князю Юрью Никитичю Борятинскому, жильцов и дворян и детей боярских многих по слободам и по деревням и по дороге побили и переграбили».

Разин по Симбирской черте и в Симбирский уезд разослал прокламации, призывавшие дворян и детей боярских, и «в городех воевод и подьячих» переводить и уничтожать «до смерти». Также из Свияжского уезда уже собирались к Разину стрельцы, татары, мордва, мари. Штаб Разина одновременно послал в Алатырский уезд «лазутчиков»-крестьян.

Воевода кн. Ю. А. Долгорукий, со слов очевидца, московского стрельца, пришедшего из Алатыря, сообщил в Москву: «17 сентября к вечеру пришли к Алатырю «воровские казаки», с которыми было много русских, мордвы; черемисы, мордва и крестьяне Алатырского

[1] «Донские дела», 1671, № 4, XLIX, л. 8; А. Голубев, К истории бунта Разина в Поволжье, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1894, кн. 3. В нашей литературе не обратили внимания на тот факт, что под Симбирском правительственная армия получила подкрепление от украинского гетмана Многогрешного.

уезда «учали к острогу приступать, острожную башню зажгли, в острог вошли, а воевода Акинфей Бутурлин, острог покиня, побежал в рубленой город», стрелец ушел из Алатыря в лес, шел подле реки, и он видел, что от «зажогу острожные башни рубленой город начал гореть весь»...

В конце сентября стало известно о восстании в Арзамасском уезде, о взятии разинцами Саранска, о волнениях в Лыскове, Мурашкине и т. д. В этих местах в селах и в деревнях крестьяне «забунтовали, помещиков и вотчинников побивают, а которые поместья и вотчины московских людей, и их в тех поместьях и вотчинах нет, и в тех местах побивают прикащиков их с женами, с детьми и поместья и вотчины их разоряют». Неоднократные сообщения о сдаче морозовских крестьян были преждевременны: только 22 октября была решена судьба мурашкинцев. Повстанцы потеряли 21 пушку (19 железных и 2 медных), 800 ядер железных, три бочки пороху, 18 знамен и 61 пленного. Рабочий будных станов Емельян Иванов показал, что в этом бою участвовало 15 тыс. русских крестьян и националов. Они пытались прорваться в Арзамас, где находилась армия Долгорукого, отрезанная от Нижнего-Новгорода (с севера) и от Темникова (с юга). В это же время «нижегородцы чернь присылала к ним дважды», чтобы они шли под Нижний. Воевода Константин Щербатов стоял в Нижнем-Новгороде три дня: «в нижегородских жителях была к воровству шатость».

Кн. Ю. Долгорукий двинул в Алатырский уезд отряд в 1200 чел. с 6 пушками. Взятый в плен атаман Савельев показал, что г. Алатырь был взят черемисами-марийцами и крепостными крестьянами. Из Алатыря они решили двинуться в с. Путятино для того, чтобы оттуда наступать на Арзамас. Серьезные бои развернулись 30 сентября в с. Панове, откуда восставшие также хотели двинуться на Арзамас. У повстанцев было 2 пушки «и много мелково ружья»... На помощь пановским повстанцам пришел из с. Черновского отряд из «казаков конных и пеших, с пушки и знамены». В этом бою «белая» армия потеряла 47 человек. Оказалось, что в село Черновское отряд пришел из Симбирской черты под руководством атамана Петра Семенова и донского казака Михаила Сергеева. Они направились по распоряжению Разина через Алатырь на Арзамас.

В начале октября воеводы покинули Лысково. Лысковцы и мурашкинцы, посадские и крестьяне восстали. Из Саранска прибежал в Арзамас «тюремной сиделец», посадский Савка Титов и сообщил, что казаки «изменники 19 сентября Саранск взяли и убили воеводу Матвея Вельяминова и животы в домах все пограбили». Из Темникова прибежал воевода Василий Челищев, от которого узнали, что казаки взяли Темников и «брата его Васильева и племянника и подьячих побили».

Курмышский староста Петр Пипилов донес: «на Курмыше стрельцы, казаки и жилецкие люди с монастырские крестьяне учинили бунт».

На Арзамас одновременно шел другой отряд повстанцев из с. Вад (морозовской вотчины). Северные группировки «красных» усили-

вались, захватывали и пересекали дорогу в Нижний-Новгород в 30 верстах от Арзамаса; не выпуская из своих рук инициативы, они 5 октября пытаются приступить к Арзамасу с севера от с. Вада с атаманом Михаилом Семеновым. Бой в деревне Юсупово, в 12 верстах от Арзамаса, окончился в пользу кн. Щербатова. Четырехтысячный отряд под руководством Михаила Семенова остановился в 12 верстах от Арзамаса, в дер. Юсупово. Константин Щербатов не решился вступить в бой с разинцами и просил подкрепления. Разинский отряд был разбит только 6 октября. Упорное сопротивление в этом бою оказывали морозовские крестьяне и рабочие будных станов.

В то время как под Арзамасом удалось разбить повстанцев, «белое» командование опасалось за судьбу Нижнего-Новгорода. 11 октября стало известно, что «Павлова перевозу, Ярымовской патриаршей волости, и с Ворсмы, и из Богородицкого, и из Матюшевской волости, и из иных многих мест» крестьяне пошли к Нижнему вместе с «воровскими» людьми. Крестьяне с Богородицкого, Ворсмы, Сосновского и Закудемского стану Нижегородского уезда соединились с «красными» в Афанасьеве; они были уверены в том, что «конечно Нижней им здасться». Отсюда же они создавали угрозу Арзамасу. [1]

14 октября в движении наметился перелом: крестьяне Морозова стали сдаваться. В десятых числах октября происходила борьба за перевозы на р. Оке. Сначала «белые» войска были разбиты на Павловском перевозе. Нижегородские «белые» войска разбили «красных», которые отступили от с. Ворсмы. Они пытались прорваться в Гороховецкий район Владимирской губ. 13 октября об этом уже знал Долгорукий. Он не был в состоянии преградить им дорогу в Гороховецкий район. 11—12 октября шла новая волна «красных» из Саранска на Арзамас. Четыре армии повстанцев решили во что бы то ни стало взять Арзамас, который мог бы открыть дорогу в метрополию, но неудача Разина под Симбирском заставила одну армию в 1000 человек поспешить на помощь «красным» на Волге. Отход этой армии решил участь «красных» на линии Арзамас—Нижний, которая была очищена после кровопролитнейшеих сражений.

В средине октября кн. Ю. Долгорукий [2] не был в состоянии узнать о положении в казанских пригородах — восстание в Нижегородском уезде ему помешало: крестьяне «приложились к воровским казакам и дороги к Нижнему и к Курмышу застали», устроили «засеки [3] и сторожи большие». Кроме крестьян, в засеках укрепились «черемиса, чуваша и мордва».

---

[1] О. В. Ротштейн и Н. Шилова, Павлово в XVII в., 1930; А. Гацискнй, «Нижегородский летописец», 1886; А. Смирнов, Павлово и Ворсма, 1864; «Посольство К. фан-Кленка», 1900.

[2] 23 октября 1670 г. верховным главнокомандующим назначен Ю. Долгорукий, сменивший казанского воеводу Урусова. Ю. А. Долгорукому принадлежал ряд сел в Нижегородском уезде, в частности с. Григорова, родина протопопа Аввакума.

[3] Засеки устраивались из надолб. Надолбы состояли из обрубков дерева, стоймя вкопанных за наружным краем рва в один, два, три ряда. Их ставили

В то время как Разин уже откатывался вниз по Волге, Ромашка опять стал собирать отряды на Симбирск. 18 октября Милославский узнал, что казаки, оставшиеся после бегства Разина из Симбирска, собираются в Надеинском Усольи, [1] в количестве 700 человек. Против них был послан белоярский голова; он «побил многих, а достальных разгонял, а в языцех взял 20 человек и прислал в Симбирск». Пленные были перевешаны, а «пущие воры четвертованы».

Повстанцы, разбитые в Мурашкине, двинулись на Курмыш. Создавшееся положение могло бы серьезно угрожать Нижнему-Новгороду. 11 ноября в с. Ключища «воровские люди учали битца и великим боем, конными и пешими многими людьми, у них за тем селом по большой дороге сделана по обе стороны засека крепкая, в длину на версту, а поперек на обе стороны той дороги по полуверсте, в одной засеке были воровские пешие люди со всяким ружьем и учинили бой большой». Казаки всю большую курмышскую дорогу перекопали и провели «великий ров». К тому рву «учинили высокую осыпь земляную», по обе стороны рва и осыпи сделали крепкие шанцы, укрепили большим колодьем и частым лесом, сделали дубовые большие надолбы».

Энергичными мерами «белая» армия парализовала действия «красных». В этом районе у повстанцев повидимому неплохо была налажена связь: из местных деревень крестьяне подвозили хлеб в камышинский революционный штаб. Надо обратить внимание на показания пленных, которые сообщали о том, что они не знали о местопребывании Разина и донских казаков. Это показание соответствует действительности: Разин давно откатился на юг, а в колониях движение только еще разгоралось.

Однако между местными «красными» армиями была налажена связь. Огромная 15-тысячная армия направилась из Мурашкина на Макарьевский Желтоводский монастырь. [2] Последний был взят Янкой Никитинским, очевидно тем самым, который под именем Якушки Никитинского был разбит Борятинским под Саранском.

Под Макарьевским монастырем шли ожесточенные сражения. «Окаянные изменники, — говорит современный повествователь, — приступили с горшим свирепством, словно как медведь, когда уязвят его, жесточе свирепствует, или осы, если раздражены, то нападают злее». [3]

В то время, когда шли бои по направлению на Курмыш, «воровские люди» курмышского воеводу Ивана Рожнова убили и вы-

---

такой высоты и с таким расстоянием между рядами и между самими надолбами, чтобы атакующий неприятель не мог ни перескочить через них ни пройти между ними.

[1] Надеинское Усолье с варницами и «со крестьяны и с бобыли, с рыбными ловлями» было отдано в 1670 г. Саввину Сторожевскому монастырю.

[2] Этот монастырь был крупнейшим торговым монополистом и землевладельцем на Оке и Волге.

[3] «Нижегородский летописец», 1886, стр. 75, вот как описывает расправу с «красными» под монастырем: «кто был повешен, кто посажен за свое воровство, кто прибит гвоздями к доскам, кто изодран крючьями или засечен до смерти».

брали на Курмыше старшину. Из Курмыша по р. Суре движение распространилось на север к Козьмодемьянску, который, по слухам, был занят «красными» около средины ноября, и на юг — на Алатырь. Пятнадцатитысячная армия «красных» была разбита на р. Кандаратке. 12 ноября Юрий Борятинский «поставя обоз, через Барышреку, сделав три моста и через мосты перебрался с полками и с обозом». У «красных» было двенадцать пушек. Борятинский перешел в наступление: «Стояли полки с полками с утра до обеда менши полверсты».

Борятинский выжидал, чтоб красные перебрались за переправу, но они туда не переходили. Наконец Борятинский напал на «красных» и бой был «великой, стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная». «Белые» захватили 11 пушек, 24 знамени и 320 пленных: «на поле и в обозе и в улицах никак нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи протекли».

Сделав два моста через р. Суру, Борятинский пошел на Алатырь, который был им взят 23 ноября 1670 г. Несмотря на все успехи «белых» войск, правительство настаивало на объединении двух крупных армий для подавления движения в Тамбовском районе. Москва предложила кн. Ю. А. Долгорукому отправиться из Арзамаса в Симбирск на соединение с Ю. Н. Борятинским, и «буде вор Стенка Разин, отошед от Симбирска, стоит на судах», послать против него одного из своих товарищей, а также послать армию в Темниковский уезд, «чтоб ворам множитца не дать»; но Ю. А. Долгорукому невозможно было уйти из Арзамаса: 16 ноября возобновилось восстание в Арзамасском уезде и в разных деревнях Алатырского уезда.

Решительный бой произошел с 3-тысячным «красным» отрядом в д. Селищах, Алатырского уезда. Из деревни «красные» побежали в Алатырский большой лес в засеки «и в тех крепостях сидели они с женами и с детьми». В конце ноября уже было усмирено движение в Нижегородском, Арзамасском, Алатырском, Курмышском и Ядринском уездах.

Осенью был захвачен восстанием Казанский район. 11 октября 1670 г. казанский воевода А. А. Голицын выслал отряд в Чебоксары, Козьмодемьянск и Царево-Санчурск, т. е. вверх по Волге. На р. Ерыксе в Козьмодемьянском уезде «по обе стороны засечены засеки, а в тех засеках сидели воровские люди и чуваша и черемиса» и с теми «воровскими» людьми у него был бой. До Козьмодемьянска «за двадцать верст, под деревнею Кушергою, и с теми воровскими людьми» у него был другой бой. 1 октября пришли к Козьмодемьянску от Разина 30 человек. Козьмодемьянские жители их в город пустили и, «съединясь вместе, воеводу Ивана Победимского убили, и на воеводское место выбрали козьмодемьянского посадского Ивана Шуста, ямского охотника Замятенку Лаптева и стрельца Митьку Холелева». Вместе с ними управляли донские казаки Иван Сорока и Пронька.

Козьмодемьянск был во власти разинцев в течение октября. Засевшие в Козьмодемьянске стараются не разорвать связи с углуб-

ленными в заволжские леса передовыми отрядами.[1] С своей стороны, и разинец Илья Долгополов с Ветлуги налаживал связь с Козьмодемьянском. Жители Козьмодемьянска, Ядрина, Курмыша, Цывильска объединились с крестьянами для того, чтобы «дворян и началных людей побивать и домы их разорять вместе». Они условились «биться всем и в городе в осаде сидеть и помереть всем за одно». Все это они решили без согласования с Разиным. Арестантов во главе с Ильей Долгополовым, освобожденных из тюрьмы, восставшие отправили «бунтовать» жителей в районе Ветлуги. 28 октября был бой с донскими казаками и марийцами в двух верстах от Козьмодемьянска. Кн. Даниил Борятинский во второй половине октября по согласованию с казанской армией Урусова развил военные действия против националов. 19 октября 1670 г. он пришел в Свияжский уезд на речку Белую Воложку, от Свияжска в двадцати верстах. На этой речке у него был бой «в другова часу дня до осмова часу» с «красной» пятитысячной армией. 20 октября он пошел к Цывильску.[2] Разинцев было около трех тысяч. На р. Тобаху в 7 верстах от Цывильска бой продолжался от «первого часу дня до вечера». В Свияжском уезде на речке Анише наступал на обоз отряд «красных» с 500 человек. 22 октября в Свияжском уезде под деревней Шетнею был бой «с четвертого часу дня до вечера». В этом бою было русских, чувашей и марийцев около двух тысяч человек. 23 октября в Цывильском уезде у верховья Тобаху в Котяковском лесу, от Цывильска за семь верст, наступали на обоз изпод Цывильска русские, чуваши и марийцы, их было около десяти тысяч человек. Под Цывильском у «красных» оставлено было около пяти тысяч повстанцев.

Объединенные усилия «красных» не спасли Цывильска: 24 октября его взяли «белые», но бои в Цывильском уезде еще продолжались. Разинцы держались во всей западной части.

Полковника М. Кравкова можно смело назвать усмирителем националов-чувашей и мари-черемисов, так как вся его деятельность была направлена исключительно против них в районе, почти сплошь заселенном националами. М. Кравков был выслан из Казани 3 декабря по приказу Ю. Долгорукого. Ему было велено итти из Казани в полк Д. Борятинского в Козьмодемьянск. По приходе в Чебоксары 23 декабря он получил новое распоряжение — «итти из Че-

---

[1] С. Порфирьев, Разинщина в Казанском крае, 1916, стр. 33.

[2] Разряд, Московский стол, № 441, лл. 173—182, лл. 225—229, лл. 187—190, лл. 285—288, лл. 214—219, лл. 349—350, лл. 351—354, л. 348, лл. 382—386, лл. 380—381, лл. 388—392, лл. 488—491, лл. 496—514; см. также «Крестьянство и националы в революционном движении», 1931; А. Кабанов, Две версии осады Макарьевского Желтоводского монастыря в «Действиях Нижегородской архивной комиссии», т. XVII, вып. 3; его же, Разинцы в Нижегородском крае, в «Сборнике в честь М. К. Любавского», 1907; «Нижегородские казенные кабаки» в «Сборнике Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XVI; М. Кравковский, Краткое описание Спасского монастыря, в «Казанских губернских ведомостях», 1849 № 33 — 34; «Kurtze, doch wahrhaftige Erzählung von den blutigen Rebellion in der Moscau» и т. д., 1671.

боксар к Цывильску и сойтитца с воеводою со князем Д. Борятинским в Цывильском уезде в дер. Харакусах». 30 декабря им была получена новая «наказная память» от Д. Борятинского о посылке его в Богатыревскую волость Цывильского уезда. Путь Кравкова п чувашским и черемисским волостям и деревням — путь по пустым деревням. О каждой деревне он пишет в своем докладе буквально одно и то же — пришел в такую-то деревню и «никово в деревне не нашел». К некоторым донесениям он прибавляет «и ту деревню велел выжечь». Таким образом он прошел весь Цывильский уезд с севера на юго-восток черев Богатыревскую волость — 28 октября дер. Богатыри, 31 декабря Убиевскую волость, д. Досакас и другие, 2 января дер. Каркасы, 5 января Яндубинскую волость, дер. Яндоба, Сормы и вернулся опять на север в лагерь Д. Борятинского, который в то время стоял в дер. Б. Туванах.

В конце октября бои шли вокруг Козьмодемьянска: 31 октября был бой в 25 верстах от Козьмодемьянска на р. Сундыре. 2—3 ноября «белые» взяли Козьмодемьянск. Часть «красной» армии отступила к «красным» в Ядрин, который делается центром восстания.

16 ноября восставшие снова наступали на Козьмодемьянск при помощи красноядринцев. Во главе наступления стояли Иван Константинов, Иван Васильев, Пронька Иванов и Иван Андреев. Из Ветлуги также выступил «красный» отряд Ильи Долгополого на помощь козьмодемьянцам, но он вернулся из с. Лапшанги, где узнал, что «красные» разбиты.

Также и воевода Андрей Нормацкой 6 октября сообщил о своих победоносных действиях в районе Чебоксары—Козьмодемьянск. [1] Одновременно вспыхнуло восстание в с. Троицком, Большой Юнге, д. Струнихе и в вотчинах суздальского и юрьевского архиепископа.

Во время осады Цывильска восстали с. Сундырь и вотчины сарского и подонского митрополита. Выбрав двух атаманов, крестьяне направились для оказания помощи «красной» армии, стоявшей под Цывильском. Крестьяне Сундыря, находившегося всего в двух верстах от Кокшайска, готовились наступить на Кокшайск, как «Волга река льдом станет».

В конце декабря 1670 г. восстание в Ядринском уезде было еще в разгаре, в то время как оно почти везде было подавлено. В дер. Б. Туванах, в десяти верстах от Ядринска, в 30 верстах от Курмыша «воровское собрание большое, казаки из Ядрина с пушки и со всякими наряды вышли, атаман Ивашко Константинов с товарищи, и от него вся прелесть, и черемиса, которые воруют, на него надеются и со всех сторон корм и всякие запасы к ним возят».

Полковник Шепелев донес: 29 декабря пришел он из Козьмодемьянска в Цывильский уезд в деревню Харакусы (или Каракусы). 24 января на его обоз произошло наступление русских, чувашей и

[1] В указе на имя кн. Ю. Долгорукого от 12 декабря 1670 г. содержалось приказание: «кузмодемьянца посацкого человека Ивашку Шуста и попа Михайла за воровство казнить смертью, а отомана Пронку Иванова сысковать и, сыскав, по тому же казнить смертью, чтобы, на то смотря, иным не повадно так воровать».

марийцев Ядринского, Курмышского, Цывильского и Чебоксарского уездов. «Красные» возглавлялись Сергеем Васильевым и чувашом Ядринского уезда Семенейко Чеметеевым; по показаниям пленных, отряд повстанцев состоял из 12 тыс. человек.

Взятые в плен националы развернули перед следственными властями историю своей героической борьбы.

С. И. Порфирьев[1] верно замечает, что националы составляли значительную часть «красной» армии и в местах своей оседлости решительно преобладали над русскими повстанцами.

в) РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТАМБОВСКО-ПЕНЗЕНСКОМ РАЙОНЕ

Правительство узнало, что на «Успеньев день пресвятой богородицы поутру рано вор изменник» Стенька Разин с казаками пошел на Саратов; саратовские жители сдали г. Саратов, и его «вора, Богородицкого монастыря игумен и саратовские все жители встретили с хлебом». Саратовцы накануне прихода разинцев приставили к воеводе караул в двадцать человек.

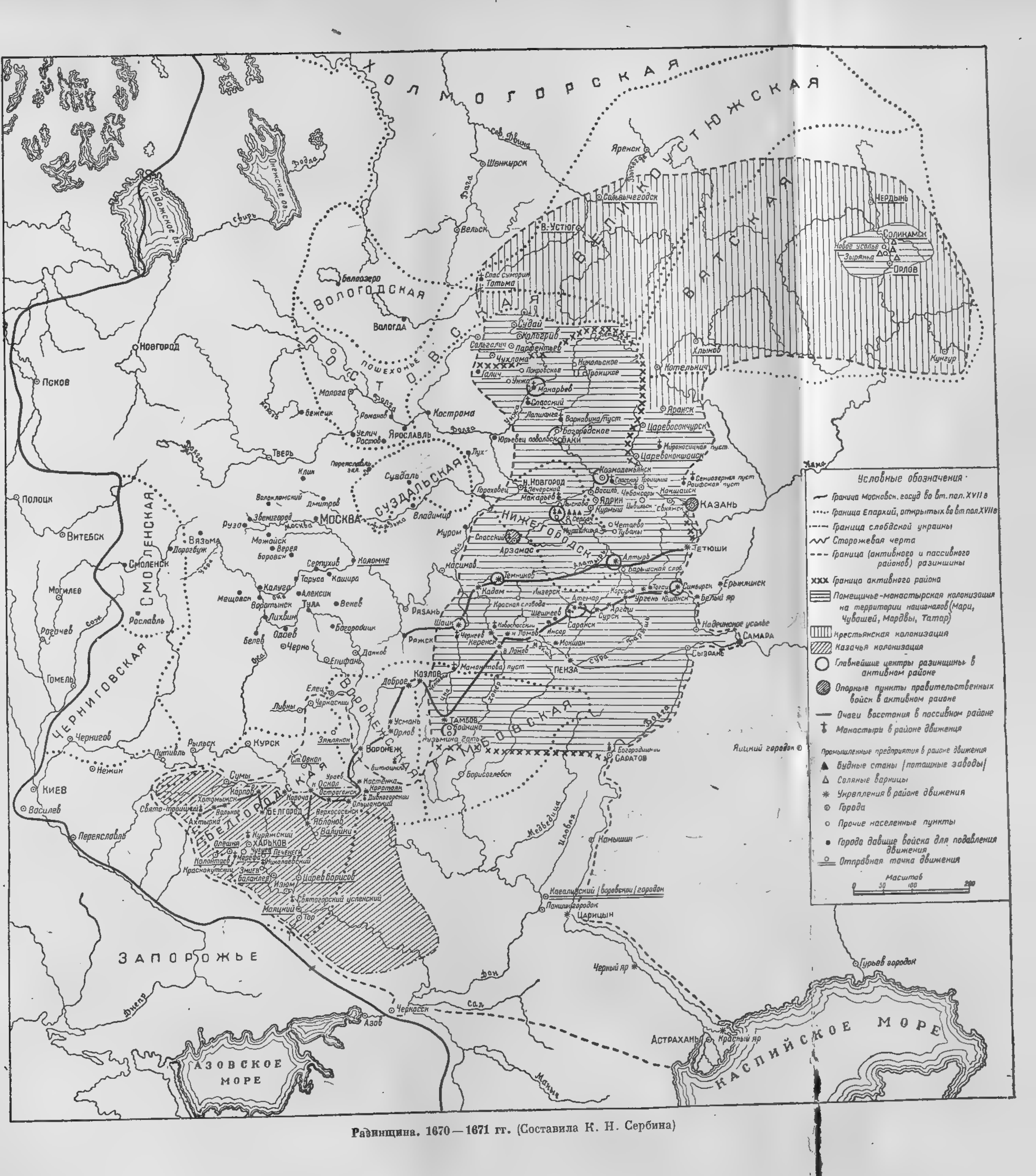
17 сентября 1670 г. город Карсун был взят, а воевода «с женою, с детьми и подьячие, и военных тридцать человек побиты и перерублены на смерть».

13 сентября получилось известие о восстании в с. Кочелаеве, Ломовского уезда, и об измене казаков в Нижнем Ломове. 27 сентября пришли в Ломовский уезд представители от Разина, которых уже ждали помещичьи крестьяне. Разинские эмиссары в Ломовском уезде «рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей, и казаков никого не рубят и не грабят». Так же в Керенском уезде в деревне Тимашеве казаки «побили помещиков, дома их разграбили и пожгли, жен и детей их побили до смерти». Казаки из Керенска направились в Шацк, Тамбов и Козлов. В начале октября стало известно о том, что «воры мужики город Темников разорили, и воевода из Темникова, боячя от них, воров, смертного убивства, побежал, и его дворовые люди разбежались».

В октябре же Разин направил от Симбирска по черте донских казаков Михаила Харитонова и Василия Федорова. Эти «эмиссары»

---

[1] С. Порфирьев, Разинщина в Казанском крае, Казань, 1916; Голубев, К истории бунта в Поволжьи, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1894, кн. 3; А. Кабанов, Разинцы в Нижегородском крае, «Сборник статей в честь М. К. Любавского»; А. Соловьев, Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губ., 1908; Памятная книжка Симбирской губ., 1868 г.; Осада Симбирска Разиным в 1670 г., сообщил М. А. Арнольдов, «Симбирские губернские ведомости», 1866, № 55, то же «Сборник Историко-статистических материалов о Симбирской губ. на 1868 г.»; о действиях в Астрахани см. «Об Астраханском бунте и выезде с р. Дону бунтовщика и разбойника Стеньки Разина», «Астраханские епархиальные ведомости», 1878, № 1—3, 11, 13, 18. Автор, видимо, очевидец событий: «бе бо тогда день светлый». См. также «Астраханские епархиальные ведомости», 1895, № 3; 1876 — № 13, 16, 17 и 20.

Разинщина. 1670—1671 гг. (Составила К. Н. Сербина)

Разина по черте, в городах и в уездах «воевод и всяких чинов приказных людей и в уездах детей боярских до смерти побивали и домы их разоряли».

В октябре после взятия Керенска восставшие направились в Шацк, где уже было известно, что ломовцы, керенцы, «градцкие люди и уездные изменили, воевод в тюрьму посадили и к воровским казакам приклонились». Козловский воевода, услышав «про эту шатость», велел в Козлове людей посадских слобод, детей боярских, сторожевых, полковых казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков, воротников и посадских и градских всяких чинов людей «пересмотреть» и заставил их присягать.

Из Саранска по указанию Разина донской казак атаман Михаил Харитонов пошел на Пензу, где воеводу Елисея Лачинова убили, а «градские люди изменили». Из Пензы около 900 человек через Наровчат пошли к Нижнему-Ломову, куда пришли к ним через степь из Саратова 600 человек конных. Нижнеломовские жители город сдали «ворам», воеводу и подьячих побили, да и «Верхнего города Ломова служилые люди ворам сдались и воеводу убили». Из Саранска, через Керенск, атаман Харитонов с армией в 1 000 человек пошел «по черте» в Шацкий уезд.

Вместе с Харитоновым действовал и Матюшка Семенов, который пришел из Пензы в Нижний-Ломов. Матюшка Семенов также побил воевод и выбрал атаманов. В Керенске казаки выбрали атамана — керенского казака Сеньку Кузнеца и есаула — керенского казака Любимка Житкова. Казаки захватили в Керенске две пушки. Донских казаков было в Керенске около 200, а третья сотня состояла из мордвы и татар.

Кн. Долгорукий был встревожен октябрьскими событиями в Кадомском районе на северо-западе Пензенского края; в октябре правительственные отряды не были в состоянии переправиться на Кадом. Чтобы очистить путь, был послан полуторатысячный отряд Федора Леонтьева. Одновременно готовился второй отряд к отправке в морозовские вотчины — в Мурашкино, Лысково, т. е. в районы севернее Кадома. Федор Леонтьев 10 октября сообщил подробности боя в с. Кременках, Кадомского уезда. Он натолкнулся на отряд из тысячи вооруженных татар и астраханских стрельцов. Армия Леонтьева «приступала к восставшим и из пушек по ним стреляла, а те воровские казаки сидели долгое время, и тогда воевода велел двор зажечь, ратные люди тех воровских казаков всех побили, которые остались во дворе, и те сгорели без остатку».

На помощь восставшим пришла двухтысячная армия. Упорный бой окончился поражением восставших. По данным Леонтьева, правительственная армия потеряла убитыми и ранеными только сорок человек. Взятые в плен разинцы признались, что «воровских казаков всех побили».

Разинцы взяли Саранск приступом, воеводу убили и освободили арестантов. Федор Сидоров, бывший арестант, был выбран атаманом и по дороге «збирал вольницу в казаки». Андрей Осипов, крепостной

татарин, один из руководителей боя в Кременках, показал: «идучи по дороге к Темникову, они помещиковы и вотчинниковы дворы грабили и разоряли». Революционная армия в с. Кременках, по его показаниям, состояла из его же отряда в 500 чел.; «в селе Кременках собралось казаков того села и из иных с триста человек, к ним же приходили Арзамасского уезду села Пуза крестьян десять человек, а хотели быть к ним в казаки из того села двести человек». Крестьяне им говорили: «все пойдут по головам». На этом же допросе Осипов показал, что «к ним пришел из Темникова на помощь есаул Лаврентьев, крепостной крестьянин Ивайка Фадеев, с пятьсот человек».

Пленные мужественно сознались, что они пошли в воровство «волею», т. е. добровольно. Помощник Сидорова показал, что он распространял прокламации по Темниковскому уезду. Он «с тем письмом ездил по уезду и имел на воровства охочих людей»...

Впоследствии оказалось, что тамбовские казаки отказались сражаться против «красных» под г. Керенском. Некоторые из них мотивировали свой отказ тем, что «с братьею» сражаться не следует, так как еще неизвестно, кто победит. Московское правительство прибегло к решительным мерам. Оно приказало (21 октября 1670 г.) «из сотни по человеку казнить смертью, повесить, чтоб впредь, на то смотря, иным не повадно так воровать и таких непристойных слов говорить».

Одновременно развернулись большие бои в дворцовом селе Конобееве [1] под руководством Михаила Харитонова и Василия Федорова. Они подняли крестьян Шацкого уезда. 17 октября восставшие потерпели поражение: они потеряли две пушки, два знамени и 18 пленных. Пленные показали, что Михаил Харитонов пришел от Разина из-под Симбирска со «многим большим собранием». Харитонов направился по Корсунской черте «и по селам и по деревням помещиков и жен их и детей побивали и домы их разоряли», и пришли к Пензе. В Пензе к Харитонову пристал саратовский стрелец Васька Федоров. С ними собрались такие же «изменники русские люди, пензенцы и иных уездов, и с Пензы-де взяли с собою 2 пушки, которые отбили у них под Шацком; да к ним же пристал в Кадомском уезде в Жюковщине атаман Мишка, да четвертой атаман в селе Конобееве, прозвище Шилов». Они в Пензе, в Нижнем и в Верхнем городе Ломове воевод убили. В городах по черте государевы люди везде им сдавались, с ними не бились, а многие к ним, ворам, приставали и с ними воровали. В селе Конобееве к ним пристали многие дворцовые и помещичьи крестьяне. В Шацком уезде по селам и деревням они помещиков и вотчинников «побивали и домы их разоряли и жгли». В селе Конобееве был у «красных» «круг», где они решили итти на Шацк. Михаил Харитонов 17 октября послал из села Конобеева 100 чел. в Шацкий уезд, в Чернеев монастырь.

14 октября восстало дворцовое село Сасово в 40 верстах от Каси-

---

[1] Напомним, что с. Конобеево было центром миссионерской деятельности православной церкви среди мордвы и татар.

мова; разгром разинцев в Конобееве не ослабил размаха движения. Крестьяне дер. Печинище поднялись вместе со стоявшими там тамбовскими казаками. К восставшим присоединилась и Рыбная пустошь Тамбовского уезда.

Яков Хитрово следующим образом описывает, как он усмирял восстание. Он пришел в с. Алгасово, воров, казаков, солдат, мужиков-бунтовщиков осадил, к обозу их «приступил жестокими приступы, из пушек бил и побивал в обозе, и у обозу их многих, и то село Алгасово велел он зажечь и разорить». Взятого в плен Тимошку Мещерека он отпустил в Тамбов с товарищами для того, чтобы они в Тамбовском уезде по селам и по деревням «сказывали», что их помиловали; «видя б такую твою государскую милость, иные их братья по селам и по деревням ни на какую воровскую прелесть не прельщались».

Освобожденный Мещерек послал от своего имени Гаврилку Карнауха «наговаривать на воровство и на измену государевых тамбовских служилых людей». Его выступление подействовало: многие тамбовцы изменили.

28 октября Тамбов был осажден революционной армией. Тамбовский воевода Пашков просил помощи. В Козловском уезде вводится усиленная чрезвычайная охрана. Правительство направило крупные силы из-под Шацка в Тамбов для совместных действий с полковным воеводой И. В. Бутурлиным. В это время поднялся Лысогорск с селом. По слухам, там было около десяти тысяч повстанцев. 17 ноября под Челнавским за речкою под Челнавою с казаками г. Тамбова и Тамбовского уезда и Лысогорского острога был бой с «полудни до ночи». Казаки отбили две пушки. Бой не дал никаких результатов. В самом разгаре сражения в Тамбовском уезде правительству удалось очистить Шацкий уезд. Армия разинца Михаила Харитонова ушла из Шацкого уезда в деревню Зарубкино. Харитонов собрал пятитысячную армию, почти исключительно крестьянскую, сохранил артиллерию, устроил в лесу большие засеки, установил пешие и конные караулы. Эта революционная армия собралась для контрудара на Шацк и ждала в Зарубкине прихода самого Разина.

19 ноября Долгорукий, узнав от темниковских помещиков, что «в Темникове и в Темниковском уезде в сборе воровские многие люди, а собрались от Саранска и с Саранской черты и от иных мест», велел воеводе К. О. Щербатову итти от Арзамаса на Темников, т. е. с севера на юг, прямою темниковскою дорогою, а воеводе Лихареву из Кадома итти к Щербатову к Темникову, т. е. с юга на север, оттуда же обоим итти по Саранской черте к Саранску, т. е. на юго-восток; туда же должен итти из Алатыря В. Панин. Крепкий заслон по «черте» от Алатыря через Темников до Шацка должен был предохранить линию Арзамас — Нижний-Новгород. Воевода Иван Лихарев 23 ноября сообщил, что в большом Кадомском лесу на Черной речке засечена засека, на которой стояли настороже «воровские люди». Засека была засечена в длину на три версты, а поперек на версту. Атаманом у разинцев был крестьянин Сенька Белоус.

20 ноября разинцы вступили в бой. На той засеке «воровских людей» побили и их атамана убили. К восставшим подошел на помощь отряд в 300 человек. Но восставшие были разбиты. Официальные известия об окончательном очищении от восставших всего Кадомского уезда в конце ноября подтверждали, что еще держались засеки от Кадома к Темникову на р. Уженке. Такое положение создавало угрозу Казанской дороге. Эта угроза была реальной, так как Красная слобода и Саранск еще упорно держались.

Выбитые из одного места восставшие воскресали в другом. В конце ноября по донесениям разведки в Темникове «воровских людей стоит четыре тысячи, устроясь с пушки, да в Темниковском лесу на засеках на арзамасской дороге восемь тысяч с огненным боем, да к ним же де пришли из Троицкого острогу служилых людей с пушки и с мелким ружьем с триста человек». Темниковские вооруженные отряды отрезали правительственным войскам путь на помощь Красной слободе, осажденной восставшими.

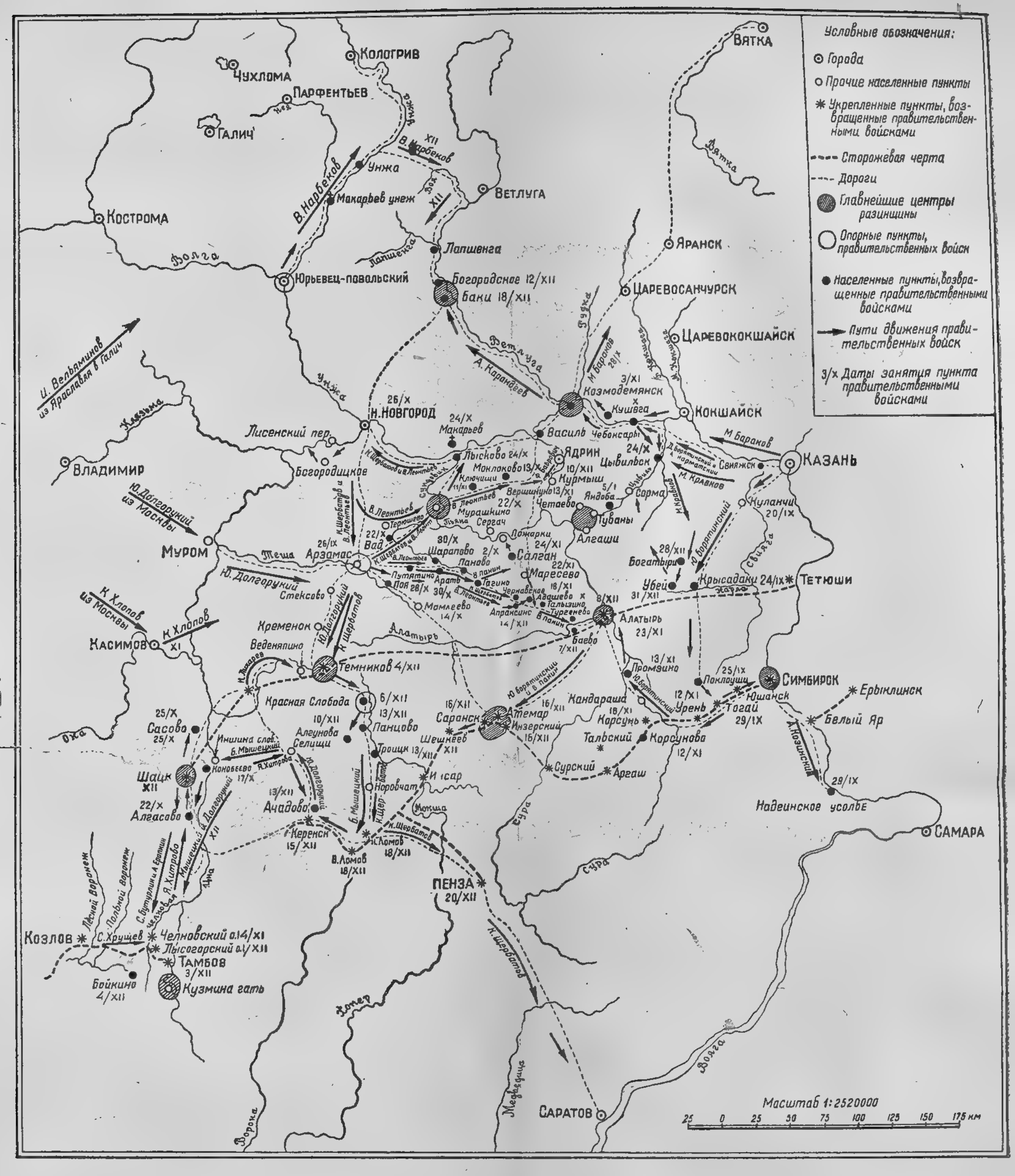
В начале декабря восстание в Темникове, возглавлявшееся Федором Сидоровым, Степаном Кукиным и Еремой Ивановым, было подавлено. Правительственная армия захватила пушки: одну медную, три железных, пушечные ядра, шестнадцать знамен и тридцать пленных. Взятые в плен подтвердили, что в бою было темниковцев с уездными людьми «с пять тысяч, служилых и казаков Троецкого острогу две тысячи девяносто человек, из Саранска служилых казаков человек со сто и больше. И хотели воровские люди у воеводы взять обоз к ночи приступом». 28 ноября приходили из Саранска казаки «большим собраньем» и приступали к Красной слободе.

Под Темниковым взяли в плен «старицу, которая воровала и войско себе сбирала и с ворами вместе воровала». Она под пытками сообщила: ее зовут Аленою, родиною она из Арзамаса, вдова.[1] Она сбирала с собою «на воровство многих людей и с ними воровала и стояла в Темникове на воеводском дворе с атаманом, с Федькою Сидоровым и его учила ведовству».[2]

Разгромив движение в Кадомском уезде, правительство направило свой удар против Тамбова, который угрожал Украине. Тамбовцы выбрали себе атаманом полкового казака Тимошку Мещерякова, разбили «и поимали ружейную казну, которая послана была в Шацкой к полковнику к Семену Скорнякову-Писареву». Собравшись с донскими казаками, хоперскими казаками, пензенцами, ломовцами, тамбовцами, с «градскими и уездными всех слобод и сел и деревень всяких чинов со многими людьми», напали на Тамбов 11 ноября. С этого дня до 3 декабря разинцы приступали к Тамбову «денно и нощно жестокими приступы и город зажигали беспрестанно, и острог взяли, и башню острожную, и острог, и дворы многие пожгли».

Об освобождении Тамбова от осады сообщил принимавший участие

[1] По другим свидетельским показаниям Алена была из Красной слободы Темниковского уезда.
[2] По показаниям свидетелей ее отряд состоял из 600 человек.

Движение правительственных войск в активном районе Разинщины (среднем Поволжьи и Галическом у.), сентябрь 1670 г. — январь 1671 г. (Составила К. Н. Сербина)

в военных действиях козловский воевода Хрущов. Он между прочим писал: «козловцы, служилые люди, отбили на том бое тамбовскую железную большую пушку, которую они, воры, взяли в тамбовском остроге, и с тою пушкою приступали к Тамбову городу, да козловцы ж, служилые люди, в Тамбове в слободах поймали воров дву человек с воровскими письмами».

Повстанческая армия, отступив от Тамбова, дала большой бой при с. Байкове (или Бойкино?), закончившийся для разинцев поражением вследствие превосходства правительственной артиллерии. Разинская армия насчитывала 700 человек, накануне боя к ним пришел на помощь со стороны Хопра отряд в 500 человек. После взятия Тамбова пал и Лысогорский острог. 15 октября из Москвы уже получилась на имя тамбовского воеводы «похвала за тамбовское осадное сиденье».

13 декабря стало известно, что большой бой при д. Ачадове решил судьбу г. Керенска. В дер. Ачадове воровские люди «большим собраньем учинили бой большой». Разинцы укрепились в деревне Ачадове обозом: «у ратных людей с теми воровскими людьми был бой большой и приступали ратные люди жестокими приступами и из пушек по их воровскому обозу били с третьего часа дня по четвертый час ночи». «Белые» тех разинцев «многих побили» и их обоз взяли.

В бою при Ачадове и во взятии Керенска принимала большое участие смоленская, бельская и рославльская шляхта под руководством полковника Дениса Швыйковского. Хитрово шел с полком Швыйковского из Шацкого уезда через большой лес на засеки, сделанные разинцами. 11 декабря был у них бой у засек. В декабре Хитрово послал из полка Швыйковского ротмистра Данила Пасока с шляхтой из Селищ к Керенску «для подлинных вестей, языков и промыслу над воровскими людьми»; шляхта встретила у Ачадова разинцев и начала бой, послав к Хитрово просить помощи. Хитрово двинулся на помощь, «а полковник Денис Швыйковский с шляхтою пришел к той деревне наперед и учинил с воровскими людьми бой большой». Хитрово 14 декабря направился к Керенску; полковник Денис Швыйковский также направился к Керенску, «урядяся большим урядом»; не доходя до города верст за 20, он послал своего ротмистра Станислава Денисова с его ротою. Когда керенцы услышали про «жестокие напуски» Денисова, то они ужаснулись «большою ужастью» и сдались. Это было большое поражение «красных»: правительственным войскам открылась дорога на Шацк.

Верхний-Ломов сдался полковому воеводе кн. К. О. Щербатову. Согласно его донесению кн. Ю. А. Долгорукову «декабря-де в 17 день послал он из Нижнего города Ломова ратных людей рейтарских полков для промыслу к Верхнему городу Ломову». Духовенство вышло с иконами и «со кресты» и подали «повинную челобитную», жители выдали «пущих воров и бунтовщиков ломовских русских да татарина».

Под Нижним-Ломовым был взят в плен атаман Василий Федоров, солдат белгородских полков, беглый на Дону, ставивший перед разинцами большие стратегические задачи.

К концу декабря была взята Пенза. «Красные» в Пензе понесли большие потери: они оставили 8 пушек и 700 пушечных ядер. В районе Алатыря у Ардатовского перевоза развернулся один из крупнейших боев под сел. Тургеневым, где разинцев было больше 20 тысяч. Вот как излагается в донесении это событие: «Они воры, обоз и пехоту построя, и рогатками обметався, и конные их полки стали у их пехоты, и пушки постановили около обозу и около конных полков, и твои-де ратные люди почали на них наступать, пехота на пехоту, а конные на конных, и учинился бой большой; побили воров на голову и секли их воров конные на пятнадцати верстах, а достальные побежали врознь беспамятно, а пешие-де твои ратные люди воровской обоз взяли, и в обозе пехоту их многую посекли и живых воров на том бою взято много, и они-де их велели всех казнить смертью». В бою «белые» взяли 67 знамен и 20 пушек. Бой под Тургеневым имел решающее значение. Очевидно, «красные» хотели отстоять Саранск, имевший важное стратегическое значение: по московско-саранской дороге поступали из метрополии подкрепления.

В конце января восстание в Пензенско-Тамбовском районе было окончательно подавлено.[1]

г) РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРЕ

6 ноября стало известно о появлении в Ветлужской волости Ильи Иванова Пономарева (он же Попов), который рассылал в Галицкий уезд «письма». Жители Унжи и уезда восстали. Одних помещиков заковывали в «чепях, железа и во всяких крепостях», других привозили в Унжу. Здесь восстание было направлено не только против помещиков: восставшие побивали приказчиков и «лутших крестьян».

В конце октября на Унжу «красные» пришли, как я уже указал, из Козьмодемьянска и подняли крестьян ряда крупных вотчин в Галичском уезде: Якова Одоевского, Данилы Гагина, Михаила Черкасского, Василья Одоевского, Григория и Василия Собакиных, Богдана Хитрово и т. д. Кулачество повидимому выступило против восставших: приказчик сообщил Черкасскому, что крестьяне дали отпор «красным», прибывшим в с. Спасское.

Посад Унжа был занят 3 декабря отрядом «красных» в 200 человек. Часть отряда пришла от Макарьевского Унженского монастыря, а другая часть — с Лапшангской дороги, т. е. со стороны Козьмодемьянска. С Ветлуги «красные» направились в Галичский уезд.

Пленные показали, что после поражения на р. Шанге в Богородицком стане главные силы «красных» отступили через Кологрив и через Вятку к Соли Камской. Соликамский воевода очень опасался за участь города, так как «мимо Соль Камскую идут в Сибирь и из

[1] Разряд, Белгородский стол, № 692, 674, 671; Разряд, Приказный стол, № 417, 423, 403, 1006; Разряд, Московский стол, № 441, 439; Коробановский столбец № 26; Темниковский столбец № 130; А. Попов, История возмущения Разина, «Русская беседа» 1857, № 2; И. Дубасов, Очерки из истории Тамбовского края, М., 1883, кн. 2; Б. Тихомиров, Разинщина, 1930.

Сибири из Соли Камской для работы многие гулящие, самые скудные и голые людишка... В такое время от таких пришлых ярыжных голых людей жить опасно и страшно».

Правительство приняло особые меры для охраны путей, ведущих «в Кунгур и в сибирские городы».

Из Кологрива «красные» направили отряд на Соль Камскую для того, чтобы «лутших посадских людей побить и чернь с собой взять». Другой отряд из Кологрива был направлен на Вятку. Третий отряд под руководством Муморина двигался в Тотьму.[1]

На севере в городах, которые «близ подошли Галича», была объявлена поголовная мобилизация; между тем обычно брали по одному человеку со ста дворов.[2] Кроме того на север были посланы из Москвы две армии — одна под предводительством Ив. Вельяминова, а другая под предводительством Вас. Нарбекова.

Первая армия направилась из Москвы через Ярославль, куда она пришла 6 декабря и из которого она должна была итти в Галичский уезд для совместных действий с В. Нарбековым. Но из наших документов не видно, чтобы она приняла участие в подавлении движения, так как вся борьба в Галичском уезде велась одним В. Нарбековым.

Вторая армия, В. Нарбекова, была направлена в район движения через Юрьевец Поволжский, куда и пришла 18 ноября. Юрьевец Поволжский был сделан базой для военных действий в Галичском уезде. Здесь армия формировалась, стягивалась и вооружалась.

22 ноября В. Нарбеков со своей армией был отправлен из Юрьевца Поволжского в Галичский уезд, в Унженскую и Ветлужскую волости и на Лапшангу чинить «над воровскими людьми поиск». В. Нарбеков пошел из Юрьевца Поволжского по дороге на Кологрив, вверх по р. Унже, через Макарьев Унженский монастырь. С этой дороги перешел на дорогу, ведущую из Унженской волости в Ветлужскую, и пошел по дороге вдоль р. Ветлуги на Лапшангу. 13 декабря он разбил на голову главные силы «красных», которые возглавлялись Ильею Долгополовым, на Лапшанге в Богородицком стану на Меринской дороге. Разбитый Долгополов бежал через Кологрив и Вятку к Соли Камской. Он остановился и укрепился у Судая, где был захвачен и убит в декабре 1670 г. под Тотьмой тотемским воеводой М. Ртищевым.

«Красных» на севере атаковали с двух концов — с юго-запада, со стороны Юрьевца Поволжского, и с юго-востока, из Козьмодемьянска, откуда был послан Д. Борятинским 10 декабря полуголова московских стрельцов А. Карандеев. Карандеев был послан из Козьмодемьянска «вверх по Ветлуге за воровскими казаками в поместья розных помещиков». Он шел по большой дороге вдоль р. Ветлуги через села Баки (Никольское), Богородицкое до села Лапшанги (от Козьмодемьянска 150 верст). В Козьмодемьянск он вернулся 22 декабря.

[1] Н. Кашкин, Родословные разведки, 1912, I, стр. 362—364.
[2] «Вологодские губернские ведомости», 1854, № 46.

Илья Иванов, вождь северной группы «красных», был захвачен около Тотьмы и 11 декабря повешен на берегу реки Сухоны. В отряде Иванова участвовали крепостные и свободные крестьяне. Пленные перед казнью мужественно заявили, что они присоединились к «красным» «своею охотою». Даже после казни Иванова, дворового человека князя Юрия Буйносова-Ростовского,[1] весною вновь стали собираться отряды в Онтрепьевой (или Антрепьевой) слободе Усельского уезда. Восставшие «хотели струги делать и на тех стругах торговых людей разорять». На крайнем севере отмечается активность ненцев (самоедов), нападавших на монастыри. От Феодосия, игумена Антониева Сийского монастыря, мы узнаем, что уже в 1666—1667 гг. «воровскими людьми был разграблен Котлозерский монастырь на р. Емце. В 1667—1670 гг. те же «воры» совершили ряд «находов» на вотчины Антониева Сийского монастыря на Взвозе, в Моржегорской и Ваймужской волости и в Емецком стану. Волнение крестьян охватило и ненцев.[2]

Голод, свирепствовавший на севере в 1671 и 1672 гг., подорвал силы восставших. Глава северного духовенства, архиепископ вологодский Симон писал: «Матери детей своих в реку и по улицам мечут, а иные матери и с детьми своими топятся. Крестьяне в мир разбрелися от хлебной скудости, а которые и в лицах есть, то все помирают голодной смертью и наметают себя от голоду в воду, также и матери детей своих младенцев на смерть предают, в воду бросают и вешают». В то же время монастыри вели бешеную спекуляцию хлебом.[3]

д) РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЕ

Летом 1670 г. сообщили Москве, что кандидат на гетманство Ханенко вступает в связь со Степаном Разиным, в то время как гетман Многогрешный преследует «стенькиных казаков». Сам Дорошенко весьма недвусмысленно намекал на свои сношения с Разиным. Впрочем Дорошенко осторожно вел эту политику. Около 25 сентября 1670 г. «была в Корсуни рада у Дорошенка и на той раде чли Стеньки Разина письмо, в котором пишет он, вор, о помочи, и тот лист Дорошенко прочетши изодрал». Однако Москве стало известно, что Дорошенко и Серко запросили Разина, «в котором урочищи сойтитца вместе». На Украине был пойман лазутчик, ехавший от Дорошенко «с листами» к Разину. Под пыткою лазутчик показал, что Дорошенко сговаривался с Разиным сообща итти весною на «города великого государя».

Москва очень беспокоилась, узнав про сношения украинцев с Разиным, который надеялся оправиться после симбирского поражения.

---

[1] «Исторический вестник», 1888, тт. XXXIII и XXXIV.

[2] Архив ИАИ. Акты Антониева Сийского монастыря, грамоты на Двину 1670 г.

[3] Разряд, Московский стол, № 441; Приказный стол, № 423; Приказные дела старых лет 1671 г., № 560; Приказные дела Устюжской четверти, № 509—604; Приказные дела Новгородского приказа 1671 г., № 221; А. Титов, Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. Вахрамееву, 1897, вып. 4.

Дорошенко, ставленник казацко-старшинской партии, не мог стать союзником Разина. Заигрывая со Степаном Разиным, он хотел побольше получить от Москвы. Поэтому он даже хвастался перед Москвой, что он сможет «уговорить Разина». [1]

Огромная правительственная армия заняла Слободскую Украину и направляла свои главные силы на Киев. Разинцы все же пытались установить связь с Украиной: они посылали лазутчиков в Киев и Полтаву. В конце октября казак Алексей Хромой направился с отрядом в Конотоп и направил своих представителей через Валки в Полтаву. Запорожские казаки заверили Разина, что он может итти на «понизовые города безопасно». [2] Однако под давлением Москвы запорожцы обещали выслать против Разина большой отряд. Опасность была немалая: правительство стянуло войска в Слободскую Украину и обратилось за помощью к гетману Многогрешному. [3] Надо было охранять поселения Харьковского полка, разинцы могли бы увлечь и крестьянство Украины.

Когда Степан Разин действовал на Волге, Фрол Разин пытался поднять восстание по Белгородской черте и Слободской Украине, но он был разбит под Коротояком. Восстание, разразившееся в октябре 1670 г. в Тульском, Новосельском, Ливенском, Ефремовском и Дедиловском уездах, большого размаха не получило и не было поддержано рабочими тульских заводов. Слабый отклик, который получила разинщина на Слободской Украине, объясняется тем, что крестьяне и казаки находились там в лучшем положении, чем на Дону и на правом берегу Волги.

В Слободской Украине поднялись Острогожск, Чугуев, Змеев, Валки и Царев-Борисов.

Наиболее крупное восстание произошло в Острогожском полку под руководством Ивана Дзинковского, но и оно окончилось поражением. [4]

Кто организовал нападение на Ивана Дзинковского? Инициаторами выступления против «красных» были «протопоп Андрей с братьею, с острогожскими русскими людьми, с черкасы, с торговыми людьми». Заговорщики ночью «разметали» мосты на р. Сосне, отрезали путь к отступлению и перебили восставших. С «красными» же были стрельцы и «гулящие» люди.

---

[1] О. Гермайзе, Україна та Діну у 17 ст., «Записки Київского інституту народньоі освіті», 1928, III; В. Эйнгорн, О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича; «Акты Южной и Западной России», 1878, IX; «Акты Южной и Западной России» 1872, VII, № 63, 65, 68, 93, 95 (III т.).

[2] Приказный стол, столбец № 1013, 408; Белгородский стол, столбец 625; «Саратовские губернские ведомости» 1850, № 6; «Материалы для истории мятежника Стеньки Разина», там же, 1845, № 39; «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний»; «Воронежские акты», 1887, т. V, № 51—55, 143.

[3] Василий Многогрешный «зело оскорбился», сказал, что он служит Москве кровью, а ему платят «бумагой» (т. е. только похвальной грамотой), и объявил, что уйдет в Запорожье.

[4] Дзинковский с женой были казнены, его имущество конфисковано, а малолетние дети сосланы в Сибирь.

Иван Дзинковский направил отряд в 400 человек в Ольшанск, который также потерпел поражение. 26 сентября после упорного боя потерпел поражение трехтысячный отряд «красных» в Коротояке. «Красные» были разбиты объединенными усилиями князя Григория Григорьевича Ромодановского и полковника Григория Полтева. В начале октября Царев-Борисов занял тысячный отряд «красных» под руководством донского казака Алексея Григорьева. По показаниям пленных Фрол Разин с атаманом Яковом Гавриловым предполагали двинуться с Дона через Коротояк на Воронеж. 26 сентября Григорий Ромодановский сообщил о движении от Коротояка р. Доном повстанцев «в семидесяти стругах и в бударах». После боя выяснилось, что разбитый в Коротояке отряд возглавлялся Фролом Разиным. За несколько дней до вступления в Коротояк «красные» туда направили Федора Волчкова, торгового человека, уговаривать «градских людей, чтобы они с воровскими казаками не бились и встретили бы их с хлебом и солью». Одновременно с наступлением на Коротояк разинцы организовали крепкие заставы по дорогам у Валуек. Поражение под Коротояком решило участь «красных» Слободской Украины. Заставы у Валуек положения не спасли. Для подавления движения на юге правительство в ноябре и декабре сконцентрировало свои силы в Козлове (около двух тысяч солдат) и в Новом-Осколе (больше семи тысяч). В начале октября р. Донцом направился «красный» отряд в 250 чел. на Маяцк, Царев-Борисов и на Белгород. Белгородский воевода Г. Г. Ромодановский разбил этот отряд. Одновременно Чугуев добровольно сдался «красным».

К началу ноября движение на Слобожанщине было подавлено. Карательный отряд воеводы Григория Григорьевича Ромодановского еще долго действовал.

Каковы же были движущие силы этого восстания? «Беглые люди и крестьяне разных помещиков и вотчинников построили вновь слободы и починки, селятся без разрешения на порозжих землях». От этих людей «почели быть разбои и воровства многие». [1] Эти же крестьяне участвовали в восстании под руководством разинцев.

Почему попытка Дзинковского не была поддержана украинским казачеством? Почему донское казачество ни разу не получило помощи от украинцев? Только в «смуте» украинцы и запорожцы выступают единым фронтом. Позже такое выступление стало невозможно: казацкая верхушка на Украине боялась не только своих, но и донских низов. Украинские казаки также спасались бегством на Дон от преследования Хмельницкого. В 1651 г. «Донец з товарищи гетману *Богдану Хмельницкому изменили*, из литовской земли побежали на Дон». В Москве знали, что «пришли-де к донским казакам из Запорог черкас много *без повеленья Богдана Хмельницкого*». Б. Хмельницкий в 1654 г. просил представителей московских воевод воспрепятствовать бегству на Слобожанщину; чтобы «мятежников и убийцов, ко-

[1] Столбцы Чугуевской приказной избы от 30 ноября 1670 г. Харьков, Центральный исторический архив. Разр. приказ, Белгородский стол, столбец 629, 687.

торые бы к вам без листов наших шли, имав вешали и стинали и в неволю имали, а имение их на е. и. в. отбирали». [1] На Слобожанщину допускались из Украины «женатые и семьянистые», а не одинокие. Правительство пыталось создать на Слободской Украине колонизатора-помещика. Враждебное отношение донских казаков к Москве и примиренческое отношение украинского казачества к Москве — все эти обстоятельства создали непреодолимые препятствия для объединения донцов и украинцев.

После подавления разинщины за колонизаторами устанавливается строгий контроль. В самый разгар восстания правительство запретило кому - либо отдавать или захватывать земли Белгородского полку, чтобы «от того служным людям зла, изгони в землях оскудение не было». В 1673 г., когда восстание было подавлено, начинается расхищение земельного фонда: боярам давали по 1000, сотникам стрелецким по 100, патриарху — 2000, митрополитам— по 1200 и монастырям по 500 четвертей земли. [2]

Е) ТАКТИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

Тактика главного штаба и местных армий

Стихийное крестьянское движение оформлялось руководством ряда штабов. Казачий круг, состоявший из беглых крепостных, пленных рабов, бурлаков, бездомных рыбаков, гребцов и т. п. «голи казацкой», имел разработанный план действия. Восставшая группа в 1670 г. направилась с Дона вовсе не для обычного торгово-разбойничьего «промысла», как хочет изобразить это С. М. Соловьев, а для разгрома боярско-помещичьей Москвы. Захватив Астрахань, Саратов, Самару, разинцы подняли крепостное и национальное население Пензенского, Казанского, Тамбовского, Симбирского и Нижегородского уездов. Движение докатилось до Рязани и на севере доходило до Ярославского, Вятского, Вологодского уездов, до Устюга и Соли Камской. Восстание вспыхнуло даже в Коломенском уезде Московской губ. [3] С дороги Разин обратился к «брату шаху Персии» за оружием и продовольствием за плату и предупредил, что отказ в помощи приведет к войне. В то же время Разин искал союзников среди калмыков, на Кубани, и его прокламации дошли до Карелии и Риги. [4] Действия Разина так поразили Восток, что распространились слухи об отводе хивинцами р. Аму-Дарьи из Каспийского в Аральское море, о переселении хана в Хиву. Едиссанские татары, сами предло-

---

[1] В. Юркевич, Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького, 1932, стр. 7, 15 и т. д.

[2] Реестр указам с 657 по 7131, Дело Археографической комиссии № 82; И. В. Никольский, Отголоски бунта Разина в пределах нынешней Воронежской губ., 1915; «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний», изд. Де-Пуле, ч. I, 1861; Правительственные грамоты, см. «Воронежские губернские ведомости» 1849, № 41—52; 1851 г. № 1—6, 7, 11; Терпигорев, Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле; Н. Фомин, С. Разин, 1836.

[3] Разряд, «Безгласный» столбец № 116, лл. 77—82.

[4] Шведские дела, 1670—72, кн. № 81.

жившие союз, были сразу же разгромлены Разиным: их союз не заслуживал доверия, а их конница между тем могла составить основу большой кавалерийской армии. В Москву же перебрасываются «воровские» письма, чтобы «людей взбунтовать». Беглые крепостные крестьяне отправили туда своего представителя для агитации за Разина среди «отцов своих и матерей, и братьев, и сестер, и жен и детей, и иных достальных людишек».

Для внешней связи с революционной армией у Разина были специальные переводчики (Лазарка Тимофеев и др.). Васька Вьяволнов «всякие письма у Разина писал». Родом из Саранска, он был стрельцом в Москве, из Москвы ушел в Серпухов, Орел, Курск, Белгород, Царев-Борисов, попал в калмыцкий плен, после казни Разина скрывался под фамилией Кудрявцева. При обыске у него нашли в тетрадях «письма воровские промежу молитв». [1] Фрол, брат Разина, один из организаторов движения, под пытками показал, что Степан, брат его, закопал свои письма в кувшине на каком-то донском острове под вербою, а «та-де верба кривая, а около ее густые вербы»... Тщательные поиски после этих показаний конечно не дали никаких результатов.

Уже первый период восстания показывает, как далеки были разинцы от «бессмысленного бунта»: разработанный план, правильные поиски союзников и тактика революционных комиссаров подняли это движение (в третий и четвертый период) на высоту организованной гражданской войны.

Захватив какой-нибудь пункт, восставшие рассылали по окрестностям разведчиков-агитаторов с «прелестными письмами», в которых крестьяне и «бездомовные» лаконически призывались к избиению бояр.

Прокламации учитывали и местные особенности: так например прокламация, направленная на Украину, обращалась и к «мещанам», прокламация к татарам призывала выступить «именем Аллаха» и т. д. Крепостные крестьяне сами посылали своих представителей «за письмами» и приглашали посетить их деревню для расправы с помещиками. [2] Разин образцово поставил разведку: он писал на Дон, чтобы его «без вести не держали»; [3] посылая орудия и двухтысячный отряд, предупреждает их, чтобы они «от калмык и татар жили бережно»; оставил в Царицыне атамана Колчановского «для слухов», т. е. в качестве разведчика, информировал соседние армии об успехах на фронте, связывал армию с окрестным населением, разработал подробный стратегический план: после Саратова захватить Казань, там прозимовать и двинуться на Москву. Агитаторам давались поручения и на продолжительный срок: Ильюшка на Соли Камской отпустил по домам 150 ветлужан с поручением организовать восстание в Вятке и Соли Камской «на великий мясоед». 13 октября 1670 г. штаб дает директивы своему керенскому атаману Семенову сконцентрировать свои силы в с. Конобееве Шацкого уезда.

[1] «Донские дела», т. VI, стр. 182.
[2] Белгородский стол, столбец 687, л. 455.
[3] Там же, столбец 692, лл. 262—264.

Захват пунктов определялся заранее выработанным планом. Разинцы например упорно стремились захватить Саранск (Пензенского уезда), который был известен тем, что через него пролегал путь из низовых городов и из Персии в Москву. Через Саранск же сообщалось с Москвою все Поволжье от Казани и Симбирска до Царицына и Астрахани. Бои под Саранском имели решающее значение. Здесь была последняя ставка восставших, которые ввели в бой 20 тыс. (столько же было под Симбирском). Разинцы были разбиты, потеряв 20 пушек.

Группы разведчиков революционной армии проникали во вражеский стан под видом торговцев и попов; разведчики под видом богомольцев в 1670 г. проникли и в Киев.

Народнические демократы видели в разинском казачьем кругу высшее выражение «народной демократии». Казачий круг решал важнейшие вопросы походной жизни действительно на демократических началах.

Сам Разин не мог не подчиняться кругу. Когда казаки хотели убить астраханского князя Львова, то он, «Стенька, в кругу у казаков бил об нем челом, чтобы его в воду не сажать, и казаки его в воду не посадили».[1] Но народники не видели в разинщине оборотной стороны. В ответственные минуты воевода не выбирался, а назначался военной коллегией. Разинцы не ограничивались добровольным призывом. Так например в Симбирском уезде революционная армия объявила мобилизацию. Каждая деревня *обязана была* дать Разину по два человека. В некоторых местах каждый двор должен был дать по одному человеку. Одновременно объявлялась и конская мобилизация: «побитых дворян и детей боярских кони пригонять в Симбирск» и «туда же направить добрых лошадей из уезду». Уклоняющиеся от исполнения приказа наказывались смертью. Солдатам было обещано жалованье «по 5 руб. да по зипуну». Даже нейтральные группы подвергались наказаниям и были вынуждены занять определенную позицию. «Увещевательные» приказы казачьего круга заканчивались серьезным предостережением, «чтобы на себя не пенять»... Такие мобилизации производились и в других местах: под Саранском у повстанцев захватили «имяные списки воровского збору».[2]

Захватив пункт, разинцы освобождали «тюремных сидельцев», население — от налогов, объявляли мобилизацию, уничтожали правительственные документы и убивали воевод. Иное отношение было к тем воеводам, которые переходили на сторону революционной армии. Из Алатыря «воры» направились к Курмышу (Симбирского уезда). Там встретили их с почетом: городские и уездные люди вместе с самим воеводою вышли к «ворам» навстречу с образами и впустили их в город. Курмышане *всем миром одобрили своего воеводу, и он был оставлен в должности*: «грабежа и разорения воеводе и городским людям не было».[3]

[1] Белгородский стол, столбец 671, л. 275.
[2] Московский стол, столбец 441, л. 93.
[3] Приказный разряд, столбец 423, л. 207. А. Соловьев, Стенька Разин и его сообщники в пределах нынешней Симбирской губ., 1908.

Иначе поступили с воеводой в Саратове: «а на Саратове саратовские жители к воеводе приставили караул двадцать человек, чтобы он не ушел».

На тактику военного дела Разин обратил внимание с первых же дней восстания. Казацкие отряды владели военной техникой. Они умели строиться, стрелять поочередно, проходить через интервалы и пр. Восставшие отряды делились на сотни и десятки, которые выступали в бой с красными и пестрядиными знаменами. Царицын и Астрахань укрепляются им новым острогом («он всякие крепости чинил и город новым острогом установил»). В Черном-Яре, одном из начальных пунктов своего похода, он «начальных людей пометал в воду», *но не тронул «одного немчина, потому что-де он умеет стрелять из пушек»*.[1] Попавшего в плен немецкого врача Разин также не тронул, а мобилизовал для армии.

Артиллерия играла большую роль в действиях революционной армии. В некоторых местах правительственная армия захватывала в плен от 8 до 20 и 50 пушек. В Астрахани в распоряжении Разина было 180 орудий. Во многих местах происходили упорные артиллерийские бои. Все же партизанская армия была недостаточно вооружена. Так например бо̀льшая часть шеститысячной армии из Царицына была вооружена не ружьями, а рогатинами, топорами, луками и кистенями. К тому же численный состав армии сильно колебался.

В действиях Разина несомненно была планомерность. Накануне боя происходила усиленная подготовка. Перед боем в Симбирске «делает Стенька бердышев[2] всяких чинов людьми день и ночь беспрестанно».[3]

Разин окопал Симбирский острог (3 сентября 1670 г.) высоким земляным валом, поставил пушки, вел правильную осаду кремля в течение месяца и собрал вокруг себя двадцатитысячную армию. Правительственная армия не могла оказать Симбирску помощи из Казани, так как все дороги и переправы находились в руках восставших. «Вор Стенька, — рассказывает очевидец симбирских боев, — наваливал на телеги сено и солому, подвозил под город и зажигал, а людьми многими шел на приступ, но из города его побили». После этого спустя три дня велел он приступить ночью и «велел всякому нести дрова и зажигать город, и на том приступе безмерно воров много побито». После другого приступа Степан «велел валить вал от казанской стороны сажен на сорок в длину; взвели вал близко с городом на-ровень, и велел нести на приступ дрова и метать меж вала и городской стены, а из города же дрова жгли: воры мечут, а из города жгут; а в некоторых местах огонь был велик, там из города завесили парусами и заливали водой и на тех приступах много людей у вора пропало». Даже во время упорного боя под Арзамасом восставшие обеспечены были засекой и устроили целый ряд оборонительных линий. Когда засеки были разбиты пушками, восставшие перешли на

[1] Белгородский стол, столбец 692.
[2] Бердыш — широкий топор с гвоздем, обухом и с копьем.
[3] Белгородский стол, столбец 692, л. 350.

вторую линию укреплений. Выбитые из второй линии разинцы отступили к своему главному штабу и засели «во дворе и в гумнех». Пришлось поджечь деревни, — «воров многих в том селе сожгли». К Тамбову разинцы приступили «нощно жестокими приступы, и город зажигали беспрестанно, и острог взяли, и башню острожную и острог и многие дворы пожгли».

Так же основательно укреплялись местные отряды. В Кадомском уезде на Черной речке засека повстанцев занимала площадь в три квадратных версты. Повстанцы перекопали всю большую Курмышкую дорогу, провели ров и даже устроили шанцы. Крестьяне многих деревень укреплялись в лесах вместе с женами и детьми. Отступая, крестьяне уничтожают мосты. Вблизи с. Зарубина (Нижне-Ломовского района, Пензенского уезда) произошла жестокая битва, Харитонов сумел окопаться и укрепить себя засеками. Восставшие бились мужественно, зная, что от Москвы пощады не бывает.

Для того чтобы преградить доступ правительственным войскам, разинцы ставили крепкие заградительные отряды и заставы и на больших расстояниях. Действуя под Симбирском, разинский штаб организовал заставы от Валуек до Черкасска, чтобы могли «они, воры, великого государя посланников перенять и вести к нему, Стеньке». У Пяти-Изб был поставлен караул для того, чтобы не пропустить посторонних из Царицына на Дон. Эти заставы должны были воспрепятствовать связи между донской контрреволюционной старшинской партией и пограничными московскими городами. Такие же сведения поступали и из Приокского района: «тысяч с пять и больше воровских казаков стояло у р. Оки, чтобы государственных ратных людей за реку не пропустить».[1]

Каждая деревня по своей инициативе устраивала у себя баррикады из телег и бревен. Готовясь к наступлению, крестьяне по собственной инициативе «через р. Цну мостят мост», потому что в тот день их ждет соседняя слобода. Ломовские жители сами желали проведывать «про вора про Разина, где он ныне, чтобы он весною пришел к ним». Прежде чем выступить в Алатырский уезд, повстанцы посылают из Свияжского уезда лазутчиков. При организации переправы крестьяне направлялись «для проведения стругов и лотов». Керенские жители «также сами обратились к атаману Ваське за помощью». Имея основание ждать нападения правительственных войск с тыла, засевшие в Козьмодемьянске (в октябре 1670 г.) стараются не порвать связи с отрядами, углубившимися в заволжские леса. Местные армии беспрекословно подчинялись главному штабу.

Подкрепленный около Лыскова (Нижегородского района) многочисленной армией крестьян и националов, атаман Максим Осипов уже двинулся к Нижнему, куда его усиленно звали «низы», обещая сдать город и перебить служилых; но пришел приказ от Разина спешно итти к нему на помощь под Симбирск, и Осипов немедленно подчинился. Из разных районов к Разину спешила помощь: из Саранска

[1] Разрядный приказ, столбец 416, л. 40.

шеститысячная армия русских и националсв; тысячная армия, наступавшая на Арзамас, с дороги повернула к Симбирску.

Даже после казни Разина сохранившиеся остатки армии были связаны с центром. По приказу атамана Шелудяка, действовавшего под Симбирском, был казнен в Астрахани «святитель Иосиф» митрополит, обвиненный в переговорах с Доном, Тереком и Москвой. Астраханские повстанцы подчинились Шелудяку, хотя обстановка была не в пользу разинцев.

Правительственные войска были ненадежны, в дезертирстве обвинялись значительные армейские части, и правительству не легко было провести мобилизацию. Правительственные сообщения переполнены тревожными данными. 11 сентября 1670 г. сообщали в Москву, что «ратные люди, арзамасские помещики, дворяне, дети боярские, рейтары и недоросли от службы многие избегают и укрываются и на службу не идут». 29 сентября донесли, что «разинцы и дети боярские в Тамбовский полк не прибыли». Неустойчивые настроения служилой массы заставили правительство обратиться в сентябре с увещанием, направленным в первую очередь к «ратным людям».

В начале октября 1670 г. Долгорукий сообщил: «Многие монастыри и помещики и вотчинники не слушают и подвод не дают в Арзамас. Начальник касимовских служилых, не желая подчиняться приказу, велел бить в сплошной колокол».

В начале октября 1670 г. Долгорукий донес Москве: «в дальнейшие места за Алатырь и к Симбирску послать малыми людьми опасно, потому что у нас в полках малолюдно». Таких фактов можно привести не мало. Керенские казаки отказались драться, так как на них «напал страх и ужасть». Так же неблагополучно обстояло со снабжением армии продовольствием, лошадьми и оружием.

Интересна мотивировка тамбовских солдат, отказавшихся драться с революционной армией. «Что же нам со своею братьею битца?» — недоумевали они и требовали освобождения пленных революционеров. «Бог весть, чьи будем», — говорили они и втайне подвозили восставшим продовольствие.[1]

Разбитый под Симбирском в начале октября 1670 г., Разин не теряет надежды. Он требует помощи у своего астраханского представителя Уса и у астраханских татар. Он ждал подкрепления в Царицыне, откуда хотел направиться в Острогожск. Татары отказали ему в помощи. Преданнейший и энергичный Василий Ус мог дать Разину... только 50 казаков. В Царицыне был большой голод, да и на Дону иссякли все запасы. Голод подорвал силы восставших в Тамбовском, Нижегородском и северных уездах. В Галичском районе неурожаи происходили в течение 1669—1673 гг.,[2] в Тотемском районе в 1671 г. и в Нижегородском — в 1669—1672 гг. «учинился

[1] Белгородский стол, ст. 671, л. 184.
[2] Ю. Арсеньев, Ближний боярин кн. Н. И. Одоевской и его переписка с галицкой вотчиной, М., 1902.

хлебу недород», жители питались мякиной и травой. В Вологодском уезде «во ржи было столько червей, что старики подобного явления не помнят».[1] Неурожай сопровождался падежом скота. В 1670—1671 гг. в районах гражданской войны совершенно замерла хозяйственная жизнь, почти совершенно прекратилась рыбная ловля. Тяжелые бои не дали Разину возможности приготовить хлебные запасы. Дон и Астрахань, всегда жившие на московском хлебе, не могли дольше держаться. Из-за голода не мог держаться и Шелудяк, действовавший после Разина в Астрахани. «Хлебных запасов ныне на Царицыне никаких нет. А который-де был хлеб небольшой — и тот-де хлеб взял и разделил Федька Шелудяк воровским казакам на дорогу, как пошел в Астрахань. А досталось . . . хлеба на всякого человека по полуосьмине овса в московскую меру».

Решив разгромить Москву, восставшие сомневались, каким путем итти туда. По этому вопросу в кругу происходили совещания на Дону и в Царицыне. Только *«небольшие люди любо молвили» за прямой поход на Москву*, но они остались в меньшинстве; большинство же... «про Волгу завопило», т. е. решило пойти на Москву по волжскому пути, как по пути наименьшего сопротивления, укрепить за собой тыл, мобилизовать «гулящих» и только затем пойти на Москву. В Царицыне этот вопрос обсуждался подробнее. Наступая на метрополию, восставшие решили создать на Дону опорную базу. Для этой цели они постановили перенести подальше от Дона поле военных действий, «чтобы не запустошить окраинные городы». Степью они также боялись наступать: в степи «есть нечево, — говорилось в кругу, — и запасов везти не на чем». Они отказались наступать на Москву и через Тамбов — Козлов — Воронеж, так как были хорошо информированы о сильных военных укреплениях этих городов.[2]

Разинцы имели связь и с восставшими «трудниками» Соловецкого монастыря.

Духовенство считало разинцев организаторами восстания на Соловках.[3] Основной силой восстания были монастырские «трудники», крепостные и вольнонаемные рабочие, стрельцы, торговцы да «воры, из тюрем теклецы, от смертной казни беглецы». Соловки, крупная торговая фактория XVII в., ведшая большие торговые операции, боролась против монополии — за свободный неограниченный торговый грабеж и эксплоатацию крестьян. Платежи, которые должен был вносить в казну Соловецкий монастырь, уже в средине 60-х гг. иногда превышали наличные монастырские средства и заставляли монастырь пользоваться кредитом у разных лиц.[4] Савич пишет:

---

[1] А. Новосельский, Вотчинник и его хозяйство, 1929, стр. 93.

[2] Разр. приказ, Белгородский стол, ст. 692, л. 277.

[3] П. Казанский, Кто были виновники Соловецкого возмущения, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1867, кн. IV.

[4] А. Савич, Соловецкая вотчина XV—XVII в., Пермь, 1927; А. Молчанов, Бунт соловецких монахов, «Памятная книжка Архангельской губ.», 1909; И. Я. Сырцов, Соловецкий монастырь перед возмущением монахов XVII в., «Православный собеседник» 1879, т. II.

«Соловецкая фронда резко изменила свое направление, когда на остров и в монастырь стали стекаться казаки из отрядов Разина» (стр. 256). Игнатий Тобольский говорит, что когда несколько разинцев из Астрахани прибыло в Соловецкий монастырь, «тогда бо уже и братству, иноком и бельцем волю всю отъяша, и поставиша себе начальником Фадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и начаша быти противны, не токмо святой церкви хулами, но и благочестивого царя не восхотеша себе в государя имети». Об этом же имеются сведения у соловецкого архимандрита Маркелла. Старец Пахомий 19 июля 1674 г. на допросе показал: «в монастырь-де в разиновщину пришли многие капитоны (раскольничьи секты), чернцы и бельцы из понизовых городов; да у них же в монастыре собралось московских беглых стрельцов и донских казаков и боярских беглых холопей и крестьян и разных государств иноземцев, свейские немцы и поляки и турки и татаровя; те-де у воров у келаря и у городничих и у сотников лутчие верные люди, и во всем им в караулах верят, и всякому-де злу корень собрались тут в монастыре».[1]

Синодские документы также подтверждают присутствие разинцев на Соловках: «Прибегоша в обитель окаянного богоотступника и чародея донского казака Стеньки Разина с помощники воры из Астрахани».[2]

В Москве также было неспокойно: «здесь недавно отрубили головы разным лицам низкого звания за то, что они намеревались итти служить к мятежнику».[3] По данным тех же нидерландцев авангард мятежников находился не дальше 200 верст от Москвы».[4]

Ж) ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ «КРАСНЫХ» И «БЕЛЫХ»

В начале октября «красные» захватили два крайних пункта. Козьмодемьянск открывал дорогу на Казань, на нагорную и луговую сторону Волги и угрожал Нижнему-Новгороду. Керенск открывал дорогу в Рязанский район, т. е. вглубь метрополии. Следует отметить, что Михаил Харитонов и Василий Федоров прибыли из разинского лагеря под Симбирском, прошли всю сторожевую черту и, захватив пограничный город Керенск, пытались поднять весь Пензенский район. Из Керенска Харитонов и Федоров захватывают с. Конобеево, откуда можно было угрожать Шацку и Рязани. Бои на р. Цне и севернее на р. Оке показывают, что «красные» стремились укрепиться на границе Тамбов — Козлов — Шацк — Темников — Арзамас. Эта укрепленная линия дала бы им возможность отстоять свой тыл между Окой и Волгой. С другой стороны «красные» действовали на линии Галич — Унжа — Козьмодемьянск — Ядрин — Курмыш — Алатырь — Усть-Урень. Здесь они пытались

---

[1] Цитирую по А. Савичу, стр. 274.

[2] «Описание документов и дел святейшего синода», т. I, стр. CCCCXXIV.

[3] Письма разных нидерландских посланников в России, стр. 96—98, письмо Н. Гейнса от 28 июля 1670 г.

[4] Письмо Н. Гейнса Генеральным штатам от 25 октября 1670 г.

удержать в своих руках р. Суру. Поэтому ожесточенные бои шли на юге под Пензой и на севере у Курмыша и Ядрина. Восточный фронт «красных» в начале ноября был ослаблен падением Цывильска и Васильгорода. На этом фронте держался еще Ядринский уезд, который уже не мог играть большой роли. Крепче держался западный фронт восставших, в особенности Тамбовский участок фронта. «Красные» неоднократно пытались прорваться к Арзамасу, где находились главные силы «белых», но эти попытки не дали положительных результатов.

Правительство быстро и энергично мобилизовало свои силы в начале зимы 1670 г.: армия Данилы Борятинского отправилась из Москвы «плавною в судех», армия Юрия Никитича Борятинского из Москвы в Саранск сухим путем «наскоро, не мешкая нигде». Понизовые города должны были направить свои силы в Казань.

Разинцы пытались воспроизвести тактические приемы правительственных войск. Уже после «смуты» сложились определенные положения о боевой деятельности войск в различных обстоятельствах. Наименьшую склонность у нас проявляли к ведению полевого боя; московские войска предпочитали обращаться к крепостной войне, обороняя или атакуя укрепленные города.[1] Разинцы также уклонялись от полевого боя и большею частью скрывались в засеках.

Правительственные армии численностью, повидимому, не превосходили «красных».[2]

На некоторых участках обеспечение «красных» артиллерией было поставлено не хуже, чем у «белых». Правительственная армия била «красных» по частям, «красные» не были в состоянии сконцентрировать крепкий кулак. Партизанская масса почти всегда отступала перед организованной армией стрельцов, близко подходивших к войскам нового типа. Эта армия действовала под руководством военспецов. Более успешные действия «красных» на нижней Волге и на Дону объясняются ролью казацкой конницы, которая в военных действиях XVII в. оказывала решающее влияние на исход сражений.

При встрече с противником пехота с артиллерией спешили укрыться за обозами или в гуляй-городе,[3] а конница стремительно кидалась на неприятеля «казацким обычаем»[4] беспорядочной гу-

[1] Полковник А. Байов, Курси стории русского военного искусства, 1909, I, стр. 120; Н. С. Голицын, Русская военная история, 1878; Д. Масловский, Записки но истории военного искусства в России, 1891; Brix, Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen, 1867.

[2] По донесениям нидерландского посланника численность разинской армии на Волге доходила до 30 или 40 тыс. человек (Письма нидерландских посланников в России с 1614 г.; письмо Николая Гейнса от 28 июля 1670 г., стр. 96—98).

[3] Гуляй-город — род подвижного прикрытия, составленного из дощатых щитов, с отверстиями в них для ручного огнестрельного оружия; щиты поставлены на колеса или полозья.

[4] «У казаков способ военной борьбы слишком партизанский и годится лишь для более или менее удачных набегов» (К. Маркс, Соч., т. X, стр. 191).

стой толпой. В случае неудачи конница укрывалась за пехоту, и последняя уже выдерживала удар, стараясь только отбиться от нападения.

В колониях на правом берегу Волги «красные» почти не имели конницы. По дороге в Саратов лошади у всех разинцев «попадали и не осталось у них ни одной лошади». Этот существенный пробел не давал им возможности выдержать борьбу с правительственной армией (оговариваюсь — отсутствие конницы было существенной деталью, но не основным фактором, приведшим к поражению «красных»).

Правительственные распоряжения поражают своей энергией, настойчивостью и быстротой. В Москве зорко следят за каждым шагом «красных», действия «белых» подчиняются единому центру, даются строго разработанные инструкции, всякое промедление жестоко преследуется. В то же время центральный правительственный аппарат следит за редакцией донесений: малейшее отступление в формулировке царского титула является таким же тягчайшим преступлением, как переход на сторону «красных». Совершенно прав Г. В. Плеханов в том, что тогдашняя «бюрократия еще не научилась говорить таким русским языком, который не больше понятен нашему народу, чем китайский». «Новое» дворянство обладало достаточной энергией, чтобы быстро мобилизовать силы и парализовать упадочные настроения. Оно великолепно поняло, что его судьба решается надолго.

Правительство Алексея Михайловича не могло не действовать энергично. Оно помнило «смуту», на его глазах происходила революция в Англии. Недаром оно изгнало англичан из России и пыталось сколотить европейский кулак против английской революции. Правительство даже назначило пенсию изгнанному Карлу II, сыну казненного короля, и специальным посольством поспешило выразить ему свое сочувствие. [1]

Теперь не трудно понять, почему «Алексий, человек божий», получил название «тишайшего», теперь ясно, почему эта легенда о его кроткой овечьей натуре сохранилась вплоть до Иловайского: «человек божий», заливший землю российскую мужицкой кровью, был кротким ягненком... для дворян.

3) КЛАССОВАЯ СТРАТЕГИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ [2]

Ознакомившись с военной тактикой разинщины, посмотрим, какова была ее классовая стратегия.

---

[1] Англичанин Samuel Collins, живший в России в 60-е годы, передает, что тогдашний министр по иностранным делам Ордин-Нащокин возмущался поведением королей Франции и Дании, «поддерживавших мужиков против английского короля». Ордин-Нащокин готов был заключить союз для того, чтобы уничтожить все республики, «рассадники ереси и разбоя» (The present State of Russia in a letter to a friend at London, written by an Eminent Person, residing at the Great Tzars Corert at Moscou, for the space of nine jears, London, 1671, стр. 108). Карл II в 1673 г. в свою очередь поздравил Россию с подавлением разинщины.

[2] Классовая стратегия разинцев по-буржуазному освещена в работе Феноменова «Разинщина и пугачевщина», М., 1923; С. Тхоржевского «С. Разин», 1923 (см. рецензию «Три века» 1924, I); его же, «Народные волнения при первых Романовых», 1924.

Разинщина мало изучена. Интерес буржуазных историков был обратно пропорционален тому интересу к движению, который проявлялся народными массами. Крупные буржуазные и даже марксистские историки совершенно замалчивали это движение.[1] Мы уже показали, насколько неправ был Соловьев, видевший в разинщине только новое разбойничье движение донского казачества, лишенного во второй половине XVII в. всех своих исконных источников грабежа на Черном и Азовском морях.

Живучесть разинщины в «памяти веков» объясняется ее колоссальным размахом и непримиримым характером. Основное действующее ядро пугачевщины состояло из государственных крестьян-собственников и горнорабочих, которые накануне восстания также еще были собственниками. Восставшее донское казачество представляло собой главным образом голытьбу, беглое крестьянство, лишившееся собственности. «Людишки они, государь, худые, — писали о них Москве, — живут по займищам, малым рекам, проточикам, живут, что звери по камышам, озерам, едят что попало, домов не имеют». Представители казачества верно отразили настроение голытьбы, когда они писали Москве: «Кому о нас, бедных, в Московском государстве потужить или порадеть? Все князья, дворяне, дети боярские, приказные люди рады погибели нашей, конца смерти нашей желают». Социальный состав восставших ярко охарактеризован в следующей песне:

«В казачий круг Стенька не хаживал,
Он с нами, казаками, думы не думывал,
Ходил гулять Степанушка в царев кабак,
Он думал думушку с *голытьбою*,
Судари мои, *голь кабацкая*...»

Основное ядро восставших — плебейщина, стремившаяся взорвать почву крепостнических отношений. [2] Бурлаки, беглое крестьянство, разорившаяся городская мелкая буржуазия видели классового врага в лице помещика и «доброго» казачества. Казак четко заявляет: на Дону «опасны-де мужики Корнилу Яковлеву (атаману низового зажиточного казачества) и иным лутшим людям». Манифест к Острогожскому полку прямо направлен против «мирских кровопивцов». До такой классовой четкости редко поднимались вожди пугачевщины. Казаки великолепно понимали классовую подоплеку своей борьбы. «Федор же Барановский с товарищи сказывали, что ныне у донских казаков меж собою стала разница, и говорят де они, донские казаки, что им на Дону стало жить худо

---

[1] Исключение составляет Б. Н. Тихомиров, давший содержательную работу о разинщине.

[2] О расслоении казачества на Дону см. В. Г. Д р у ж и н и н, Раскол на Дону, 1898; е г о ж е, Попытки московского правительства увеличить число казаков на Дону в средине XVII в., «Записки Разряда Военной арх. и археографии Русского военно-исторического общества», т. I, 1911; С. И. Т х о р ж е в с к и й, Донское войско в первой половине XVII в., «Русское прошлое», 1923, кн. 3; В. Д р у ж и н и н, Посылка людей на Дон, «Записки разряда военной археол.» 1911, № 1; «Низовые и верхние казаки», «Военный сборник», 1858, № 2.

и от старшин их изгоня, а атаман де Корнила Яковлев учал знатца з бояры, им казакам не радит».[1]

Борьба крестьянской бедноты приняла наиболее четкий классовый характер на севере: беднота здесь боролась с кулачеством. Недаром последнее принимало активное участие в подавлении движения. Крестьяне князя Черкасского из с. Спасского под руководством приказчика сражались с восставшими. Кулачество следующим образом объясняет причину участия в усмирении разинцев: «Он Илейка (вождь повстанцев — *С. Т.*) с товарищи присылал памяти свои воровские к старосте, и к выборным и ко всем крестьянам... а в тех воровских памятях написано: велено старостам и выборным и всем крестьянем нас, приказных людей, крепить и животы наши печатать до ево, Илейкина, приезду, а буде приказчиков отпустите, и я-де велю лутчих людей, сколько мне надобно, перевешать».

Вождь восставших предлагает арестовывать приказных и описать и грабить имущество *«лутших»*.

Кулачество указывает, что Илейка хочет «крестьян богатых мучить из живота». Наконец, восстание нарушило нормальный ход торговли: «нам стеснение большое, — жалуются кулаки, — крестьяне от промыслов отстали, до конца разорились».

Лозунги неимущих слоев повидимому сыграли большую роль в движении: когда кровопролитные сражения не дали правительству положительных результатов, воеводы обратились к восставшим с увещанием о том, что «не может быть раб более господина». И даже через несколько лет после поражения восстания у «мелких казаков» не прекращались ссоры с атаманом: последний «хотел вора Буянку выдать Москве, но мелкие казаки возбраняют».[2] Однако отсюда далеко до вывода, что восставшие стояли за дележ имущества, боролись за социальное равенство. Надо ликвидировать вульгарное представление Фирсова, что «казацкие пролетарии (!), которым нечего было терять, стремились экспроприировать богачей и обещали богатыми и свободными сделать всех бедняков. В разинщину неимущие низы стремились захватить собственность имущих верхов. А если перемещалась собственность, то должна была перемещаться и власть от верхов к низам».[3] Правительственные чиновники лучше Фирсова поняли характер движения; они отмечали, что разинцы обещали *черни дать жить «многие льготные годы» и освободить от помещиков*, т. е. восставшие боролись за *ликвидацию крепостнических отношений*, а не за коммунистические идеалы.[4]

Армии националов и крестьян возглавлялись небольшими группами казаков, назначавшихся на ответственные посты. Стоявшие перед революционной коллегией задачи усложнялись разнородным составом восставших.

---

[1] Белгородский архив, связка № 10, стр. 4.
[2] «Донские дела», VI, стр. 180.
[3] «Крестьянская революция», стр. 121.
[4] Оценка установок М. Фирсова дана нами в ст. «О фирсовщине», «Проблемы марксизма», 1930, № 5.

Кроме казаков и крепостных крестьян в восстании большую роль играли свободные крестьяне Слободской Украины, Поволжья и националы. Работные монастырские люди и бобыли помогали Разину захватить Астрахань, [1] открыли ему ворота крупного Макарьевского монастыря, разгромили ряд других монастырей. Бурлачество, судовые ярыжки составили специальный тысячный отряд под Царицыном. Не меньшую роль играли перевозчики крупных торговых центров (Павлова, Лыскова), вольнонаемные рабочие района Поволжья, ссыльные из Москвы за участие в городских бунтах боярские дети, посадские и рабочие поташных заводов и националы Нижегородской губернии. Этот период движения характеризуется активным участием крепостного крестьянства правого берега Волги, которое захватывало помещичью землю, осуществляя «черный передел». Интересно заметить, что в захваченных районах восставшие пытались наладить мирную жизнь. Имеются сведения, что Разин приказал не грабить и не озлоблять приезжающих в Астрахань. Астраханский стрелец Змиев показал, что он был нанят повстанцами для возки в Астрахань рыбы. [2] Ссыльным, перешедшим на его сторону, Разин заявил, что господь послал им освободителя, избавившего их от гнета, под которым они стонали. Он обещал любить их, как детей, и заботиться о них, как отец. В благодарность за это он просил у них только искренней любви, непреклонной верности и непоколебимой твердости против коварства врагов. [3]

Народная песня правильно квалифицирует врагов с точки зрения разинцев:

«Еще ходили мы по Волге не первый год,
Воровства и разбою не слышно про нас.
Воровства да разбою на Москве много есть
За теми ли стенами белокаменными,
За теми ли воротами кремлевскими,
А мы вовсе-то не воры, не разбойники,
Стенки Разина мы вольные работники...» [4]

Восставшие разинцы знали, что воры и разбойники находятся в Москве...

Преувеличено представление, что в разинщине, как в хмельничине, гегемоном движения было казачество. Крестьяне сплошь и рядом выбирали свой актив в «казаки»: *восставшие мечтали осуществить казацкий идеал — буржуазно-демократическое равенство*. Фактически же казаков, непосредственно руководивших движением в колониях, было мало, вожди движения были большей частью крестьяне и городская голытьба.

---

[1] По сведениям Ключаревской летописи «О начале Астрахани» (Астрахань, 1887 г.), 2 000 (?!) монахов Троицкого монастыря пустили Разина в Астрахань; «Астраханские епархиальные ведомости», 1882, № 10—19; 1895 г. № 3; И. Савинский, Астраханская епархия за 1602—1902 г., Астрахань, 1905.

[2] «Акты исторические», т. IV.

[3] «Путешествие Стрюйса», «Русский архив» 1880, № 1.

[4] П. Мельников-Печерский, Лысково, «Иллюстрация», 1861, № 198—200.

Анализ классовой стратегии будет далеко не полон, если не указать на то чрезвычайно важное обстоятельство, что некоторые вожди движения предложили крестьянству заключить союз со своими помещиками-националами. Крестьяне не должны были трогать своих союзников-помещиков. В таких национальных районах руководство движением переходило в руки помещиков и верхушки богатого крестьянства. Эта тактика снижала размах и глубину движения.

и) ТАКТИКА НАЦИОНАЛОВ

Националы задолго до разинщины оказывали вооруженное сопротивление правительственным войскам. Из вооруженных выступлений националов следует отметить борьбу мордвы.

В 1656 г. мордва оказала вооруженное сопротивление архиепископу Мисаилу, миссионеру среди националов Тамбовского уезда.

Мисаил попытался сначала крестить касимовского царевича Сейд-Бурхана и его родственников. Приняв после большого упорства кравославие, Сейд-Бурхан «послал разрушить все мечети». А так пак царевич владел вотчинами в Тамбовском уезде, то его обращение было первым подготовительным шагом для дальнейшего активного наступления.

Из сел Шацкого уезда Мисаил избрал станом своей миссии дворцовое село Конобеево (центр активнейшего действия «красных» в разинщину). К присуду (району) этого села принадлежало несколько окрестных деревень, где жила в большом количестве мордва: Ялтуново, Устье, Ямбирина и др. Мордва из Березова, Ининой слободы, Агламазова, Раковских усад и Ернеевской усады на лыжах собралась в количестве 200 человек, вооруженных, «с оскольем и рогатины и с луки и с топорками». В заявлении правительству мордва указала на свои бытовые условия, при которых «им христианской веры не сдержать»: «Мы ходим в вотчины дальные, — писала мордва, — по лесам на Хопер и на Ворону, едим всякое звериное мясо; жены наши русским языком говорить не умеют».

Скоро Мисаилу сообщили, что тамбовская мордва Верхоценской волости сама желает принять православие. Существенным мотивом, расположившим мордву к христианству, было ее опасение потерять свои старинные бортные владения, ухожаи по рр. Хопру, Вороне, Карачану, Цне, Челнавой и др. С возникновением Тамбова, Козлова и других городов мордовские угодья стали переходить в руки монастырей и служилых людей. В 1666 г. «новокрещены» Троицкого монастыря (Тамбовского уезда), дер. Городища, показывали писцам, что они крестились в 1653 г. под давлением насилия.

В 1655 г. Мисаил сообщил, что он крестил 4 000 мордвин в Шацком и Тамбовском уездах, осталось же некрещеной мордвы в Шацком уезде 250 дворов с 2 000 жителей и в Кадомском уезде татарских и мордовских 520 дворов с населением в 4 200 человек, но ему не удалось осуществить свою затею, — он был убит восставшей

мордвой в деревне Ямберна, в 10 верстах от Конобеева.[1] Православная церковь причислила Мисаила к «лику святых». Православная церковь понимала социальную функцию «святого», накануне Февральской революции, так же как и в XVII в.: миссионер Константинов на бурятском собрании летом 1909 г. проповедывал: «Сегодня Ильин день. А знаете, кто был Илья пророк? Он был разбойник. А за что он попал в святые? За то, что убил 850 человек нечестивцев-идолопоклонников, вот таких, как вы».[2] Почти через 250 лет наследники Мисаила писали в энциклопедии Брокгауза: «Кровь Мисаила сделалась новым семенем, — следствие по его убиению до того напугало инородцев, что они после того начали креститься в особенно большом количестве». Этого ценного признания «инородцы» не забыли.

Разин выступил перед националами с особой политической программой. Некоторые народнически настроенные историки пытались приписать Разину идеи федерации. По Щапову Разин хотел превратить Астрахань в царство казачества и раскола в противоположность Москве. Но документов, непосредственно свидетельствующих о федеративных идеях разинцев, мы не имеем. Часть разинцев, выступая против метрополии, неплохо понимала свои задачи: при господстве крепостнических отношений в метрополии независимый Дон превратился бы в фикцию. Однако значительная часть восставших стремилась освободить в первую очередь свои родные места, и в этом, как мы показали, была слабая сторона восстания. Только в некоторых городах распространились слухи, что «Псков, Новгород и Томск уже отложились от Москвы». Эти слухи характеризуют «федеративные» настроения жителей больших торговых центров.[3]

Представители татар-помещиков в екатерининской законодательной комиссии в одной из своих просьб о предоставлении им дворянских прав, в качестве доказательства преданности престолу, приводили факт участия своих предков в подавлении разинцев. Мы находим немало жалованных грамот татарским мурзам за участие в подавлении восстания. В ноябре 1670 г. темниковские, ярославские и кадомские мурзы скрылись в Касимове, центре татарских мурз. Они решили «за великого государя все помереть». Но это чаще было повидимому на словах. Привилегии касимовских татар уменьшались, крещеные же татары назначались на ответственные посты и получали награды в виде «денежного жалованья и корму».[4] Это было факто-

---

[1] «Миссионерская деятельность архиепископа Мисаила», «Богословский вестник» 1910, июль—август; Г. Хитров, Историко-статистическое описание Тамбовской епархии, Тамбов, 1861; И. Николаев, Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края, 1884; «Дворцовые разряды», 1852, т. III; Арх. Леонид, Святая Русь, Спб., 1891.

[2] «Отчет о поездке в Иркутскую и Забайкальскую область в 1909 г. капитана Термена».

[3] Разряд, Московский столбец, № 441, Карабановский столбец № 26.

[4] Н. Шишкин, История г. Касимова с древнейших времен, 1891.

ром, влиявшим на поведение касимовских татар.[1] Однако у «новокрещен» готовности драться с восставшими не было. 5 сентября князь Юрий Долгорукий сообщил, что касимовские татары отказались от мобилизации, мотивируя тем, что они «одинокие и скудные». Также не подчинились ярославские кормовые татары, которые жили в Касимове. В декабре 1671 г. воевода Шайсупов отказался выполнить приказ о мобилизации населения и велел посадским «бить в сплошной колокол». Убежавший в Муромский уезд касимовский воевода Тимофей Караулов совершенно растерялся: в дворцовом селе Сасове Шацкого уезда восстали крестьяне.[2]

Татары-помещики Кадома, Шацка и Темникова жаловались на «воровских» казаков, которые разорили «их домы и всякие крепости пожгли». Еще в 1646 г. крепостные татары Шацкого уезда надеялись, что новый государь их освободит, но мурзы им заявляли: «до смерти-де вам, крестьянам, выходу не будет».[3] Правительство в борьбе с восставшими мобилизовало мурз татар, «лутших людей, разумных и прожиточных». Калмыцкий царевич со своей семьей был эвакуирован из Галича, когда на севере началось восстание.

Татарские мурзы не были полноправными помещиками. Они в некоторых районах становились союзниками восставших. Однако Разин под Симбирском предлагает «мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубить». Когда же восставшие убедились в том, что националы-помещики и захудалые дети боярские выступают в качестве союзников, тогда они переменили свою тактику. В Цывильском уезде Казанского района (в октябре 1670 г.) восставшие предложили не трогать «тех дворян, детей боярских и мурз и татар», которые стоят за «чернь». Во главе восставших отрядов назначается татарин мурза Кулдибяков, которого «обязаны во всем слушать, спору не держать». Крупный татарский помещик Карачурин разъезжал по Казанскому району в качестве агитатора революционной армии.

Эта линия поведения является маневром разинцев для укрепления связи с союзниками. Тхоржевскому такие факты[4] дали повод объявить Разина «умереннее поднятых масс». Таким же кадетообразным либералом является Пугачев у А. Кизеветтера. По Тхоржевскому же выходит, что Разин был против истребления помещиков, но массы были левее и занимались террором вопреки воле вождя.

Степану Разину приходилось выдерживать трудную борьбу с кочевыми татарами и калмыками. Свое нападение на едиссанских татар разинцы повидимому рассматривали как обычный казачий «торговый поход»: «стенькины казаки пригоняли на Дон в полон

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах.

[2] «Исторический вестник», 1890, июль, С. Терпигорев, Стенькин гром; Н. Шишкин, «Труды Рязанской архивной комиссии», 1915 г., т. XXVI, вып. 2, «Касимовский воевода Караулов».

[3] А. Яковлев, Приказ сбора ратных людей, М., 1917.

[4] «Стенька Разин», стр. 112, 113.

татар, баб татарских и девок».[1] Разгромив едиссанских татар, он заключил союз с юртовскими татарами, которые из Царицына отпущены были в Астрахань. Нельзя не отметить следующего факта: желая привлечь на свою сторону астраханских татар, он уничтожил в Астрахани аманатный двор, где находились татарские заложники.

В то время когда восставшие боролись под Царицыном, азовские татары напали на Дон и разорили несколько городов. Едиссанские и ногайские татары поддерживали правительственную армию под Астраханью. В 1668 г. калмыки предложили Разину лошадей и помощь, «чтобы переволочь с Волги на Дон».[2] К Разину приезжали представители калмыков с просьбой разрешить им кочевать у Астрахани и заявили ему, «как он пойдет в Русь, а их-де калмыков войско все готово».[3] Однако Разину пришлось с ними и с ногайцами выдержать упорные сражения: двухтысячная калмыцкая армия стремилась прервать связь восставших с Доном. Разин предупреждал донцов, чтобы они от «калмык и татар жили бережно». В 1675 г. калмыки жаловались, что разинцами они «разорены без остатку» и так задолжались, что «жен и детей своих позакладывали и продавали».[4] Около Самары в октябре 1670 г. разинцы предложили калмыкам союз. Среди революционной армии, действовавшей в Керенском уезде был и небольшой отряд калмыков. Атаман Ус, командовавший астраханской армией, разрешил калмыкам кочевать у Астрахани и добивался союза с татарами и с Крымом.

Иное отношение было к восстанию со стороны чувашей, мордвы, черемис-мари и тех татар, которые находились под непосредственным ударом колонизаторов. Свою неудачу в боях с Разиным под Симбирском Борятинский приписывал нестойкости татарских отрядов.

В Тамбовском, Пензенском, Симбирском, Нижегородском, Казанском уездах националы составляли основную силу восстания. Они на себя приняли весь удар правительственных армий и сражались со стойкостью, поразившей генералитет. Цывильские чуваши после присяги опять изменили правительству и вместе с татарами вновь перешли в наступление. Для связи с Цывильском и Курмышом из Козьмодемьянска были направлены стрелец, посадский и черемис. Среди атаманов мы встречаем много националов.

Официальные сообщения аккуратно отмечали участие националов: под Козьмодемьянском — 15 тыс. националов, специальный трехтысячный марийский отряд, трехтысячный отряд из свияжских мурз, татар и черемисов, тысячный отряд из кадомских и темниковских татар и астраханских стрельцов,[5] в Арзамасском районе — 15 тыс., под Симбирском — 6 тыс. и специальный Царево-Борисовский отряд из 1 тыс. татар и т. п. Через четыре дня после подхода

---

[1] Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. 671, л. 184.
[2] Там же, ст. 629, лл. 54—56.
[3] Там же, ст. 670, л. 161.
[4] «Донские дела», 1675 г., VI, л. 10.
[5] Приказ Казанского дворца, 423, л. 192.

Разина к Симбирску вокруг Цывильска уже стояли разинцы «большим собранием». Татары же распространяли прокламации Разина. Мордва и чуваши подвозили восставшим продовольствие. Националы боролись против господства метропольного помещика, в интересах которого земля «инородцев» объявлялась «государевой собственностью». Это очень четко выражено в одном правительственном документе, в котором указывалось, что «безгосударевые земли нигде нет».

Революционный размах ослаблялся национальной борьбой. Пользуясь создавшимся положением, националы нападали на русское крестьянство как на колонизаторов края; так например черемисы-мари, приехав в Ядринский уезд, разорили русские деревни, «и холопей и сирот русских людей многих рубили и всякую животину грабили».[1] Цывильские чуваши с татарами в ноябре многих «градских и уездных людей переранили и перебили и помещиковых людей и крестьян и их жен и детей в полон поймали». В мае 1671 г. калмыки и башкиры напали на Самару.

Движение националов-крестьян, как я уже сказал, носило революционный характер. Крестьяне-националы стремились уничтожить господство метропольного и туземного помещика.

Национальная масса раздиралась не только классовой, но и национальной борьбой. Татаро-калмыцкая борьба из-за пастбищ разжигалась Москвой. Значительная часть мордовской территории оказалась в руках князьков — татарских мурз, которым население должно было платить ясак, иногда переходивший по наследству. Расслоенная национальная масса одинакового участия в восстании не могла принять, татары, например, играли в разинщине гораздо меньшую роль, чем в пугачевщине. В средине XVIII в. татарские мурзы уже разорились и превратились в крестьян. В XVII в. они еще выделялись из своей национальной массы. Не без основания служилые татары приписывали себе большую роль в подавлении восстания. Совершенно другой была в разинщине роль *чувашей, мари и мордвы, находившихся под непосредственным жестоким ударом колонизаторов и правительства:* они играли в восстании ту же роль, что башкиры в пугачевщине. Калмыки же служили большей частью орудием для подавления крестьянских восстаний. Это объясняется отсутствием единой «инородческой политики». В Симбирском уезде выдавались грамоты мордве и татарам на право владения землей, а в губерниях, расположенных ближе к Москве, земля националов экспроприировалась.

к) БОРЬБА КЛАССОВ В ГОРОДАХ

Большинство городских жителей было на стороне восстания. Это было вполне естественно: средняя и мелкая буржуазия городов и городские низы беспрерывно бунтовали. Воронежцы снабжали Разина свинцом и порохом. Город Козьмодемьянск был це-

[1] Карабановский разряд, л. 4.

лый месяц во власти разинцев. Жители Саратова, Царицына и Черного-Яра составили под Астраханью двухтысячный отряд. Самарцы обратились за помощью к восставшим саратовцам и царицынцам. Жители Керенска и Ломова особенно ревностно дрались под Шацком. Нижнеломовцы арестовали своего воеводу и послали делегата за разинцами. Когда разбитый Василий Федоров хотел бежать из-под Шацка, то ломовцы его остановили, вернули назад к Шацку и отбили у правительственной армии семь пушек. Ломовцы обещали «пойти всем головами». Посадские Лыскова и Мурашкина поднялись одновременно с крестьянами.

Саратовские[1] жители еще до прихода Разина приставили к воеводе караул, «чтобы он не ушел». В Темникове атаманом был назначен «тюремный сиделец». Острогожские жители «вниз рекою Доном» снабжали восставших хлебом и «конским кормом». Из воронежских городов сообщали, что население подвод не давало и «служилых людей за тем вором не посылало». С большой тревогой власти сообщали о «шатости великой» в Белгороде и других украинских городах.

Чем глубже в метрополию направлялось движение, тем оно чаще заострялось не только против помещиков, но и против крупной крестьянской и городской буржуазии: «в Галицком, Юрьевце-Поволжском воры приказных людей и лутших крестьян побивают»,[2] а в городах «лутших посадских людей», т. е. крупную городскую буржуазию, побивали. Ильюшка на Соли Камской и на Ветлуге призывал «лутших посадских людей побить и животы пограбить и чернь с собою взять». В нижегородских и тамбовских городах уничтожались кабаки, находившиеся в руках откупщиков-крестьян. Буржуазия Юрьевца-Поволжского разорилась и «от промыслов отбыла».[3] Крупная торговая буржуазия бросиласьиз окраинных городов в Москву. Посадские ряда городов умоляли о скорейшей военной помощи. Курские стрельцы и казаки оказались «за ослушниками». Тогда крупное городское купечество взяло на себя охрану города. Оно было против восставших. Городские движения часто руководились голытьбой. Крупное купечество Нижнего-Новгорода, Суздаля, Мурома, как и купечество ряда других городов, просило «с плачью, чтобы им, богомольцам и сиротам государевым, от воров в погублении и разорении конечном не быть». В Темникове «лутшие» люди сразу перешли на сторону правительства. «Лутшие» люди некоторых богатых патриарших сел также уверяли, что они «к воровству не приставали». Лысковские и мурашкинские крестьяне (Нижегородской губ.) подавлялись Макарьевским монастырем, державшим в руках перевозы через Волгу и большую Макарьевскую ярмарку.[4] На этой почве происходили столкновения между крестьянами-торговцами и монастырем. Крестьяне-торговцы, объединив-

---

[1] Е м и н и н, Самарская хронология.
[2] Московский стол, ст. 441, л. 184.
[3] Писцовая книга Юрьевца-Поволжского 1676 г. стр. 143.
[4] Села Лысково и Мурашкино, как мы видели, по своим торговым оборотам не уступали некоторым городам.

шись с рабочими поташных заводов, развернули большие бои. Лысковские торговцы пытались подорвать торговое значение монастыря; жгли и торговые и хозяйственные постройки, уничтожали рыбные ватаги [1] и т. д. В это же время на кулацкое крестьянство напирала «голь кабацкая», т. е. пауперы, стоявшие, по выражению Энгельса, вне феодальной зависимости, вне общества. Этот напор голи не мог не отбросить от движения кулачество.

Под влиянием усложняющихся событий восставшие вынуждены были менять тактику и искать союзников в борьбе. Шелудяк, представитель Разина в Астрахани, после поражения движения и казни Степана Разина пытался там создать «единый фронт». Казаки донские, астраханские, терские, гребенские, пушкари и затинщики, посадские и купечество обязались «жить в Астрахани в любви, в совете и никого в Астрахани не побивать и стоять друг за друга единодушно, итти им вверх и побивать изменников бояр».

л) ПОВЕДЕНИЕ НИЗОВОГО КАЗАЧЕСТВА

Низовое казачество установило беспрерывную связь с Москвой со времени ухода разинцев в Персию; поражает та скорость, с которой передавались «донские вести» в центр. «Домовитое» казачество пользовалось создавшимся положением: в Москву ездили станица за станицей и хорошо награждались. В 1668 г. донские казаки получили обычное московское жалованье, хлеб, вино и сукно. Получив жалованье, казаки просили представителя Москвы, Герасима Овдокимова, разрешить выступить против Азова. Для осуществления своего замысла они просили прислать «из украинских городов ратных людей «с три тысячи» и 10 тыс. руб., «чем удовольствовать голутву и призвать калмыков». [2]

В то время когда велась борьба с отрядами Разина на правом берегу Волги, правительство усиленно подкармливало казаков на Дону: в 1661, 1662, 1663 гг. Дон получил по 5 тыс., в 1664, 1665 и 1666 гг. — по 3 300, в 1667 — 3 700, в 1671, 1672 гг. — по 4 200 четвертей хлеба. Кроме того в 1672 г. казаки получили 3 тыс. руб., 200 половинок гамбургских сукон и 200 ведер вина. Одновременно с жалованьем Москва посылает на Дон материал для постройки церквей. В целях «идеологического воздействия» на Дон десятками отправляются иконы и знамена.

Правительство было озабочено другим вопросом: оно просило у атамана Корнея Яковлева, приехавшего в Москву, точной информации об имеющемся у казаков на Дону оружии. Решив разоружить казаков, правительство действует энергично: уже 15 апреля 1669 г. Иван Хвостов сообщает Москве, что он отправил через Тулу в Москву «ружье, мушкетов 3 100, без лож 1 600 стволов голых, бранделеров 1 200, протазанов и алебард 80». [3]

---

[1] Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии, т. XVII, вып. 3.
[2] «Донские дела» 1669 г., XXXIII, дело № 2, л. 2.
[3] «Донские дела», 1669, № 10, XLI, л. 4.

Москва этим разоружила казаков: вместе с негодным оружием было отправлено в Москву годное и поддающееся ремонту. Москве аккуратно доносили о судьбе этого оружия: до Воронежа его везли рекою, с Воронежа до Тулы — на подводах; в Туле же не были даны подводы до Москвы под тем предлогом, что ямской приказчик «подорожной не верит». Правительство торопилось: 4 ноября 1669 г. оно предложило донским казакам немедленно вернуть в Москву то оружие, которое еще осталось на Дону,[1] так как оно «в суды не поклалось». В то же время правительство пыталось не раздражать казаков мелкими тяжбами. Это показывает следующее дело. Воронежские служилые люди получили в царствование Михаила Федоровича 115 «изменников-черкас в работу навеки». Одна из «изменниц», Анна, с двумя сыновьями была продана за 20 руб., ее сыновья в 1669 г. очутились в Москве. Владелец просил о возврате ему «холопов». Правительство отказалось удовлетворить просьбу владельца: беглые, оказавшиеся в Москве, не возвращались, если они служили на Дону пять или шесть лет. После того как оружие уже было вывезено с Дона, в декабре 1670 г. в Москве узнали о прибытии Разина в Кагальник с армией в 1 500 человек. С. Разин распорядился не отпускать торговцев с Дону в Воронеж. Москве также передали слух о заявлении С. Разина, что он собирается «известь» войсковых атаманов. Царские кречетники, вернувшиеся из Азова в Москву, рассказали следующее: казачьи атаманы и казаки «лутшие» люди просили заверить московское правительство, что у них «ссылок никаких нет» с Разиным, который хочет уничтожить «атаманов, казаков и лутших людей».[2]

26 февраля 1669 г. московское правительство рассылает по украинским городам приказы задерживать и возвращать обратно в Москву боярских беглых крестьян, которые в большом количестве приставали к донским станичникам. В приказе, посланном в Тулу, более подробно указываются причины этих серьезных мероприятий: «бегая (холопы) живут на Дону, приставают к воровским казаком и с ними воруют на Волге и всякое воровство чинят». Администрация Валуек, Воронежа, Тулы, Серпухова, Тамбова, Оскола и других украинных городов приняла энергичные меры к поимке беглых. Надо думать, что усиливавшееся бегство не имело случайного характера: беглые вероятно узнали о приготовлениях Разина на Дону. 5 марта 1670 г., как только вскрылись реки на юге, московское правительство срочно отправило на Дон посольство Герасима Овдокимова. Ему дана была точная инструкция как действовать: собрав казачий круг, Овдокимов должен им «поклониться рядовым поклоном» и передать привет от «великого государя многих государств, земель восточных, западных и северных и т. д.». Затем он должен был подробно «разведать» о Разине, об отношении к нему атаманов и т. д.[3]

[1] «Дела донские», 1669, № 10, XL, л. 10.
[2] Там же, № 11, XLI, л. 8.
[3] Там же, № 11, XLII, л. 56.

Овдокимов очень скоро прибыл на Дон. 31 марта 1670 г. в Москве уже знали, что он убит Разиным и что его посольство должно было спастись бегством.

До выступления на Астрахань С. Разин организовал ряд собраний казачьих кругов: он агитировал за выступление, «добрых казаков побивал», «збивал» с Дону священников и не разрешил построить в Черкасске церковь.

После ухода Разина на Волгу правительство, не доверяя даже низовым казакам, прибегало к подкупам: казацкие атаманы, гостившие в Москве, щедро награждались, также и на Дон посылались щедрые «подарки». Большие вооруженные правительственные отряды приближались к южным границам и внимательно наблюдали за поведением донцов. В своих «увещевательных грамотах» правительство пыталось возбудить патриотическое чувство: в грамотах указывалось, что казаки, защищая православную веру, стойко сражались с басурманами и что они в будущем будут стоять за «дом пресвятые богородицы».

У нас имеется очень мало данных о поведении казаков на Дону во время действия разинцев на правом берегу Волги.

Фрол Разин, брат Степана, ушел с Дона с армией на Слободскую Украину. На Дону Разиным была оставлена армия, которая затем им подкреплялась, но ее дальнейшая судьба неизвестна. Уклонившись от гражданской войны на Дону, разинцы совершили стратегическую ошибку. Восставшие поняли свою ошибку только тогда, когда они были разбиты под Симбирском осенью 1670 г. Отступив на Дон, Разин объявил войну «домовитому» казачеству с той целью, чтобы организовать новый поход на Москву. Неверна распространенная версия, что Разин сдался в плен домовитым казакам без всякого боя. Разин выдержал двухнедельный бой под Кагальником в апреле 1671 г.[1]

Действия Разина опоздали: старшинский отряд из пяти тысяч человек укрепился во время отсутствия разинцев и ликвидировал напор остатков революционной армии.[2] С 1671 г. Черкасск систематически подкреплялся из Москвы оружием. Пушки всех систем направлялись туда из Москвы, Тулы, Верхнего-Ломова, Тамбова, Симбирска, Саранска, Астрахани и Шацка; оружие доверялось не казакам, а правительственной армии. Старожилые казаки «гораздо тужили» о приходе Разина на Дон, однако пассивно ожидали исхода борьбы за пределами Дона: они, как было указано, с недоверием относились к Москве. Низовое казачество решилось сказать свое слово только тогда, когда участь восстания была решена под Симбирском. После выдачи Разина на Дону вновь усилилось брожение. Верховые казаки не прочь были поддержать Шелудяка, наступавшего на Симбирск. В августе 1671 г. представитель правительства

[1] 24 сентября 1671 г. Разин был приговорен к смертной казни. По данным В. О. Ключевского («Боярская дума», 1919 г.) Боярская дума в 1671 г. на Земском дворе допрашивала Разина и давала очные ставки.

[2] В марте 1671 г. на Дон прибыл правительственный отряд из 2 тыс. драгун.

с большим трудом сговорился с казаками. В течение четырех дней происходили круги. «Молотчие» казаки заявили, что они рады верно служить и «без крестного целованья, а креста-де им в том целовать не для чего». Наконец только на третьем собрании представитель центра добился, чтобы «по войсковому праву казнить смертью и животы грабить» того, кто откажется целовать крест.

Для того чтобы показать свою верность, казаки должны были пойти на остатки повстанческой армии в Астрахани. Круг обязан был послать на усмирение Астрахани 10% своего состава. Казаки же, не дравшиеся против Разина у Кагальника, должны были пойти на Шелудяка в полном составе, казачье население от Черкасска до Паншина должно было выступить в 30%-м составе, а от Паншина до Мигулина в 50%-м составе. [1] Правительство опасалось нового подъема движения. Астрахань была еще в руках разинцев. 29 мая 1671 г. 2 500 казаков из Белого Яра вновь наступали на Симбирск на 70 стругах. Из Самары им на помощь выступила конная и пешая армия в 1 000 человек под руководством Ивана Константинова. В общем революционная армия имела 370 стругов. Эта армия была разбита Шереметевым. В июле Максим Осипов с отрядом в 300 человек вновь наступал на Симбирск. Вынужденный отступить, он был разбит под Царицыном. Федор Шелудяк в это время стоял ниже Черного Яра. В Царицыне жители были «еще в шатости», гражданская война среди них еще не прекращалась («у них великое несогласие и друг друга побивают»). [2]

Казацкие атаманы спешили заверить Москву, что «есть ли впредь воры на Дону объявятца, и они их по войсковому праву казнить учнут же». Для того же, чтобы показать, что они верны не на словах, а на деле, казаки отсекли голову казаку Ивану Карамышеву. Этот казак заявил, что «лутшие люди» ни во что не ставят голутву, но «они ж де голутва не зарекаютца их мужиков и опять трехнуть». На «вольном» Дону, как видно, свирепствовала жестокая реакция.

Низовое казачество немедленно переходит в наступление: в 1673 г. оно предлагает казакам верховых городков «беглых стрельцов к себе в войско не принимать», ловить их и присылать в низовые города. Оказывается, что «верховые казаки беглых стрельцов ни одного человека в полк (к низовым казакам) не присылали. [3] Атаман Корней Яковлев упрекал верховых казаков в том, что они укрыли «беглых более тысячи».

Московское правительство хочет отвлечь внимание казаков от внутренней политики и предлагает им в марте 1672 г. напасть на Крым. [4]

---

[1] «Донские дела», дело 1671, № 12, VII, № 12, л. 8.
[2] Там же, № 4, IX, X, л. 11.
[3] Там же, связка VIII в 1673 г., № 13, л. 1.
[4] См. главу «Социальная природа казачества».

м) СВЯЗЬ ВОССТАВШИХ С НИКОНОМ И РАСКОЛЬНИКАМИ

Посмотрим, какова была связь разинцев с Никоном и расколом.

Нам удалось найти материалы, проливающие некоторый свет на взаимоотношения бывшего патриарха Никона с повстанцами. В 1671 г. надзор за сосланным Никоном был крайне усилен. Сотник Наумов 5 июня 1671 г. донес Москве: «В день и в ночь стрельцы оберегают и стоят с великим бережением», но им не удалось заметить «пришлых людей к Никону». В заключение сотник сообщает, что «монах Никон» интересуется Разиным. Правительство опасалось связи с Никоном «Ильюшки вора, шедшего из Галича». Бывшему патриарху было предъявлено обвинение в том, «Разин в расспросе и с пыток и при самой смерти» сообщил, что к Симбирску к восставшим приезжал представитель Никона. Посланный от бывшего патриарха сообщил о восстании в Москве, о необходимости Разину итти «вверх Волгою рекою», так как у Никона готовых людей «пять тысяч человек на Белоозере»... Голова Ларион Лопухин добавил, что такие же показания дали на допросе брат Разина, Фрол Разин, и Лазарка, один из энергичных помощников Разина.

Никону было предъявлено обвинение о переговорах с тремя представителями двухсот донских казаков, которые были связаны с казацкой группой в 500 человек.

Пытаясь всеми мерами повлиять на Никона, сам Алексей Михайлович его укорял: «просише у государя всякой милости и прощения, а сам к государю никакие правды не объявишь»... При этом Никону передали много ценных подарков «от великого государя» и отдельно от «государыни царицы».

Никон категорически отрицал взводимые на него обвинения. Он все же не мог отрицать, что у него были три казака в Ферапонтове монастыре в 1668 г.: казаки сперва назвались богомольцами, идущими к соловецким «чудотворцам», затем они сообщили Никону, что они «идут воли искать»: их было «человек с 200 и с 500», шли «они лесами и деревнями», так как «в городах проход тесен»... Начальство монастыря уличало Никона в том, что в 1668 г. приезжали к нему донские казаки с предложением освободить его. Таким образом лично у Никона повидимому были какие-то попытки связаться с революционным движением.

Трудно сказать, в какой мере Никон влиял на поведение восставших.

Плеханов полагает, что Разин воспользовался именем Никона, так как плохо разбирался в вопросах веры. [1]

Трудно судить, разбирался ли Разин в церковных вопросах, но Плеханов не учел того обстоятельства, что Разину выгодно было воспользоваться именем такого оппозиционера, как Никон. Бывший патриарх пользовался популярностью: он высказывался за

[1] Г. Плеханов здесь без проверки повторяет Фирсова («Разиновщина») и Дружинина («Раскол на Дону»). В своей дискредитации разинщины Плеханов опирается и на монархиста Платонова.

автономию украинской церкви и был противником сурового наказания участников восстания во Пскове и Новгороде. Наконец в хозяйствах патриаршей области жилось лучше, чем у помещиков и вотчинников. Дискуссионные вопросы церкви до массы дошли гораздо позже; раскол стал массовым движением только после разгрома разинщины.

Идеологическое содержание крестьянских войн в России было крайне бедно. В этом отношении они стоят неизмеримо ниже гуситских или крестьянских войн в Германии и Китае.

Манифесты Разина были по своему содержанию беднее манифестов Пугачева. Пугачев намечал сравнительно большую политическую программу. Учитывая особенности обстановки на Украине и в Поволжьи, Разин ограничивался только кратким, но выразительным приказом «бить бояр». Манифесты Разина иногда обращались к народу от имени безвременно умершего Алексея, сына Алексея Михайловича, якобы убитого отцом, и патриарха Никона. Петр Третий, именем которого выступали пугачевцы, облегчил положение некоторых категорий крестьян; царевич Алексей некоторыми законами выступил против крестьян. Никон же был ярым врагом раскольников.

В этом отношении, повторяю, разинцы были слабее пугачевцев, но с монархическими лозунгами разинцы выступали очень редко; между тем такими дозунгами пронизана вся литература пугачевцев.

Во время восстания Уота Тайлора в 1381 г. восставшие массы апеллировали к королю (так было и в Москве во время восстания в 1648 г.), а в наших восстаниях выдвигался свой крестьянский царь. В данном случае «монархические» лозунги имели революционное значение. Совершенно верно по этому поводу писал «Черный передел»: [1] «Царь, существующий в народном понятии, и царь, сидящий на русском престоле — так же не похожи друг на друга, как римский народный трибун не похож на восточного деспота, и мы утверждаем, что даже происходившее под авторитетным знаменем пугачевское движение логикою народных требований было бы доведено до полного отрицания царской власти».

Восставшие в 1381 г. хотели «изменить королевство и его худшие обычаи», т. е. реформировать государственный строй Англии, в то время как разинцы хотели совершенно уничтожить крепостной строй. В восстании Тайлора была сформулирована программа раздела имущества; в наших восстаниях эта проблема затрагивалась очень слабо.

Наши восстания отличаются глубокой враждой к церкви. Разин «про спасителя нашего Иисуса Христа говорил хульные и неистовые слова, чего православному и помыслить не мочно, и церквей божиих ставить и пения никакого петь не велит, и священников с Дону сбил». Также и соловецкие монахи постановили «за великого государя богомолье отставить». Монахи не только «отставили» молитву за царя, но и начали про великого государя говорить такие «неистовые слова», которых «не только не написать, но и слы-

[1] «Черный передел» 1880, № 1.

шать страшно». Духовенство обвиняло восставших в том, что они «венчали вокруг березы» или вербы и в «Петров пост ели мясо и молоко». Эти факты показывают, что восставшие находились под влиянием идей левого раскола.

Щапов, Костомаров и Плеханов не отделяли правого крыла раскола от левого. Они считали раскол идеологией восставших. Это положение приемлемо со значительной поправкой: только крайнее левое крыло раскола и то в незначительной мере питало идеологию восставших. Надо рассеять представление Щапова и поздних исследователей об ошибочной тактике Разина, выразившейся в игнорировании религиозных настроений масс.

Не может быть и речи о набожности масс там, где было слабо влияние церкви, несмотря на то, что она укрепляла свои позиции. Среди 794 «святых», зарегистрированных до XVIII в., районы восстания выделили не больше трех-четырех десятков «угодников».[1] До середины XVII в. церковь в колониях даже терпимо относилась к незаконнорожденным.[2]

Венчание вокруг березы было обычным явлением. Разинцы, вопреки измышлениям церкви, здесь ничего нового не придумали. Донское казачество почти еще не имело церквей. Разинцы как раз выражали интересы тех групп населения, которые боролись против усиления влияния официальной церкви.

После поражения разинщины разбитые отчаявшиеся массы хлынули в раскол. Эта религия проповедывала уход от мира и указывала спасение в беспощадном самоуничтожении. Первое самосожжение произошло в 1672 г. в Закудемском стане, в вотчине Морозова. Тысячи людей сжигали себя в скитах, лесных трущобах и морили себя голодом.

Даже действенную революционную разинщину раскольники приспособляли к своему мировоззрению: они проповедывали «самоуничтожение» до нового прихода Разина.

Только в связи с поражением революционного движения 1666—1672 гг. можно понять массовое раскольничье движение, как пассивный протест против крепостнического государства.

Почему крестьянские движения принимали религиозную окраску? «Эта окраска объясняется не свойствами человеческого сердца и не его религиозной потребностью,... но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие».[3]

---

[1] Архиепископ Леонид, Святая Русь.

[2] Климентий, украинский поэт в начале XVIII в., оправдывал «рождающих девиц». Он писал:

«Не треба такових див карностью карати,
Що стараются в войско людей примножати,
Бо яко здавна людей войскам було треба,
А теперь, в нашем віку, наипаче треба».

[3] Энгельс, Людвиг Фейербах, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XIV, стр. 656.

Подведем некоторые итоги.

Разинщина окрашивалась участием следующих групп:

1) предпролетариата — плебейщины — голытьбы, которая в районе среднего и нижнего Поволжья направила свой удар против всей системы общественных отношений;

2) основной крестьянско-казацкой массы, руководившей движением во имя уничтожения всего крепостнического строя.

3) кулацкого крестьянства, действовавшего в верхнем Поволжьи и приокском районе, направившего удар против монополистических групп помещиков, монастырей и т. д.;

4) мелкой буржуазии городов колоний, враждебно относившейся к купечеству и видевшей в лице торговцев-крестьян временного союзника;

5) мелкого служилого элемента (стрельцов и пр.), крайне диференцированного, разные группы которого ставили себе взаимно-исключающие задачи (борьбу за свободу торговли, борьбу за возврат утраченных привилегий), детей боярских, значительного слоя населения, борющихся за право владеть крестьянами;

6) колонистов Слободской Украины (полка Дзинковского), выступивших против великорусских колонизаторов, которые ограничивали простор их земельных владений;

7) национального помещика, который боролся за право владеть крепостными крестьянами;

8) национальных крестьян, направлявших свой удар на туземного помещика и помещика метрополии;

9) национальной массы, в целом боровшейся против господства московского помещика;

Поразительная черта восстания состояла в том, что крестьяне освобождали только *свои родные* места. Ожесточенные бои на Волге в Симбирском, Пензенском и Тамбовском районах объясняются тем, что значительная часть казачества и стрельцов была направлена на Дон из этих районов. Среди 6 107 стрельцов, посланных в 1661 — 1663 гг. на Дон, 1 334 были из Симбирского района, с Корсунской черты — 1 149, из Казанского — 590 и из Пензенского — 2 698,[1] остальные — из различных районов колонии. Служилые редко отправлялись из метрополии на Дон. Казаки были главным образом из Тамбовского, Воронежского и Симбирского уездов. Из 1 307 жителей Верхоценской волости, активного района восстания Тамбовской губ., было послано на службу на Дон 1 285 чел. Среди беглых солдат полка боярина И. С. Большово-Хитрово 535 было из Тамбовского и 161 — из Симбирского районов.[2] К показаниям казаков конечно следует относиться осторожно: беглым, заявлявшим, что на Дону нет «беглых боярских холопей, крестьян и задворных людей», было выгодно доказать, что они из тех районов, где было

[1] Подсчитано по Веселовскому, «Сметы военных сил Московского государства», М. 1900.

[2] «Донские дела», т. VII (неопубликован).

меньше помещиков. В противоположность этому полного доверия заслуживает показание преданного Москве атамана Минаева,[1] заявившего в 1672 г., что ратные люди на Дон отправились из 39 пунктов в Поволжьи, находившихся в ведении Казанского дворца. Беглые стрельцы происходили на 99% из районов колонии. Разинщина, как и пугачевщина, характеризуется крестьянской ограниченностью. Выйдя за пределы Дона, казак — беглый крестьянин пытался вернуться на родину. Такая тактика не могла не привести к поражению: крестьянская партизанщина была быстро разгромлена правительственной армией.

Поражение восстания разинцев объясняется тем, что:

1) донское казачество поднялось тогда, когда уже было разгромлено революционное движение на Украине и в городах метрополии;

2) уход в Персию дал правительству нужную передышку;

3) черты локальной партизанской ограниченности, присущие всем крестьянским движениям, пронизывали и разинщину;[2]

4) Разин совершил ошибку, когда, вернувшись из Персии, отказался драться на Дону и перенес театр военных действий с родины, «дабы не запустошить города»;

5) во второй раз он совершил ошибку. когда после поражения под Симбирском ушел на юг, вместо того чтобы повернуть вглубь метрополии;[3]

6) в наших городах еще не выделились те социальные группы, которые были бы в состоянии нанести сокрушительный удар феодалам; «чернь» поволжских городов — плебейский элемент — «была совершенно бессильна вследствие того, что она состояла из чуждых друг другу, пришедших туда по-одиночке индивидов, которые неорганизованно противостояли организованной, по-воински снаряженной и ревниво следившей за ними силе»;[4]

7) национальные противоречия в среде восставших ослабили темп борьбы;

8) инициатива движения и руководства в некоторых национальных районах была вырвана из рук закрепощенного населения и перешла к помещикам-националам, — это обстоятельство сузило размах движения;

9) победоносные войны, завершившиеся к началу восстания, создали благоприятные условия для правительственной армии, выступавшей против разинцев;

10) неурожай 1670 — 1671 гг. подорвал силы восставших.

---

[1] Архив ИАИ. «Донские дела», связка 22, стр. 195.

[2] Приходится отметить расхождение с Б. Тихомировым. который в своей ценной работе о разинщине отрицает локальный характер разинского движения.

[3] Между прочим эту ошибку в свое время правильно отметила народническая газета «Работник», 1875, № 3.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, 1933, стр. 41, «Немецкая идеология».

3. ВОЛНЕНИЯ НА ДОНУ ПОСЛЕ РАЗГРОМА РАЗИНЩИНЫ

Мелкие партизанские стычки на Дону не прекращались до начала XVIII в.

В 1673 г. стал действовать на Дону отряд Ивана Миюски, товарища Разина. В 1675 г. на Дону появился партизанский отряд Сеньки Буянки, который действовал в Козловском, Ряжском и «иных уездах». Центр действий повстанческих отрядов переносится на р. Медведицу. В начале 70-х гг. на р. Медведице «в дальнем месте от р. Дону» на острове был построен укрепленный городок. В 1674 г. он имел 300 жителей, которые обвели городок дубовым острогом, осыпали землею «с обеи стороны» и проделали много бойниц. Изб в городке не было: повстанцы жили в ямах.[1] Они были на год обеспечены хлебом и имели «1 000 лошадей, 3 000 коров и 800 овец». Городок притягивал беглых «из украинных городов, Ломова, Танбова, многое число». Городок был связан с отрядом Сеньки Буянки. Буянка был арестован за помощь городку. Из-за вопроса о его выдаче Москве вновь разгорелась война между верховым и низовым казачеством. Корней Яковлев под давлением круга должен был уйти в отставку. Этот вопрос трижды обсуждался в казачьем кругу, который в конце концов выразил Яковлеву доверие, но борьба не прекращалась; «большая-де ссора с ним Корнилом у казаков «молотших» людей за вора, за Сеньку Буянку, что атаман Корнило хочет его послать к Москве». Верховое казачество протестовало против выдачи Буянки: «с реки Дону никаких людей не выдавали».[2] Оно заявило «доброму» казачеству: достаточно Москве такой жертвы, как Разин; если казачество выдаст Буянка, то придется Москве выдать головой все казачество и окончательно лишиться каких бы то ни было прав.[3]

Представитель низового казачества посоветовал верховому казачеству не ссориться с правительством «из-за одного человека». Верховые казаки ему ответили, что они, атаманы, продались Москве, где получают «ковши и соболи, а Дон после разоряют». «Молотшие» казаки «матерны ругали атамана», говорили, что «его на руку посаде, другою раздавят». Этот самый круг, на котором обсуждался вопрос о выдаче Буянки, предложил бывшему атаману Корнею Яковлеву потребовать от правительства, чтоб оно убрало с Дону «мясников», т. е. «ратных людей»: на Дону «и без ратных людей войска много». Яковлев был предупрежден, что за ослушание с ним поступят так, как он поступил с Разиным. Казаки послали в Москву с таким поручением Яковлева, врага верховых казаков.

После подавления разинщины это требование уже не могло произвести большого впечатления в Москве. Однако нажим на Яковлева

---

[1] ИАИ. «Донские дела», св. XVII, 1688, № 18, лл. 4—8.
[2] Там же, связка XI/а, 1677 г., № 12, л. 1, 15—36.
[3] Там же, связка X, 1675, № 18, лл. 1—15.

не прошел даром: в 1674 г. он заявил, что нельзя отдать «без круга» беглого стрельца Алешку Турченина.

В связи с делом о выдаче Москве Буянки правительство вновь категорически потребовало беспощадной расправы с верховыми казаками, «пропойцами», которые идут «на Волгу для воровства». Скоро Корней Яковлев вновь подал в отставку. Он был избит в кругу; казаки отказались строить укрепления по московским нарядам.

Верховые казаки не сдавались: в 1675 г. они стали агитировать за созыв собрания в Паншине с той целью, чтобы организовать нападение на московский военный городок на Дону, освободить арестованных стрельцов, заключить мир с Азовом и поднять на Москву Крым. Верховые казаки стали уговаривать «ратных людей, которые бегут с Дону к Москве», жить с ними. Они обещали военным, что у них «на весну всего будет много»; казаки во всех казачьих городках «пустили молву», что беглым солдатам не следует возвращаться в Москву: начальник стрелецкого приказа из-за одного беглого перерубил «два приказа стрельцов». [1]

Происходившие события прошли не даром для казаков; сейчас они пытаются выступить гораздо организованнее, чем в 1666—1672 гг., но уже опоздали: Москва имела на Дону крепкий военный кулак. В 70 и 80-х гг. район Дона и р. Медведицы был переполнен беглыми, которые «печатные книги, церковную службу и иконное письмо хулят, образом божиим не поклоняются». [2] Допрошенное казацкое начальство в 1675 г. показало, что такие поселения на Дону начались «после Стенькина воровства».

В 1682 г. вылазка казаков Хопра и Усть-Медведицы окончилась неудачей: атаман Илья Иванов был убит, а раненого Ивашку Данилова повесили на якорь, «той же воровской ватаги многих казнили», а остальные скрылись по верховым и украинным городам. [3] Однако городок на р. Медведице держался в течение 13 лет: ни регулярная правительственная армия ни казачьи отряды его долго не могли взять.

В 1688 г. городок был осажден пятитысячной армией правительства В. В. Голицына. Городок обстреливался «непрестанно» из трех пушек и мелкого ружья. Повстанцы отвечали из двух деревянных пушек и из мелкого ружья. Повстанческий отряд, возглавлявшийся Сенькой Провоторовым, имел только 300 человек, способных носить оружие, а с «женским полом и с робяты тысяч с полторы». В начале 1689 г. осаждавшая армия отступила от городка, оставив только около него «для осторожности казаков сколько человек пригоже». В городке в 1689 г. осталось мало муки, «всего шапки по две или три муки на человека». Осажденные «сушат лубья, толкут и мешают с мукою»; от этого не только дети, но и взрослые пухли и умирали «в сутки по 6—7 человек». 14 апреля 1689 г. узнали в Москве, что городок был

[1] «Донские дела», св. X, 1675, № 18, лл. 1—15.
[2] Там же, связка XIII/а, 1682, № 5, лл. 16, 17.
[3] Там же, № 15, 1689 г., л. 10.

приступом взят, всех осажденных перебили, а многие воры «сами потопились». [1]

Восставшие выступали с раскольничьими лозунгами. У Васьки Кудрявцева, [2] саранского жителя, сообщника «вора, еретика, заповедного изменника и богоотступника врага Стеньки Разина», нашли письма, которых «восточная церковь не приемлет».

Раскольничьи попы в своих молитвах «за великих государей и святейшего патриарха бога не молят, говорят, и многих старых казаков перекрещивают», [3] «хулы возлагают на церковь божию и на всю христианскую веру». Кузьма Косой призывал к вооруженному восстанию против Москвы. Он проповедывал: «Христос велит землю очищать, мы не боимся ни царей, ни вселенной, христианская вера вся отпала. Народ должен ждать через пять лет второго пришествия Христа». «Вор» Кирюшка говорил «перед многими казаками», что не следует воевать с крымскими татарами: «свои у нас горше Крыму», надо сперва избавиться от «своих крымцев», крымцы лучше, «нежели наши цари на Москве». Казаки верховых городов без различия пола и возраста «яко звери и окаменелые сердцем» не подходили к кресту; если они подходили принужденно, то «нахлобуча шапки, а женский пол закрывая полотенцы отбегали прочь».

Что же происходило на Дону во время волнений на Медведице и Хопре?

В 1683 г. на Дону появились некоторые стрельцы, участвовавшие в восстании в 1682 г. Под влиянием агитации представителя стрельцов и казни вождя стрельцов князя Ивана Хованского казаки опять заговорили о решительном наступлении на Русь, а как они в Русь выйдут, и к ним *пристанут холопи боярские, пойдут к Москве бояр побить*». [4] Казаки ждали союзника в лице князя Хованского, которого они ожидали на Дону с нетерпением.

Правительство В. В. Голицына немедленно сообщило на Дон о том, что удалось подавить восстание стрельцов в 1682 г., поспешило выразить казакам благодарность за «верность» и предложило своему представителю «говорить атаманам и казакам не по один день прилежно и радетельно ласковыми разговоры» о немедленной выдаче стрелецкого агитатора, посланного на Дон. [5]

Борьба на казачьих собраниях не прекращалась; «голутва» неоднократно срывала постановления атаманов. В 1683 г. атаманы выдви-

---

[1] «Донские дела», св. XVIII, 1689 г., № 1, лл. 40—41.

[2] Васька Кудрявцев был назначен головой стрельцов, так как ему удалось скрыть свое прошлое; когда же он был арестован, в тюрьме его поили, кормили, выдавали ему «месячное жалованье». Вопреки приказу, подъячий «Дмитрий на руки железему не положил, чернила и бумаги держать ему не запретил, всяким людям приходить к вору не заказывал, в торговую баню париться отпускивал и письма всякие за караулом писать не возбранял». Официальное донесение такое обращение объясняет любовью к «вору» («Донские дела», № 8, л. 24).

[3] «Донские дела», св. XV/а, 1684 г., № 6, лл. 4—7.

[4] Там же, св. XIV, 1683 г., № 21, лл. 60—63; В. Дружинин, Раскол на Дону, 1889, стр. 111.

[5] «Донские дела», св. XIV, 1683, лл. 34—42.

нули новый проект: они предложили правительству упразднить Дон как место для ссылки. Они не ручались за порядок до тех пор, пока на Дону будут скрываться «раскольники», ссыльные из украинских городов.

С другой стороны, правительство не пропускало в Россию и казаков. В 1686 г. атаман Минаев жаловался, что казаков за пределами Дона наказывают смертной казнью, «бьют кнутом без пощады» и ссылают. За пределами Дона им «стало утеснение большое, чего преж сего никогда не бывало».[1] Правительство объясняло отношение к казакам тем, что все еще «с собой привозят многих беглых людей мужска и женска полу и девок». В 1686 г. оно потребовало вновь прекратить выдачу «жалованья и сукон» верховым казакам до выдачи «церковных противников — раскольников».

В 1688 г. атамана Минаева постигла участь его предшественника. Пять дней в кругу шла борьба вокруг выдачи раскольника Самойла Лаврентьева. Атаман, «опасаясь над собой какого убивства», подал в отставку. Под давлением круга Минаев вновь стал атаманом, но раскольник Лаврентьев не был выдан Москве под тем предлогом, что он «заскорбел великою скорбью, человек он простой, грамоте не умеет» и ничего общего с расколом не имеет. Правительство опять угрожало прекратить высылку жалованья: ему стало известно, что на Дону собираются повторить поход Разина. В 1688 г. правительство поручает калмыцкому Чагану-Тайше бороться с «раскольниками-ворами».

Итак, в течение 70—80-х гг. активное раскольничье движение охватило весь Дон с притоками: повстанческие отряды вооружились на р. Медведице и в верховых городах. Они пытались связаться с московскими стрельцами и вновь повторить разинщину. Движение возглавлялось «черными попами», т. е. беглыми крестьянами и чернорабочими, служившими на Дону. Атаман Минаев в 1687 г. сообщил, что казаки всех верховых городов по р. Медведице были лишены жалованья «для того, что имеют раскол». [2] Московские стрельцы лишились опоры на Дону, отбросили от себя массы в Москве и сами были разбиты.

4. СТРЕЛЕЦКИЕ ВОССТАНИЯ 1682 — 1689 ГГ.

А) ВОССТАНИЕ

История стрелецких восстаний мало разработана. Литература по этому вопросу в основном посвящена дворцовым интригам. Все внимание историков было поглощено борьбой Нарышкиных с Софьей. Социальный смысл этой борьбы был исследователями потоплен в сплетнях дворцовых летописцев. Даже Плеханов писал, что борьба партии Софьи с партией Петра явилась результатом дворцовой интриги. [3]

---

[1] «Донские дела», св. XVI/а, № 9, 1686, лл. 42—45.
[2] Дополнение к Актам историческим, т. XIII, стр. 137.
[3] «История русской общественной мысли», II, стр. 13.

Соловьев борьбу 1682 г. объясняет властолюбивыми характерами боровшихся. По его мнению, провозглашение Петра грозило Софье возвратом в нелюбимый терем, даже заточением в монастыре. Историк спрашивает: «могла ли она ждать милости от мачехи, которую она раздражала и оскорбила?» Он отвечает: «Жизнь улыбнулась так приветливо, и вдруг должно отказаться от нее, во цвете лет стать невольной, опальною монахинею, претерпеть стыд унижения пред ненавистной мачехой». Поэтому «Софья по инстинкту самосохранения, с отчаянием человека, полного сил и жизни, хватается за стрельцов и напрягает все силы, чтобы отбиться от терема, монастыря, этой могилы, куда влекут зарыть ее, жаждущую света и жизненных радостей». [1] В. Ключевский также беспомощен в объяснении стрелецких движений 1682 г. Интриги Софьи, по его мнению, вызвали стрелецкий бунт. [2] Н. Рожков не помогает распутать сложный клубок; считая вождями крайней западнической партии В. В. Голицына и Софью, [3] он не объясняет, почему крайние западники свергнули умеренного Хованского и на его место поставили правого Шакловитого. Между прочим, термин Плеханова и Рожкова «крайний западник» ими не расшифровывается и не вскрывает социального смысла борьбы. М. Н. Покровский, бегло касаясь стрелецких восстаний, не вносит ясности в этот вопрос: он указывает, что патриарх Иоаким, глава реакционной партии, выступил против введения наместничества; [4] непонятно, почему реакционер выступил против реакционной программы. Также не совсем четка формулировка, определяющая членов стрелецкого правительства как «консерваторов с прогрессом», [5] и непонятно, каким образом стрельцы-раскольники выдвинули правительство из западников.

Классовая борьба конца XVII в. и «петровские» реформы не могут быть поняты без истории стрелецких движений. Революционные движения обострили крестьянскую проблему. В конце XVII в. разгорается борьба между помещиком метрополии (Замосковного края) и помещиком юга империи. Помещик метрополии — это преимущественно крупный или средний феодал, ведущий хозяйство, рассчитанное на рынок. Он был заинтересован в активизации внешней политики на берегах Балтийского моря: экспорт сырья был уже невозможен без балтийских портов. Помещик юга — средний или мелкий феодал или богатый казак, который стремился стать феодалом. Захватывая колоссальные пространства на юге России по Белгородской черте, Слободской Украине, частично на Украине и в районе средней и южной Волги, южный помещик еще не был обеспечен крепостной рабочей силой. Верхушка стрелецкого войска была связана с южным помещиком, она уже сама перерастала в помещика.

[1] С. Соловьев, Публичные лекции о Петре Великом.
[2] В. Ключевский, Курс русской истории, ч. IV, стр. 10.
[3] Н. Рожков, Русская история, 1922, т. V, стр. 69.
[4] М. Покровский, Русская история, ч. II, стр. 277.
[5] А. Н. Штраух, Стрелецкий бунт 1682 г., «Научные труды Индустриально-педагогического института К. Либкнехта», 1928, I, стр. 19.

Стрелецкая масса в основном—мелкая городская буржуазия (мелкие торговцы, ремесленники, чернорабочие, еще не закрепощенные крестьяне), которая милитаризировалась.

В разинщине принимали активное участие стрельцы юга. При помощи стрельцов центра она была подавлена. Стрельцы столицы, вербовавшиеся большей частью из среды зажиточных элементов, пользовались бо́льшими привилегиями, чем провинциальные стрельцы. Последние вербовались преимущественно из среды казачества, ремесленников, городской бедноты и т. д. Эту массу нельзя считать однородной. В «Записных книгах приказной избы каменной палаты за 1669—1671 гг.» мы находим немало данных о московских стрельцах—чернорабочих и ремесленниках, выполнявших разные поденные работы. Во время стрелецкого восстания 1682 г. в Москве было 14 198 стрельцов. [1]

По сведениям Корбе, секретаря австрийского посольства, в восстании участвовало 60 тыс. стрельцов («Отечественные записки», т. 136, отд. I, стр. 120). Эта цифра явно преувеличена. По данным Брикса [2] в середине XVII века всего было 40 000 стрельцов, из которых около трети находилось в Москве. По данным 1684 г. стрельцы составляли 21% армии Московского разряда; в восьми разрядах, кроме Московского, было 16 995 стрельцов [3].

По неполным данным численность русской армии в 70—80-х гг. XVII в. доходила до 141 000. Эта цифра значительно увеличивалась сбором даточных людей и присоединением многочисленных отрядов донских, украинских и других казаков. Для аналогии стоит указать, что в 1672 г. в рядах французской армии было 176 687 человек [4].

Среди московских стрельцов было много выходцев из Астрахани, которых перевели в Москву после событий 1666—1672 гг. После подавления разинщины в Астрахани было сформировано пять приказов по 300 человек в каждом из «самых добрых и семьянистых». Политически неблагонадежных астраханцев перевели в верховые города, часть же неблагонадежных стрельцов оказалась в Москве. [5]

Стрельцы формировались по городам из «вольных охочих людей», из среды «даточных с городов, посадов и уездов» и из среды «стрельцовых свойственников». Московские стрельцы, переведенные в Усерд в 1648 г., жаловались на то, что «пашню пахать» им «не в обычае».

[1] Акты Археографической экспедиции, IV, стр. 409; Розенбуш (Rosenbusch, «Wahrhaftige Relation der traurigen und schreckligen Tragedy in der Stadt Moscou zurgefallen auf Montag, Dienstag und Mittwoch den 15, 16, 17 May jetzigen 1682-ten Jahres) насчитывает больше 22 000 стрельцов. Подобные же цифры приводит «Theatri Europaei continuatio Zwölfter Theil», стр. 442. См. также «1681—1683. Geschriebene Zeitungen aus Russland» в «Zeitschrift fur Osteuropeische Geschichte», 1932, VI, ч. IV, стр. 554, и «Die falschen Demetrier und der Aufstand der Strelitzen, zwei Revolutions-Scenen aus der russischen Geschichte», 1826, стр. 77.

[2] Brix, Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen, 1867.

[3] П. Иванов, Описание Госуд. разр. архива, 1842.

[4] А. Пузыревский, Развитие постоянных регулярных армий, СПБ., 1889.

[5] «Акты исторические», IV, 495.

Котошихин, имея в виду московских стрельцов, писал: «стрельцы — люди торговые и ремесленные, *богатые многие*». В другом положении находились астраханские стрельцы.

Они вербовались из среды беглых, ярыжек, ремесленников, торговцев и т. д. Стрелец Ивашко Москва в 1663 г. показал, что он «от скудости работал в юртах у астраханских татар и кормился наймом в разных местах». Стрелец Денка Яковлев в 1675 г. показал, что остался сиротой, работал в «чюжих людех и нанимался у калачников». Узнав, что в Астрахани «гулящим людем жить нельзя, он просит «приверстать его в пешие стрельцы». [1]

С 1629 по 1699 гг. среди астраханских ремесленников насчитывается 52 профессии. Среди 59 920 стрельцов, зарегистрированных за 1614—1699 гг., насчитывалось 2 283, или 3,8% ремесленников. Они по специальностям располагаются в нисходящем порядке следующим образом: сапожники — 310, кузнецы — 230, портные — 203, плотники — 197, шапочники — 138, хлебники — 138, свечники — 113, мясники — 110, квасники — 89, каменщики — 54, пирожники — 52 и т. д. Большинство ремесленников изготовляло предметы широкого потребления.

Немаловажным является вопрос о географическом распределении стрельцов. Посмотрим, сколько прибыло в Астрахань стрельцов из национальных районов (из колоний) и из мест, которые были охвачены восстанием Разина. Основной колонизационный стрелецкий поток за 1614—1699 г. направлялся в Астрахань главным образом из городов колоний. Данные о 59 920 стрельцах распределяются следующим образом: из мелких городов метрополии было направлено в Астрахань 2 759 и из Москвы — 917 стрельцов, из колоний и из районов разинщины — 56 244 стрельца. Эти данные проливают свет на настроения астраханских стрельцов, переведенных в Москву. Важно отметить, что из 59 920 стрельцов 43 953 прошло через Астрахань с 1662 г., т. е. со времени нарастания революционного кризиса. [2] Устрялов отмечает, что со времени перевода астраханских стрельцов в Москву[3] в стрелецких слободах «вкоренилось наглое буйство: стрельцы завели «круги» или совещания по казацкому обычаю». На политических настроениях стрельцов сказывалось и влияние экономического кризиса 40—90-х годов XVII в., который деклассировал огромные массы мелкой городской буржуазии. Восстание 1682 г. повидимому подготовлялось задолго. Беспокойство среди стрельцов начинает усиливаться с того времени, когда из ссылки вернулся боярин Матвеев, один из активных врагов раскола. Со дня его приезда стрельцы стали «митинговать» и — говорит очевидец — «в набаты приходов своих бить, и по улицам многолюдством ходя в

---

[1] Архив ИАИ, «Астраханские акты», коробка № 12, л. 147; коробка 29, столбец № 4, л. 28.

[2] Данные подсчитаны по таблицам, составленным А. Пруссак и З. Тимофеевой и приложенным к «Астраханским актам», которые подготовляются ИАИ к печати.

[3] И. Устрялов, История царствования Петра Великого, т. I, стр. 21—22.

лавках торговых и иных местах озорничать, и народ озлоблять, и бунтом своим последующим злобно всем грозить».

День восстания был назначен на 15 мая 1682 г.[1] В этот день стрельцы устроили настоящую резню. Среди убитых было шестеро бояр, два думных дьяка, два полковника и другие сторонники семьи Петра, будущего императора. Стрелецкое восстание было поддержано и незначительными осколками старого родовитого боярства, которое еще мечтало о «старине» времен до опричнины. Крестьянство, объект борьбы, активно и решительно не выступало.

Разинщина была разгромлена. Однако правительство не было уверено в своей победе. В конце 70-х г. в XVII в. иностранные послы доносили своим правительствам, что в Москве очень тревожно и что следует со дня на день ждать решающих событий. Барон Келлер писал из Москвы Нидерландским генеральным штатам 16 сентября 1676 г.:[2]

«Обыкновенно так бывает: как найдет несчастье, так конца не видать; точно, как звено за звеном, следует беда за бедой; народ, который здесь очень притеснен и с которым рабски обращаются, непременно восстанет против помещиков и потребует силой, чтобы они возвратили ему свободу; так случилось недавно еще, лет шесть тому назад, когда Стенька Разин опустошил всю страну; тогда тысячами народ нападал на господ и немалое число, и даже из самой знати, ограбил и изувечил; то же предстоит теперь сей стране». Келлер был очень близок к истине. Убийства в Москве не носили случайного характера. Убитый Юрий Долгорукий был ненавидим астраханскими стрельцами за казнь в 1665 г. брата Разина и за расправу над разинцами под Арзамасом. Вместе с Юрием Долгоруким был убит отец его М. Ю. Долгорукий, начальник Стрелецкого, Хлебного и Смоленского приказов. Аверкий Кириллов, начальник Большого приказа, был убит за введение высоких налогов на предметы первой необходимости. Убитый Артамон Сергеевич Матвеев был при Алексее Михайловиче начальником Посольского приказа. Он был пожалован английским королем Иаковом II орденом Подвязки за услуги, оказанные английской контрреволюции. Матвеев был сторонником крайних репрессий по отношению к украинскому казачеству. В 1662 г. он принимал участие в подавлении восстания в Москве.[3] Во время восстания Разина он давал встревоженному правительству советы; затем Матвеев руководил охраной арестованного Разина и его допросом.[4] У Артамона Матвеева были тесные связи с крупным купечеством, например с крупным вологодским гостем Фетиевым, который, по выражению вологжан, «всем городом Вологдою завла-

---

[1] М. Л. Хмыров, Стрельцы и первый стрелецкий бунт, «Северное сияние» 1863, т. II, стр. 152; Акты Археографической экспедиции, т. IV, стр. 409; «Записки русских людей», 1841.

[2] Архив ИАИ. «Письма нидерландских послов».

[3] Зерцалов, О мятежах в г. Москве и в с. Коломенском, стр. 307.

[4] А. Терещенко, Опыт обозрения жизни сановников, 1837, стр. 30; А. Г. Брикнер, Иллюстрированная история Петра Великого, стр. 27.

дел».[1] Голландский посол сообщил своему правительству, что Федор Алексеевич решил вернуть Матвеева из ссылки; он надеялся, что Матвеев мог бы «предупредить и устранить замешательство и беспорядки, которые угрожают стране».[2] Один из убитых Нарышкиных, 20-летний Афанасий Кириллович, имел 88 000 крепостных крестьян. Льву Кирилловичу Нарышкину принадлежало в Тамбовском уезде село Конобеево, которое было активным центром разинщины. Кирилл Нарышкин, отец убитых Нарышкиных, участвовал в усмирении Нижегородского края уже после подавления разинщины. Характер убийств показывает, что восставшие были связаны с революционным казачеством 70—80-х гг. Московское крестьянство одновременно занялось разгромом двух важных государственных учреждений — Судебного и Холопьего приказов, которые регистрировали крепостных и задолженность крестьян. Крестьянами между прочим был уничтожен указ 23 мая 1681 г. (7189 г.) о служилых кабалах на вольноотпущенных, о ссудных записях на крестьян и т. д.[3]

Иван Хованский,[4] ставший во главе стрелецкого приказа, Василий Голицын и царевна Софья захватили власть.

Стрельцы овладели арсеналом, всеми важнейшими пунктами в Москве и вне ее. Вооруженные, с развернутыми знаменами и под звуки барабанного боя они подошли к Кремлю. В первые же дни принимались энергичные меры для того, чтобы удовлетворить стрельцов, покрыть задолженность им и отколоть их от крестьян.

В настоящее время мы знаем о роли крепостных крестьян гораздо больше благодаря донесениям хорошо осведомленного и вдумчивого голландского посла фон-Келлера. Он насчитывает в Москве свыше ста тысяч крепостных крестьян. Крестьяне с целью освобождения уничтожали документы, удостоверяющие факт их закрепощения. Правительство боялось не стрельцов, а крестьян. Келлер со дня на день ожидал успокоения, «если не встретится препятствий в лице ярости крепостных, которые хотят получить полную свободу». Посол не сомневался в том, что стрельцов легко удастся отделить от крепост-

[1] Е. И. Заозерская, Вологодский гость Г. М. Фетиев, «Записки Историко-бытового отдела», 1928, I, стр. 206.

[2] Архив ИАИ. «Донесения нидерландских послов», № 57, письмо барона фон-Келлера 21 февраля 1682 г.

[3] «Полное собрание законов», № 1073, 22 апреля 1684 г.

[4] Иван Хованский был воеводой в западном районе государства: в Вязьме, Могилеве, Пскове, Смоленске и Новгороде. Близость к Польше, раскольничьи поселения на Западе, псковские и новгородские традиции не могли не повлиять на него. Его сыновья, воеводы в разных районах, владели крепостными, вели собственные хозяйства и прибегали к широким ростовщическим операциям. Петр Хованский, сосланный после казни своего отца Ивана Хованского, был типичным крепостником; его характеризует такой случай: будучи на Дону, он хочет купить девочку-татарку, но не в состоянии выполнить это намерение из-за того, что «в Черкасском городке женского полу не держат». В его хозяйстве крестьяне беспощадно эксплоатировались (А. Барсуков, Списки городовых воевод, 1902, стр. 588. «Переписка кн. П. Хованского», «Старина и новизна» 1905, т. X).

[5] Архив ИАИ. Донесение фон-Келлера от 23 мая 1682 г.

ных. Он был убежден в возможности скоро усмирить крестьян, так как «крепостные крестьяне представляют собой мало дисциплинированную невооруженную банду». [1]

Крепостные готовили новое выступление. 5 июня вечером в Москве было неспокойно. В Марьиной роще целую ночь продолжалась перестрелка. Второе восстание крепостных крестьян было вновь подавлено. [2] Торжествуя победу, стрельцы спешат ее закрепить в специальной декларации от 6 июня 1682 г. Новое правительство удовлетворяет требования стрельцов. На Красной площади был поставлен «столп» с перечнем имен всех убитых, «чтобы впредь иные нам по нашему государеву крестному целованию чинили правду». Декларация оправдывала убийство бояр, которое «учинилось за дом пресвятые богородицы». Одновременно правительство обещает «в ссылку невинных не ссылать». Стрельцы получают звание надворной (дворцовой) пехоты.

Под давлением правительства стрельцы решительно отрекаются от восставшего крестьянства. Они высказываются против боярских людей, которые к ним «приобщаются в совет», чтобы им быть «из домов свободными»; стрельцы заверяют, что у них «с ними боярскими людьми ни с кем приобщения никакова нет». Еще льется кровь самих стрельцов, а они требуют «без всякой пощады» наказывать тех, кто их «учнет называть бунтовщиками или грабителями».

Неизвестный автор истории стрелецкого бунта отмечает:... «всего паче стрельцы боялися дворян и людей боярских, понеже по тогдашнему обыкновению великое число людей в доме содержимо было, потому издревле между боярами и боярскими людьми генеральная ненависть была»... [3]

Получив звание «надворной пехоты», стрельцы на другой день после восстания объявляют себя ярыми защитниками крепостнических порядков. «Революционная» декларация требует аккуратной выдачи заработной платы, честного судопроизводства, упорядочения поборов и передачи купечеству функций денежных сборщиков, а им, «надворной пехоте людем, у того дела не быть». Сами стрельцы отказываются от выполнения общественных обязанностей. Требования боярских людей о свободе от 26 мая 1862 г. правительство заклеймило как «воровские челобитные». Крепостных пытали и казнили за то, что они осмелились выступить с требованиями свободы. Правительство ввело специальные регистрационные книги для стрельцов и их родственников; в эти книги запрещено было вносить крестьян и гулящих людей, «хотя они и надворной пехоте свойственники». [4]

Для того чтобы отвлечь внимание стрельцов, В. В. Голицын пытался в мае вывести из Москвы шесть стрелецких полков для по-

---

[1] Келлер обращается и к историческим источникам, откуда он узнает, что «подобные же восстания рабов имели место у римлян, но они обычно подавлялись военной силой».

[2] Дополнения к «Актам историческим», 1867, X, стр. 32.

[3] ГАФКЭ. Сокращенное описание о приращении Российской империи 1754 г., стр. 165, № 75/100.

[4] Архив ИАИ. Выписки из указов XVII в. 1920/4819.

давления башкирского восстания. Эта попытка показывает, что восставшим стрельцам доверяли больше, чем башкирам. Последние восстали «потому, что русские губернаторы лишают татар и башкир их привилегий и вольностей, хотят их принудить к переходу в православие; они насильно у них отнимают детей, чтобы превратить их в своих крепостных». [1] Стрельцы отказались участвовать в карательной экспедиции до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Правительство пошло на уступку татарам и башкирам: в начале мая половина татарско-башкирских земель была конфискована «на великих государей», в конце же мая правительство вынуждено было вернуть им конфискованные земли. [2]

С. Соловьев совершенно неправ, когда пишет, что «стрельцы соединили свое дело с делом всех тяглых людей, противопоставив себя знатным». [3] «Челобитье» стрельцов не отразило настроения городских низов. Иван Хованский обещает выдать стрельцам жалованье и покрыть их задолженность, накопившуюся за 10—20 лет до восстания. Огромные суммы на это были взяты с дворцовых и монастырских крестьян, которые в 1682 г. были обложены налогом в 100 тыс. руб. Своей антикрестьянской политике Хованский придавал большое значение; захватив власть, он хвастался тем, что избег гражданской войны: «без меня, — заявил он, — в Москве ходили бы в крови по колено». У Ивана Хованского был большой опыт: в 1662 г. он был одним из усмирителей московского восстания. Он был также противником тех реформ, которые Ордин-Нащокин проводил во Пскове в интересах мелкой городской буржуазии, пытаясь организовать кредитную помощь мелким торговцам. Крепостные отвернулись от стрельцов и уже не помогали им даже тогда, когда Хованский хотел в сентябре поднять массы. Крестьянство в благодарность за лойяльность получило от правительства «погреб», т. е. возможность бесплатно выпить.

Под влиянием событий правительство во главе с двумя молодыми царями и царевной Софьей покинуло Москву и переехало в Троице-Сергиев монастырь. Хотя правительство объявило, что оно предприняло обычное паломничество, оно никого не ввело в заблуждение: «город начинают покидать все бояре и важнейшие государственные чиновники со своими семьями; голландские купцы начинают следовать их примеру. Они отправляются с женами и детьми в Архангельск, покидая имущество». [4] Город оставили также русские и немецкие купцы. [5]

Почему крепостное крестьянство до конца не поддержало стрель-

---

[1] Архив ИАИ. Донесения фон-Келлера Генеральным штатам от 2 мая 1682 г.

[2] Сообщая об этой уступке правительства, А. Губайдулин не в состоянии объяснить причину такой политики, так как он повидимому не знал о восстании (А. Губайдулин, К истории разложения феодального класса у приволжских татар, 1927, стр. 16).

[3] С. Соловьев, История России, т. XIII, кн. 3, стр. 890—907.

[4] Архив ИАИ. Донесение фон-Келлера от 11 июля 1682 г.

[5] L. Loeuvenson, 1681—1683. Geschriebene Zeitungen aus Russland. Zeitschrift fur osteuropäische Geschichte, 1932, т. VI, ч. 4, стр. 573.

*

цов? А. Н. Штраух создает легенду о «технической интеллигенции» (!), существовавшей среди холопов Москвы, о крупных купцах и ростовщиках-холопах, владевших большими богатствами, и т. д. От легенды надо обратиться к действительности.

Восстание декабристов 1825 г. напоминает восстание стрельцов, — в обоих случаях восставшие тщательно изолировали себя от крестьян. В 1682 г. стрелецкому командованию удалось быстро парализовать движение крестьян и направить против него основной удар. Верхушка стрельцов, боровшаяся за «передел» земли и перераспределение крепостных крестьян, была «союзницей» крестьян только в течение одного первого дня восстания. И. Хованский, сторонник обломков «старого» родовитого боярства, был еще в меньшей мере расположен к своему «союзнику».

Б) РОЛЬ РАСКОЛА

Как же реагировали городские низы на политику нового правительства? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить социальную природу раскола. Что представляет собой борьба раскольников за «старину»? В этом вопросе господствует традиция, полностью заимствованная у церковных историков раскола. Никон подчеркивал, что он грек по убеждениям, публично уничтожал иконы «не греческого письма» и вводил в церковь византийский порядок. Эта реформа, по его мнению, вызвала раскол. Н. Каптерев, [1] которого высоко ценил Г. Плеханов, безапелляционно повторяет обычный трафарет богословов.

Раскол, по мнению А. Щапова, «не мог взять на себя защиту веры, так как крестьяне не знали, да и знать не могли христанства, во-первых, по своей грубости, а во-вторых, потому что самая большая часть великорусского народа была не что иное, как крещеная обруселая чудь». [2] Щапов не учитывал того, что господствующий класс действует не только голым насилием: его интеллигенция обрабатывает «общественное мнение». Техника, литература, живопись, архитектура, церковное пение, праздники и т. д. — все это подчиняется классовым интересам. Лихорадочная обработка «общественного мнения» начинается в эпоху обострения классовой борьбы, когда на сцену появляется мужик с топором в руках. Борьба с расколом была одним из видов идеологического воздействия на массы. Посмотрим, как идеология служила интересам господствующих классов возникавшей империи.

Эволюция церковного искусства сопровождалась ликвидацией демократических пережитков, которые еще сохранились в церкви. Со второй половины XVII в. правительство запрещает строить шатровые церкви — продукт самобытного деревянного церковного зодчества крестьянского севера. Несмотря на запрет, шатровая цер-

---

[1] Н. Каптерев, Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII стол. 1914, стр. 445.

[2] А. Щапов, Земство и раскол, т. I, стр. 28.

ковь на севере доминировала над всеми другими формами покрытий: шатер был альфой и омегой народного творчества и устоял до конца XVII в. [1] Черносошное крестьянство не мирилось с феодально-дворянскими формами церковного строительства. «Величие и красота храмов, — по мнению церкви, — должны были хорошо действовать на моральное покорение язычников».

Гражданская архитектура также потерпела значительные изменения. Англичанин Ричард Ченслер (1553—1556 гг.) находил Москву «серой» и «деревянной». Павел Алеппский через сто лет (1653) не мог «надивиться красоте и затейливости, прочности и искусному строению хором, множеству окон и изукрашенных узорами колонн с каждой стороны, вышине ярусов» и т. д... Он писал, что в Москве «большею частью все новые каменные и кирпичные здания, выстроенные по-европейски, как недавно научились строить москвитяне у немцев или германцев». [2]

Если обратимся от внешнего к внутреннему оформлению церквей, то мы увидим ту же картину. Иконное шитье XVII в., стремление к драгоценному металлу, тяжелой роскоши и узорочью характеризовало новое, богатое, но уже дряхлевшее дворянство. Человеческий образ потерял в глазах дворянского художника свое первенствующее значение. Конечной целью исполнителя сделалось орнаментальное богатство. «Великолепие» было связано с обилием серебра, золота и жемчуга. [3] Такое иконное шитье было выражением углублявшейся пропасти между феодалами и крестьянством.

Господствующие классы использовали икону как орудие классовой борьбы. В царской иконной мастерской создается великолепная икона «Святой Алексий, человек божий». На этой иконе фигурирует сам «тишайший» царь в компании ангелов. [4] Местные феодалы подражают центральным. Икона является агитплакатом. В 1672 г., во время борьбы с остатками разинцев, лучший художник XVII в. Симон Ушаков пишет знамя для полка Хитрово, оккупировавшего Дон. На знамени среди святых фигурирует тот же человек божий «Алексий», т. е. Алексей Михайлович. [5] Икона становится знаменем политических партий. Восставшие стрельцы создали «икону божьей матери», восхваляющую поход царевны Софьи. Петр Первый ее конфисковал. Борьба за икону, как за орудие агитации, начинается еще в XVI веке.

Стоглавый собор в 1551 г. постановил, чтобы «иконники с их учениками» писали с древних образов, а «от самосмышления и своими догадками божества не описывали». Московский собор 1667 г. с огор-

---

[1] «Временник Общества истории и древностей российских», X, смесь, стр. 5, 6; А. Каретников, Деревянное церковное строительство на севере России, «Светильник», 1914, № 7.

[2] Б. Таннер, Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г., «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1891, III, стр. 159.

[3] Н. М. Щекотов, Древне-русское шитье, «София», 1914.

[4] «Два изображения святого Алексия», М. 1914.

[5] «Русский художественный архив», 1894, II, стр. 112.

чением усматривал в изображениях икон «произвол, суемудрие и невежество пишущих на прелесть невеждам». Этот же собор осудил изображение иконы благовещения пресвятой борогодицы, на котором изображался «Саваоф, бог-отец, иже от уст дышит и то дыхание идет во чрево пресвятые богородицы», образ мученика Христофора с песьею главою, образ рождества христова, на котором безболезненно родившая матерь божия изображалась «болящею» и при ней «баба», услуживавшая ей при ее родах, икону Флора и Лавра, «с лошадью и конюхами», и икону творения мира, на котором изображался бог «по окончании творения, почивающий, как человек после трудов, на подушках».[1] Когда в 1553 г. у дьяка Висковатого появились сомнения относительно правильности изображения бога в виде старика, «Христа в виде ангела с крыльями», митрополит Макарий ему заявил: «овца не должна из себя делать пастыря и не должна думать, что она голова». Соборы осуждали тех иконописцев, которые создавали бога по образу и подобию мужика, и требовали от иконописи изображать феодально-помещичьего бога. Казенный живописец середины XVII в. протестовал против *народной* иконописи. Он писал: «Нигде в других странах не видят такого бесчинства, как ныне у нас. На премудрое иконное художество поношение от невежд произошло по следующей причине: везде по деревням и по селам прасолы иконы таскают; иные иконы *походят не на человеческие образы, а на диких зверей*. Шуяне, холуяне, палешане на торжках продают их и развозят по заглушным деревням, как детские дудки продают, и на всякую рухлядь меняют. И простой народ говорит, будто *от доброписания спасения не бывает*».

На другой точке зрения стояли раскольники. Вождь раскола протопоп Аввакум требовал, чтобы у икон были: «лица, руки, нозе, вся чувства тончава и измождася от поста, и труда, и всякие им находящие скорби». Между тем церковь рисует, по его мнению, святых толстобрюхих, толсторожих, у которых «ноги и руки, яко стулцы у кажново святого». Он протестовал против того, что казенные писаки выправляли «морщины у бедных». Раскольники выступали против иконописцев, которые «на картиях пишут и печатают святых с дебелыми, утучненными лицами и убелеными телесы и с нагими тела некими частями», они высказывались против того, что икону пресвятой богородицы пишут «простовласату, сосцы голы, а Марию Магдалину «*икону пишут, яко блудницу*».[2]

В 1547 г. церковный собор постановил привести в единообразие празднование «святым новым чудотворцам русской церкви». Постановлено было некоторых русских святых праздновать по всем церквам России, а других — на местах, т. е. некоторые святые были признаны общероссийскими. Для того чтобы остановить «гибельное шатание умов», т. е. для успешной борьбы с оппозиционными и

[1] В. Успенский, Народные верования в церковной живописи.
[2] «Душеполезное чтение», 1897, сентябрь, стр. 11; В. Успенский, Очерки по истории иконописи, 1899, стр. 73.

революционными течениями, проводилась широкая «чистка святых»: был пересмотрен их состав, проведена систематизация и централизация подходящих угодников.

Между тем раскольники высказались против признания святых. Аввакум считал, что «исповедь перед простолюдином лучше невежи попа»: даже и «баба поселянка» может разрешить «книжную премудрость». Здесь вождь раскола очень близко подходит к учению революционных сект крестьянских движений Германии. Относясь скептически к чудесам официальных святых, раскольники требовали церковной реформы, которая не могла быть совершена без реформы всего общественного строя.

Аввакум, как и Лютер, требовал родного языка в церкви. Вождь раскола писал: «Он бедной (т. е. крестьянин) мается шесть дней на трудах, а в день воскресный побежит в церковь помолитися бога и труды своя святити: оно и послушать нечего, *по латыне поют*». Обращаясь к Алексею Михайловичу, Аввакум пишет «рцы по русскому языку» и предлагает ему отказаться от греческого языка: «Ты ведь, Михайлович, *русак, а не грек.* Говори своим природным языком, не уничижай его, и в дому и в пословицах». [1] Аввакум в дальнейшем выступает против новой регламентированной одежды духовенства. Он ненавидит попов, которые распускают волосы, «аки паны». [2]

Споры о перстосложении имели социальный смысл. Раскольничье двуперстие вместо православного трехперстия, раскольничий «Исус» вместо «Иисус», как и анабаптистское перекрещенство, выражали в догматической форме борьбу за демократизацию строя, за упрощение иерархической лестницы. Византийская секта монофизитов крестилась одним пальцем. Она смотрела на единоперстие как на символическое выражение своего учения *о единой* природе бога-Христа. Этим она близко подходила к пантеистическому мировоззрению. Двуперстие, символизировавшее двойственность природы бога (дух и тело), было проще православной троицы. Эту упрощенность символизировал «Исус» (с одним «и»), выражавший единую природу бога. Левое крыло раскола отрицало крещение, богослужение, церковный брак и т. д., требовало свободного выбора священников, высказывалось против особой одежды священников и т. д.

Недовольство широких масс закрепощением, устранением прихода от выбора священника, крепостных — от священства, вмешательством гражданской и церковной власти в частные и семейные дела — оформлялось вождями раскола в схоластических спорах о вере.

В середине XVII в. «мусикия» (музыка) запрещалась. Патриарх Никон публично сжег музыкальные инструменты; по его наказу,

---

[1] В. Иконников, Новые материалы и труды о патриархе Никоне, Киев, 1888, стр. 59; А. Барсков, Памятники первых лет старообрядчества, 1912, стр. 79.

[2] Протопоп Аввакум пессимистически смотрел на общественный строй страны. В своем «Житии» он писал: «Страна варварская, отстать от людей не смеем и за лошадьми итти не поспеем. Долго ли мука сея будет? До самой смерти!»

найденные инструменты на пяти больших возах были привезены на Москву-реку и сожжены. В 1648 г. правительство издало специальное распоряжение о запрещении народных игр, «богомерзких скверных песен», карточной, шахматной игры, плясок, пений и т. д. Только в этом вопросе не было расхождений между раскольниками и официальной церковью. Аввакум с яростью ополчился против «игрищ». Пуританизм молодой торговой буржуазии был обычным явлением не только на Западе, но и в России. Желая монополизировать наслаждения только для себя, дворянство запретило народные зрелища. «В средние века, — пишет Маркс, — наслаждения вполне соответствовали отдельным классам: каждое сословие имело и свой особый способ наслаждаться. Дворянство было сословием, обладавшим исключительной привилегией наслаждения, между тем как у буржуазии существовал уже раскол между трудом и наслаждением и наслаждение было подчинено труду. Крепостные — этот класс, предназначенный исключительно для труда — знали лишь весьма немногие, ограниченные наслаждения, которые носили случайный характер, зависели от каприза их господ и других случайных обстоятельств и вряд ли заслуживают внимания». [1]

В то время как «наслаждение» народных масс преследовалось церковью и правительством, боярство и дворянство не отказывалось ни от музыки ни от театра. Во второй половине XVII в. появляется в Москве первый театр. В конце XVII в. под влиянием украинских и польских регентов и композиторов появляются у русских музыкантов попытки создать самостоятельные музыкальные произведения. В то время как народ был лишен права и возможности наслаждаться зрелищами, среди дворянства распространялась библия Пискатора, в которой мы имеем иллюстрации на мотивы из «Песни песней»...

Поэтому тем больший интерес представляют попытки крестьян сохранить свои «наслаждения», хотя бы в виде дней отдыха. Поход помещиков и церкви против «наслаждения» крестьян был связан с потребностью увеличить число рабочих дней, сократить прогулы т. д. Крестьянство же пыталось отстаивать противоположную точку зрения.

В 21 вопросе 41 главы Стоглава мы читаем: «По погостом, по селом, по волостем ходят лживые пророки, мужики, женки, девки, старыя бабы, наги и босы, волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются... Они заповедают христианам: в среду и в пятницу ручного дела не делати, женам не пряти, платья не мыти, каления не разжигати». В середине XVI в. крестьяне в лице своих «проповедников» высказывались за трехдневный отдых в неделю. Любопытно, что в заповедной грамоте Лавренской волости 1590 г. имеется постановление крестьянского общества, идущее совершенно в разрез с постановлением церковного собора 1551 г.: «А в пятницу ни толчи ни молоти»... Эта пропаганда продолжалась и в XVII в. Целый

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 283.

ряд указаний на то, что празднование пятницы, кроме воскресений, пропагандировалось только среди крестьян, устанавливает связь пропаганды с интересами закрепощаемого населения. «Духовный регламент» Петра Первого также выступает против празднования пятницы.[1]

Борьба светской власти с церковной привела к вымиранию наиболее красивых и своеобразных форм церковной музыки. Закрепощение крестьян положило почин изгнанию светской музыки из обихода крестьян колоний.[2] В XVII в. из Москвы переселились на север гонимые центральной властью скоморохи, старорусские профессиональные артисты. Они унесли с собой в Поморье свое сложное искусство — поэтическое, музыкальное, вокальное и т. д.[3]

Преследуя крестьянские народные праздники, церковь пыталась ввести свое собственное художественное воспитание. Она ввела новое «мусикийское художество» в виде партесного пения вместо строчного.[4] Аввакуму не нравилось это «органное согласие». «На Москве, — писал он, — во многих церквах поют песни, а не божественное пение, по-латыни, законы и уставы у них латинские; руками машут, главами кивают, ногами топают, как бывает у латинян под звуки органов».

Государство в лице церкви имело великолепное идеологическое орудие *для закабаления крестьян*.

Со второй половины XVII в. господствующие классы получают от Европы более усовершенствованные орудия *для подавления восставших масс*.

Ручное огнестрельное оружие, значительно усовершенствовавшись к концу XVII в., делается менее длинным и тяжелым, а потому более удобным для употребления. Фитильно-колесный замок был заменен ударно-кремневым. В то же время появляются отдельные образцы ружей, заряжавшихся с казенной части, нарезных, являющихся прототипом наших скорострельных ружей.[5]

Во второй половине XVII в. у нас появляются, наряду с медными, чугунные пушки. В военной области замечается ряд нововведений в устройстве укрепленных мест и маневрировании армий.[6]

---

[1] Проповедь Феофана Прокоповича была направлена против «мужицких пятниц». Он считал, что безбожие в народе так укоренилось, что оно «никаким способом и никакой силою человеческой неискоренимо». Он иллюстрирует свою мысль следующим примером: избрали себе мужики в году 12 пятниц и крепко утвердили сим глаголом: «по пятницам не следует работать, празднование пятниц избавляет от внезапной смерти»...

[2] Н. Финдейзен, Очерки по истории музыки в России, 1928, вып. II; И. Федосий, О древнецерковном пении, 1913.

[3] Н. К. Пиксанов, Областные культурные гнезда, 1928, стр. 25.

[4] Партесное пение распределяет основные звуки мелодии между несколькими партиями и для своего выполнения требует участия нескольких голосов; в строчном пении мелодия отдается одному голосу, другие же голоса служат вариацией главного мотива.

[5] А. Байов, Курс истории военного искусства, 1909, т. I, стр. 143.

[6] Ф. Ласковский, Материалы для истории инженерного искусства в России, СПБ., 1858.

Первый опыт формирования войска нового устройства, произведенный в эпоху зарождения «нового» феодализма, имел громадное значение: он представляет собою тот поворотный пункт, который положил резкую грань между русским войском XVI и XVII вв.

Во второй половине XVII в. происходит сдвиг также и в судостроительном деле. Самыми крупными волжскими судами являлись «насады» или «струги», достигавшие 16- и 18-саженной длины, при осадке до 12 футов и грузоподъемности до 100 — 120 тыс. пудов. Между Нижним и Казанью Олеарий встретил большой струг, плывший из Астрахани, на котором находилось 200 чел. рабочих. При грузоподъемности в 400—500 ластов (4 000—6 000 бочек), такой струг проходил в день не более двух миль. [1]

В 30-х гг. XVII в. голштинской торговой компании была предоставлена кораблестроительная концессия и организовано судостроение в Твери, Нижнем-Новгороде, Дедилове, Казани и Астрахани. В конце XVII в. была введена катóрга, новое гребное судно, на котором применялись принудительные работы, бывшие в то время в ходу в Европе и на Востоке.

В конце XVII в. московское правительство уже принимало некоторые меры к улучшению дорог в государстве. Помимо постановлений по этому предмету в Уложении 1649 г., издан был ряд указов, касающихся разных сторон дорожного дела и хозяйства.

Первая почта была учреждена в Москве в 1663 г., на 200 лет позже, чем во Франции. Она ходила два раза в неделю в Вильну и Ригу. Раз в неделю почта отправлялась из Москвы в Новгород, Псков и Ригу, употребляя на этот путь 11 дней. Кроме писем она доставляла голландские, гамбургские и кенигсбергские газеты. [2]

Между тем народные массы коснели в невежестве; грамотность, которой был причастен один из десятков тысяч, была в их глазах чем-то недосягаемо возвышенным, неприступным.

«Восходила туча сильна, грозная,
Выпадала книга голубиная,
И не малая и не великая,
Длина книги сороку сажень,
Поперечны двадесяти сажень,
Никто ко книге не приступится,
Никто ко божьей не пришатнется»...[3]

Поэтому закрепощаемая масса по достоинству оценила европеизацию господствующих классов: усовершенствованное огнестрельное оружие, быстроходное судно, почта, церковь, светская книга, житие святых — все это было орудием в руках государства для

[1] Олеарий, Подробное описание путешествия в Московию и Персию, М. 1870, стр. 405; Н. П. Загоскин, Русские водные пути и судовое дело в допетровской России, 1909.

[2] Первые иностранные газеты стали прибывать в Россию с 1631 г. В этом году получались газеты из Гамбурга, в 1646 г. — из Бреславля, в 1659—1660 гг. — из Дании, в 1663 г. — из Кенигсберга, в 1666 г. — из Штетина (А. Фабрициус, Записка о начале почты в России).

[3] Во второй половине XVII в. были проданы в Москве 352 книги: 236 печатных и 116 рукописных, в том числе 324 духовных и 28 светских. Попы купили 26

закрепощения крестьян. Не трудно догадаться, почему раскольники были против каких бы то ни было новшеств.

Борьба раскольников против новизны была направлена как против византийских, так против западноевропейских «новшеств», имевших феодальный характер. Феодально-крепостная Россия, быстрым темпом закрепощавшая крестьян, копировала общественные порядки Византии вплоть до византийских церковных обрядов и архитектуры. Идеологический багаж импортировался главным образом из Византии, страны крепостного землевладения. Борясь против византийства, левые раскольники выражали интересы мелкой городской буржуазии и закрепощенного крестьянства, которые восставали против крепостнических отношений. Выступая против всего византийского, они вместе с тем были против агрессивной внешней политики, направленной против Турции в союзе с Грецией. Мелкая городская буржуазия и крестьянство, имевшие много обязанностей без прав, больше всего думали не о внешних, а о внутренних делах. Слабая Москва в начале XVI в. осудила Максима Грека, предложившего объединить славян против Турции. К концу XVII в. Москва настолько окрепла, что принялась за реализацию идей Грека и Крижанича, бивших в первую очередь по крестьянству.

Славянофилы придавали значение расколу, который боролся за старину. Путь левого крыла раскола XVII в. отличается от славянофильства в той же мере, в какой буржуазный путь развития отличается от феодального (повторяю, я имею в виду левое крыло раскола XVII в.).

Московское правительство не жалело колоссальных средств для того, чтобы вывозить из Греции опытных идеологов православия. Значительная часть сибирской пушнины тратилась на «подарки» и жалованье грекам. Греческие «эксперты» не могли не стать полностью на сторону правительства в борьбе с Никоном. Отношение церкви к государству в самой Византии было не такого рода, чтобы в нем не заключалась опасность исключительного преобладания церковной власти над светской.

Реформируя церковную жизнь на византийский лад, Никон выполнял для светской власти важную работу. Он осекся тогда, когда выступил против интересов светского крупного землевладения. Церковь, как мы уже видели, была крупнейшим землевладельцем. Один патриарх Никон имел 25 000 крепостных крестьян. Поэтому он не мог без борьбы отступить перед наступлением светской власти на богатства церкви.[1] Выступая против Уложения (1649 г.), ограни-

(25 духовных и 1 светскую) книг, князья — 17 (только духовных), бояре — 5 (4 + 1), низшие и средние бюрократы — 76 (68 + 8), музыкант — 1 (светскую), торговцы — 4 (духовных), неизвестные покупатели — 151 (141 + 10) (Архив ИАИ, «Собранис Гамеля», т. XV). Презрение к неграмотным выразил иеромонах Климентий, который писал: «письменному человеку быть вместе с простым — все равно, что трезвому с пьяным» («Основа», 1861, I, стр. 228).

[1] Представление о влиянии Никона дают следующие данные: патриаршая область в 1658 г. имела 25 нынешних губерний, в ее составе числилось 85 городов и 4 525 церквей, приделов и часовен (П. Николаевский, Патриаршая область в XVII в., СПБ., 1888).

чивавшего церковное землевладение, Никон решительно заявил, что священство выше царства настолько, «елико земля от неба», что светская власть не имеет никаких верховных прав над лицами духовными: церковь есть вполне самостоятельное и независимое от государства учреждение, которое имеет свои собственные божественного происхождения законы и органы для управления. Он считает, что церковь во всех отношениях не только должна быть безусловно независима от всякого вмешательства в ее дела государства, но ее высший представитель, патриарх, имеет неотъемлемое право и обязанность контролировать всю государственную и общественную жизнь. [1] Никон старался доказать неотъемлемость имуществ от церкви, призывая на помощь и «св. писание», и предание, и историю.

Силу централизованного государственного аппарата прекрасно выразил Никон в своем письме к александрийскому и антиохийскому патриархам в 1666 г. На девятом году своей ссылки Никон писал про «тишайшего» царя Алексея: «если и умертвить прикажет, то умерщвляют, если прикажет погубить — губят, сокрушить — сокрушают, прикажет строить — строят, прикажет резать — режут» и т. д. [2] Никон боролся против светской централизованной власти. Восточные патриархи на предложенные им вопросы об отношении власти светской к духовной ответили в духе совершенно противоположном Никону. Они признали, что царская власть выше духовной: царь есть наместник самого бога на земле, патриарх — архиерей, наравне со всеми другими подданными, обязан царю безусловно во всем повиноваться. Светские феодалы разбили духовных. В этой борьбе крестьянство было на стороне церкви и Никона, — народные массы готовы были поддержать любую оппозицию против государства.

С правыми раскольниками церковь еще не теряла надежды сговориться; но беда была в том, что рядом с ними появилось «много и всякой сволочи: невежды-миряне, неуки, самые худые люди, с кабаков пропойцы, нагло пришедши, с бесчинием и невежеством, стали, как бесноватые»...

Левое крыло раскола XVII в., вопреки мнению Г. Плеханова, имело революционный характер. Нельзя за ним отрицать революционного значения на том основании, что революционные идеи облекались в церковно-догматическую шелуху. Массовое раскольничье крестьянское движение 60-х годов было связано с именем Капитона.

Знаменитый Бенкендорф рассматривал раскольничьи скиты, как якобинские клубы; если для XIX в. это не соответствовало действительности, то для левого крыла раскольников конца XVII в. это

---

[1] Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, 1912, стр. 226.

[2] В борьбе с раскольниками официальная церковь прибегла к подлогам. Сочинение «Соборное деяние на Мартина Еретика» и «Требник Феогноста» были составлены в начале XVIII в. Первая работа была подделана под XII, а вторая — под XIV в.

определение имеет некоторое значение. Участниками левого крыла были крепостные крестьяне. Они убегали в пустыни, где жили «подаянием да трудами своими, пашни пахали и сеяли или кормились от рукоделия».[1]

Соглашательская группа Аввакума, объявившая борьбу левому крылу раскола, выражала интересы мелкой городской и торговой деревенской буржуазии. Не случайно главными противниками Никона были протопопы крупных соборов в Москве, Костроме, Муроме и Коломне; проповедь правых раскольников нашла отклик в богатых селах метрополии.[2] Надо отметить, что большинство выдающихся раскольников по рождению, месту службы и т. д. было связано с Нижним-Новгородом или по крайней мере с ближайшим к нему Поволжьем,[3] т. е. стояло близко к торговым центрам.

Среди крепостных крестьян колонии и повстанцев в Соловецком монастыре пользовалось успехом левое крыло раскола. В стрелецком движении 1682 г. левое крыло раскола возглавлялось Никитой-Пустосвятом. Сторонники левого крыла раскола, капитоновцы (т. е. последователи раскольника Капитона), стали в 1682 г. мобилизовать массы против церкви и светской власти. Напор городских масс был так силен, что церковные власти 5 июля 1682 г. согласились устроить в Москве диспут «о вере». Раскольники хотели провести диспут под открытым небом. Правительство Софьи опасалось открытого собрания на площади. Правительству помог Хованский, уговоривший раскольников согласиться на диспут в Грановитой палате.[4] Эта дискуссия возглавлялась раскольником Никитой, которому противники присвоили кличку «Пустосвят». Никита за «упорный мятеж и нераскаянное суеверие» в 1667 г. был лишен церковным собором священнического сана и сослан. Он был освобожден только после того, как трижды заявил об отказе от своих взглядов, которые «сводили до ада пути». В 1669 г. он проклинал все свои письма, «еже есь писал не от божественного писания»; свои мысли он объявил «безумием, всеянным от дьявола» и «богомерзкими».[5] Бу-

[1] Протест вязниковских (Владимирского уезда) и нижегородских раскольников выражался в том, что они сомневались в «божественных тайнах», церковь посещали в шапках, «испражнялись близко у церкви и не причащались». Они морили себя голодом или сжигали себя.

[2] Ф. Быков, Заметка о хронографе ярославского священника Петрова, М. 1890.

[3] Н. В. Рождественский, К истории борьбы с церковными беспорядками, М. 1902.

[4] И. Голиков («Деяния Петра Великого», ч. I, стр. 164) заставляет одиннадцатилетнего Петра, во время диспута с раскольниками, встать с места, снять с себя венец и воскликнуть: «Пока сей венец на главе моей и душа в теле моем пребудет, не попущу на церковь святую воевати и правую веру неправою нарицати; и как сам оную держу, материю нарицаю, верую, что она есть правая и истинная, тако и всем повелеваю». Можно определенно сказать, что эта речь принадлежит самому Голикову.

[5] Предполагают, что «покаянный список» — не его собственного сочинения. Никите было приказано переписать его и прочесть публично («Братское слово» 1875, № 2, стр. 587). Никита агитировал в с. Коврове на большой дороге из Суздаля в казанские города (А. Щапов, т. I, 302).

дучи помилован, Никита вновь начинает энергично «рассеивать плевелы».[1] Никита Пустосвят сразу после диспута был обезглавлен и многие из его сторонников были сосланы. Вместе с Никитой выступали «бродяги и растриги-чернецы, боярский *холоп* Москвитин, Дорофей *поселянин*, Гавриил *поселянин* же». Стало быть с Никитой выступили городские *низы*, «по мирским дворам волочащиеся и по многим монастырем бродящие своевольно».

Казнь Никиты Пустосвята произвела сильное впечатление: раскольники уже не осмеливались ходить по улицам столицы, а стали собираться тайно, некоторые из них, оставив Москву, пошли со своей проповедью по другим городам; иные же, преследуемые местными властями, «яшася бегу». Учение Никиты не заглохло и после его смерти. Церковь считала, что «раскольническая прелесть» и «блядово предание» в Поволжском районе укрепилось с того времени, когда в Москве действовал «проклятый» Никита.[2]

Московские низы молчали, когда Никита был казнен. Правительство не теряло времени и перешло в энергичное наступление против революционной части стрельцов. Оно отказывается принимать коллективные жалобы и запрещает свободу собраний.

12 июля 1682 г. значительная группа стрельцов потребовала выдачи ряда бояр. Это требование мотивировалось слухом о замыслах бояр истребить стрельцов. Правительство пока молча выжидало: оно еще воздерживалось от репрессий. Если верить официальным источникам, то Хованский на совещании из стрельцов и посадских решил убить Софью и бояр, «которые старой веры не любят». Одновременно посадские должны были захватить власть в городах, а крестьяне — уничтожить бояр. Хованский был радикальнее В. В. Голицына и был готов к более решительным действиям. Обвинительный акт извращает намерения Хованского: правительство обвинило его в том, что он пытался уничтожить не только бояр, но и боярских людей. Москва находилась в руках стрельцов, которые, однако, бездействовали. Мобилизованной дворянской армии удалось быстро очистить Москву от мятежных элементов, правительству без всяких затруднений удалось казнить Хованского. Некоторые группы стрельцов стали готовиться к восстанию после казни Хованского, но они действовали нерешительно. Наступая на стрельцов, правительство В. В. Голицына предлагает им: 1) смятения и кругов впредь не затевать, к раскольникам не приставать; 2) о злых умыслах, о непристойных или «смутных» словах, о прелестных письмах немедленно доносить; 3) к боярам, думным людям, воеводам и подполковникам с шумом и наглостью не приходить и в чужие дела не вмешиваться; 4) за караул никого без указа самовольством не брать и быть у своих полковников в послушании без всякого прекословия; 5) пушки и снаряды, взятые с казенного двора, возвратить в целости; 6) на службу итти немедленно; 7) чужих дворов не отнимать

[1] Н. Устрялов, История царствования Петра Великого, т. I, стр. 57.
[2] «Из материалов по истории раскола», «Братское слово», 1875, там же.

и для свободы никого не подговаривать; 8) без царского указа никого в стрельцы не приверстывать; всех боярских и гулящих людей, написанных в «смутное» время в полки, выкинуть из строя и возвратить помещикам; 9) за казнь Хованского «ни под каким видом» не вступаться; 10) служить верно, без измены и чистым намерением; 11) «если же кто прежние дела станет хвалить, или затевать новую смуту, также кто о каких-либо мятежных замыслах не донесет, тех казнить без всякого милосердия».

Указ 1682 г. определяет из 19 столичных стрелецких полков оставить в Москве только семь; остальных же направить на украинскую, польскую и шведскую границы. Ряд полковых командиров был смещен. Начальником стрелецких приказов был назначен Шакловитый.[1] 8 октября 1682 г. стрельцы и солдаты обязались соблюдать эти условия и выдали младшего сына Хованского, который был сослан. В конце октября стрельцы подали «челобитную», в которой осудили свое выступление 15 мая. В первый же раз, когда стрельцы явились к Шакловитому с требованием исключить из их полка некоторых стрельцов, зачинщики были арестованы; потом стрельцы того же полка не хотели выдать к допросу своего товарища Ивана Жаренаго, но Шакловитый послал против них два стрелецких полка. Жареный и четыре стрельца были казнены. «Пущих» бунтовщиков разослали по разным городам: «пущими бунтовщиками» считали астраханских стрельцов, переведенных в Москву из Астрахани.[2] Одновременно рассылается указ «об устройстве на реках, мостах и перевозах застав для поимки людей, бежавших из московских полков надворной пехоты».

Можно ли после всего этого согласиться с замечанием Павлова-Сильванского о том, что правительство исключало стрельцов из дворянских списков «не потому, чтобы оно особенно заботилось о чистоте дворянского класса»?![3]

Других побуждений у правительства конечно не могло быть.

в) ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Обратимся к выяснению программы правительства В. В. Голицына — царевны Софьи и характера разногласий между последними и Нарышкиными, «партией» Петра.

Прежде всего выясним состав правительства В. В. Голицына: это проливает свет на его политику. Все члены правительства до прихода В. В. Голицына к власти были ярыми противниками местничества. Н. И. Одоевский был одним из авторов Уложения 1649 г., воеводой в Казани, ярым сторонником ограничения власти духовенства и врагом Никона. Он пострадал во время московского

---

[1] П. Щебальский, Правление царевны Софии, М. 1856.

[2] Е. Белов, Московские смуты в конце XVII в., «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, I, стр. 109.

[3] Н. Павлов-Сильванский, Государевы служилые люди, 1898, стр. 224.

восстания в 1648 г., — его дом был разграблен. Б. А. Сонцов-Засекин подавил разинщину под руководством Ю. А. Долгорукого. И. Ф. Бутурлин усмирил разинщину в Астрахани. Б. Ф. Полибин, простой стряпчий, получил чин стольника и думного дворянина. И. М. Милославский возбудил против себя московские низы в 1662 г. В 1682 г. он помог Голицыну разделаться с кн. И. А. Хованским. Е. И. Украинцев — «незнатный, но деловой человек». [1] Место «левого» Хованского занял Ф. Шакловитый. Среди крупных чиновников посольского приказа находился князь Долгорукий, близкий родственник убитого стрельцами Долгорукого. Итак, Голицын и Софья чаще подбирали себе таких помощников, которые были: 1) незнатного происхождения и 2) имели большой «стаж» по подавлению крестьянских движений. Новое правительство по своему составу должно было ориентироваться на незнатных, т. е. на средних и мелких помещиков юга. Правительство выражало интересы тех новых групп помещиков окраин и колоний, верхушки стрельцов и казаков, которые боролись за закрепощение за ними крестьян.

Что же оно сделало для осуществления своей программы? Канцелярско-бюрократическая законодательная машина за короткое царствование Федора Алексеевича успела издать больше указов, чем за продолжительное царствование Алексея Михайловича. Гораздо энергичнее работали канцелярии царевичей Иоанна и Петра, т. е. фактически правительства Голицына и Софьи. Все творчество было посвящено главным образом крестьянской проблеме: [2] за 27 лет царствования Алексея Михайловича было издано 618, за 13 лет и 9 месяцев правления В. В. Голицына — 622 указа.

После подавления восстания Разина правительство лихорадило: оно металось в поисках выхода из создавшегося положения. В 1681 г. уничтожается местничество. [3]

Н. Костомаров правильно замечает, что, несмотря на уничтожение местничества, правительство Федора не думало, однако, лишать служилых людей отличий по знатности их положения. Отмена

---

[1] В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, стр. 452; Лобанов-Ростовский, Русская родословная книга, 1895, стр. 383; «Дворцовые разряды», II, 1850—1855 г., 34, «Акты исторические», IV.

[2] См. «Полное собрание законов», I, II.

[3] Отмена местничества рассматривалась некоторыми историками, как например М. Погодиным, как революционный акт: «чиновный боярин», по его мнению, у нас спокойно делает то, что на Западе делала «чернь и Мирабо». Этот взгляд Погодина перешел к позднейшим историкам, которые упускали из виду, что в «Соборном деянии об отставке отеческих случаев и местничества» («Древняя российская вивлиофика», изд. 2, ч. XVII, 1791, стр. 422, указывается, что местничество не соблюдалось уже при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче. Предав местнические книги «огню в передних сенях», правительство спешит завести «особливые книги», куда записываются представители знатных родов. Боярская дума и после отмены местничества осталась верна старым, чисто-местническим взглядам. По этому поводу см. В. Ключевский, «Боярская дума», 1919, стр. 490. Указатель литературы см. у Е Замысловского, «Царствование Федора Алексеевича», I, 1871.

местничества все же затронула интересы старого родового боярства, которое еще мечтало о возврате времен до опричнины. В этом же году в правительственных кругах циркулировал проект создания наместничества. Правительство предполагало восстановить права, выражаясь словами Хованского, «зяблова дерева», т. е. старого боярства. Новые наместничества должны были состоять не из мелких уездов, а из целых исторических областей, вошедших в состав Московского государства.[1] В этом же году правительство предполагало созвать в Москву представителей купечества «для уравнения людей всякого чина в плате податей». В 1681 г. вводится стрелецкая подать, заменившая собою многие другие сборы: она отдает посадское население всей страны в ведение одного учреждения — Стрелецкого приказа.[2] Все эти мероприятия показывают, что уже правительство Федора Алексеевича пыталось ограничить права «старого» боярства и систематизировать законодательство о городском купечестве. Эти задачи стояли и перед правительством В. В. Голицына и Софьи, которое продолжало укреплять положение нового помещика южных колоний.

Для того чтобы выяснить процессы, происходившие во второй половине XVII в., надо уделить особое внимание мобилизации землевладения: *мобилизация землевладения за 1651—1700 гг. по своим темпам превосходила мобилизацию за весь период феодализма и крепостничества.* Все виды мобилизации землевладения (купля, продажа, дарение и т. д.) за 1651—1700 гг. составляли 50,91% всех видов перехода земельных владений у помещиков Тульского уезда, в Тульском же уезде — 46,45%, у тульских помещиков в приокских уездах — 48,38%, в замосковных уездах — 67,87%, в северных уездах — 52,4%, в верхневолжских уездах — 50,90%, в средневолжских уездах — 63,42% и в тамбовско-пензенских уездах — 34,78%. Мобилизация землевладения у рязанских помещиков 1676—1700 гг. в Рязанском же уезде составляла 56,6% (за 1651—1700 гг. — 68,5%), в уездах Окского района — 73,7% (за 1651—1700 гг. — 80,9%), в замосковных уездах — 64,5% (80,5%), в северных уездах — 90,6% (93,7%), в верхневолжских уездах — 74,9% (84,6%), в средневолжских уездах — 58,1% (71,0%), в тамбовско-пензенских уездах — 75,5% (80,4%), на Слободской Украине — 66,7% (75,0%).[3]

Можно ли пройти мимо того факта, что из 2 589 случаев мобилизации землевладения у помещиков Рязанского уезда 1 655, или 63,9%, падают на 1676—1700 гг., а 36,1% на 1614—1675 гг. и 1701—

---

[1] В. О. Ключевский, Боярская дума, 1919, стр. 492. С. Шишков пишет: «При Федоре Алексеевиче бояре хотели разделить между собой Россию на наследственные наместничества... с тем, чтобы быть там наместниками «великородным бояром вечно». Этот замысел не удался, но дворянство было вознаграждено за неудачу усилением крепостной системы» («Исторические этюды», I, 1872, стр. 9).

[2] И. Дитятин, Устройство и управление городов в России, I, 1875, стр. 145. Считая, что стрелецкая подать устранила вмешательство воевод в городские дела, И. Дитятин преувеличивает значение закона 1681 г.

[3] См. табл. 1—4.

1719 гг.? Эти факты говорят об энергичном расхищении земель во всей стране, в частности *на юге России, в конце XVII в.*

В связи с разгромом разинщины усиливается расхищение земель не только в колониях, но и в центре. В 70-х гг. XVII в. усиливается раздача дворцовых земель: за 1676—1682 гг. было роздано из дворцовых сел 2 795 дворов. Крупным придворным деятелям было роздано 1 423 крестьянских двора. Правительство не забывало и беспоместных жильцов, которые получили из 929 дворов крестьян — 233, т. е. 25,08%. Если принять во внимание, что беспоместные получили земли в Замосковном крае, т. е. в центре страны, то надо будет притти к выводу, что с малопоместными и «худородными» правительство считается. Заслуживает внимания замечание Ю. Готье: «Раздача боярам, придворным деятелям и любимцам в последнюю четверть XVII в. достигает огромных размеров, она начинает напоминать XVIII в., т. е. эпоху самой бесцеремонной траты государственных и дворцовых недвижимых имуществ». Крупнейшая раздача земель происходила *в южных колониях.* Казачьи «дети» 1676 г. наделяются землей в размере от 40 до 200 четв. Помещикам на Украине продавалось «в вотчину» 50% наличного у них фонда. В этом же году закон разрешает продавать дикие земли в вотчину и прибавляет детям боярским землю к прежним окладам. Закон 1677 г. оставляет у украинских детей боярских в поместьи те земли, которые ими были захвачены, [1] и запрещает покупать поместные земли у грунтовых казаков. Все эти мероприятия, как видно, были направлены на то, чтобы создать на Украине новые слои помещиков. Правительство Алексея Михайловича отвело на юге резервный земельный фонд вокруг 12 городов для раздачи южным помещикам; оно запретило помещикам центра пользоваться землей из этого фонда. Правительство В. В. Голицына расширяет этот фонд вокруг 17 южных городов. [2] Интересы мелких помещиков юга были особенно ограждены в писцовом наказе 1682—1683 гг.

По этому наказу новые широкие круги беспоместных наделялись землей и лесом. Особо были оговорены права помещиков на Украине: за детьми боярскими на Украине закреплялась земля даже в тех случаях, если они не имели отказных грамот; малопоместным украинцам вновь возвращались заселенные ими земли, если они были у них отобраны и еще не заселены новыми помещиками. Наказ предложил раздавать «дикие поля и порожние земли» в 29 южных городах. Оставшуюся после раздач землю раздавали беспоместным детям боярским и дворянам *украинских* же городов. Дети «боярские» никоим образом не имели права *продавать свою землю.* Таким мероприятием правительство хотело создать для мелких помещиков неотчуждаемый земельный фонд. Правительство помнило

---

[1] «Полное собрание законов», 3, 11, 655, 656, 682, 852.

[2] Вот эти города, в районе которых земля отводилась не московским, а южным помещикам: Орел, Елец, Ефремов, Белгород, Новоселье, Данков, Курск, Севск, Чернь, Ливны, Лебедянь, Кромы, Алексин, Лихвин, Брянск, Сапожок.

роль детей боярских в разинщине и сделало соответствующие политические выводы.

Классовая природа писцового наказа ясна: его авторы стремились превратить в помещиков детей боярских и часть казачества. Дикая земля *на юге* расхищалась в интересах нового нарождавшегося помещика.[1]

Наказ открывал простор для расхищения национальных земель: в национальных районах земля давалась в первую очередь русским помещикам и только во вторую очередь «инородцам». Писцовая книга 1682 г. по Симбирску разрешает помещикам «в лес ездить за р. Суру, *в черемисские угодья*, сечь всякое угожье».[2] Наконец указ 1684 г. значительно сблизил поместье с вотчиной. Этот указ окончательно укрепил и расширил земельные права феодалов в целом и в частности упрочил положение слабых его групп.

Даже техника писцового дела была также согласована с интересами средних и мелких помещиков юга. Служилые люди в массе, особенно мелкопоместные, бедные и не имевшие связей в Москве, чтобы оплатить межевиков, настаивали на валовом, т. е. сплошном описании земель. Изучая эти «челобитья», А. Новосельский приходит к важному выводу: «Одно из важнейших правительственных мероприятий второй половины XVII в., сначала межевание одних спорных земель, не сплошное, но все-таки повсеместное, а затем валовое описание и межевание было выдвинуто на очередь под несомненным *давлением служилого класса*, подобно тому как уже значительно раньше под тем же давлением стали производиться сыски беглых крестьян и холопов. Валовое описание должно было утвердить за служилым классом обеспеченное и устойчивое владение землей, как сыск беглых должен был фактически утвердить за землей крепостное состояние».[3]

В. Голицын не забывал и крупных феодалов метрополии. Желая приблизить к себе духовенство, В. В. Голицын издает в 1686 г. указ о неподсудности духовенства гражданским властям. Среди лиц, награжденных в 1683 г. (7191), мы находим и патриарха Иоакима, получившего в Московском и Владимирском уездах 63 крестьянских двора, 1 881 четь пашни, 5 635 копен сена, лесу и «денежных доходов». В этом списке имеется и Иона, митрополит ростовский, получивший 117 крестьянских дворов в Ростовском уезде и большое жалованье.

---

[1] Каковы были итоги межевания? Подлинная межевая по Орлу за 1686 (7194) г. показывает, в какой мере закреплялась земля за «кандидатами» в помещики — за стрельцами, казаками, детьми боярскими и т. д. В одном поле в Хотмышском уезде 90 стрельцов в среднем владели 731 четвертью. Кроме того в этом же уезде оказалось «лишней земли» 3 466 четвертей в одном поле. трельцы и казаки были законными кандидатами на эту землю; 81 казак владел 1 710 четвертями в одном поле, — надел рядового казака в пять раз (20 : 4) превышал надел стрельца. Хотмышские стрельцы и казаки не составляли исключения.

[2] П. Мартынов, Материалы исторические, юридические района б. Приказа Казанского дворца, 1912, стр. 87.

[3] Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания в 80-х гг. XVII в. «Ученые записки РАНИОНа», 1929, IV, стр. 108.

В. Голицын раздает землю не только патриарху и его родственникам. Крупнейшие «жалованья» сыну убитого Артамона Матвеева — 12 200 четей в одном поле, родне Иоакима Савелова — 2 457 четей и, наконец, самим Нарышкиным — 7 800 четей. За 18 лет с 1682 г. было роздано в Замосковном крае 16 120 дворов и более 167 000 четей пахотной земли.[1]

Дворцовые земли раздавались также монастырям. Особые пожалования получает Троице-Сергиев монастырь за «непоколебимую преданность особе государей».

Раздавив движение стрелецких низов, правительство начинает усиленно заботиться о крепостниках. В начале августа раздаются помещикам выморочные поместья и вотчины в «княжестве» Смоленском. В октябре 1682 г. подтверждаются в собственность *вотчины*, купленные *верхушкой* стрелецкого войска. В конце октября производится новая раздача земель беспоместным и малопоместным служилым из фонда дворцовых волостей в Дорогобужском и Бельском уездах.[2] В начале декабря разрешается продажа жилых и пустых поместий в вотчины новогородским дворянам и прибавляется земельный и поместный оклад и производятся пожалования «в вотчину» по 5 четвертей на каждые 100 четвертей пашни. Для того чтобы увеличить фонд закрепощенных крестьян, пушкари Богородицка обращаются в крестьян, т. е. закрепощаются.

Однако помещики юга Украины были недовольны: они должны были возвратить тех крестьян, которые самовольно переходили к ним из центра; они даже смели ходатайствовать об их включении в список выборных и московских дворян, если они не были наделены денежными и поместными окладами.[3]

Крестьянская земля особенно энергично расхищалась на Украине; после поражения хмельничины началась раздача земель знатной казацкой старшине и монастырям. Сам Хмельницкий начал раздачу земель как монастырям, так и шляхте. Так, в 1648 г. на просьбу Густинского монастыря о даровании ему земель, Хмельницкий издал универсал, в котором подтверждает все прежние права монастыря, дарованные во время польско-литовского периода, на монастырские земли. Подобного рода гетманских универсалов, подтверждающих права монастырей и шляхты на земли, с ограничением прав крестьян, было дано не мало. Почти все монастыри получили такого рода универсалы, утверждающие право «вечной собственности» их на земли. Одновременно с такими укреплениями за монастырями поземельной собственности идет ряд гетманских универсалов, возвращающих права на поземельную собственность тем из панов, которые лишились ее во время восстания.[4] Наследники Хмельницкого энергично проводили его аграрную политику.

---

[1] Ю. Готье, Замосковный край, 1906, стр. 334.

[2] «Полное собрание законов», № 941, 946, 960, 962, 974.

[3] Там же, II, № 689.

[4] К. Козловский, Судьба малороссийского крестьянства XVII—XVIII в., 1871, стр. 58—62.

Приблизительно в это время в украинской литературе создается легенда о том, что причиной казацких восстаний было нарушение шляхетских прав православных: они дескать были признаны равноправными с польскими шляхетскими родами королевскими грамотами, но затем были лишены этих прав своевольной польской шляхтой. Эта литература рассматривала восстание Хмельницкого как протест против этих правонарушений.

«Революционное» правительство за первые три года своего правления роздало почти 25% крестьянских дворов и 18% пашни всего количества крестьян и пашни, розданных за время с 1682 по 1711 г. [1]

Готовясь к крымскому походу, правительство В. В. Голицына награждает «по случаю мира с Польшей» помещиков: московское дворянство получает «придачи» к окладу по 200 четей, да «из поместья в вотчину» по 20 четей с 100 четей, городовые дворяне — по 150 четей. Дети боярские украинских городов и казаки получили по 50 четей, прочие «панские чины» — по 50 четей. [2] Сам В. Голицын после первого крымского похода получил 1 000 крестьянских дворов. [3]

Среди московских «кормовщиков-стольников, стряпчих, дворян и жильцов, недорослей и вдов» в 1680 г. было 189 мелкопоместных человек, владевших 369 крестьянами. Эти кормовщики получали в год 7 011 р. «кормовых денег». В 1684 г. «вместо кормовых денег» они награждались поместьями «со всякими угодия»: им раздавались крестьянские и бобыльские дворы *на севере;* им было роздано в Вологодском уезде 194, в Пошехонском — 55, в Галицком — 68, в Белозерском — 75 дворов и 18 пустошей, в Ярославском — 2 двора и 2 пустоши. «Кормовщики» наделялись крестьянами из того расчета, что за каждый «кормовой рубль» они получали по одному крестьянскому двору. [4] Ограждая интересы мелких помещиков Москвы, правительство одновременно не покушалось на земли юга, — *они большею частью отдавались не москвичам, а южанам.*

Перед помещиком степной окраины очень остро стоял вопрос о рабочей силе, — крестьяне сползали на юг, на Дон. Южные помещики нуждались не столько в земле, сколько в рабочей силе: простор был так велик, что можно было поднимать целину и снова ее забрасывать. Запашка зависела прежде всего от количества рабочих рук и рабочего скота. [5] Писцовые книги сплошь и рядом отмечают помещиков и не регистрируют крестьян; так например писцовые книги по Старому-Осколу за 1686 г. отмечают в деревне

---

[1] Н. Устрялов, История царствования Петра Великого, 1858, т. I; подсчитано по приложениям.—*С. Т.*

[2] «Акты Археографической экспедиции», IV, № 291.

[3] А. Брикнер, Материалы для источниковедения по истории Петра, отд. 2, стр. 279. «Ни в одно государственное событие не сделано столько наград, сколько учинено оных за крымские походы» (П. Иванов, Систематическое обозрение поместных прав, М., 1836).

[4] ГАФКЭ, Разрядный приказ. Книги Денежного стола за 1683—1684 г., № 217.

[5] А. Новосельский, Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 108.

Коловалде 57, в с. Сторожевой Опочке — 33, в с. Пятницком — 37 помещичьих дворов и не регистрируют *ни одного крестьянского двора*. В Слободской Украине и степной окраине это было обычным явлением. [1] Помещики юга энергично боролись за расширение своего фонда крепостных «душ». 11 июля 1682 г. беспоместным и безвотчинным жильцам было приказано дать по 5 дворов крестьян.

В октябре 1682 г. помещики, отправившиеся к Троице, где тогда находилось правительство, по призыву последнего для подавления стрелецкого восстания в Москве, подали коллективные челобитные. Челобитные исходили от средних слоев дворянства, связанных с провинцией. [2] Служилые люди добивались организации сыска беглых. Раздавив стрелецкие восстания, правительство поспешно переходит в дальнейшее наступление против крестьян. Указ 1683 г. обвиняет «боярских слуг» в том, что, пользуясь «смертным страхом», они «учинили свободу». Указ предписывал жестоко наказывать беглых и ссылать их в Сибирь «на вечное житье с женами и детьми», чтобы «впредь холопам неповадно было так воровать». [3] Правительство предложило даже не верить тем крестьянам, у которых были отпускные: «Отпускным не верить для того, что они те отпускные у прежних своих бояр они взяли в смутное время в неволю и за смертным страхованием». Указ обвиняет Хованского в выдаче таких отпускных «без великих государей указу».

Указ от 17 декабря 1683 г. вновь запрещает «пришлым поместным крестьянам записываться в черные сотни и селиться в черных слободах». [4] Указ делал исключение только для тех крепостных крестьян, которые до 14 марта 1666 г. перешли в дворцовые слободы. Правительство немедленно принялось также за межевание, которое было направлено против крестьян. В начале 1683 г. были посланы межевщики, которых снабдили подробною инструкциею; они должны были обозначать границы владений частных лиц и монастырей. [5] Межевщики обязаны были быстро закончить работу, начатую в 1680 г.

Новые переписи были также направлены исключительно против крестьян. Указ 22 апреля 1684 г. восстанавливает указ 23 мая 1681 г., уничтоженный восставшим крестьянством 15 мая 1682 г. [6] От помещиков и вотчинников были потребованы объяснения, сколько за кем из них числилось душ по последней переписи (1678 г.). При-

---

[1] См. главу «Деревня в районе еще не закрепощенного крестьянства».

[2] А. Новосельский, Побеги крестьян и холопов и их сыск, «Труды Института истории», 1926, I, стр. 342.

[3] «Акты Археографической экспедиции», 1836, т. IV, № 254, 258, 262, 263, 273, 255; «Акты исторические», 1842, т. V, № 94—95; «Дополнения к Актам историческим», X, № 31, 32, 83.

[4] «Летопись занятий Археографической комиссии», 1908, XIX, стр. 296, № 804, 818.

[5] «Полное собрание законов», № 1013, 1074, 1111, 1178, 1301.

[6] Об этом же говорится в указе 30 марта 1688 г. № 1293: «А как в прошлом во 190 (1628 г.) в приказе холопья суда дела подраны и в то время тех великих государей указы изодраны...»

нимая в расчет, что много документов погибло во время майских событий, помещикам было дано два года срока для отыскания и предъявления своих прав. Вместе с тем было строго запрещено кому бы то ни было в городе или в своем имении держать людей без видов и требовалось немедленно представлять их местным властям, воеводам же и наместникам вменено в обязанность всеми силами содействовать отыскиванию беглых. Наконец правительство разослало «во все концы» «сыщиков» для поимки беспаспортных.[1] Правительство разработало подробную систему, посвященную сыску беглых. В декабре 1682 г. увеличивается наказание за «прием и держание беглых» и требуются сведения от помещиков о числе «душ по книгам 186 г.» (1678 г.). В январе 1683 г. правительство наносит новый серьезный удар по стрельцам: беглые, записанные в стрелецкие полки, должны быть возвращены помещикам, и рассылаются новые «сыщики» для «поимки беглых».

Из числа межевщиков, искавших беглых крестьян в 1683 г., некоторые были назначены из тех стольников и дворян, которые выступили против стрельцов. В. В. Голицын предполагал ввести подушную подать, которая должна была ухудшить положение крестьян.[2]

В 1685 г. издается специальный указ, ограждающий честь среднего и мелкого помещика—«дворянства»: дворян и их жен следует писать «вичем».[3]

Правительство провело ряд мероприятий в интересах крупного купечества: оно освобождает от пошлины купцов, приезжающих из Украины в Россию,[4] отменяет таможенные заставы для купцов Арзамаса, Алатыря, Лыскова, Чебоксар, Симбирска и «всех низовых и верховых городов», едущих на ярмарку под Макарьевский Желтоводский монастырь, освобождает от таможенных сборов русских купцов Сибири и объявляет мораторий купечеству, пострадавшему от разинщины. Пользуясь восстанием стрельцов, голландцы пытались добиться отмены высоких пошлин на их товары. Голландский посол спешил: «так как многие противники Голландии в этом вопросе лишились жизни во время стрелецкого бунта», посол пытался доказать, что «процветание торговли явится незамедлительным следствием отмены чудовищных пошлин». Крупное купечество было настолько влиятельно, что правительство в 1649 г. ограничило торговые привилегии иностранцев и изгнало из России английских коммерсантов. В 1683 г. гости и купцы вновь требовали отклонить домогательство англичан о свободе торговли в России.[5] Купечество объяснило причину изгнания англичан из России «из-

---

[1] «Полное собрание законов», т. II, № 973, там же № 1073, № 972, 985, 1230, № 997, 992: П. Щебальский, Правление царевны Софьи.

[2] А. А. Новосельский, цитированная работа, стр. 350.

[3] «Полное собрание законов», II, 1036.

[4] «Летопись занятий Археографической комиссии», 1908, стр. 296, 305, № 789, 819, 834, 844.

[5] ГАФКЭ. «Английские дела», 1683 г., кн. I, л. 6.

меной законному королю Карлусу». Оно при этом ссылалось на требования самого английского посла Нектингеля порвать торговые сношения с Кромвелем, «врагом английского купечества». В 1683 г. правительство отказалось разрешить англичанам беспошлинную торговлю на том основании, что государство, ведущее войну с Польшей и Крымом, нуждается в деньгах. Последняя оговорка не имела существенного значения: во второй половине XVII в. почти вся Западная Европа ввела у себя высокие таможенные пошлины. Россия не была исключением. В торговой политике была заметна тенденция облегчить торговые связи между Россией и колониями, в частности между Россией и Украиной.

Предоставив крупному купечеству ряд льгот и привилегий, правительство нажимало на мелкую торговую буржуазию: кустарям часто запрещалось иметь подсобную рабочую силу. [1]

В. Голицын и Софья жестоко преследуют раскольников. [2] Указ 1685 г. предлагает раскольников «жечь в срубе и пепел развеять». У раскаявшихся раскольников отобрать жен и детей, чтобы им «такой прелести не держаться и с раскольщики не знаться». Казни подлежали даже те раскольники, которые искренно раскаивались, но если их преступление заключалось в том, что они «святое крещение нарицали неправым». Заподозренных в расколе «били кнутом и ссылали в дальние города». Имущество обвиняемых подлежало конфискации. [3] После этого весьма странно звучит заявление А. Н. Штрауха «о гуманности и широте взглядов В. Голицына на вопросы религии». [4]

Одновременно правительство выдает особые льготы крупным монастырям: Сийскому монастырю в 1684 г. разрешается продавать беспошлинно до 30 тыс. пудов соли. [5]

Наряду с светским правительством патриарх Иоаким издал ряд указов, ухудшивших положение монастырских крестьян: в 1688 г. он разрешил крестьянам ставить «житницы и анбары хлебные» только на своих усадебных и огородных землях. В противных случаях крестьяне облагались оброком. [6]

В 1682 г. были учреждены новые Воронежская и Тамбовская епархии, которые были полицейскими филиалами для борьбы с расколом. [7]

Крестьянство и казачество ответило на политику правительства

---

[1] В 1689 г. вдова астраханского посадского человека продавала на базаре печеный хлеб. Для этой цели она держала работника, которого она должна была уволить, так как «ныне на дворах работных людей держать не велено». (Архив ИАИ, «Астраханские акты», коробка № 43, столб. 18, л. 42).

[2] Вождь правого крыла раскола Аввакум был сожжен в 1681 г. Хотя это было за год до захвата власти, но и тогда уже В. В. Голицын пользовался при дворе большим влиянием.

[3] А. А. Э., IV, № 284.

[4] А. Штраух, цитированная работа, стр. 21.

[5] «Дополнения к Актам историческим», XI, 1869, стр. 10.

[6] М. Дьяконов, цитированная работа, № 94.

[7] П. Николаевский, Патриаршая область и русские епархии в XVII в., 1888, стр. 34.

бегством на Хопер, Медведицу и «иные запольные речки». Крестьяне и бобыли бегали также и из дворцовых слобод. Масса крестьян скрывалась в Верхоценской волости Тамбовского уезда, где крестьянство особенно активно участвовало в разинщине. Встревоженное этим обстоятельством правительство В. Голицына должно было признать, что при нем беглое население по Хопру и Медведице увеличилось в 20—30 раз. [1]

Нашло ли восстание 1682 г. отклик в крестьянской среде за пределами Москвы? Летом 1683 г. восстали крестьяне домовых сел Новой слободки и Заячьяго с деревнями митрополита Мисаила белгородского и обоянского. На следствии выяснилось, что до начала восстания в с. Заячье приезжал Федька Озеров, белгородец, сын боярский. Федька приехал из Москвы и сказал крестьянам, что в Москве бунтовала надворная пехота и что сейчас удобное время просить об освобождении крестьян от митрополита. В Москве о волнениях узнали 22 октября 1683 г. 26 октября был послан указ «двух главных заводчиков повесить», а остальных бить кнутом и вернуть митрополиту «во крестьянство попрежнему». 7 ноября отправленные крестьянами челобитчики подали в Разряде свою челобитную и были арестованы. [2] Нам неизвестны подобные отклики в других районах.

После казни Хованского и разгрома стрельцов правительство еще долго возглавлялось тем составом, который был выдвинут восставшими стрельцами. Только Хованского сменил умеренный Шакловитый. Стрелецкая масса пыталась подняться в 1689 г. и позже. В 1689 г. восстали четыре стрелецких полка, бывшие на литовской границе, и двинулись к Москве. Восстание было скоро подавлено при помощи артиллерии. По данным Корбе, австрийского посла, присужденные в 1698 г. к казни стрельцы заявили о своей программе: «Мы шли к Москве с намерением взять Немецкую слободу, истребить ее до тла, передушить да перерезать иностранцев; завладев Москвой, перебить тех солдат, которые противились бы нам, остальных привлечь на свою сторону; *уничтожить звания, отличия, казнить бояр и прибрать к своим рукам православный народ*». Во главе правительства они хотели поставить В. В. Голицына и Софью. [3] Софья и Голицын испугались радикальных союзников и отвернулись от них. Верхушка стрельцов в свою очередь боялась апеллировать к массе. Без всяких затруднений восстание было раздавлено сторонниками Петра. Казацкая масса на Дону, находившаяся на большом расстоянии от непосредственного театра гражданской войны, еще верила в оппозиционные настроения Софьи. Булавин в 1708 г. обратился с предложением к

[1] «Дополнения к Актам историческим», т. XII, стр. 125, 1872 г.

[2] Архив ИАИ. «Памятники крестьян и холопов в Московском государстве XVII в.» Под редакцией А. Новосельского и А. Яковлева. М., 1925. Взято из дел Приказного стола № 2326, 1683.

[3] «Восстание и казни стрельцов в 1698 г.», «Отечественные записки», т. 136, I, стр. 125.

Софье (она умерла в 1704 г.) присоединиться к восставшим казакам. [1] Булавин не знал о ее смерти, но известно, что при жизни она была далека от активных действий совместно со стрелецкой массой. Даже в самые критические дни в конце своего царствования Софья, выступая против сторонников Петра, с большим сочувствием отметила антикрестьянскую политику Голицына. Она заявила: «С Дону выдачи беглых не было, а его (В. Голицына) промыслом и с Дону выдают.» [2]

В заслугу Софьи Шакловитый отметил, что она «бунт утишила и монастыри строит». [3]

Мероприятия, проведенные в интересах средних и мелких помещиков (крестьяне чаще бегали к крупным феодалам), вызвали сопротивление крупных феодалов в лице нарышкинско-петровской «партии». Крупные феодалы и купцы Замосковного края были против форсированного захвата земель на юге и насаждения помещика. Эта политика содействовала отливу крепостных крестьян из Замосковного края в другие районы.

Затем не меньшие разногласия были между этими группами в вопросах внешней политики. Характер взаимоотношений В. Голицына с Нарышкиными легче понять в связи с той борьбой, которая происходила в области внешней политики. Правительство В. В. Голицына выражало интересы южных помещиков Замосковного края, заинтересованных в активной наступательной политике на Украину и на Крым. Для этой цели В. В. Голицын дважды воевал с Крымом. Москва примыкает к «священному союзу» против турок. Эти походы должны были удовлетворить аппетиты помещиков юга и привлечь на сторону Москвы зажиточную кулацкую часть донского казачества. Крепостное хозяйство не могло развиваться при наличии свободных или полусвободных окраин и колоний.

Ликвидация вольного Дона и Запорожья была невозможна без завоевания берегов Черного моря.

Голландский посол совершенно верно понял положение, когда писал: «Главный вопрос в том, что правительство не хочет и не может уступить Турции права на рыбную ловлю; оно не может уступить Турции те земли, которыми владеют запорожские казаки. В противном случае запорожцы могут оказаться в таком отчаянном положении, что смогут быть опять вовлечены в самые рискованные предприятия и решиться на самые отчаянные действия». [4] В донесении от 2 января 1683 г. Келлер вновь писал: «Запорожцы на черноморском побережьи энергично настаивают на том, чтобы им дана была уверенность в сохранении земель, островов, права рыбной ловли» и т. д.

Неудача турок под Веной в 1683 г. дразнила аппетиты южных помещиков. Прибывший в Москву в 1684 г. австрийский посол

---

[1] ГАФКЭ. «Книга входящая 1707 и 1708 г.» № 7, книга первая, л. 410.

[2] М. Погодин, 17 первых лет в жизни Петра Великого, 1875, стр. 161.

[3] И. Козловский, Сильвестр Медведев, 1895, стр. 29.

[4] Архив ИАИ. Донесение И. В. фон-Келлера от 7 января 1682 г.

настойчиво предлагал примкнуть к «священному союзу» против турок. Посол удачно выразил вожделения южных помещиков, когда говорил о том как «Азовское и Черное моря простирают к вам свои руки». Он даже предвосхитил политику будущих панславистов, когда заявил: «Греция и вся Азия взирают на Московское государство, как на своих». В. В. Голицын готов был выступить против турок только после того, как Польша откажется от своих требований на Смоленск, Киев и всю Украину.

Только добившись этих уступок от Польши, В. В. Голицын организовал два похода против крымских татар в 1687 и в 1689 гг., которые закончились неудачей.

Софья понимала, к каким отрицательным последствиям может привести борьба с крымцами. Когда В. Голицын возвращался в Москву, Софья послала к нему Шакловитого с указанием, что он должен повернуть обратно и побудить донских казаков к нападению на Крым со стороны моря, а украинских — со стороны Днепра. В. В. Голицын не был в силах это выполнить. Поражение на юге сыграло роль в его падении. Своим поражением он обязан донским казакам, которые подожгли Крымскую степь и этим приостановили продвижение русских войск. П. Смирнов считает такое направление внешней политики «по преимуществу боярским», так как от захвата степей, не требовавшего стратегического искусства и относительно легкого для полководцев, выиграли лишь прикрывавшиеся новыми крепостями и засеками приокские уезды и крупные бояре, которые владели здесь собственными городами, держали свои отряды стрельцов или казаков и занимали целые уезды.[1] Это положение П. Смирнова не учитывает интересов помещиков юга, Украины и богатого казачества, стремившихся захватить в свои руки богатый южный чернозем.

Другую позицию в вопросах внешней политики занимали Нарышкины. Они выражали интересы помещиков Замосковного края, стремившихся активизировать свою внешнюю политику на берегах Балтийского моря: Поморье, Сибирь, Поволжье и Замосковный край были связаны торговыми нитями с Архангельском, единственным морским портом. Помещикам этих районов нужно было Балтийское море. Вывоз через балтийские порты приобретал для помещиков Замосковного края немаловажное значение: в 1673 г. Россия вывезла через Нарву 24 818 тонн зерна, муки и сельскохозяйственных продуктов.[2] Интересы этих групп отстаивались министром иностранных дел при Алексее Михайловиче Ордин-Нащокиным, смотревшим на Украину как «на великую и ненужную обузу для государевой казны». Он был противником подданства казаков и полагал, что они не только не подданные, но даже вредны для Московского государства. Алексей Михайлович отстранил Нащокина в 1671 г., так как стоял на противоположной точке зрения.

[1] «Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.», 1929, стр. 8.

[2] W. Naude, Die Getreidehandelspolitik der Europäischen Staaten vom 13 bis 18 Jahrhundert, 1896, стр. 411. Ласт — 24 тонны или 96 четвертей.

«Петровская партия» была активной сторонницей войны со Швецией. Сторонники Софьи и Голицына, по донесениям датских дипломатов, стояли за мир со Швецией. [1] Восставшие в 1698 г. стрельцы были недовольны внешней политикой некоторых иностранных дипломатов, которые работали в пользу турок и стремились сорвать союз России [2] с Польшей». [3] Стрельцы стремились к активным действиям против турок в союзе в Польшей. Такая политика расходилась с первоначальными намерениями «петровской партии», стремившейся в первую очередь ударить по шведам. Датский посол Гейнс, сообщая о подавлении стрелецкого восстания 1698 г., «благодарит бога», так как «чернь присоединилась бы к победившим стрельцам». [4]

Не трудно объяснить радость датского дипломата: победившие стрельцы активизировали бы внешнюю политику на юге. Между тем Дания настойчиво добивалась союза против Швеции. Петровское правительство предпринимало азовские походы в интересах тех же помещиков юга, но одновременно наступало на Швецию и таким образом во внешней политике объединило интересы феодалов всей страны.

г) ХАРАКТЕР РАЗНОГЛАСИЙ

Между борющимися группами были разногласия по вопросу о «темпах» заимствований с Запада.

Царевна Софья и князь В. В. Голицын были идейно связаны с Симеоном Полоцким и слабее с Сильвестром Медведевым.

С другой стороны стояли патриарх Иоаким, Иона, ростовский митрополит, и Нарышкины, бояре Одоевские, Черкасские, Ромодановские, Шереметевы, Урусовы и князья Репнин, Куракин, Лыков, Борис Ал. Голицын и А. С. Шеин. [5] Они выдвигали в цари кандидатуру малолетнего Петра. Надо напомнить, что в начале XVII в. патриарх — самый крупный землевладелец, имевший 9 084 двора. Из митрополитов самым крупным был ростовский: он имел 4 376 дворов. [6]

---

[1] Г. Форстен, Датские дипломаты при Московском дворе, «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, ноябрь.

[2] Надо думать, что крупный гость Никитин, ведший обширную торговлю на Севере и в Сибири, выразил настроения крупного купечества, когда он заявил: «чорт-де его, государя (т. е. Петра — *С. Т.*) носит под Царьгород, жаль-де силы, что пропадет, а он-де государь, хотя бы и пропал, мало горя» (С. Бахрушин, Торги гостя Никитина в Сибири и в Китае, сборник статей Института истории, 1926, I, стр. 388). Крупное купечество повидимому было недовольно борьбой за Черное море, в первую очередь оно интересовалось Балтийским морем.

[3] Архив ИАИ. Рукопись о стрелецком движении на французском языке, Воронцовский архив.

[4] Г. Форстен, Датские дипломаты при московском дворе, «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, ноябрь.

[5] «Архив Куракина», I, 44; Соловьев, История России, XIII, стр. 312—313. Neuville, an account of Muscovy, 1699.

[6] Ростовский митрополит Иона играл крупную роль во всех выдающихся событиях своего времени: в 1666 г. он присутствовал на соборе о раскольниках и на соборе, осудившем Никона, и т. д. За сочувствие к бывшему патриарху он

Приверженцы Петра считали в своих рядах лучшие имена тогдашней аристократии.

Какие задачи ставил себе В. В. Голицын? Невиль [1] пишет:

«Целью князя Голицына было поставить Россию на одну ногу с прочими государствами: для этого он велел собрать сведения о всех европейских государствах и их правлении. Он хотел начать освобождение крестьян с предоставлением им тех земель, кои они обрабатывают в пользу царя, за ежегодную плату, которая увеличивала царский доход». [2] Он думал также «отправить министров для всегдашнего пребывания при разных дворах и предоставить полную свободу совести в стране. Он принял уже в Москву иезуитов, с которыми часто беседовал и которые были выгнаны на другой день после его опалы»... Невиль свои воспоминания заканчивает следующими словами: «Мне трудно было бы исчислить все слышанное мною о кн. Голицыне. Довольно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить бедняков, сделать людей из дикарей, храбрецов из трусов, на месте кочевых обиталищ воздвигнуть каменные палаты: все это Московия потеряла с опалою великого министра». Невиль отмечает, что В. В. Голицын интересовался английской революцией, и следующим образом передает о планах царевны Софьи и кн. В. В. Голицына: после своего предполагаемого брака они «устроят избрание патриарха Сильвестра Медведева, человека очень умного, который тотчас же предложит посольство в Рим для соединения церквей». О таком плане определенно говорится также в донесении иезуитов Георга Давида и Тобиа Тихоновского. [3]

Е. Белов [4] правдоподобность донесений иезуитов доказывает следующим: во-первых, близостью сторонников западно-европейского образования, Симеона Полоцкого и его ученика Сильвестра Медведева, ко двору Федора Алексеевича. Полоцкий и Медведев всячески старались ослабить предубеждения против римской церкви. Патриарх Иоаким говорил: «умри я, и вся Москва будет в руках иезуитов». В донесении иезуитов особенно важна та мысль, что Иоаким мог взять верх только вследствие отсутствия кн. В. В. Голицына, который ходил в крымских походах. Патриарх, ненавидевший иностранцев, не любил Голицына, человека весьма к ним расположенного и вообще склонного к новшествам. Столкновения между ними продолжались и во время крымских походов.

В XVII в. в Москве появляется значительная переводная литература с польского языка. Москва становится притягательным центром

был даже подвергнут административному взысканию, изменил свой взгляд и стал одним из столпов реакции (А. А. Титов, Ростовская иерархия, М., 1890, стр. 72). Иона замечателен как строитель Кремля в Ростове, а также ряда характерных памятников церковного строительства XVII в. Там же.

[1] Де-ла-Невиль, тайный агент французского правительства, был прислан в Россию в качестве разведчика о русско-шведских переговорах.

[2] П. Щебальский, Правление царевны Софии, М., 1856.

[3] М. Погодин, Воспоминание о В. В. Голицыне, «Складчина», 1874.

[4] «Московские смуты в конце XVII в.», «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, I, стр. 107—109.

для польских ремесленников, художников и ученых. Полоцкий был сторонником сотрудничества с украинскими писателями, которые в церковной литературе опирались не только на авторитет византийского духовенства, но и на высказывания латинских писателей. Деятельность украинских церковных писателей представляла собой шаг вперед в сравнении с творчеством византийской московской школы. Симеон Полоцкий в теории пытался осуществить то, что уже давно применялось на деле. На другой точке зрения стоял патриарх Иоаким. Он был ярым противником иностранных новшеств и связи с иностранцами. В 1690 г., когда власть фактически уже была в руках Петра, Иоаким, приглашенный к царскому столу на обед по случаю рождения царевича Алексея, потребовал и добился того, чтобы за столом не было иноземцев. Перед своей смертью он составил завещание, в котором разразился целой филиппикой против проклятых еретиков-иноземцев. [1] Еще более ожесточенную борьбу Иоаким вел с Симеоном Полоцким и его сторонниками накануне восстания стрельцов. Патриарх «молил и доносил начальствующим, еже бы еретикам-иноверцам над христианы в полках начальниками не быти»; но его царевна Софья «в том послушати не изволила, такожде и князь В. Голицын... не сотвори сего». Сторонники Иоакима считали Симеона Полоцкого «униатом сущим римского костела», а Сильвестра Медведева «мыслеще неправду в сердце во вся дни, составляши крамолы, имея бездверна гортань, изрыгающа яд душегубительный всякого лжесловия». В ереси и в других «латинских» заблуждениях обвинялись патриархом Иоакимом чуть не все книги, написанные и изданные на Украине и привезенные в Москву. «Ревнители старины» были против распространения иностранных языков. Они возмущались тем, что «мнози языком словенским гнушаются» и от «чужих возмущенных слов, наблеванных прелестью, лакоме напаяваются». Иоаким действовал энергично: он выступил с «Цветом духовным» против Никиты Пустосвята. Кроме того он разослал по всей стране энергичных агентов-миссионеров: на север был послан епископ Афанасий, в Сибирь — иеродиакон Михаил, Корсаков — в Кострому и т. д. Эта агентура на местах при помощи светской власти вела успешную борьбу с расколом. [2] Патриарх Иоаким усилил преследования раскольников.

Церковный собор 1681 г. выступил с рядом мероприятий против раскольников: выдавал их светской власти, установил строгую цензуру, преследовал раскольничьи селения и т. д. Это делалось при явной поддержке со стороны Софьи и Голицына, которые еще не были у власти. По смерти Полоцкого (1682 г.) патриарх Иоаким на мо-

[1] И. А. Шляпкин, Св. Дмитрий Ростовский, 1891, стр. 117; «Странник» 1873, II, стр. 108.

[2] В это же время возникают среди раскольников толки — поповщина и беспоповщина, возникают раскольничьи поселения за границей. Одновременно вновь усиливаются самосожжения: в 1687 г. в Березовом Волчке сожглось несколько сот человек, в горах под Олонцом — 1 000, в Тобольском уезде — 1 700 человек, в Тюмени — 200 и т. д. («История русской церкви», период патриаршества, Рига, 1847).

сковском соборе (1690 г.) осудил и запретил его богословские книги. В катехизисе Полоцкого он нашел «суесловие зело и гнусно и бесчестно». [1] Симеон Полоцкий, как и Иоаким, выступал против свободы слова и веротерпимости. Общество, — говорит он, — должно бороться с ересью. «Учения их нимало слушати, книг богомерзких ни в руце взимати, словопрения с ними тым враждают, иже ответов дати им не знают. Тем уже тому ту борьбу вручити, кто Голиафу Давид может быти». [2]

Ссылаясь на богоустановленность власти, ответственной только перед богом, Полоцкий выводил отсюда обязательное ее «почитание»; предписывая повиноваться «начальнику, еже велити не против богу», он требовал, чтобы подданные повиновались своему начальству, как овцы своему пастырю. [3]

В вопросах воспитания Полоцкий оставался на позициях Домостроя. Он писал:

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает,
Розга буйство из сердец детских прогоняет.

Будучи идеологом мелкопоместного и среднего дворянства, которое само пыталось стать крупным дворянством, он ненавидел ростовщиков, посредников, которые стояли между дворянством и рынком. Он, как польские шляхтичи, ненавидел торговцев, «сыновей тьмы», и в особенности евреев.

Выражая интересы возникавшего «нового» мелкого и среднего южного дворянства, он вел бешеную борьбу с расколом. Симеон Полоцкий выступил в 1666 г. против раскола с книгой «Жезл правления». Книга была направлена главным образом против Никиты Пустосвята, [4] священника в г. Суздале. Следующее подробное заглавие книги излагает ее основную мысль: «Жезл правления на правительство мысленного стада православия — российской церкви, — утверждения во утверждение колеблющихся во вере, — наказания непокоривых овец, — казнения в поражения жестоковыйных и хищных волков, на стадо христово нападающих». [5] В «Жезле» Симеона Полоцкого встречаются обширные многочисленные ссылки на церковных писателей, преимущественно восточных. Симеон Полоцкий отказывается признать и мнение «высокоученого» Максима Грека, если оно не подтверждено ни древнейшим обычаем, ни преданием церкви, ни свидетельствами апостолов и отцов церкви. [6] Симеон Полоцкий

---

[1] В. Попов, Симеон Полоцкий как проповедник, 1886, стр. 13.

[2] И. Татарский, Симеон Полоцкий, 1886, стр. 15.

[3] А. Лаппо-Данилевский, Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России, «Голос минувшего», 1914, № 12.

[4] «Христианское чтение», 1860, ч. II, стр. 487; «Дополнения к Актам историческим», V, стр. 472.

[5] Л. Н. Майков, Очерки из истории русской литературы, 1889, стр. 27.

[6] Там же, стр. 31. 24 августа 1667 г. Симеон Полоцкий был отправлен к протопопу Аввакуму с целью убедить его отказаться от своих заблуждений. Татарский, Симеон Полоцкий; прибавление к «Творению св. отцов» 1886, ч. XXXVII, стр. 175; «Материалы для истории раскола», I, стр. 118.

постоянно противопоставляет чистоту и правильность вероучения и обрядности на греческом Востоке тому невежеству в сфере религиозной, которое отстаивали раскольники. В лице Симеона Полоцкого мы видим сторонника умеренного прогресса, отстаивающего сотрудничество с литовскими и польскими учеными. Во всех остальных вопросах это был ярый крепостник.

Таким же «западником» был и В. В. Голицын, якобы мечтавший об освобождении крестьян с землею».[1] Он ни на шаг не отступил от крепостнической политики предыдущих правительств. Наоборот, В. В. Голицын самым решительным образом боролся с раскольничьим движением на Дону, с «автономистическими» поползновениями казачества и т. д. Будучи на юге во главе армии, он имел полную возможность привлечь на свою сторону казаков и раскольников. Вместо этого он весь военно-полицейский аппарат направил против казаков и беглых крестьян. В. В. Голицын, став во главе Посольского приказа, был фактическим диктатором: этот приказ ведал сношениями с иностранцами и торговлей с ними, почтой, донскими казаками, придворным церемониалом, приказами Великороссийским, Малороссийским, Литовским, Смоленским, Новгородским, Владимирским, Галицким и Полоняничным, крупными монастырями и вотчинами Строгановых.[2] Весь свой могущественный аппарат, всю полноту власти он обрушил на крестьянство. В последние годы своего правления он даже порывает со сторонниками Полоцкого. В 1688 г. он отправляет послом в Венецию Лихуда, грека, который возглавлял борьбу с Полоцким и Медведевым.[3] Такое важное поручение могло получить только особо доверенное лицо: Лихуд, помогавший Иоакиму в борьбе с «западниками», оказался и доверенным лицом Голицына. В 1688 г. Сильвестр Медведев отстраняется Голицыным от должности редактора Печатного двора, а на его место назначен идеолог византийского влияния, грек Софроний Лихуд.

В. Голицын, интересовавшийся английской революцией, целиком и полностью остается на позициях правительства Алексея Михайловича. Правительство В. В. Голицына предъявляло к осужденным политическим преступникам обычные обвинения: в 1688 г. донской атаман Самойло Лаврентьев после «пыточных речей» был казнен в Черкасске за участие в расколе, за то, что называл церкви римскими костелами, а патриарха — антихристом, митрополитов — кровопийцами, хотел итти «к Волге, как и Разин».[4] Наказ В. Голицына 1688 г. одному из послов в Венецию гласит: «руки княжей не целовать и остеречь того накрепко, чтоб про здоровье царского величества князь и Сенат спросили стоя и сняв шляпы, а есть ли того не учинит, и посланному посольство не править».[5]

---

[1] М. Погодин, Воспоминание о В. В. Голицыне, «Складчина», 1874, стр. 145.
[2] К. А. Неволин, VI, 1859, стр. 173.
[3] М. Сменцовский, Братья Лихуды, 1899, стр. 258.
[4] «Донские дела», 1688, № 55, Следственное дело над бывшим войсковым атаманом Самойлом Лаврентьевым и другими раскольниками.
[5] М. Сменцовский, Братья Лихуды, 1899, стр. 258.

Г. Плеханов даже оправдывает Голицына, которому «некого было сбивать с правильного пути в современной ему Москве». [1]

Это не соответствует действительности: он мог найти немало союзников в Москве и на Дону. Между тем он, как мы видели, беспощадно боролся с оппозиционными течениями.

Г. Плеханов очень высокого мнения о В. В. Голицыне, «родоначальнике русских западников». [2] «Когда читаешь его челобитную, — пишет Плеханов, — жалеешь, что великий Голицын, как называл его де-ла-Невиль, предпочел молча перенести выпавшие на его долю огромные лишения и тем избежать унизительной необходимости лишний раз обозвать себя царским холопом Васькой». [3] Плеханов неправ. Вся деятельность Василия Голицына показывает, что он был подлинным царским холопом Васькой. В. В. Голицын — предтеча декабристов, которые были разгромлены, так как боялись крепостных. В. В. Голицын, захватив власть, немедленно разгромил своих революционных союзников.

Левее Полоцкого и В. Голицына был Сильвестр Медведев, ученик первого. Медведев был родом из Курска; некоторое время вместе с Шакловитым он работал в приказе Тайных дел. Сильвестр Медведев и его сторонники выросли на «латинской» почве, читали латинские и польские книги, были знакомы с представителями западного духовенства, в письме употребляли латинский шрифт и латинские слова. С. Медведев вместе с тогдашним министром иностранных дел Ординым-Нащокиным почти полгода прожил в «польских и немецких землях» для «наученья», т. е. в видах расширения своего общего образования, а также для овладения немецким языком. [4] Сторонники Сильвестра Медведева энергично боролись с братьями Лихудами, греками, идеологами византийского влияния. Западники настойчиво продолжали доказывать всю пользу и необходимость изучения латинского языка. Сторонники византийского влияния выступали против латинского языка и отстаивали превосходство греческого образования перед латинским, греческих основ богословия — перед латинскими: через все сочинение Евфимия, сторонника греческого влияния, настойчиво проводится мысль, что все «латинское суемудрие, несогласное св. восточной православной церкви, не есть древле-преданное и истинное, но новомышленное и лживое, — лживость же не есть от бога, но от дьявола». [5] На беседы у Сильвестра Медведева собирались купцы из гостиной сотни, стрельцы, его земляк Шакловитый, священники и др. [6]

В чем была суть ожесточенных разногласий между Сильвестром Медведевым и греками Лихудами? Формально шел спор по вопросу

[1] «История русской общественной мысли», 1918, II, стр. 11, 24. В своей переоценке прогрессивных элементов в политике Голицына П. Б. Струве идет за Плехановым (П. Струве, Размышления о русской революции, 1920).

[2] Там же, стр. 11.

[3] «Странник», 1873, II, стр. 106.

[4] А. Прозоровский, С. Медведев, 1896, стр. 219.

[5] Там же, стр. 263.

[6] «Розыскное дело о Федоре Шакловитом», I, стр. 569.

о том, когда и какими словами совершается в таинстве евхаристии пресуществление хлеба и вина в истинное тело и кровь Христа. Фактически же Сильвестр Медведев отстаивал демократические течения в церкви, коллективное управление церковью, распространение грамотности среди прихожан и сближение православной церкви с католической. Петр Артемьев, сторонник С. Медведева, писал про действия Иоакима: «Немые учители у дыб стоят в Константиновской башне, вместо евангелия огнем просвещают, вместо апостола кнутом учат». В споре с Медведевым победили греки. Украинская церковь, где было сильно влияние Польши, не была в состоянии поддержать Медведева, — она была подчинена московскому духовенству. С. Медведев участвовал в стрелецких восстаниях, написал историю стрелецкого движения 1682 г., которая между прочим не была признана официальной историографией, и был присужден к смерти. Повидимому он был одним из организаторов восстания. Он вернулся в Москву из ссылки 12 мая 1682 г., а восстание стрельцов началось через три дня. В 1682 г. положение С. Медведева стало столь критическим, что близкие к нему стрелецкие начальники с весны 1689 г. попеременно начали ставить на его квартиру на караул стрельцов для того, чтобы «святейший патриарх тайно его Сильвестра не сослал». Присужденный к смерти Сильвестр Медведев каялся. Его раскаянию не поверили. Он был казнен в феврале 1691 г. Греческая партия торжествовала победу. Иностранец Гордон пишет, что правительство согласилось на казнь Шакловитого, Сильвестра Медведева и других лиц по настоянию патриарха. Медведев, будучи левее своего учителя Симеона Полоцкого, был однако противником решительных революционных действий. Он повидимому высказывался за более решительное и близкое сотрудничество с украинскими и западными учеными. В начале своей деятельности Голицын советовал Софье назначить патриархом Сильвестра Медведева [1] для привлечения духовенства на свою сторону и для усмирения мятежа. Все они энергично боролись с восставшим крестьянством.

Умеренная теория Симеона Полоцкого о заимствовании западных польско-украинских новшеств соответствовала идеологии и интересам южного помещика и верхушек казачества, которые в течение десятилетий боролись с польской шляхтой и не могли не попасть под ее влияние. [2]

Петровская «партия», выражавшая интересы крупных феодалов метрополии, была враждебно настроена к своей собственной и польской мелкой шляхте. [3]

---

[1] «Дополнения к деяниям Петра Великого», т. III, стр. 153; «Записки Туманского», IV, стр. 140—145.

[2] Анализируя работы Симеона Полоцкого, Медведева, Аввакума и пр., мы не можем не вспомнить про их западно-европейских современников — Спинозу, Лейбница, Декарта, Бекона, Галилея и других живых свидетелей крайней отсталости России.

[3] Переход друзей Симеона Полоцкого на сторону Петра и поддержка последнего «Украинской ученой дружиной» дали «повод» белогвардейскому «историку» князю Н. С. Трубецкому «обосновать» врангелевскую политику в украинском вопросе: Петр I, по словам Трубецкого, заимствовав литературный украинский

Подведем итоги. Накануне «петровских» реформ боролись следующие группы: 1) стрелецкие низы, связанные с мелкой городской буржуазией, казацкими низами и крестьянством (Никита Пустосвят), 2) стрелецкая верхушка, связанная с крупным купечеством, средним и мелким помещиком юга и верхушкой казачества (В. Голицын, Симеон Полоцкий), 3) осколки старого боярства (Хованский). На другой стороне были 4) крупные феодалы Замосковного края (патриарх Иоаким, Нарышкины и пр.). Последним трем группам было противопоставлено крепостное крестьянство, которое не выступило с самостоятельной программой. От его имени говорили представители других социальных групп. Избиение бояр и уничтожение ряда приказов определили программу деятельности крепостных. Их интересы объективно выражали идеологи левого раскола. Хованский выражал интересы крупного «старого» родовитого боярства; последнее симпатизировало правым раскольникам, которые идеализировали «старину» и стремились к децентрализации государственного аппарата. Раскольник Лазарь, друг Хованского, был недоволен тем, что в новых книгах «о боярех и о всех воех царя не говорят». Хованский потерпел поражение, так как он действовал против интересов крестьянства и мелкой городской буржуазии. Крепостные от него отвернулись, когда он к ним апеллировал после казни Никиты Пустосвята. Сторонники Никиты Пустосвята, идеолога левого раскола, также идеализировали «старину». Боярские приверженцы старины цеплялись за греческо-византийское влияние, которое освящало крепостное право и православие. Крестьянские приверженцы старины были против той «новизны», которая затягивала крепостнический узел. Недаром Симеон Полоцкий писал о Никите Пустосвяте: «Пустосвят — это свинья, попирающая бисер, это гнусный вепрь в церковном вертограде, — всю жизнь свою слепствовал в ночи невежества, а когда дерзнул, как сова, возвести свои мрачные очеса в светлые лучи святой богословии, то не только не исправил, а еще вконец погубил свое зрение».

Правительство В. Голицына и Софьи выражало интересы того «нового» незнатного южного дворянства, которое успело вырасти в XVII в.; оно выражало интересы тех групп, которые оттесняются на задний план крупным метропольным дворянством. «Новое» дворянство, выросшее главным образом на захватах и колонизации Украины и юга России, имевшее большой опыт в борьбе с украинским революционным движением, требовало: 1) быстрейшего перевооружения для борьбы с крестьянско-казацкими движениями, 2) скорейшего заимствования западно-европейских новшеств, не считаясь с тем, что эти новшества идут из враждебной Польши, 3) скорейшего окончательного разгрома Украины и перенесения пере-

язык, ввел его вместо великорусского; следовательно уже более 200 лет как «малорусский язык» является общероссийским литературным языком. Чего же собственно в таком случае добиваются украинцы?! Ведь современный украинский язык — «жалкий суррогат», «не культура, а карикатура» («Европейский современник», 1927, V).

довой дворянской украинской культуры в Россию, 4) быстрого наделения землей казацкой верхушки, детей боярских и пр. и введения их в «равноправную семью» столичного дворянства. Внешней политикой В. Голицын хотел осуществить свои внутренние политические задачи: разгром внутреннего врага (донцов, запорожцев) был возможен только в связи с разгромом Польши и Крыма. Отмена местничества, создание централизованного аппарата, умеренно-западническая программа Полоцкого были основными вехами внутренней политики этого правительства; верхушка восставших стрельцов приветствовала иностранцев, «снабжающих Россию товаром и кредитом, необходимыми каждому государству». [1] Верхушка стрельцов понимала «новизну» таким же образом, как В. Голицын и как ее широко впоследствии применяло петровское правительство. Нарышкины, патриарх Иоаким, группировавшиеся вокруг Петра, выражали интересы крупного знатного дворянства Замосковного края, которое было против ускоренного темпа заимствования западно-европейских новшеств, того крупного дворянства, которое было сторонником византийского влияния, символизировавшего застой и крайне медленное продвижение вперед. [2]

Между борющимися группами не было никаких разногласий по основному крестьянскому вопросу. Созданием флота на Дону и организацией Азовского похода в 1695—1696 г. петровское правительство окончательно выбило оружие из рук своих противников. Оно пыталось продолжить внешнюю политику Голицына на расширенной основе, борясь одновременно с Турцией и с Швецией. В противовес правительству Голицына, сторонники Петра стали организовывать свою собственную армию. В исторической литературе создано немало легенд о гениальности Петра I, семнадцатилетнего мальчика, организовавшего Преображенский полк. Между тем ни один из историков не пытался выяснить, почему Преображенский полк создается в 1682 г. Не случайно князь Борис Алексеевич Голицын взялся за организацию этого дела. В течение всего царствования Софьи сторонники Петра основательно укрепляют «потешный городок» на р. Яузе. Группа Б. А. Голицына оказалась дальновидной. Лука Хабаров, капрал Преображенского полка, в 1689 г. вооружил Троицкий монастырь, [3] убежище Петра и его сторонников. Троицкий монастырь был хорошо укреплен и снабжен артиллерией: монастырь считался, по мнению иностранцев, капитолием столицы.

Капитан Преображенского полка Иван Юрьевич Трубецкой в

---

[1] «Стрелецкие восстания», рукопись на французском языке; «Архив Воронцова», материалы для истории России, т. II.

[2] Между прочим сторонники Петра прибегли к одному удачному демагогическому приему: они высказались против налоговой политики Хованского, который хотел получить с крестьян «подъемные деньги» для стрельцов. Этим шагом Нарышкиным удалось привлечь на свою сторону крестьянство.

[3] Троице-Сергиева лавра и в начале XVIII в. оставалась крупнейшим монастырем: ей принадлежал 20 131 двор.

решительный момент в 1689 г. нанес поражение сторонникам Софьи.[1]

Сторонники Петра еще до захвата власти прибирали к своим рукам ряд приказов. В 1686 г. происходит смена начальников и даже целых коллегий ряда приказов: во главе приказа Большой казны становится Петр Иванович Прозоровский, во главе Большого дворца — Василий Федорович Одоевский, во главе Большого прихода — Алексей Иванович Ржевский, во главе Дворцового и Судного приказов — В. Ф. Одоевский, во главе Земского двора — Михаил Головин, во главе Казанского дворца — Борис Алексеевич Голицын, во главе Казенного двора — Семен Федорович Толочанов и т. д. Эти перемены, происшедшие с 1686 г., уже говорят о том, что власть выскальзывала из рук Софьи и переходила в руки враждебной «партии».

Восстание 1689 г. было только вспышкой стрелецких масс, но эта вспышка, как уже было отмечено, не нашла сочувствия ни в массах ни у Голицына и Софьи.[2] В процессе борьбы между Нарышкиными и Софьей осталось так мало разногласий, что не из-за чего было бороться. Правительство Петра, став у власти, недурно учло все уроки борьбы: оно усвоило всю систему Симеона Полоцкого, который учил согласовывать и примирять консервативные начала Запада с феодально-византийской системой Московской Руси. В борьбе с оппозицией петровское правительство заимствовало ее программу по внутренней и внешней политике и методы борьбы. Система Симеона Полоцкого, сочетавшая передовую европейскую технику с византийской идеологией, дала оружие в руки дворянства в целом и помогла ему укрепиться у власти. Отмена Петром системы поместий (вернее слияние поместий с вотчиной), разгром Украины, захват ряда новых колоний и берегов Балтийского моря окончательно удовлетворили и примирили борющиеся феодально-крепостнические группы.[3]

Уже петровскому правительству пришлось столкнуться со вспышками новой оппозиции со стороны старого родовитого боярства.

---

[1] А. Н. Труворов («О времени учреждения гвардейских полков», «Исторический вестник», 1887, октябрь) опровергает установившееся мнение о возникновении Преображенского полка в 1682—1689 гг. Если даже согласиться с Труворовым, — а он не прав, — то существо дела не меняется. Он сам не отрицает того, что в 1687 г. подготовлялось помещение в «потешной башне» для капитанов, которые охраняли Петра. А. Н. Труворов считает, что помещение готовилось «не только для капитанов Преображенского полка, но и для капитанов стрелецких полков, присылаемых в Преображенское для караула». Само собою разумеется, что из отборных стрелецких частей вырос Преображенский полк не как «потеха», а как передовой отряд феодально-крепостнического государства (см. «Историю лейб-гвардии Преображенского полка 1683—1883 гг.», стр. 40).

[2] События 1689 г. нашли отклик в Азове. Между стрельцами начались толки о том, что воевода Прозоровский «сует под ремень» присланное царем «милостивое слово стрельцам за их службы». I сентября 1689 г. стрельцы были намерены «посадить на копья» воеводу, «побить полковников», выступить на Москву вместе с донскими казаками и «чернью», но, кроме «толков», в Азове ничего не было.

[3] Александров-Дольников и Н. Второв, Воронежские акты. Древние грамоты, касающиеся Воронежской губернии, XI, стр. 18—21, 1852.

Оппозиция возглавлялась некоторыми из семьи Нарышкиных и из среды духовенства. Энергичнее действовали выходцы из той среды, которая пострадала (Нарышкины, Долгорукие) во время стрелецких восстаний. Они даже предполагали опереться на «народ». Алексей Петрович и некоторые из его сторонников мечтали о том, «здорова была бы чернь».[1] Эта попытка родовитого боярства, как и стрелецкие движения, была обречена на неудачу... [2] Феодалы-крепостники крепко держали власть: в интересах всего дворянства и крупного купечества крестьянство было окончательно закрепощено и строилась «единая неделимая Российская империя».

5. ВОССТАНИЕ В АСТРАХАНИ В 1705—1706 ГГ.

В тесной связи со стрелецкими движениями находится восстание в Астрахани, Красном Яре, Черном Яре и Гурьеве, которое продолжалось с 30 июля 1705 г. по 13 марта 1706 г. Астрахань была в XVII в. наиболее революционно настроенным городом: многочисленное волжское бурлачество, пестрый национальный состав, масса беглых и стрельцов, иностранное купечество, — все это объясняет активное участие астраханцев в революционных движениях. Бурлачество здесь было сконцентрировано относительно большими массами (см. табл. 24 на стр. 247).

В 1664 г. было занято перевозкой соли 619, в 1667 г. — 761, в 1675 г. — 1 119, в 1682 г. — 1 912, в 1688 г. — 516, в 1690 г. — 103, в 1691 г. — 2 415 бурлаков.

На астраханском «деловом дворе» работали морские и волжские кормщики, плотники, каменщики, кузнецы, молотобойцы и бочкари; 2 283 ремесленника, зарегистрированных за 1629 — 1699 гг., были исключительно стрельцами, т. е. наиболее революционно настроенным элементом, находившимся в тесной связи с беглыми.

Петровское правительство, борясь с беглыми, стало нажимать и на астраханцев. Ряд мероприятий правительства был направлен

---

[1] От Ефросинии, жены Алексея Петровича, мы узнаем программу действий царевича. Он хотел ликвидировать флот, вести только оборонительные войны, столицу перенести в Москву, а «летом жить в Ярославле». Царевич, как видно, был рупором старой феодальной знати, на которую пытался в свое время опереться Хованский.

[2] М. М. Семевский, Сторонники царствования Алексея Петровича, «Библиотека для чтения» 1861, т. 165; М. Погодин, Суд над царевичем Алексеем, «Русская беседа» 1860, № 1; С. Соловьев, История России, т. XVII, гл. 2, и т. XIII, изд. т-ва «Общественная польза», стр. 890—907; Устрялов, История царствования Петра Великого, т. VI, 1859 г.; Н. А. Аристов, Московские смуты в правление Софии Алексеевны, 1871; А. Брикнер, Материалы для источниковедения истории Петра, «Журнал Министерства народного просвещения», 1879, стр. 253 — 56; «Воронежские акты» К. Александрова-Дольникова и Н. Второва, 1851, I, стр. 61—78; Н. С. Субботин, Материалы для истории раскола, 1878, IV; «Полное собрание законов», II, № 1073; «Акты Археографической экспедиции», IV, 1836, № 254, 255, 258, 261, 262, 263 — 273; «Акты исторические», V, 1842, № 94, 95; «Дополнения к Актам историческим», X, № 31 — 32, 83.

против беглых, которые скрывались в Астрахани. Работные люди попрежнему бегали на Дон от «азовских и воронежских работ».

На правительственные репрессии первой откликнулась Астрахань, [1] где скрывалось много беглых.

Таблица 24

Концентрация бурлачества на волжских стругах в 1664—1698 г. [2]

	Число бурлаков на одном струге						Неизвестно	Всего
	1—25	26—50	51—75	76—100	101—150	151 и больше		
Число стругов с солью	29 20,9%	55 39,6%	33 23,7%	14 10,1%	8 5,7%	— —	2 —	141 —
Число стругов с рыбой	22 33,8%	26 40%	9 13,9%	2 3,1%	1 1,5%	5 7,7%	2 —	67 —
	51	81	42	16	9	5	4	208

В 1705 г. астраханские «служилые люди» в количестве 1 500 чел. убили астраханского воеводу Ржевского, «полковника и иных начальных людей». [3]

Астраханцы заперлись в городе, поставили пушки, собрали из слобод «гулящих» людей, вооружили их и подожгли под Астраханью слободу, укрепили земляной вал, заперли городские ворота и мосты «разметали». Восставшие «жестоко» стреляли из пушек и из мелкого оружия. [4]

Движение возглавлялось «пущими» заводчиками — астраханскими, красноярскими и черноярскими стрельцами и бурлаками, которые зимовали в Астрахани. «Пущий заводчик» стрелец Стенька Москвитин показал, что его отец и дядя были казнены за участие в стрелецком восстании. Из Москвы он приехал в Астрахань для того, чтобы «нарочно говорить тамошним стрельцам», дабы они «за старую веру и за старое платье стали». Москвитин получил из Коломны «возмутительное письмо», в котором стрельцы призывались к восстанию. Стрельцы, по показаниям Москвитина, намерены были поднять жи-

[1] Я. Л. К истории астраханского бунта 1705 г., «Астраханские епархиальные ведомости», 1879, № 37—38; М. Рыбушкин, Возмущение стрельцов в Астрахани 1705 г., «Астраханские губернские ведомости», 1838, № 47—48; 1841, № 15.

[2] Данные о бурлачестве, занятом перевозкой соли, относятся к 1664—1691 г. Таблица составлена бригадой А. Пруссак, Р. Беркович, З. Тимофеевой, Я. Притыкиным на основании «Астраханского фонда» в ИАИ.

[3] ГАФКЭ, «Донские дела», 1704, № 21, л. 163.

[4] Журнал, или поденная записка Петра Великого с 1698 г., 1772 г., часть II, отдел 1, стр. 201.

телей Красного-Яра, Черного-Яра, Яика и Терека и итти в «верховые» города, затем к Москве, где «разорять и убивать управителей государственных, офицеров солдатских, а наипаче иноземцев, мстя за то, что стрельцы казнены и сосланы в ссылку».[1] В Астрахани по некоторым данным было убито не менее 300 начальных людей.

Подписи под «прелестным» астраханским письмом проливают свет на социальный состав восставших. Среди подписавшихся имеются пятидесятники конных полков, московские, ярославские, симбирские и астраханские купцы «первой статьи» гостиной сотни, павловские, нижегородские, симбирские посадские и «все астраханские и верховых городов посадские люди».[2]

Восставшие заявили, что они восстали против «брадобрития и немецкого платья»,[3] против того, что в 1704 г. с них брали «банных денег», лишили «хлебного жалования» и препятствовали свободе торговли. «Прелестное» письмо, подписанное представителями крупной и мелкой городской буржуазии, объясняет мотив выступления: их восстание было направлено против ограничения свободы торговли и против налоговых обложений купечества и посадских. Не случайно восстание возглавлялось Яковом Носовым, торговцем гостиной сотни, Аноном Ермолаевым, астраханским посадским, и стрельцом Гаврилой Шелудяком. Восставшие астраханцы хотели возбудить «иные народы и все войско донское».[4] Выступление было локализировано: донской «войсковой атаман и знатная благоразумнейшая старшина» удержали казаков от выступления[5] и отправили в Царицын несколько тысяч казаков» со своим «воинским оружием» и старшиной Максимом Фроловым.[6]

Для подавления восстания из Казани в Астрахань был отправлен отряд Бориса Шереметева, из Царицына—отряд Петра Ивановича Хованского.

Донские казаки за свое поведение во время астраханского восстания получили необычную для того времени большую сумму в 20 тыс. руб. и много подарков «в вечную несмертельную память».[7]

---

[1] Там же, л. 230. Журнал или поденная записка Петра I, 1772, ч. 1.

[2] ГАФКЭ, «Донские дела», 1704, № 230—265.

[3] В 1705 г. был послан на юг указ «о бритье бород и усов всех чинов людям, кроме попов и дьяконов, и об установлении особых знаков, дающих право на ношение бород и усов».

[4] «Донские дела», 1704, № 21, л. 164.

[5] «Донские дела», 1704, № 21, л. 166.

[6] Хотя казацкий атаман заверял, что казаки не выступят против царских указов, однако он подчеркнул любовь казаков к старине. Он писал: «платье-де они ныне носят по древнему своему обычаю, как кому из них которое понравитца, иные -де любят носить платье и обувь по-черкески и по-калмыцки, а иные обыкли ходить в русских стародревнего обычая в платье, и что-де кому лучше похочетца». Дальше атаман недвусмысленно разъясняет: «Немецкого-де платья никто из них казаков у них на Дону не носит и мастеров, то есть портных, которые б немецкое платье могли сделать, в городах их казацких не живут и охоты-де у них казаков, кроме изволения государского к тому немецкому платью нет».

Учитывая эти настроения казаков, правительство не торопилось ввести на Дону немецкое платье.

[7] ГАФКЭ, «Донские дела», 1704, № 21, л. 173, 220.

Узнав о разгроме астраханцев, Петр благодарил фельдмаршала Шереметева за «триумф» и «викторию» над проклятыми «ворами». Шереметев был щедро награжден, так как его 3 000 солдат «одолели 10 000 воров». Царь торжественно «с пальбою и ружейными залпами» отпраздновал победу. [1]

Астраханское восстание 1705 г. было последним городским восстанием в эпоху феодализма и крепостничества.

6. ВОССТАНИЕ КОНДРАТИЯ БУЛАВИНА В 1707 — 1708 ГГ.

История булавинщины совершенно неразработана. Изданные работы почти не заслуживают внимания. Стоит отметить только работу Н. Краснова, запрещенную цензурой в 1884 г. [2]

По мнению цензора Юферова, автор, «восторженный» поклонник казачьих вольностей и всего казачьего прошлого, рисует увлекательную картину быта казаков в допетровскую эпоху, богатство окружающей их природы, раздольную жизнь, удалые предприятия и в особенности политические преимущества самоуправления. Этим светлым чертам казачества противопоставляется угнетенный «быт московской России, царский деспотизм, закрепощение бедного люда, притеснения его от бояр, воевод и приказного люда». Краснов отмечает ошибки и темные стороны царствования Петра; по его мнению, «при обыкновенном течении этой истории при царях, подобных Михаилу и Алексею, донские витязи являлись бы основателями царства на Черном море и Архипелаге и наверное ранее самой России сделались бы обладателями Анатолии, Румынии и самого Константинополя». Цензор недоволен ни тем, что «московскому деспотизму противопоставляется войсковой круг», ни пафосом, с которым «автор относится к таким представителям разбойничьего быта, как Стенька Разин, ни его симпатией к Булавину».

Н. Краснов считал Булавина «не грабителем больших дорог, не вором и разбойником, а просто избранным вождем». Юферову не понравилось то место, где Краснов «неуместно замечает, что правительство может еще долго оставаться спокойным за казаков, если только оно не нарушит их поземельные права; в противном же случае правительство натолкнется на такой же энергичный протест, как в начале XVII столетия». Цензор приходит к тому выводу, что «между строк нельзя не видеть, что автор как бы желает напомнить казакам их свободное прошлое, их обособленность от прочей России и необходимость крепко держаться за свои политические права и преимущества». Юферов не заметил, что выводы Краснова совершенно неожиданны. Автор «Усмирения Булавинского бунта» указывает, что сравнительно ничтожная часть регулярных войск была достаточна для

[1] А. Г. Брикнер, Иллюстрированная история Петра Великого, I, стр. 341.

[2] Дело СПБ. цензурного комитета, 1884 г., № 58 о рукописи ген.-майора Краснова («Усмирение Булавинского бунта на Дону»). Запрещено для журнала «Разведчик» в феврале 1891 г. ЛОЦИА.

усмирения грозного бунта. Поэтому «описание подобного события должно иметь отрезвляющее действие на людей, считавших себя народниками и тем не менее подставляющих простой русский народ под винтовку и штык солдат или под пику казака». [1] Несмотря на этот вывод, цензор эту работу не пропустил.

Что же представляла собой булавинщина?

Разгром раскольничьих городков на Дону усилил нажим правительства на верховых казаков. Правительство высказывалось против организации новых городков на Дону. Указ 1700 г. требовал перевести и переселить казаков верховых донских городков, поселившихся по Хопру, Медведице, по двум дорогам к Азову. Этот указ мотивировался тем, что «в те городки от азовских и воронежских работ работные люди бегут и тех беглецов не отдают». Правительство требовало выдачи всех поселившихся после 1695 г., так как города строились не для того, чтобы «беглецов и работных людей укрывать». Казаки оправдывались тем, что они заселяли городки «старожилыми казаками, а не вновь пришлыми русскими людьми». Для облегчения борьбы с беглецами была организована Азовская губерния. [2] Дон притягивал беглых не только из центра, но и из Слободской Украины и с Яика. Князь Юрий Долгорукий был отправлен в начале августа 1707 г. на Дон «для поимки беглых, которые укрывались с женами и детьми в разных городках». [3]

Еще до приезда на Дон Юрия Долгорукого зажиточное низовое казачество стало готовиться к переписи беглых. Войсковой атаман предложил «казнить смертью» тех, кто себя станет «называть старыми казаками, а по списку явятца новопришлые». Верховые казаки многих городков ответили на перепись бегством.

Казачество оспаривало право Долгорукого искать беглых в Черкасске: оно отрицало наличие указа, запрещающего «пришлых с Руси людей принимать». [4] Князь Долгорукий потребовал у казаков выдать беглых «с посадов и уездов, посадских людей и мужиков». Казаки были возмущены правительственной переписью не только новопришлых казаков, «но и старожилов, которые природились и изстари поселились на Дону».

В восьми местах только Долгорукому удалось найти больше 3 000 беглых. [5] Многочисленное булавинское войско состояло сплошь из беглых. Еще до Ю. Долгорукого «для сыску беглых» в 50 городах посылались на Дон стольники Пушкин и Кологривов.

Бегство крестьян и рабочих в начале XVIII в. приняло массовый характер: из 30 370 рабочих, отправленных в Азов и Троицкое в 1704 г., не явилось 13 674, в 1705 из 32 288 рабочих не явилось 14 822, в 1706 г. соответствующие цифры составляли 37 208 и 29 929,

---

[1] Там же, л. 10.
[2] «Донские дела», 1704, л. 222.
[3] «Дело приказа воинского морского флота», № 87, л. 1096.
[4] Там же, л. 1097.
[5] И. Голиков, Деяния Петра Великого, II, 317.

в 1707 г. — 26 266 и 17 882, в 1708 г. — 1 500 и 150, в 1709 г. — 18 100 и 17 695.[1]

В августе 1708 г. из 840 рабочих-старооскольцев, направленных в Коротояк,[2] бежало 835 чел. Дошло до того, что трудно было достать даже гребцов.

Правительство в конце концов отказалось от переписи всех казаков; перепись населения происходила только в верхних городах по Дону и по Северному Донцу, Бузулуку, Хопру и Медведице. Население на Дону ниже Паншина городка не переписывалось. Перепись, произведенная в 1705 г., дает следующую картину.[3]

Таблица 25

Время основания городов по показаниям жителей

	По реке Дону	По Северному Донцу
За 1—5 л. до переписи	1	2
» 5—10 » » »	1	3
» 18—25 » » »	1	7
» 27—30 » » »	1	4
» 40 » » »	1	1
» 100 » » »	—	1

Эти данные уличают беглых в неверных показаниях.[4]

На Северном Донце не могло быть больше старых городов, чем на Дону. Более убедительными являются сведения о том, что жители не помнят, когда городки были построены. Между тем жители 12 городков по Хопру и Медведице и 19 городков по азовским дорогам «забыли» время их основания. По другим неполным данным в 1698 г. в 26 городках по Хопру было 3 670, в 16 городках по Бузулуку — 1 490, в 14 городках по Медведице — 1 480, в 22 городках по Северному Донцу — 8 580 и в 33 городках по Дону — 6 470 жителей.[5] Эти данные далеко не полны и дают лишь приблизительные сведения о численности населения.[6] Беглые по «святой непорочной евангельской заповеди» обычно показывали такую «правду» (см. табл. 26 на стр. 252).

По данным С. М. Соловьева,[7] по Северному Донцу было 12 городков с населением в 1 680 чел., по Хопру — 26 городков с населением в 3 670 чел., по Бузулуку — 16 городков с населением в 1 490 человек и по Медведице — 14 городков с населением в 1 470 человек.

---

[1] А. Елагин, История русского флота, период Азовский, приложения, ч. 1, 1864, стр. 343.

[2] Разряд, связка 47, дело № 52, л. 22.

[3] ЛОЦИА. «Приказы воинского морского флота» 1702—1706 гг. № 24, Морской флот № 87.

[4] Массовое бегство крестьян из Поволжья приняло катастрофический характер. Английский капитан Перри, бывший в России в 1698—1715 гг., писал: «Весьма достойно сожаления, что такая богатая и прекрасная страна, находящаяся на берегах великой реки Волги, находится в настоящее время в таком запустении и лишена всякого населения». П. де-Перри, Состояние России при нынешнем царе, М., 1871, стр. 61.

[5] «Сборник области войска Донского статист. комитета», 1687, вып. 1.

[6] Дела разрядные, 1703 г., л. 433—446.

[7] С. М. Соловьев, История России, т. XI—XV, стр. 1456.

Таблица 26

Показания беглых о времени основания городов

Название городка	Сколько лет тому назад построен	Число боевых казаков	Откуда пришли	Имеются ли беглые
Донецкий	27 л., казаки поселились за 20 и 30 л. до Азовских походов	88	Из разных русских городов	Беглых боярских холопей и крестьян и задворных деловых людей нет; захребетников объявили.
Усть-Медведицкий . .	«памятухов нет»	90	«сходцы» из разных русских городов	Беглых боярских, задворных и деловых людей нет то же
Распопинский	«памятухов нет»	64	то же, а «иные здесь породились»	
Староайдарский . . .	30	—	то же	» »
Кременский (Кременки)	«памятухов нет»	90	то же, остальные «тутошные природные»	» »
Иловлинский	«памятухов нет»	100	«сходцы»	» »
Новопоселенный Калитвенец	3	10	пришли до Азовских походов	» »
Качалин	«памятухов нет»	130	то же	» »
Большелуцкий (Большая Лука)	6	50	» »	» »

Число жителей в городках колебалось от 6 до 600. Менее населенными оказались городки по р. Дону, откуда население повидимому переходило на новые места. Гуще населенными оказались недавно возникшие городки. [1]

Каков же был социальный состав жителей на Хопре и Медведице? Сотни актов дают один и тот же стереотипный ответ: на Хопер и Медведицу бегут из Москвы и других городов стрельцы и казаки, крестьяне и бобыли из дворцовых слобод, сел и деревень.

Среди восставших булавинцев находились и посадские. В начале XVIII в. выбирали «вольницу» из посадских «людей саранских, ижорских и пензенских на солдатскую службу» и посылали их на «вечное житье в Азов». Также и из Саратова высылались на житье в Азов «семьи, знакомые с рыбным промыслом». В 1700 г. в Азове была учреждена ярмарка, на которую приглашались жители «мало-

[1] ЛОЦИА. Приказ воинского морского флота 1702—1706 г., № 24, Морской флот, № 87; К. Бибикова (см. предисловие к материалам по булавинщине, изд. ИАИ) насчитала в районе восстания 127 городков с населением в 28 570 человек, по ее же данным на стороне Булавина оказалось 8 320 человек.

российских городов». Азов был каторгой, на которую ссылались преступники со всех концов страны. В архивных материалах немало места занимают «отписные книги» строениям тюремных дворов, кандалам, железам и каторжным цепям...

В 70-х гг. казаки вывозили хлеб из России, а «ныне (1685 г.—*С. Т.*) в тех городах казаки завели пашню». Сельское хозяйство привлекало крестьян из метрополии: «слыша то, что они, казаки, пашут и сеют хлеб, дворцовые и помещиковы и вотчинниковы и монастырские крестьяне и бобыли и боярские холопы к казакам бегают.[1] Жилец Ларион Савельев в 1707 г. донес в Москву, что на Дону и Хопре в некоторых городках «посеяли себе хлеба на наемной земле».[2]

Казаки должны были круговой порукой отвечать за укрытие беглых. Атаман круга обещал правительству казнить «трех лутших человек» при обнаружении беглых в станице.[3]

Перепись населения сопровождалась жестокими карательными мерами. Отряд Юрия Долгорукого «многие станицы огнем выжег, многих казаков кнутом бил, губы и носы резал, младенцев по деревьям вешал, женщин и девиц брал для блудного промышления на постели». Наряду с правительством и помещики искали беглых на Дону. Атаман Лукьян Максимов новонаселенные городки разорил и переводил беглых в Белгород.[4]

Изюмский полковник Феодор Шидловский в 1704 г. не разрешил казакам селиться на р. Бахмуте, разорил новопостроенный казацкий городок с жилищами и завладел соляными «заводами». Казаки указывали, что «р. Бахмут из давних лет в рыбных и звериных ловлях и во всяких добычах владение было их казацкое». Изюмские казаки отрицали права донцов на Бахмут: во-первых, потому что он стал притягательным центром для беглых, во-вторых, потому что донские казаки владели только тем районом, в котором «от реки их казачьей пищали голос слышен».[5] Наконец, казаки жаловались на ограничение свободы торговли, на обременительность поставок рыбы «на государев обиход» и на то, что украинские торговые люди забирали у казаков всю рыбу в счет ссужаемого хлеба и рыболовных «орудий».[6]

Восстание вспыхнуло под руководством Кондратия Булавина. Весьма ценным является показание английского посла Витворта, что Булавин — бывший стрелец, участник астраханского бунта.[7] Эти биографические данные имеют немаловажное значение для понимания связи булавинщины с предыдущими движениями. Булавин, по официальным данным, был родом из Трехизбянского городка, который лежал по среднему течению р. Дона.

---

[1] «Дополнения к Актам историческим», XII, № 17, стр. 124.
[2] «Донские дела», 1707, св. 24, к. 76, Новочеркасск.
[3] «Донские дела», св. 24, № 76, № 31, 1706, 15 июня.
[4] ГАФКЭ, Разряд, дела, относящиеся к булавинскому бунту 1709 г., № 24, л. 12.
[5] ГАФКЭ, «Донские дела», кн. № 20, л. 333—357.
[6] Там же, л. 612.
[7] «Сборник Императорского русского исторического общества», 1886, т. L. Донесение Витворта от 5 мая 1708 г.

В начале восстания Булавин был против решительной тактики: он высказывался против выступления казаков «на Русь и на Волгу» [1] (9 октября 1707 г.). Но затем, когда восстание вспыхнуло, он разбил присланный из метрополии карательный отряд и убил начальника отряда Юрия Долгорукого. [2]

Булавин в официальном сообщении на имя правительства причину убийства Долгорукого и атаманов объясняет тем, что старшины «многие неправды, разорение чинят», присваивают себе «денежное жалование и дуван» и высылают «в Русь многое число старожилых казаков». В заключение он обещает попрежнему служить и предлагает царским полководцам «по Дону, по Донцу, по Хопру не ходить». [3] Во втором своем «доношении» от 18 мая Булавин обещает «служить верою и правдою», если на Дону будет «попрежнему, как при дедах и отцах». Правительство не придало никакого значения раскаянию Булавина, которое оно рассматривало как «лукавство». [4]

Городок Шульгинской, в котором был убит Долгорукий, и г. Белолуцкий, жители которого участвовали в убийстве, были «выжжены и разорены». За выдачу убийцы Долгорукого было обещано 200 руб. Само казачество должно было сжечь те городки и станицы, где «воров принимали и противности не чинили». [5] Около 200 человек было казнено правительственным отрядом. Эти репрессии вызвали взрыв возмущения казачества.

Убийство Долгорукого и расправа с восставшими послужили сигналом к повсеместному восстанию.

Около Кондратия Булавина составилась группа активистов. Среди них были Семен (Сенька) Драной, Никита Голой, Ивашка Гайкин, Лука Хохлач, Миша Голубятников, Кирюшка Курганов, Тимофей Соколов и др. Последний сыграл роковую роль: он оказался предателем и систематически информировал азовского губернатора о действиях булавинцев. Соколов заслужил доверие и был выбран есаулом повидимому как ссыльный, вернувшийся из Сибири, но доверия не оправдал.[6] К Булавину явился Лоскут, участвовавший в разинщине. Он ободрял Булавина и якобы заявил, что «Булавин — прямой Стенька», так как тот «Стенька без своего ума голову потерял».

В октябре 1707 г. восстали три станицы — Алексеевская, Усть-Бузулуцкая и Федосеевская. Жители станиц писали и рассылали письма по «разным станицам и прельщали многих людей». [7]

---

[1] ГАФКЭ, «Кабинет Петра», кн. № 7, л. 139.

[2] «Сборник Русского исторического общества», т. LVI Донесение Витворта от 7 июля 1708 г.

[3] ГАФКЭ, «Кабинет Петра», кн. № 7, л. 710 об.

[4] Английский посол донес своему правительству, что Булавин продолжает высылать казенные подати и доходы в прежнем размере и вновь написал царю письмо, полное уверений в преданности, лишь бы не трогали казацких вольностей.

[5] ГАФКЭ, «Донское повытье», 22/6, л. 600 об.

[6] «Кабинет Петра», I, отд. II, кн. 7, лл. 1326, 1256.

[7] К сожалению, совершенно невозможно установить, что происходило на Дону от убийства Долгорукого, т. е. с осени, до марта 1708 г., т. е. до занятия булавинцами Черкасска.

Булавин 1 мая захватил Черкасск и казнил атамана низового казачества. Захват Черкасска дал Булавину не только большую возможность маневрировать, но и значительное число орудий и снарядов, которыми казаки снабжались для борьбы с крымскими татарами. Восставшие хотели взять Азов, соединиться с кубанским и запорожским казачеством, у которых булавинцы просили 2 000 лошадей, с крымскими татарами и калмыками. [1]

В письме к турецкому султану булавинцы метко охарактеризовали внешнюю политику царизма. Булавин предостерегает турок, чтобы они в мирные намерения царя «отнюдь не верили», так как он «многие земли за мирным состоянием разорил». Вместе с тем булавинцы их предупреждают, что Россия готовится к войне с Турцией, которая могла бы найти союзника в лице казачества. Восставшие просили, чтобы турецкий «царь их не отринул», так как они намерены «от своего царя отложиться». Булавин повидимому надеялся воспользоваться трудным положением империи: восстание он начал тогда, когда шведы вступили на территорию России.

С самого начала булавинцы приступили к оформлению своей организации: они разослали приглашения, «чтобы со всякой станицы съезжались лучшие люди по 20 человек» на совет в Пристанской городок. [2] По решению булавинцев 50% казаков должны были выступить в поход, «вольница» же должна была выступить в полном составе. Одновременно рассылались «прелестные письма в Русь». [3] Восставшие организовали разведку, они расставили караулы по курганам и разъездам, выжгли часть степи, активно рассылали «в Русь письма» и вели устную агитацию, — они говорили «слова неистовые, чего невозможно и писанию предать».

Казаки верхних городов активно помогали Булавину. Верховые казаки, ведя переговоры с правительством, выиграли время и дали возможность Булавину врасплох напасть на правительственные отряды». [4]

Захватив Черкасск (1 мая 1708 г.) двадцатитысячным отрядом, булавинцы казнили ставленников Москвы и сменили всех «старых» есаулов и старшин, оставшихся в живых. Осужденным к казни Булавин объявил приговор: войсковой атаман и старшины обвинялись в выдаче Москве «новопоселенных на Дону и по иным тамошним рекам» и в поддержке московского карательного отряда. Из Черкасска Булавин отправил отряд в Бахмут для охраны казачьих городков и агитаторов на Кубань.

Казачьи городки с радостью встречали Булавина: из всех станиц привозили к нему «з двора по хлебу, по чаше пшена, живность и иной всякий запас, а в неволю воры ничего не брали». [5]

---

[1] И. Голиков, Деяния Петра Великого, т. IV, стр. 20—21.
[2] «Воронежские губернские ведомости», 1850, № 44; В. Броневский, История Донского войска, 1844.
[3] И. Голиков, Деяния Петра Великого, т. II, стр. 307—309.
[4] «Донские дела», 1708, л. 43.
[5] «Архив Меншикова», 1708, карт. 8, № III, ИАИ.

В Черкасске Булавин заботился о снабжении населения: хлеб «по повелению» Булавина покупали дешевой ценой, — но беда была в том, что такого хлеба «было в Черкасском малое число». У восставших не было никаких благоприятных видов на будущее: «тот-де хлеб они поедят, а больше того, где взять, не ведают». [1]

В начале апреля 1708 г. «Северный Донец, Хопер, Бузулук, Медведица отложились». [2] Отряд из 300 человек начал действовать под руководством Тараско в Токайских селах; в Пристанском городке начал действовать отряд в 400 человек. Атаман Лука Хохлач стягивал отряды в Пристанский городок, производил партизанские налеты на Тамбов и на верфь по р. Битюгу. Пристанский городок повидимому был одним из центров действия булавинцев. Булавин приглашал казаков и бурлаков бузулукских, хоперских и медведицких городков собраться к Хохлачу в Пристанский городок. [3] Отряд в 1 000 человек под руководством Хохлача перешел в наступление в районе р. Курлака, где восставшие в конце апреля потерпели поражение от гренадеров и драгун. Разгром Хохлача был началом резкого перелома в ходе восстания в чисто-крестьянских районах. Уход Хохлача на Волгу облегчил действия правительства в Тамбовско-Воронежском районе. На других участках булавинцы одерживали победу. В половине апреля восстанием охватывается весь район Сев. Донца. Восставшие пытались пробиться к украинским городам по Белгородской черте. Они рассчитывали на помощь запорожцев. В начале июня Сенька Драной, Беспалый и Никита Голой разбили под Валуйкой Сумский полк.

Восстание охватило часть территории Палатовского, Усердского и Валуйского уездов. В конце июня 1708 г. действия все более и более сосредоточиваются в районе Бахмута, Тора и Маякова. 1 июля булавинцы в этом районе были разбиты.

В начале июля булавинцы в составе 6 500 человек наступали на Азов «с великою наглостью», вполне оценив значение его. Они говорили: «как-де мы возьмем Азов, так-де нам крепчей будет». Наступление на Азов пришлось временно отложить в связи с тем, что часть казачества ушла на сенокос. Правительственная конница не была в состоянии отразить наступление. Подоспевшая пехота в составе четырех рот совместно с конницей вела бой в течение трех часов. По повстанцам с четырех пунктов стреляла артиллерия. Булавинцы долго держались под прикрытием делового двора и дровяных складов. В конце концов булавинцы потеряли 423 убитыми, 400 утонувшими в Дону и Каланче и 60 пленными. Этот бой решил участь и самого Булавина; проиграв сражение, он покончил с собою 7 июля 1708 г. [4] Азовский губернатор был уди-

[1] «Архив Меншикова», 1708, карт. 3, № III, там же.
[2] ГАФКЭ, «Кабинет Петра», кн. 7, л. 702 об.
[3] Там же, л. 419 об.
[4] ГАФКЭ, «Донское повытье», 22/6, л. 1160. С трупа Булавина сняли голову, руки и ноги, порастыкали по кольям и поставили в Черкасском («Кабинет Петра», кн. 7, л. 1286, об., ГАФКЭ).

влен тем, что небольшая армия разбила «такое великое воровское собрание».

Остается совершенно неясным, почему азовцы не поддержали булавинцев; под Азовом на строительных работах находились десятки тысяч рабочих и ремесленников, три московских стрелецких полка, сосланные «на вечное житье», и т. д.[1]

Потерпев под Царицыном поражение, Некрасов разглашал по Дону, «будто Царицын взяли», и призывал казаков вновь собраться в Паншин городок. Некрасов собрал в гор. Голубых десятитысячную армию. Кроме того к нему присоединилась армия Голого в две тысячи человек.[2] Казаки из 16 станиц собрались в Есаулов городок. Они хотели соединиться с армией Некрасова, Голого, Павлова, Беспалого и Лоскута, которая стояла в Голубых. Армия Долгорукого помешала восставшим объединиться. Восставшие были разбиты. Некрасов вынужден был с двухтысячной армией отступить на Кубань.

В начале сентября Голой с отрядом казаков и 1 200 работных людей продолжал сражаться. На реке Богучаре под Донецким городком Голой разбил отряд полковника Ильи Бильса.

Казаки Голого были полны отваги и решимости: они хотели «жен и детей своих развезти по казачьим донским, хоперским, донецким, медведицким городкам» и пойти на украинские города. 26 октября Голой потерпел поражение от армии Долгорукого и должен был от Донецкого городка отступить на Усть-Хопер. 4 ноября Долгорукий разбил семитысячную армию Голого у Решетевой станицы; в ноябре у Голого вновь образовалась армия в 6 000 человек с 20 пушками. Эта армия пыталась прорваться из Усть-Хопра на Саратов. О действиях Голого за этот период ничего неизвестно. В начале декабря 1708 г. Долгорукий донес: «от нево (т. е. от Голого. — *С. Т.*) бегут от великого голоду, не токмо у них хлеба, а лошадей ели, и тово нет».[3]

В конце июня большое поражение потерпел в Бахмуте отряд Семена (Сеньки) Драного: наступавшие повстанцы были отбиты от городов Тора и Маяка, местечко Бахмут было сравнено с землей. Драной был убит 1 июля в урочище Кривая Лука на Северном Донце. Бригадир Шидловский уверяет Меншикова, что «Драной у Булавина первым человеком был».[4]

Низовое казачество, как и во время восстания Разина, осталось верно правительству; в центр доносили о том, что «от Нижней Курманоярской станицы на низ все с войском заедино».[5]

Как шло восстание за пределами Дона? К восставшим с самого начала присоединились тамбовцы, которые жили вблизи хоперских

---

[1] ЛОЦИА. № 1 «Приказа воинского морского флота», 1697, № 60.
[2] «Кабинет Петра», кн. № 7, л. 592, ГАФКЭ.
[3] «Кабинет Петра», I, отд. II, кн. № 7, л. 880.
[4] Архив ИАИ. «Архив Меншикова», карт. № 9, № 52.
[5] «Донские дела», 1708, № 43.

городков. В марте 1708 г. произошло восстание в пяти селах Тамбовского уезда.[1]

Триста тамбовцев откликнулись на призыв правительства выступить против повстанцев; но, получив оружие, порох и свинец, они вышли из города и присоединились к революционной армии. Успех восставших в Борисоглебском, Козловском и Тамбовском уездах объясняется тем, что эти уезды были переполнены беглыми. Кроме того крестьяне по Вороне, Хопру и Ваде и на «иных речках, займищах и полянах» закрепощались крупным феодалом Львом Нарышкиным.

На Хопре же казацкая колонизация наталкивалась на владения тамбовского епископа. Казаки не имели права «въезжать в эти лесные угодья», им запрещалось здесь ловить зверей, рыб и рубить лес.[2]

Вся Волга была охвачена движением. В мае 1708 г. сообщали о том, что от Нижнего-Новгорода «никаких стругов по Волге и Оке невозможно посылать»; восставшие «во многих местах великим скопом стояли и никому по рекам и сухим путем проезду не стало».[3] Восемь тысяч терских казаков готовились захватить Астрахань и соединиться с булавинцами, но многочисленный астраханский гарнизон, подкрепленный татарами, оставшимися верными правительству, разбил казаков.[4] 7 июня трехтысячный булавинский отряд был разбит под Царицыном.

Запорожская Сечь раздиралась от классовой борьбы: «была в раде между казаками битва великая».[5]

Булавинец Семен Алексеев, он же Драной, в мае 1708 г. предлагает запорожцам совместно выступить против правительственной армии. В этом предложении дана развернутая программа повстанцев. Алексеев пишет: они борются во имя того, чтобы «наши казачьи реки были попрежнему и нам бы быть казаками, как были искони». Он предлагает «умирать заедино», чтобы «над нами Русь не владела и общая наша казачья слава в посмех не была».[6]

Кошевой и куренные атаманы высказались против присоединения к Булавину и против союза с крымским ханом. Правительство потребовало выдачи представителей булавинцев, приехавших для ведения переговоров. Для разрешения этого вопроса собралась рада. Рада большинством голосов отказалась выдать булавинцев. Кто же был против выдачи «воров»? «Неистовые голоса пьяниц и гультяев» превосходили «добрых и постоянных людей». Большинство указало, что в «войску запорожском того не бывало, дабы бунтовщиков или разбойников», кроме уголовных преступников, выдавали.[7]

---

[1] «Архив Меншикова», 1708, карт. № 6.
[2] ГАФКЭ. «Донские дела», кн. 20, лл. 248—255.
[3] «Архив Меншикова», 1708, карт. № 8, л. 235.
[4] «Сборник Русского исторического общества», 1886, т. 50.
[5] Архив Меншикова, 1708, карт. № 467.
[6] «Кабинет Петра», I, отд. II, кн. № 7, л. 471.
[7] «Дела Малороссийского приказа», кн. 104, л. 81.

Часть рады предложила пойти на собственных панов и «рандаров» за «их неправдою, что Украиною завладели, а их, казаков, изобижают». Свой отказ выступить атаманы мотивировали тем, что украинские реки (это было в феврале 1708 г.) еще не стали и что поэтому невозможна переправа.

И. Мазепа, изменивший России в 1709 г., во время булавинщины колебался, но все же послал в Казань отряд в 1 000 человек для подавления восстания башкир. Правительство предусмотрительно решило, что послать запорожцев в Башкирию безопаснее, чем направить их на Дон. Из Тамбова же запорожцев направили не на Казань, а на Самару. Отряд попал в крайне тяжелое положение: проводники водили его «кривыми дорогами то на полдень, то на день, то на полночь, то на восток»... С большим трудом он дошел до Пензы, где его морили голодом. Отряд опять вели «непроходимыми рощами, бояраками глубокими, степями безводно и бездровно». По дороге ему не разрешили отдохнуть и скоро «с великим плачем и воздыханием» его повели опять назад по той же дороге... В Пензе ему квартир не дали и не препятствовали местному населению выбрасывать запорожцев «из дворов». Запорожцы протестовали против того, что их «трут и мнут», и заявили, что они с «плачем кровавым» пойдут к государю. [1] В конце концов запорожский отряд распался.

Мазепа, представитель зарождавшегося украинского дворянства, боялся союза с демократическими элементами казачества верховьев Дона. [2]

Восстание нашло отклик даже в Смоленском уезде. Бегство крестьян из Смоленского уезда приняло такой характер, что у «многой шляхты ни единого жилого двора не осталось». Крестьяне бегали на «новозаведенную слободу на р. Ипуть». [3] С беглыми происходили форменные сражения. В мае 1708 г. дорогобужский воевода донес о бегстве из Вяземского уезда «многих дворовых людей и крестьян с женами и детьми; беглые шли многолюдством с оружием и пищалями, с рогатинами, большими станицами по 200, 300, 500 человек». Целые села поднялись в Дорогобужском уезде.

Восстание нашло отклик также на севере. Крестьяне Ребольской волости Олонецкого уезда воспротивились отдаче на откуп рыбных ловель. Повстанцы собрались «с ружьями, копьями, рогатинами и бердышами» и прогнали стрельцов и подьячих. Главную роль в этом инциденте играли задолжавшие рыбаки. Крестьяне, владевшие озером, продавали рыбу в Швецию. Так например крестьянин Петр Шушуев продал шведам 700 пудов сухой рыбы. Воевода, производивший «опись» озера, затребовал 200 стрельцов, так как без «огненного ружья ездить невозможно». [4]

В начале 1708 г. продолжалось восстание башкир и татар, начав-

---

[1] Там же, л. 67 об.

[2] «Архив Меншикова», 1708, карт. № 467.

[3] «Кабинет Петра», № 8, л. 212 об., сообщение Гаврилы Головкина из Витебска от 3 июня 1708 г.

[4] «Архив Меншикова», 1708, 30 мая, л. 68—73.

*

шееся в 1707 г. Никита Кудрявцев 5 февраля 1708 г. сообщил из Казани о том, что «воровство в Казанском уезде умножилось, татары русские села, деревни, церкви пожгли, проливают христианскую кровь, яко воду». Восстание охватило деревни по радиусу в 60 — 100 верст от Казани. Восставшие объяснили причину восстания следующим образом: они протестовали против того, что казнили и «били кнутьями» ходоков, отправленных в Москву с жалобой на действия местной администрации. Они обещали прекратить восстание только после того, как правительство снизит поборы и налоги. [1]

Целевая установка восстания на деле была совершенно другой: «башкирцы, мещеряки, черемисы начали мыслить, чтобы им всем под рукой и под волею великого государя не быть». [2]

Одновременно сообщалось о появлении булавинских воззваний и агитаторов в Н.-Новгороде, Муроме, Угличе, Бежецком, Пошехонье, Вологде и т. д. Волнения крестьян происходили в 43 уездах.

В то же время Турция организовала восстание среди горцев и кубанцев во имя «защиты» мусульман. Горцы действовали вместе с раскольниками из Астрахани и татарами. Восстание на Кавказе было подавлено воеводой П. М. Апраксиным, который выступил с армией в 1 200 солдат и 3 000 казаков.

Башкиры и татары хотели овладеть Казанью, «всем итти под Москву, везде русских людей рубить, чтобы нигде христиан не было». [3] Восстание башкир при участии кара-калпаков продолжалось четыре года (1705 — 1709). Башкиры были недовольны тем, что их мобилизовали на войну со Швецией: в 1704 г. с Казанской, Осинской, Сибирской и Ногайской дорог было отправлено к шведским границам 260 башкир. [4] Башкиры выдвигали общие с булавинцами задачи: они призывали к уничтожению прибыльщиков. Движение десятитысячной армии националов [5] потерпело поражение, потому что, во-первых, им не удалось установить единый фронт с русскими, во-вторых, правительству удалось восстановить чувашей и отчасти татар против башкир. Восстание было подавлено главным образом при помощи калмыков.

Каковы были результаты восстания татар и башкир? В Казанском и Уфимском уездах восставшие сожгли и уничтожили 303 села, деревни и один пригород с 2 986 дворами и 75 церквами. Русских погибло 12 705 человек. Восставшие беспощадно расправлялись с изменниками из своей среды: они сожгли новокрещенских и иноверческих 59 церквей с 420 дворами и «побили» много «новокрещенцев» и иноверцев. [6]

Булавинцам не удалось установить связи с восставшими нацио-

---

[1] «Архив Меньшикова», карт. № 7.
[2] Там же, л. 224.
[3] Там же, л. 225.
[4] ГАФКЭ, «Дела калмыцкие», 1704, № 8, л. 2.
[5] О численности восставших см. ГАФКЭ, «Дела калмыцкие», 1708, № 1, л. 40.
[6] «Кабинет Петра», № 9, л. 59.

налами. Отряд булавинцев в 500 человек, [1] который двинулся в мае 1708 г. под руководством И. Некрасова и Л. Хохлача до Саратова на Волге в надежде открыть сообщение с башкирами, был разбит местным гарнизоном и партией калмыков. [2] Сначала правительство намерено было мобилизовать для подавления башкир 20 тыс. калмыков, но затем 10 тыс. калмыков было двинуто на булавинцев и 10 тыс. — на башкир. На Дону булавинцы принимали энергичные меры для того, чтобы перетянуть на свою сторону калмыков. Булавин предложил калмыкам союз, обещал им свободу торговли на Дону и обмен пленными. Он обратил их внимание на то, что он сместил войскового атамана за грабежи и причиненные *националам* обиды. Булавин успокаивал калмыков, приглашал «всяких людей с товары и со всякими промыслы».

Восставшие потерпели поражение: крестьянство деревень Борисоглебского уезда не было в состоянии привлечь на свою сторону 10 тыс. крестьян, выполнявших под Борисоглебском военные работы; не поднялись также под Азовом десятки тысяч рабочих, выполнявших тыловые работы. Хотя из 23 тыс. корабельных рабочих в Белгородском разряде многие убежали «з женами и з детьми», но масса в основном не присоединилась к восставшим.

Для подавления восстания правительство быстро мобилизовало армейские части в Московском уезде и в 83 городах: помещики должны были дать по одному человеку с каждых 50 крестьянских и бобыльских дворов, а «за кем меньше 50 дворов, тем складываться». У помещиков, медливших с выполнением распоряжения, конфисковались поместья и вотчины. С другой стороны, часть казачества на Дону добровольно выступила против Булавина.

С самого начала восстания правительство сосредоточивало свои войска в Тамбове, Козлове, Воронеже, Валуйках, Острогожске, Туле. Английский посол Витворт сообщает, что для подавления булавинцев была подготовлена армия из четырех тысяч казаков, служивших в Польше, восьми тысяч новобранцев из московского и других гарнизонов и шесть тысяч из резерва. [3]

Одиннадцатитысячная калмыцкая армия активно помогала правительству и разгромила основные силы булавинцев. [4]

Петр отправил на Дон одного из лучших офицеров, майора лейб-гвардии Преображенского полка князя В. В. Долгорукого, брата кн. Юрия, убитого булавинцами. В инструкции, данной Долгорукому, Петр писал, чтобы, посылая за «ворами» конницу, самому ходить по городам и деревням и «оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья, дабы отнять охоту к приставанию к воровству людей», ибо «сия сарынь кроме жесточи не может

---

[1] На Саратов по калмыцким данным наступало 3 000 булавинцев.

[2] «Сборник Русского исторического общества», 1886, т. L. Донесение Витворта от 11 июля 1708 г.

[3] «Сборник Русского исторического общества», 1886, т. L. Донесение Витворта от 12 мая 1708 г.

[4] «Кабинет Петра», кн. 7, л. 671.

унята быть». [1] В. В. Долгорукий выступил с 18-тысячной армией в начале мая 1708 г.

Взяв в свои руки командование, В. В. Долгорукий предложил перенести военную ставку из Ряжска в Воронеж, поближе к казацким городам. Затем он требует, чтобы «лутших людей, молодых и богатых» выгнали на фронт из канцелярий и чтобы «из других приказов оставить малое число». [2] Подойдя к Валуйкам, Долгорукий действовал нерешительно; под влиянием первых удач булавинцев он запросил инструкции: итти ли ему к Черкасскому или охранять украинские города. В начале июня он еще отказывался от решительных действий, ссылаясь на малочисленность своей армии.

Центральное правительство было недовольно медленными действиями Долгорукого. 28 июня 1708 г. Петр писал из Нарвы, что такие действия ему «не зело приятны». Он требовал немедленно «чинить промысл над ворами» и пойманных перевешать по украинским городам.

Правительство отправило специальную армию в Чугуев для того, чтобы прервать связь Украины с Доном. Одновременно задерживается отправка в Азов на военные работы крестьян, которые должны были пойти через донские городки. Правительство опасалось, чтобы отправленные на работу не присоединились к Булавину, «чтобы тот огонь не расширился бы». [3]

Майор Глебов с батальоном, охранявший воронежский флот, 18 сентября просил разрешения уйти, так как «на Дону усмирилось и стоять не для чего». Разгромив восставших, правительство Петра I не остановилось перед жесточайшими карательными мерами: приказано было восставшие городки «жечь без остатку, людей рубить, заводчиков сажать на колеса и колья». В Бахмуте правительство уничтожило соляные промыслы для того, чтобы обескровить, по выражению одного из петровских сановников, «донскую либерию». Князь Василий Долгорукий в октябре 1707 г. выжег Донецкий городок. Восставшее казачество в количестве 4 000 человек отступило от Донецкого городка и село в осаде в Решетовом городке.

К началу сентября 1708 г. было «выжжено» восемь городков, сдалось 10 станиц по верховьям Дона, 3 — по верховьям Медведицы, 10 — по верховьям Хопра и 14 — по Бузулуку. [4]

Хованский разбил четырехтысячный отряд близ Паншина у Дона 23 августа. Князь В. Долгорукий рассеял отряды Некрасова, который ушел на Кубань.

Наступление на повстанцев в районе Бахмута, Изюма и Тора вел

[1] Н. Голиков, XI, 353. П. О. Бобровский, История Преображенского полка, Спб., 1904, стр. 121.

[2] «Кабинет Петра», отд. II, кн. № 7, л. 696.

[3] «Архив Меншикова», карт. № 7.

[4] «Кабинет Петра», № 8, л. 61. Петр I прислал из Нарвы приказ (28 июня 1708 г.) об уничтожении *всех городков* по Хопру до Бузулука, по Донцу сверху по Лугати, по Медведице и по Усть-Медведицкой, по Бузулуку, Айдару, Деркулу, Калитве и другим запольным речкам, по Иловле и по Дону до Донецкого городка (Сб. Р. И. О., т. 11, стр. 34—35).

бригадир Шидловский, полковник Изюмского полка. Он энергично боролся с повстанцами, так как был заинтересован в сохранении прав Изюмского полка на бахмутскую соль. Он ходатайствовал перед Меншиковым о восстановлении прав изюмцев тогда, когда «донская либерия минется». Разгромленное казачество обязалось «в свои казачьи городки беглых и драгун и солдат и с Волги ярыжек не принимать и у себя не держать».

Каковы были лозунги восставших? Булавин звал «воров, разбойников», желающих «погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить». Он разослал по станицам воззвания, в которых предложил стоять «всем старшинам и казакам за дом пресвятые богородицы и за истинную христианскую веру, и за великое войско донское, также сыну за отца, брату за брата и друг за друга, стать и умереть за одно, ибо зло на нас помышляют, жгут и казнят, злые бояре и немцы вводят нас в эллинскую веру и от истинной христианской веры отвратили». Затем воззвание напоминает о прошлой жизни, когда «отцы и деды на сем поле жили, и прежде всего старое наше поле крепко стояло и держалось, а те злые наши супостаты то наше старое поле все перевели и ни во что почли». Булавин предлагает немедленно действовать. Он указывает, что ему, атаману, «правое слово дали и душами своими укрепляли и все запорожские казаки и Белгородская орда, чтоб всем им с нами стать вкупе за одно». В заключение предлагалось казакам «половине остаться в куренях, а другой быть половине готовым и выступить оружейным и конным в поход».[1] Воззвание предостерегало: «А буде кто или которою станицею сему нашему войсковому письму будут ослушны и противны и тому будет учинена смертная казнь без пощады».

Восставшие «сажали» в воду дворян, подьячих и прибыльщиков[2] и освобождали крестьян от обязательных работ на корабельное строение.

В сенатском указе 1711 г. правительство следующим образом сформулировало свое положение о прибыльщиках-откупщиках: «Мытенной мелочной сбор на откуп отдают потому, что у сборщиков чинится многий недобор, а откупщики на те сборы сверх верного бранья наддают многую наддачу». Этот тезис коренным образом расходился с действительностью, которую верно изобразил

---

[1] И. Голиков, Деяния Петра Великого, II, стр. 307.

[2] Что же представляли собой прибыльщики, к уничтожению которых призывали булавинцы? Капитан Джон Перри, живший в России с 1698 по 1715 г., подробно описывает «работу» прибыльщиков. Они имели полную власть распределять ту или иную отрасль податей и пошлин и обязаны были с «большой скоростью добывать большие суммы в царскую казну». Прибыльщики скупали и присваивали многое из главных товаров, составлявших богатство казны, повышали цены на товары, имели право «входить во все дома и делать обыск». Своеволие прибыльщиков доходило до того, что «простой народ утрачивал всякую охоту к промыслу и занимался им лишь настолько, насколько потребно для удовлетворения его нужд». (Джон Перри, Состояние России при нынешнем царе, М. 1871.)

иноземец Георгий Метцель: «Те откупщики получают себе немалую прибыль, и при них у того сбора многие корыстуются».

Булавин также распустил рабочих, которые готовили лес по р. Хопру. Восставшие предлагали крестьянам «на великого государя хлеба не сеять, а пахали бы на себя». [1] Булавин борется во имя того, чтобы «казачьи реки попрежнему принадлежали казакам, как было искони», чтобы ими «Русь не владела и общая казачья слава в посмех не была». В захваченных пунктах восставшие осуществляли «казачье право».

Расслоение среди казачества не могло не оказать большого влияния на лозунги восставших. «Знатные» казаки жили в Черкасске по «куреням, а бурлаки — по анбарам и по базам».

Заслуживает внимания сообщение о том, что Булавин роздал своему войску жалованье, а «черкасским казакам давать жалованья не хочет».[2] Это правдоподобно: в Черкасске преобладало богатое казачество.

Одна часть восставших, обвиняя правительство в том, что оно хочет «разорить казачьи городки и отвратить казаков от истинные веры християнские», требовала уничтожения только немцев и прибыльщиков. Эта группа заявляла, что она совершенно лойяльно относится «к боярам и торговцам». Такая тактика применялась зажиточной частью казачества.

С другой стороны, и голытьба в булавинщине играла большую роль. Южные города охраняются: правительство опасается того, чтобы из городов «не проходили *работные* люди в донские городки для спасания». [3] Часть казаков предлагала итти на «великороссийские и малороссийские города для разорения и грабления *богатых* домов». С Булавиным «пошло изо всех хоперских, бузулуцких, медведицких и иных речек городков старшин казаков с каждого городка по половине, а *бурлаки все*». [4] В бою под Острогожском (Рыбным) участвовала партия «воровских казаков, а *больше бурлаков*», 350 человек. Иван Павлов с 1 500 *бурлаками* наступал на Царицын. Один из вождей восставших, Никита Голой, призывал «*чернь и голытьбу* со всех городов, конных, пеших, *нагих и босых*». Голой призывал к уничтожению воевод, стольников и бояр. Голытьба направилась на Волгу в составе «*судовой сволочи, черкасских бурлаков, ярыжек*». Они должны были бить по городам «полковников, рындарей и всяких начальных людей». На казачьих собраниях голытьба предлагала «*черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить*». Булавин конфисковал 20 000 руб., принадлежавших церкви, выслал из Черкасска в верхние городки «всех лутших людей» с женами и детьми и разрешил голытьбе экспроприировать «государственный запас» в Паншине и Вешках. Экспроприация была разрешена, когда «голытьба» заявила, что ей есть нечего. [5]

---

[1] «Архив Меншикова», 1708, карт. 6, л. 138.
[2] «Кабинет Петра», № 8, л. 359.
[3] «Архив Меншикова», 1708 г. 8 апреля, л. 117. Архив ИАИ.
[4] Там же, карт. № 7, № 257.
[5] Там же, карт. № 8, л. 170.

Из Запорожья к Булавину направились *бурлаки* «без веления старшин».[1] К кубанским тататарам Булавин отправляет двух татар, которые были «в неволе» у атамана Максимова.

Казаки предполагали оставить своих жен и детей по донецким, хоперским и медведицким городкам, а самим выступить против Долгорукого. Они были уверены, что к ним «*пристанет чернь*», страдающая от многих «несносных податей», от тягости и от прибыльщиков.

Между казачеством и «голытьбой» были разногласия: Некрасов предложил вывести артиллерию из Царицына на Дон; «голытьба» же под руководством Ивана Павлова предложила «артиллерию не отдавать, а из Царицына итти по Волге на море».[2] Арестованный Герасим Власов под пыткой (прижигание клещами) показал, что запорожская «голытьба» требовала, чтобы ей позволено было «як возможно где кому добывать лошадей».[3]

Некрасов и Драной приняли предложение голытьбы о казни «черкасских природных казаков» и конфискации всего имущества. Булавину не удалось до конца завершить разгром «старого» зажиточного казачества. Реализуя свою программу, он предлагает «пришлых из Руси» беглецов принимать «со всяким прилежанием, чтобы больше с ним в хоперские городки беглецов шло». Беглецы шли к Булавину «денно и нощно с женами и детьми от изгони царя и от неправильных судей». Восставшие выражали уверенность в том, что «солдаты и всякие черные люди» будут заодно».[4] Булавинцы у себя наводят порядок: торговцам «из вольных тамбовских крестьян» они предоставляют свободу торговли «попрежнему». Движущей силой восстания было не свободное, а закрепощенное крестьянство, которое спасалось бегством из метрополии.

В верхних городках от разинщины до булавинщины произошли большие перемены; атаманы верховых городков уже поддерживают правительство: «Паншинского жителя *знатного* старшину Савелия Чикунова, бывшего *атамана* Фому Алексеева, Затенской станицы *атамана* Матвея Межвелова, Крутоярской станицы *атамана* Семенова, зятя Курмоярского Сидора посажали в воду за то, что с ними ворами быть не хотели, а с Медведицы старшину Семена Кобыльского застрелили из ружья».[5]

Казацкий *старшина* активно борется с беглыми, выдает их правительству и оказывает активное содействие царским воеводам при конфискации казацких солеварниц в Бахмуте.

Голытьба, бурлачество, ярыжки («судовая сволочь»), проявившие себя в разинщине, наиболее решительно выступили и в булавинщине.[6] Булавинщиной заканчивается борьба верховых донских казаков, продолжавшаяся в течение всего XVII века.

---

[1] «Кабинет Петра», № 8, л. 2.
[2] Там же, кн. № 7, л. 850 об. ГАФКЕ.
[3] Там же, отд. II, кн. № 7, л. 826.
[4] «Архив Меншикова», 1708, карт. № 7, л. 257.
[5] Там же, 1708, карт. № 8, № 108-а.
[6] «Донские дела», 1709, № 1, л. 9; В. Крестовский, История лейб-гвардии уланского полка, 1876; Н. Гербель, Изюмский Слободской

Булавинщина была последней крупной крестьянской войной эпохи возникновения Российской империи. Еще долго были слышны раскаты булавинщины: в 1712 г. был издан указ о разорении «Григорьевского городка по Хопру» за «многие воровства и о расселении обывателей оного по казацким станицам».

Булавинцы более четко, чем разинцы, сформулировали свои задачи: их программа определенно требовала независимости Дона, разгрома дворянско-боярского землевладения и была совершенно свободна от монархических иллюзий. В этом отношении на булавинщину оказало влияние революционное движение на Украине.

После подавления булавинщины на Дону возникает казачий крепостник-феодал, который становится надежной опорой царизма. Окончательный разгром казачества был связан с поражением шведов.

Правительство отдавало себе ясный отчет в том, какое значение имеет поражение Турции и Швеции для умиротворения казаков. Адмирал П. М. Апраксин в 1709 г. после разгрома булавинщины высказался за разрешение казакам селиться в «разореных местах» в том лишь случае, если война с Турцией закончится победой России; только в этом случае, по его мнению, казаки не будут бунтовать. [1]

полк, 1852; «Записки о слободских полках до 1766 г.», Харьков, 1812; С. Соловьев, История России, том III, изд. «Общественная польза», стр. 1451—1468.

[1] «Кабинет Петра», № 9, л. 31; «Воронежские губернские ведомости», 1850, № 44; В. Крестовский, История лейб-гвардии уланского полка, 1876; Н. Гербель, Изюмский Слободской полк, 1852; «Записки о слободских полках до 1766 г.», 1812.

ИТОГИ

I. ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН

«Подавление революции есть величайшая гражданская война, война против народа. Эта война стоит не меньше внешней войны, причем разоряет не чужую, а собственную страну».[1]

Эти слова Ленина полностью приложимы к истории подавления крестьянских войн в России.

11 февраля 1670 г. из Москвы в Тамбов направляется «добрый» дворянин для переписи «всяких чинов людей и также *пашенных крестьян с женами и детьми*», *которые* «в измене не были и которые участвовали» в восстании.[2]

6 марта 1672 г. издается указ о переписи населения в городах Белгородского полка. Перепись проводилась для того, чтобы облегчить действия карательных отрядов.

Правительственные карательные отряды стирали с лица земли сотни сел и деревень. Иностранцы отмечали особую жестокость усмирителей в Окском районе. Не лучше обстояло и в Астрахани: в 1672 г. от эпидемий и голода здесь погибло 16 383 человека, в том числе 7 290 «гулящих» и бурлаков.[3] О голоде сообщали с разных концов страны. Иностранцы доносили: «Осенью этого (1671) года появились в Вологде и Ярославле и Москве особого рода черви, которые, пожрав всю растительность, произвели голод. Этих насекомых пробовали жечь, но от дыма слепли весьма многие из людей».[4] Хлебные цены поднялись почти во всех городах.

У нас имеются подробные данные о том, как подавлялось движение в Верхоценской волости Тамбовского уезда и в сс. Лыскове и Мурашкине Нижегородского уезда.

В Верхоценской волости из 3 507 домов сгорело 679, т. е. около 20%, из 8 777 жителей погибло 2 571, т. е. больше 30%.[5]

Среди пострадавших жителей Б. Мурашкина было 35,33% убитых и 28,83% беглых. Среди пострадавших (убитых, взятых в плен, раненых и т. д.) на первом месте были тяглые домохозева, на втором — владельцы торговых помещений и на третьем — бобыли. В таком крупном торговом пункте, как Мурашкино, наибольшие потери понесли кузнецы (55,56%), бобыли (37,5%), тяглые домохозяева (34,33%). Наибольший процент казненных падает на «владельцев торговых помещений» (14,04%) и на захребетников (9,09%). В менее населенных пунктах расправа с повстанцами не носила такого жестокого характера: так например в д. Красной из всех пострадавших было убито 4,92%, взято в стрельцы 18,03%.

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, ч. 1, 1924, стр. 77.

[2] П. И. Кеппен отмечает, что это первый случай, когда закон требовал включения женщин в перепись. («Записки Русск. геогр. общества» 1889, VI, стр. 4).

[3] Н. Туркин, Астраханский сборник, изд. Петровского общества исследователей Астраханского края, 1896, стр. 48. Данные безусловно преувеличены.

[4] «Theatrum Europeum», 1671, X, стр. 611.

[5] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», 1901, XV.

По данным 1674—1675 гг. разыскано было бежавших из Лыскова 246 мужчин и 212 женщин, бежавших из Мурашкина 274 мужчины и 225 женщин. [1] Из этих сел разбежалась *значительная часть взрослого населения*. Кроме того 151 двор пашенных крестьян и 71 дворовое тяглое место были «выжжены в приход великого государя ратных людей». [2] В Мурашкине были убиты и казнены 228 человек и с голоду умерло 19 человек. «Белая» армия не только сжигала деревни и казнила, но и реквизировала имущество крестьян: после переписи 1672 г. у мурашкинских крестьян осталось 155 голов скота, реквизировано же было 184 головы скота. Уцелевшие жители ютились «в шалашах и в земляных ямах». [3]

В 1670 г. «лавки, амбары и полки пожжены без остатку». Торговое село Мурашкино было разгромлено; перепись констатировала: «а торговых у них промыслов никаких нет, — живут на пашне». В с. Большом Мурашкине до разинщины было 111 торговых помещений, в 1672 г. осталось 40. Больше всего пострадали торговые помещения, торговавшие предметами первой необходимости (овощами, солью, мясом). [4]

Во время восстания сгорели все кузницы, а «тех кузниц кузнецы побиты и померли, а многие збежали безвестно». В 1672 г. в восстановленных кузницах не производилась работа. У «пашенных людей» не было хлеба: у 1 292 дворов из 2 224 «налицо ржаного и ярового хлеба» не оказалось. Из 14 вытей запустело 13.

Книга по Мурашкину так и пестрит сообщениями: «место пустое», «кормитца в мире», «скитаетца в мире», «за бунтарство казнен смертью», «от ратных людей убит под Мурашкиным», «бежал с воровскими казаками», «пропал безвестно», «живут в яме» и т. д. [5]

В 1673 г. произвели «сыск» про «беглую и умершую» мордву Темниковского уезда: население жаловалось, что оно не в состоянии платить «за пустые жеребьи мордвы, разошедшейся от скудости и разорения», распродавшей свое имущество и заложившей своих детей «в татарские дворы».

Положение крестьян ухудшалось. Через семь лет после восстания крестьяне Шацкого уезда вновь напоминали о себе: они просили освободить их от работы на дворцовое ведомство. Из-за непосильной работы «крестьяне многие разбежались в разные городы». Просьба крестьян не была принята во внимание: «указ великого государя писцом никакова не учинено». [6] Однако пришлось освободить кре-

---

[1] Архив ИАИ. Книга по списку беглых лысковских, мурашкинских уездных и села Гридина с деревнями крестьян и бобылей и казаков «Выездные слободы» в 1674—1675 гг.

[2] Там же, л. 104.

[3] Там же, л. 410.

[4] Там же, л. 411.

[5] Между прочим *преследование восставших представляло организованную охоту на крестьян с целью их закрепощения*. Боярин и воевода Иван Богданович Милославский сознался, что он принимал пленных к себе в холопство и полка своего ратным людям велел их принимать. (Архив ИАИ. «Астраханские дела», 1672.)

[6] Архив ИАИ. Список писцовых книг Шацкого уезда, 1679—1682, л. 458.

стьян с. Конобеева от оброка, потому что «выборные старожилы сказали, что им тягла тянуть и оброку платить за нищетою невозможно». Крестьяне в 1682 г. также жаловались на захват церквами их земель. Писцовая книга 1679—1682 гг. дает поразительный результат: на 105 страницах из 561 перечисляются опустевшие, вымороченные крестьянские и бобыльские дворы шацких дворцовых сел. Книга пестрит сообщениями: «такой-то умре», «бежал», а «тягло его впусте». Эти страницы производят жуткое впечатление: через семь — десять лет после подавления разинщины население почти поголовно вымирает, оставшиеся бегут. Куда бежит население? Крестьянство спускается ниже — в Козловский и Тамбовский уезды. К сожалению мы не в состоянии объяснить, почему бегство крестьян увеличивается в 1679 г. Таковы были результаты подавления восстания.

Посмотрим, в каком положении оказалось хозяйство крестьян к 1672 г., как разгром восстания повлиял на диференциацию крестьянства.[1] Перепись иллюстрирует разгром торговых помещений, упадок торговли, убыль населения, обнищание и усилившуюся диференциацию крестьянской массы. О тяжком положении крестьян после восстания дают представление следующие данные: по данным всероссийской переписи 1888 г. дворы безлошадные и с одной лошадью составляли 55,9%,[2] а в 1672 г. в приселке Курлакове — 70,5%, в с. Малом Мурашкине — 78,9%, в с. Большом Мурашкине — 93,5%. Такая участь постигла повидимому и крестьянство других районов, охваченных восстанием. Тяжесть положения крестьян характеризуют следующие цифры: в приселке Курлакове 70,5% бедноты «тянули» 62,7% тягла в то время, когда они владели только 46,6% посевной площади; в М. Мурашкине 78,9% бедноты «тянули» 70% тягла в то время, когда владели 57,7% посевной площади; в Б. Мурашкине соответствующие цифры составляют 93,5, 89,4 и 71,7%; в д. Холязине — 30,6, 23,8 и 19,7%.

Какова была роль кулачества?

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, изд. 1, стр. 103.

[2] Таблицы (стр. 270—274) составлены по данным «Переписных книг» 7180 (1672) года по Мурашкину, и Мурашкинскому уезду, переписи стряпчего Семена Нестерова, из которых взяты 5 селений на выборку.

Образцом послужили таблицы, имеющиеся в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Так как имелось в виду представить состояние крестьянского хозяйства до Разинского восстания, то учитывался и тот скот, которого в 1672 г. уже не было налицо, который «взяли ратные люди»; так же были учтены и дворы тех крестьян, которые были «убиты под Мурашкиным», казнены за бунтовство или сбежали за последние годы. Это отразилось на повышении процента безлошадных и беспосевных хозяйств, особенно по сильно разоренному Мурашкину.

Данные о тягле приведены в книгах в долях «выти», которая равнялась в переписанных местах, как видно из книг, 16 десятинам.

Размер посева, данный в зерновых четвертях, переведен на десятины, исходя из современной статистической практики, что 1 десятина соответствует посеву 1 четверти ржи, так же как пшеницы и ячменя, и $2^1/_2$ четв. овса.

Наличность скота приведена к крупному: одна голова мелкого скота (овец, свиней) равна $^1/_{10}$ головы крупного (коров, лошадей).

Таблица 27

По Выездной казачьей слободе под Мурашкиным

Группы домохозяев		Дворы: Количество	Дворы: % к общему количеству	(группа)	Население мужского пола: Количество	Население мужского пола: % к общему количеству	(группа)	Скот в переводе на крупный: Среднее число на 1 двор	Скот в переводе на крупный: % ко всему количеству	(группа)	Посевная площадь: Среднее на 1 двор в десятинах	Посевная площадь в процентах: Всего посева	(группа)	Посевная площадь в процентах: Дворов без посева
Бедная	Без лошадей	4	7,4	31,5	15	6,4	31,6	0	0		0,1	0,2	14,5	75,0
	С 1 лошадью	13	24,1		42	25,2		2,1	11,6		0,9	14,3		—
Средняя	С 2 лошадьми	14	25,9	55,6	36	21,0	52,0	4,2	25,4	60,8	1,8	29,1	61,8	—
	» 3 »	16	29,7		52	31,0		5,2	35,4		1,8	32,7		—
	» 4 »	4	7,4	12,9	12	8,2	16,4	7,8	13,3	27,6	1,6	7,4	23,7	—
Богатая с 5—6 лошадьми		3	5,5		14	8,2		11,5	14,3		4,6	16,3		—
Всего		54	100		171	100		4,3	100		1,6	100		—

Таблица 28

По дер. Холязино

Группы домохозяев		Дворы: Количество	Дворы: % к общему количеству	Дворы: % по группе	Население мужского пола: Количество	Население мужского пола: % к общему количеству	Население мужского пола: % по группе	Скот в переводе на крупный: Среднее число голов на 1 двор	Скот в переводе на крупный: % ко всему количеству	Скот в переводе на крупный: % по группе	Земельное тягло: Среднее на 1 двор в десятинах	Земельное тягло: % к общему количеству	Земельное тягло: % по группе	Посевная площадь: Среднее на двор в десятинах	Посевная площадь: В процентах: Всего посева	Посевная площадь: В процентах: Всего посева по группе	Посевная площадь: В процентах: Дворов без посева
Бедная	Без лошадей	5	8,5	30,6	13	7,3	25,4	0,5	1,3	9,9	1,2	5,0	23,8	2,3	6,6	19,7	—
	С 1 лошадью	13	22,1		32	18,1		1,3	8,6		1,7	18,8		1,7	13,1		
Средняя	С 2 лошадьми . . .	15	25,4	52,5	45	25,4	57,1	3,5	25,7	58,2	2,0	25,7	54,9	2,9	25,1	52,1	
	» 3 » . . .	16	27,1		56	31,7		4,2	32,5		2,1	29,2		2,9	27,0		—
Богатая	» 4 » . . .	4	6,7	16,9	14	7,9	17,5	5,1	9,8	31,9	1,8	6,3	21,3	3,4	8,0	28,2	
	» 5—10 » . . .	6	10,2		17	9,6		7,7	22,1		3,0	15,0		4,3	20,2		—
Всего . . .		59	100		177	100		3,3	100		2,03	100		2,9	100		3,3

Таблица 29

По приселку Малое Мурашкино

Группы домохозяев		Дворы			Население мужского пола			Скот в переводе на крупный			Земельное тягло			Посевная площадь			
		Количество	% к общему количеству		Количество	% к общему количеству		Среднее число голов	% ко всему кол. скота		Среднее на 1 двор в десятинах	% к общему количеству		Среднее на двор в десятинах	В процентах: Всего посева		В процентах: Дворов без посева
Бедная	Без лошадей	55	37,4	78,9	140	29,1	69,0	0,3	2,9	45,3	1,4	30,2	70,0	0,7	13,4	58,1	—
	С 1 лошадью	61	41,5		192	39,9		1,7	42,4		1,6	39,8		2,1	44,7		
Средняя	С 2 лошадьми	25	17,0	19,7	110	22,9	27,5	3,5	34,5	43,0	2,2	21,4	26,5	3,0	26,2	36,4	—
	» 3 »	4	2,7		22	4,6		5,5	8,5		3,3	5,1		7,3	10,2		
Богатая с 5—14 лошадьми		2	1,4		17	3,5		15,1	11,7		4,6	3,5		7,9	5,5		—
Всего		147	100		481	100		1,7	100		1,7	100		1,9	100		17,0

Таблица 30

По Большому Мурашкину

Группы домохозяев		Дворы: Количество	Дворы: % к общему количеству	Дворы: % (группа)	Население мужского пола: Количество	Население мужского пола: % к общему количеству	Население мужского пола: % (группа)	Скот в переводе на крупный: Среднее число голов	Скот в переводе на крупный: % ко всему количеству скота	Скот: % (группа)	Земельное тягло: Среднее на 1 двор в десятинах	Земельное тягло: % к общему количеству	Земельное тягло: % (группа)	Посевная площадь: Среднее на двор в десятинах	Посевная площадь: В процентах: Всего посева	Всего посева: % (группа)	Посевная площадь: В процентах: Дворов без посева
Бедная	Без лошадей	294	74,1	93,5	650	69,1	90,9	0,5	12,7	62,2	0,9	66,8	89,4	0,1	21,3	71,7	—
	С 1 лошадью	77	19,4		205	21,8		1,9	49,5		1,2	22,6		1,1	50,4		
Средняя	» 2 »	17	4,3	5,8	52	5,5	8,2	3,9	21,8	31,3	1,4	5,9	8,7	1,8	18,1	24,2	—
	» 3 »	6	1,5		25	2,7		4,9	9,5		1,8	2,8		1,7	6,1		
Богатая	» 4 »	1	0,2	0,7	1	0,1	0,9	7,0	2,3	6,5	1,5	0,4	1,9	1,2	0,7	4,1	—
	» 5 »	2	0,5		8	0,8		6,5	4,2		3,0	1,5		3,0	3,4		
Всего . . .		397	100		941	100		0,9	100		1,02	100		0,4	100		75,8

Таблица 31

По приселку Курлаково

Группы домохозяев		Дворы: Количество	Дворы: % к общему количеству		Население мужского пола: Количество	Население мужского пола: % к общему количеству		Скот в переводе на крупный: Среднее число голов на 1 двор	Скот в переводе на крупный: % ко всему количеству		Земельное тягло: Средн. на 1 двор в десятинах	Земельное тягло: % к общему количеству		Посевная площадь: Средн. на двор в десятинах	Посевная площадь: В процентах: Всего посева		Посевная площадь: В процентах: Дворов без посева
Бедная	Без лошадей	22	28,2	70,5	53	20,7	59,8	0,2	2,1	38,8	1,5	22,9	62,7	0,5	10,1	46,6	—
	С 1 лошадью	33	42,3		100	39,1		1,9	36,7		1,5	39,8		1,3	36,5		
Средняя	» 2 »	13	16,7	26,9	48	18,7	35,9	3,9	29,8	53,9	1,8	19,0	34,6	2,7	28,5	47,9	—
	» 3 »	8	10,2		44	17,2		5,2	24,1		2,5	15,6		3,0	19,4		
Богатая	» 4 »	2	2,6		11	4,3		6,4	7,3		1,7	2,7		3,4	5,5		—
	Всего . . .	78	100		256	100		2,2	100		1,6	100		1,6	100		16,7

В Казачьей слободе	5,5%	кулацк.	дв.	вл.	11,5%	кр.	скота	16,3%	посевн.	площ.
» д. Холязине	10,2%	»	»	»	22,1%	»	»	20,2%	»	»
» прис. Курлакове	2,6%	»	»	»	7,3%	»	»	5,5%	»	»
» М. Мурашкине	1,4%	»	»	»	11,7%	»	»	5,5%	»	»
» Б. Мурашкине	0,5%	»	»	»	4,2%	»	»	3,4%	»	»

Если взять размер посевной площади на один двор, то окажется большая разница между обеспеченностью высшей и низшей группы:

В Казачьей слоб.	высш.	гр.	была	обеспеч.	на	один	двор	пос.	площ.	в	46	раз
» д. Холязине	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	1,87	»
» прис. Курлакове	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	68	»
» М. Мурашкине	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	11,2	»
» Б. Мурашкине	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	30	»

Диференциация одной деревни совершенно не была похожа на диференциацию другой: это объясняет и различную степень участия в восстании деревень одного и того же района.

Стрелецкие и крестьянские войны усугубили хозяйственный кризис. Испугавшись разинщины, Николай Гейнс, представитель Нидерландов в Москве, поспешил оттуда уехать.

Революционное движение произвело сильное впечатление на нидерландскую миссию. Николай Гейнс доносил о паническом настроении населения, писал о сильной засухе, об огромных пожарах, уничтоживших ряд городов, в том числе Ярославль, Смоленск и Нижний-Новгород, о больших ежедневных пожарах в Москве. «Эта печаль увеличивается тем обстоятельством, — отмечал он, — что мятежник Степан Разин усиливается. Уста переполнены рассказами о сих делах; недовольное войско неохотно идет на войну». [1]

По его же данным в 1670 г. прибыло в Архангельск не более 26 иностранных судов: 18 голландских, 5 гамбургских, 2 английских и 1 бременское. Посол указывает, что это «весьма немного и грузы на них не столь значительны». [2]

В 1672 г. под влиянием событий создается приказ Тайных дел. Голиков, историк Петра, говорит, что это учреждение возникло под влиянием «ропота народного и рождавшихся мятежей, вопля безумных ханжей и развратных толкователей». [3]

Восстания заставили обратить внимание и на армию: первоначально в полки иноземного строя зачислялись только беспоместные и малопоместные дети боярские. С 1678 г. брались в рейтары все владельцы небольших имений менее 24 дворов. Численность дворян и детей боярских возросла в иноземном строе с 9 300 в 1679 г.

---

[1] «Письма нидерландских посланников в России с 1614 г.». Письма Николая Гейнса от 28 июля и от 31 июля 1670 г. стр. 96—98.

[2] Обычно ежегодно прибывало в Архангельск 30—40 иностранных кораблей («Торг амстердамский», М. 1762).

[3] Голиков, Дополнения к деяниям Петра I, стр. 141; И. Гурлянд («Приказ великого государя тайных дел», 1902, стр. 33) оспаривает дату Голикова: он отрицает создание приказа в связи с событиями 1648 и 1672 гг.

до 16 097 в 1681 г., численность рейтар, драгун и солдат за это время поднялась с 68 827 до 82 047. Одновременно с разгромом стрелецких восстаний были расформированы стрелецкие войска.

В связи с разгромом восстаний правительство проводит ряд мероприятий: соляные промыслы передаются из приказа Тайных дел в ведение приказа Большого дворца.[1] Эта «реформа» вызвана желанием рациональнее наладить эксплоатацию соляных промыслов. В 1681 г. был образован особый Тамбовский разряд, в состав которого назначены города «в черте»: Елец, Ливны, Черновск, Талецкий, Лебедянь, Ефремов; «по черте»: Тамбов, Козлов и к Козлову пригороды.[2] Специальный разряд был преобразован в 1708 г. в Азовскую губернию. Образование разряда и выделение специальных епархий преследовали одну цель — перевооружить административный аппарат в борьбе с крестьянскими движениями.

Одновременно принимается ряд новых положений о расхищении земель феодалами. Указом от 21 июня 1672 г. (7180), 2 мая 1673 г. (7181) и 10 марта 1676 г. (7184) представители духовенства наделялись от 500 до 2 000 четвертей, бояре — по 200 четв., остальные помещики в размере от 50 до 150 четв. Особые оклады были установлены для помещиков, захватывавших земли «в диких полях», т. е. по преимуществу на окраинах и в колониях. Здесь бояре получали по 1 000 четв., средние дворяне — от 350 до 900 четв. (включительно), мелкие дворяне — от 60 до 350 ч.[3] Значительная часть поместий превращалась в вотчины.[4]

В имевшейся у нас Книге Печатной конторы нет данных, подтверждающих сообщения иностранцев о наделении К. П. Нарышкина в 1672 г. 90 000 крестьян (ср. Берха «Царствование Алексея Михайловича»). За «заслуги» Юрий Никитич Борятинский и Юрий Алексеевич Долгорукий получили звание бояр. Ю. А. Долгорукий получил прибавку к старому окладу 40 руб. и село Шкин «из поместья в вотчину», 1 477 четей, кн. К. О. Щербатов получил прибавку в 60 руб., Ф. Леонтьев и Я. Хитрово — по 50 руб., Б. Мышецкий — 40 соболей, 150 четей и 15 руб. и т. д. (Дворцовые разряды, III, 1852, стр. 882). Я. Хитрово получил повышение и переведен в Москву. За подавление Астраханского восстания Борис Шереметев получил в Юхотской волости Ярославского уезда 4 села, 6 поса-

---

[1] «Дела Тайного приказа», I, стр. 29; Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, 1906, стр. 92 и сл.

[2] С. Введенский, Вопрос о разграничении Воронежской епархии от Рязанской при Митрофане, 1903, стр. 4.

[3] П. Иванов, Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей в России существовавших, М., 1836, стр. II.

[4] Поместья жаловались в вотчину служилому человеку «и его детям, внучатам и правнучатам, в роды их неподвижно, чтобы царское жалованье, их великое дородство и храбрая служба за веру и великого государя и за свое отечество последним родом было на память, и на их бы службы дети его и внучата и правнучата, кто по нем роду его будет, также за веру христианскую и за святые божие церкви и за великого государя и за свое отечество стояли мужественно» (1668 г.).

дов, 432 деревни с 2 134 крестьянскими и 40 бобыльскими дворами, с населением в 7 390 человек.

Восстания, наконец, оказывали огромное влияние и на законодательное творчество: дополнительные новоуказные статьи к уложению 1649 г. «о татебных, разбойных и убийственных делах» были написаны в 1669 г., а основные дополнительные статьи о поместьях и вотчинах—в 1675—1719 гг. В разные пункты колоний рассылаются специальные сыщики для «поимки» беглых крестьян. Такие сыщики с отрядами разъезжались вслед за подавлением каждого восстания.

Разгром каждого восстания усиливал власть феодалов-крепостников, которые шире применяли приемы экстенсивного хищнического ведения хозяйства. Страна после каждой неудачной крестьянской войны надолго отбрасывалась назад.

2. СВЯЗЬ „ПЕТРОВСКИХ" РЕФОРМ С КРЕСТЬЯНСКИМИ ВОЙНАМИ

В русской исторической литературе было немало написано «об итогах XVII в.», т. е. о предпосылках петровских реформ.

Истоки империи тесно переплетаются с закрепощением крестьян и с реформами Петра. С. М. Соловьев первый пытался поднять на научную высоту вопрос о «петровских» реформах. В борьбе со славянофилами он отстаивал прогрессивную точку зрения о закономерном и органическом характере реформ. Соловьев показывает, что Московское государство «не могло дольше сохранить своей старины, родового быта»; врагов реформы он видит в лице приверженцев старины — раскольников. Правительство еще до Петра наносит удар церковным соборам, подчиняет Киевскую митрополию московскому патриарху и самого патриарха превращает в рядового чиновника. [1]

Соловьев связывает создание централизованного аппарата с ликвидацией земских соборов, Боярской думы, учреждением новых приказов, введением воевод вместо губных старост, формированием армейских частей по новым образцам. Он уделяет существенное внимание крестьянам и считает «прикрепление крестьян с его следствиями самым крупным основным явлением в жизни села»; закрепощение было результатом древней русской истории: в прикреплении крестьян самым осязательным, самым страшным образом высказывалось «банкротство бедной страны, которая не могла своими средствами удовлетворить потребностям своего государственного положения. Такое банкротство... обусловило поворот народной жизни, искание выхода из отчаянного положения, стремление избавиться от гибельной односторонности, ... в страну сел внести город и этим улучшить экономическое состояние страны. Этот поворот и знаменуется преобразовательною деятельностью, с этого поворота и начинается новая русская история».

[1] С. М. Соловьев, История России, XIII, 1863.

Соловьевская схема петровских реформ имела *прогрессивный* характер в сравнении с славянофильской схемой, но по существу она неправильно подходила и к предпосылкам реформ и к самим реформам. Соловьев, наконец, не видит отрицательных сторон реформ. Много внимания уделяет он беглым и бегству крестьян, но не понимает социального смысла этого процесса. Он пишет: «И в XVII в. продолжали выделяться люди, которым «было грузно от силушки, как от тяжелого бремени», которые «шли гулять» в поле, степь. Эти богатыри древности в новейшее время носят название казаков».

Какие же предпосылки реформы видит В. О. Ключевский? Закончив обзор подготовки реформы Петра в XVII в., Ключевский [1] считает, что «мысль о реформе была вызвана потребностями народной обороны и государственной казны». Эти потребности требовали обширных преобразований в государственном устройстве и хозяйственном быту, в организации народного труда. В том и другом деле люди XVII в. ограничились робкими попытками и нерешительными заимствованиями у Запада и для удовлетворения своих материальных нужд они в государственном порядке произвели не особенно много удачных перемен. Они вызвали несколько тысяч иноземцев, солдат и мастеров, с их помощью кое-как поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу и то плохую, без надлежащих приспособлений, и построили несколько фабрик и оружейных заводов, а с помощью этой подправленной рати и этих заводов, после больших хлопот и усилий, с трудом вернули потерянные области, Смоленскую и Северскую, и едва удержали в своих руках половину добровольно отдавшейся им Малороссии. Государственного порядка они не улучшили, напротив, сделали его тяжелее прежнего, отказавшись от земского самоуправления, обособлением сословий усилив общественную рознь и пожертвовав свободой крестьянского труда». Западное влияние (XVII в.) разрушило нравственную цельность, однородность древнерусского общества. Оно не проникало в народ глубоко, но в верхних его классах оно постепенно приобретало господство. Обилие преобразовательных идей в совокупности своей складывается в довольно стройную преобразовательную программу, в которой вопросы внешней политики сцеплялись с вопросами военными, финансовыми, экономическими, социальными, образовательными.

В. О. Ключевский уделяет особое внимание крестьянству и следит шаг за шагом за процессом слияния всех категорий крестьян в одну сплошную закрепощенную массу. Он далек от правильной оценки «петровских» реформ. В его суждениях чувствуется немало скептицизма. Он отмечает, что в вопросах престолонаследия Петр повернул государственное право назад, на отжившую вотчинную основу». Важнее всего его замечание о том, что Петр не тронул «основ общественного склада, закрепленных уложением, ни сословного деления, ни крепостного права». Он резко ошарашивает сла-

[1] Том III, стр. 453—462.

вянофилов, когда заявляет: «Петр не трогал старых основ старой Руси и не вносил новых; он довершал начавшийся процесс, переиначивая сложившееся сочетание составных частей, разделяя слитые элементы, соединяя разделенные». [1] В другом месте Ключевский проводит слишком резкую грань между «допетровской» и «петровской» Россией. Он пишет: «воинская повинность, прежде падавшая прямо только на служилых людей по отечеству или по прибору, теперь (т. е. в «эпоху» Петра.— *С. Т.)* стала распространяться и на низшие классы». [2] А на стр. 114 он указывает, что 2 624 дворянина «Царева полка» приводили с собою 21 тыс. с лишком вооруженных холопов. Он не замечает допущенного противоречия: воинская повинность до XVIII в., как видим, падала на крепостных крестьян. Ключевский, типичный эклектик, все же восхищен реформами, являющимися для него «политической квадратурой круга», загадкой: ведь «Петр хотел грозою вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку». Ключевский сам впадает в «квадратуру круга», когда он заканчивает характеристику петровских реформ панегириком. В конце концов и он эти реформы считал «бурной весенней грозой, ломающей вековые деревья, освежающей воздух и своим ливнем помогающей всходам нового посева». После оценки Ключевского трудно видеть «всходы нового посева». Его скептицизм свидетельствовал о недовольстве буржуазии медленным темпом экономического развития России.

На других позициях стояли славянофилы. Славянофил К. Аксаков считает, что в московском периоде России «общины или города соединяются в одно целое. Москва провозглашает имя всей Руси. Иоанн III — великий князь всея Руси, — Иоанн IV принимает титул царя. Государство идет об руку с землею. Русь составляет одну общину и созывается на Земский собор Иоанном IV. Москва поддерживает все особенности, и племенные и местные, и при единстве хранит разнообразие... Земские соборы продолжают созываться еще чаще с восшествием на престол Романовых. И земля и государство продолжают итти рука в руку, отступления, которые встречаются, случайны, но система не меняется». Петр совершает переворот, разрывает союз с землею и подчиняет ее себе, начиная новый порядок вещей [3].

Вождь славянофилов идеализирует положение крестьян в Московской Руси. Он пишет: «Отчина значила лишь право, или даже отношение, переходящее от отца, а вовсе не собственность, тем менее поземельную... Вотчинник *не был господином* (курсив автора), *барином, он имел значение государственное, назывался «государем».* После укрепления крестьян (крепостное состояние до Петра вовсе не было таким, каково оно ныне) крестьяне не утратили ни прав своих ни устройства. Они лишь не переходили с земли на землю и

[1] Курс лекций, ч. IV, стр. 271.
[2] «История сословий в России», 1918, стр. 227.
[3] К. С. Аксаков, Сочинения исторические, I, 1861, стр. 45—49.

сейчас тянули населенную и обрабатываемую ими постоянно землю, как свою собственность, как собственность общины; убеждение (справедливое), твердо существующее и доселе...»

В своей записке «О внутреннем состоянии России», представленной Александру II в 1855 г. чрез графа Д. Н. Блудова, [1] К. Аксаков пишет: «Россия представляет в себе две стороны: государство и землю, правительство и народ.»... «Цари наши передали императорам Россию, освобожденную от ига татар, присоединившую к себе три царства, перенесшую со славою годину 1612 г., возвратившую себе Малороссию, написавшую Уложение, уничтожившую местничество, которое мешало правительственным распоряжениям, возродившуюся в новой силе и свободную от всяких элементов внутреннего разложения — крепкую, сильную. Без сомнения никто не усомнится в неограниченности власти царей наших ни в совершенном отсутствии революционности в древней России». Славянофилы смотрели на «переворот Петра» как на глубокое зло величайшего гения, отделившегося от народа и смотревшего на него, «как архитектор на кирпичи».

Реакционная точка зрения славянофилов, пытавшихся идеализировать взаимоотношения крестьян и помещиков в XVII в., *очень далека* от объяснения исторического процесса России.

П. Милюков в своей последней работе о Петре делает шаг назад в сравнении с Соловьевым. Он оказывается на одних позициях со славянофилами. Сущность петровской реформы по Милюкову сводится к следующему: «Реформа Петра была сразу и необходима и случайна, и насильственна и чересчур поспешна. Она не только удовлетворяла назревшую потребность, но и забегала вперед». [2] Боязнь революции заставляет его, как и славянофилов, фактически осудить петровские реформы.

В эпоху империализма дворянско-буржуазная наука регрессирует, она пытается воскресить идеи славянофилов, которые сочетали панславизм с идеализацией порядков Московской Руси (о «творчестве» белогвардейских историков не стоит упоминать: непревзойденным идеалом для них является историография Карамзина и реже — Соловьева). Такая попытка имеется у Лаппо-Данилевского и у А. Яковлева. Последний, претендуя на «марксизм», в своей работе «Засечная черта Московского государства в XVII в.» идеализирует порядки XVII в. и считает авангардом колониального захвата «бесстрашную мужицкую деревушку» и «стихийное народное движение к югу». Выступая с империалистической концепцией, Яковлев освещает колониальную политику царизма с точки зрения интересов военно-феодальных империалистов и отбрасывает читателя в понимании «петровских» реформ ко времени Погодина.

Н. Рожков рассматривает вторую половину XVII в. как подготовку к реформам Петра.

---

[1] Сборник статей «Теория государства у славянофилов», приложение к «Русскому труду», СПБ. 1898, отд. оттиск.

[2] П. Милюков, Петр Великий и его реформа, «На чужой стороне», Прага, 1925, X, стр. 2.

В хозяйстве, по его мнению, подготовлялись не только элементы развития торгового капитализма, но и его система — меркантилизм, соответственно этому развивалась туземная мануфактура, шло вперед приспособление к рынку сельского хозяйства, кустарной и ремесленной промышленности, развивались торговые монополии, развертывался меркантилистский протекционизм. В землевладении росло земельное богатство дворянства и сокращались относительно земли духовенства, а также старой удельной аристократии, происходило также сближение поместий с вотчинами. Дворянство, организуясь как класс, приспособленный к торговому капитализму, стремилось к окончательному уравнению с собой боярства в сословном отношении, чему содействовала отмена местничества. Купечество начинало организовываться корпоративно. В государственном строе, его функциях намечались новые задачи внешней политики, связанные с проблемами меркантилизма, началось преобразование армии по европейскому образцу, производились финансово-меркантилистские опыты, упорядочивалась и упрощалась налоговая система, централизовалось административное управление: центральное и областное. В духовной культуре торжествовали обмирщения, светские, не церковные интересы и западничество; слагались окончательно характеры нового дворянского строя. Подготовлялась в низах и оппозиция будущей реформе. Из всего этого вышла реформа Петра.

Если в вопросе о предпосылках реформ Рожков пытается занять более или менее правильную позицию, то в оценке реформ Ключевский занимает более правильную позицию, чем Рожков. Последний считал петровскую реформу «третьим моментом дворянской революции». После исследований Соловьева и Ключевского нельзя было не отметить теневых сторон реформ, а этого Рожков не сделал.

Иная оценка реформ у Плеханова. Плеханов считает, что, европеизируя Россию, Петр доводил до его крайнего логического конца то бесправие жителей по отношению к государству, которое характеризует собою восточные деспотии.[1] Это совершенно верно, но с существенной оговоркой: бесправие жителей по отношению к помещикам, к помещичьему государству. Развивая скептические замечания Ключевского, он приходит к тому, что «своим переустройством войска Петр дал толчок развитию сословных преимуществ служилого класса».[2] Реформа дала Петру большое преимущество при усмирении восстаний: «если уж царь Алексей Михайлович умел справиться с «гилевщиками», то тем легче было усмирить их его сыну, располагавшему по-европейски обученным войском.[3]

Основательным является следующий вывод Плеханова: реформа Петра не могла, да и не имела в виду европеизировать крестьян-

---

[1] «История русской общественной мысли», II, стр. 95. Надо отметить, что мы не разделяем взгляда Плеханова на государство Российское как на восточную деспотию.

[2] Там же, стр. 97.

[3] Том II, стр. 231.

ство, — напротив, петербургский период довел закрепощение крестьянина государству и землевладельцам до его крайних и логических выводов. [1] Его экономическая политика по отношению к трудящимся осталась верной заветам Московского государства. Отсюда Плеханов делает вывод: «Социальное положение «благородного» сословия изменялось в одну сторону — в сторону Запада, в то время когда социальное положение «подлых людей» продолжало изменяться в сторону прямо противоположную — в сторону Востока». [2]

С этим выводом Плеханова надо согласиться, сделав однако *весьма существенную оговорку*: дворянство европеизировалось лишь постольку, поскольку это необходимо было для закрепощения крестьян и угнетения колоний. Приняв эту поправку, мы согласимся с Плехановым, что «даже его (Петра.— *С. Т.)* многочисленные и разнообразные технические заимствования у Запада вели не столько к европеизации наших общественных отношений, сколько к еще более последовательному переустройству их в старомосковском духе».

М. Н. Покровский подробно изучает предпосылки реформ. Он придает исключительное значение роли торгового капитала, который имел громадное влияние и на внешнюю и на внутреннюю политику московского правительства. Интересами русской внешней торговли была вызвана перемена в ориентировке внешней политики с юга на Запад, к Балтийскому морю. «Непосредственное управление дворянской Россией было в тех же руках, в чьих была и политическая власть: вассалы московского государя, военные землевладельцы собирали налоги, судили, устанавливали полицейский порядок в XVII в., как и столетием раньше, как и двумя столетиями позже... На этом однообразном фоне дворянского режима конец XVII и начало XVIII вв. дают, однако, очень резкое пятно... весна торгового капитализма принесла с собою нечто совершенно необычное для московской России — буржуазную администрацию. Завоевание феодальной России торговым капиталом, каким бы временным и непрочным оно ни было, должно было сопровождаться крупными изменениями».

М. Н. Покровский не совсем верно подходит и к предпосылкам реформы и непосредственно к реформам: он ошибается в оценке роли торгового капитала, он, наконец, переоценивает реформы и не связывает с ними крестьянскую политику Петра.

Между тем предпосылки и ход «петровских» реформ можно понять только в связи с крестьянскими войнами.

В начале XVIII в. в Западной Европе начинало складываться определенное представление о России как об обновленной стране (Veränderte Russland), которая добилась больших успехов: Вебер, современник Петра I, выпустивший в 1738 г. свою работу «Das veränderte Russland, der wahre Zustand der Russischen Finansen, die geöff-

[1] Т. I, стр. 115.
[2] Т. I, стр. 117.

neten Bergwerke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte, mit denen Asiatischen Nachbaren und Vassallen nebst der allerneusten Nachricht von diesen Völkern» и т. д., выражает свое крайнее изумление, восклицая: «двадцать лет тому назад, в 1701 г. на болоте стояли две рыбачьи хижины, сейчас же в Петербурге 60 000 домов». Он писал о невероятных размерах разросшейся территории, крупной мировой торговле и новых мануфактурах...

Соперничавшие на мировой арене европейские государства пытались превратить Россию в колонию, которая была богатым источником сырья для промышленности Запада. *Эта попытка не удалась.* Поэтому Россию с большой энергией грабили собственные помещики и купцы, ставшие неограниченными монопольными владельцами огромных латифундий и торговли. «Единая неделимая» Российская империя возникла на костях крестьян, казачества и многочисленных народов. Только разгром национально-революционных движений XVI — XVII вв. обеспечил полное господство феодализма и крепостничества.

Западноевропейские современники Петра констатировали неимоверное ухудшение в положении крестьян и рост благосостояния дворян. Крупная бюрократия «зело удивлялась», что доходы государства не превосходят и пяти миллионов рублей ежегодно. Для того чтобы повысить доход государства, бюрократия предлагала переписать население и налоги брать только «с подлого народа, сиречь крестьян, рядовых солдат, слуг и служанок». Иностранцы видели выход в других мероприятиях: они советовали Петру отменить или облегчить крепостное состояние. Петр ответил, что крайне трудно держать в повиновении народ; гораздо труднее будет удержать его тогда, когда он будет освобожден от крепостной зависимости.[1]

В русской исторической литературе немало писали о «петровских» реформах, но замалчивали крестьянскую политику Петра. Поверхностный хотя бы просмотр «Полного собрания законов» дает материал для яркой картины. Петровское правительство закрепляет крестьян за помещиками «на вотчинные земли» по переписным книгам 7154, т. е. 1646 г.,[2] запрещает «пришлых и гулящих людей» держать без «поручных записей» (1692 г.), правительство вновь подтверждает указ «о наказании за укрывательство пришлых и гулящих людей» (1692 г. 6—XI) и в 1695 г. запрещает держать в Москве «пришлых, гулящих людей и всякого рода крестьян без поручных записей». В 1696 г. крестьянам запрещается проезд через Кремль. В 1697 г. правительство требует возвращения на прежние места бежавших в понизовые уезды дворцовых крестьян и националов, запрещает дворовым крестьянам и бобылям «наниматься на работу» у помещиков и у своей братьи — у посадских людей и крестьян.

---

[1] W e b e r, Das veränderte Russland, II, Hannover, 1739, S. 173—175.

[2] Полное собрание законов, № 1334, 1509, 1546, 1577, 1614, 1623, 1625, 1644, 1645, 1656, 1678, 1723, 1747, 1820, 1920, 1923, 1930, 2072, 2668, 2748, 2783, 2910, 2923, 2964, 2996, 3212, 3287, 3484, 3743, 3770, 3958, 4030, 4628.

В 1698 г. вновь подтверждается указ «о сыске и отдаче прежним владельцам беглых крестьян»... В 1698 г. подтверждается указ правительства Софьи о «крепости» крестьян и бобылей смоленской шляхте и шляхте соседних уездов по переписным книгам 176 (1668) г. Этот год считается предельным для сыска беглых и в сторону Смоленска и замосковных уездов. В 1698 г. принимаются специальные мероприятия «о сыске и отдаче беглых из донских городков и Белгородского полка». В 1698 г. закрепощаются за дворцовыми селами те жители Карелии, которые вышли из Швеции. Эти крестьяне отбирались в дворцовые села даже в том случае, если помещики «их разбирали себе в дачи» Исключение составляли только те крестьяне, которые были внесены в переписные книги 186 (1678 г.). По случаю поимки в Москве беглых в 1699 г. вновь напоминается указ: «без поручных записей никаких работных людей не держать...» Только в 1702 г. делается исключение для церковно-патриарших крестьян: им разрешается «жить в работе из найма не более пяти лет...»

С 1700 г. беглые крестьяне возвращаются помещикам не только через Холопий суд, но и через Преображенский приказ «для записи годных в солдаты». В солдаты сдаются крестьяне и люди дворовые, пашенные крестьяне, крепостные, холопы, освобожденные на волю по отпускным, беглые, захребетники и наемные работные люди. [1] В 1704 г. в Московском уезде переписываются крестьяне «опричь дворцовых волостей». «Гулящие» и «сходцы» поселяются на земле его величества. В 1710 г. производится всероссийская перепись. В 1713 г. переписываются в Киевской и Азовской губерниях новопоселенные деревни и села. Здесь переписывались «черкасы» и русские, крепостные и пришлые, крестьяне и украинские дети боярские, беглые драгуны и солдаты. Земля в захваченной Ингерманландии расхищается крупными феодалами и заселяется «чухонскими или русскими крестьянами». Одновременно (в 1714 г.) «пустые земли» Белгородского полка заселяются крестьянами и дворовыми.

Прежним владельцам возвращались беглые крестьяне, которые жили в черкасских городах в «казаках» с 1700 г. Мызы около Петербурга раздаются помещикам «для селитьбы корел и русских». В 1715 г. переписываются крестьяне Петербургской и Архангелогородской губерний. В 1715 г. вновь предлагается переписывать крестьянские, бобыльские дворы. В 1716 г. переписываются «раскольщики из купечества и крестьян для наложения двойного оклада». В 1718 г. проводится новая подушная перепись. В 1719 г. предлагается переписывать, «сколько в селе и деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей имеют свою пашню»... Петр в 1720 г. возмущается тем, что «в переписях пишут только одних крестьян, а людей дворовых и прочих не пишут». Он предлагает переписывать всех людей, «какого они звания ни есть».

Указ 1721 г. требует возвращения в течение 1 — $^1/_2$ года беглых крестьян и «всяких чинов людей» с семьями и с детьми и в том слу-

[1] В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. IV, 1925, стр. 125.

чае, «если живут особыми от беглых дворами». Указ 1722 г. требовал вернуть помещикам беглых из ясачных волостей. В 1722 г. переписываются малороссияне «на великороссийских землях» и великоруссы на Украине. В 1725 г. переписываются «души» в Сибири. Частые переписи не всегда удовлетворяли правительство: по данным 1721 г. сами помещики «утаили» более 20 тыс. человек. Дворянство может торжествовать: крестьян покупают и продают «врознь, как скотов». Правительство в 1721 г. советует «оную продажу пересечь», но тут же оно отступает и заявляет: «а ежели невозможно этого будет вовсе пересечь, то продавали бы целыми фамилиями или семьями, а не порознь». В. О. Ключевский находит, что военно-финансовая политика Петра, связанная с введением подушной подати, привела к упразднению целого класса в «составе русского общества» и превратила временных холопов, кабальных и жилых в вечных и потомственных крепостных. Военно-финансовая политика, конечно, никакого класса не упразднила и не могла упразднить: между холопом и крепостным с эпохи опричнины не было никакой разницы. Крестьянская политика феодалов - крепостников только наиболее четко и последовательно проводилась в годы формирования империи. Законодательство Петра ничего нового не внесло в законодательство о крестьянах, оно лишь усовершенствовало то, что уже было сделано до него.

Соловьев рассматривает закрепощение крестьян как «вопль отчаяния, испущенный государством, находившимся в безвыходном экономическом положении». Сочувствие Соловьева принадлежит не тем, которые как «бичи божии, приходят из степей, чтобы вносить смуту и опустошения в родную землю», и не тем, которые «умели только разрушить и не умели ничего создать». [1]

Схему С. Соловьева заимствовал Г. Плеханов, который также приходит к неверному выводу, что «крестьянство смотрело назад, а единственным сословием, смотревшим не назад, а *вперед* (подчеркнуто Плехановым), *было тогда у нас дворянство*». [2]

Как же крестьянские массы реагировали на закрепощение, каково было объективное значение их выступлений? Рожков считает, что колонизацией, т. е. проще говоря — бегством [3] население реагировало на хозяйственную отсталость, ею «оно подчеркивало необходимость значительно видоизменить экономический тип московского центра».

Эта предпосылка (о роли бегства) приводит его к неверным выводам, когда он пишет, что народные массы пытались сохранить хозяйственную старину на новых местах. Этот вывод не точен и не верен; совершенно непонятно, о какой старине говорится: о той ли, которая господствовала на старых местах, т. е. о крепостнических отношениях, или о той, которая господствовала в «доброе старое» время, совершенно неизвестное крестьянству. На такой же

[1] С. М. Соловьев, Публичные чтения о Петре Великом, 1872, стр. 17.
[2] «История развития русской общественной мысли», т. III, стр. 225.
[3] Не забудем, что «колонизация» (а не завоевание) — термин соловьевский.

точке зрения стоит Г. В. Плеханов. Он считает, что спор о беглых между Москвой и Доном мог быть решен только силой.

Плеханов не отрицает, что сила могла бы решить борьбу в пользу земли войска Донского, но он неоднократно пытается доказать, что борьба крестьянско-казацких масс имела реакционный характер. Историей крестьянских движений, скопированной у буржуазных историков, меньшевики пытались оправдать свою тактику в трех революциях.

Оглядываясь назад, мы видим, что в крупных битвах крестьянство пыталось не исправлять московский порядок, а сломать его. Плеханов и Рожков утверждают, что крестьяне смотрели назад, но они не приводят никаких доказательств для подтверждения своего положения. Смотреть в XVI — XVIII вв. назад — значило желать вернуться под власть тех же феодалов.

Русское и национальное крестьянство боролось против возникавшей империи. Борясь против «европеизации», оно в то же время не выступало на защиту «старых порядков»: в петровской «новизне» была феодально-крепостная старина.

Крестьяне боролись за «свою крестьянскую линию развития». «Крестьянская линия развития и есть раздел помещичьих земель в собственность». [1]

«Крестьянская линия развития» давным-давно нанесла смертельный удар по оборонческой «философии» исторического процесса России.

Не «внешние обстоятельства жизни Московского государства», не «его упорная борьба за существование с восточными и западными соседями требовала крайнего напряжения народных сил». Классовая борьба, беспрерывные крестьянские войны с конца XVI в. и в течение XVII в. заставили феодала-крепостника вооружиться с головы до ног. Это было невозможно без крайнего нажима на те же крестьянские массы. Напряжение достигает «высшего градуса» во время петровских реформ.

Стоит ли напоминать читателю о том, что теория Плеханова и Троцкого [2] о надклассовом характере царизма является повторением основ буржуазной исторической науки?

Абсолютная монархия в России выражала интересы крупных феодалов-крепостников. Энгельс высказывается о социальной природе абсолютной монархии, как о власти феодального дворянства. Он пишет: «В течение всей этой борьбы (т. е. борьбы буржуазии против феодального дворянства.— *С. Т.*) политическая сила была на стороне дворянства, за исключением одного периода, когда королевская власть употребляла буржуазию против дворянства с намере-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 402.

[2] Г. Плеханов, История развития русской общественной мысли в России. Введение, Собр. соч., т. XX, стр. 10—135; Л. Троцкий, 1905 г. Введение, 1925. Между прочим и в своих последующих исторических работах Троцкий стоит на той же точке зрения.

нием ослабить одно сословие посредством другого, но с того момента, когда все еще политически бессильные горожане начали становиться опасными своим растущим могуществом, королевская власть снова соединилась с дворянством и вызвала этим революцию сперва в Англии, потом во Франции». [1]

Абсолютная монархия никогда не была надпартийным аппаратом. Наиболее яркой формой абсолютизма эпохи «нового феодализма» был правительственный аппарат петровского правительства, который без существенных изменений сохранился до 1917 г. «До февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса — именно: крепостнически-дворянски-помещичьего». [2]

«Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры». [3]

Почему Петру удалось так много сделать для возвышения класса помещиков?

Чем объясняются успешные действия «петровских» правительств? Разгромом крестьянских войн и колониальных движений была подготовлена почва для «реформаторских» мероприятий. Солдаты, вербовавшиеся из колоний, составляли значительный процент: среди 527 000 солдат было 297 000, или 56,3%, татар, запорожцев, калмыков и т. п. [4]

Украина использовалась как наиболее дешевая сырьевая база, она поставляла также лучших солдат и рабочих для самых тяжелых строительных работ в центре страны. Мужское население национальных районов с 10—12-летнего возраста почти полностью милитаризировалось. Калмыки и особенно татары направлялись на передовые позиции. Даже только что завоеванная Латвия рассматривалась как рынок рабов: исполняя приказ Петра, Б. П. Шереметев выразил готовность прислать ему «купленных и не купленных чухны и латышей не одну тысячу». Беда была только в том, что слишком дорого обошлась бы перевозка крестьян до Москвы. [5]

Объясняя успехи Петра, иностранцы немаловажное значение придавали тому факту, что «в обширных владениях империи каждый день открывают новые прииски, новые источники богатства».

---

[1] Энгельс, Анти-Дюринг, ИМЭ, 1928, стр. 152.

[2] В. Ленин, Соч., т. XIV, ч. 1, стр. 28.

[3] И. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, «Большевик», 1932, № 8, стр. 38.

[4] Kurtze Beschreibung von Moscovien oder Russland aus frantzösischen, holländischen und andern neuen Scribenten fleiss zusammen gefasset, Nürenberg, 1688, стр. 205.

[5] Письма Б. П. Шереметева к Петру I, 1778, стр. 127.

Даровой крепостной труд давал возможность строить флот в два-три раза дешевле, чем во Франции и Англии. Разгром Булавина, Мазепы и шведов окончательно развязал руки правительству не только на Украине и Дону, но во всей империи. В. О. Ключевский недоумевает, «зачем правительство, победоносно закончившее многолетнюю войну ценой страшных жертв и усилий, подвергало народ нашествию собственных его победоносных рекрутов».

Нетрудно понять, почему армии, «втиснутой в население», в мирное время были даны широкие полицейские полномочия: в первую очередь она была обязана следить за поведением крестьян и преследовать беглых.

Развитие крепостного хозяйства, рост мануфактур и захват новых колоний был возможен только при одном существенном условии: *крестьянина надо было заставить работать на феодалов - крепостников. Разгром крестьянских войн разрешил эту трудную задачу. «Феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян»* (Ф. Энгельс). Эту миссию феодального государства осуществило правительство Петра I.

3. ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН

Крестьянские войны, «революции крепостных крестьян» должны изучаться с точки зрения той установки, которая дана Сталиным — «революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации». Эта четкая установка говорит о революционном характере крестьянских войн, которые были направлены против феодализма и крепостничества.

Темп перехода от феодализма к капитализму находился в зависимости от исхода ряда классовых битв: вспомним значение неудачной крестьянской войны 1525 г., буржуазной революции 1789 г. и неудачных незаконченных революций 1848 и 1905 гг. Великая французская революция произошла на грани двух общественных формаций, но отсюда далеко до вывода, что каждая последующая французская революция (1830 и 1848 гг.) происходила на грани новых формаций. Франция должна была пережить ряд революций для того, чтобы расчистить буржуазии путь к господству.

С этой точки зрения следует подойти и к крестьянским войнам. Хмельничину и разинщину не следует отделять «китайской стеной» от болотниковщины. В крестьянской войне конца XVI и начала XVII в. участвовало крестьянство метрополии и колоний, в хмельничине — крестьянство Украины, в разинщине — крестьянство восточных и южных колоний. Болотниковщина и хмельничина произошли на грани начавшегося смягчения феодализма в России и на Украине; разинщина и булавинщина не были обособленными движениями. Они продолжали в колониях России и пытались закончить то, что не было завершено болотниковщиной и хмельничиной. Разинщина и булавинщина произошли в другой обстановке—

в эпоху наступления «нового» феодализма на колонии, когда началось отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия (см. главу о «крепостной мануфактуре»), процесс этот не был закончен вследствие поражения крестьянской войны.

Политическая обстановка в эпоху разинщины и булавинщины отличалась тем, что в это время завершался процесс создания единой централизованной империи.

Эти факторы не могли не наложить отпечатка на характер каждой войны. Все крестьянские войны были борьбой закрепощенного и закрепощаемого крестьянского непосредственного производителя, который пытался стать свободным собственником средств производства. Крестьянство во всех войнах объективно боролось за буржуазный, капиталистический путь развития, но оно не имело ни объективных ни субъективных данных для перерастания в буржуазную революцию.

В чем заключалась слабость крестьянских войн? Энгельс в своей статье «Бакунисты за работой» главным злом крестьянской войны в Германии считает «раздробление, разъединение революционных сил, позволяющее одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим». Маркс и Энгельс неоднократно обращали внимание на национальную и локальную ограниченность крестьянских движений.[1] Они указывали, что «движение крестьян, которые повсюду являются носителями национальной и локальной ограниченности, необходимо принимает локальный и национальный характер». Поражение Энгельс даже считает неизбежным злом крестьянской войны.[2] «Великие восстания средневековья исходили все из деревни, но, ввиду раздробленности крестьян и связанной с этим грубости их, они оставались совершенно безрезультатными». Энгельс в письме к Бернштейну в 1882 г. указал, что крестьянское движение в Ирландии никогда не сможет принять общей формы *политической борьбы* (курсив Энгельса), так как оно по своей природе локально и раздроблено.

Ленин четко вскрыл слабость крестьянских войн, которые не в состоянии самостоятельно без помощи пролетариата перерасти в революцию. Он указал, что: 1) в крестьянском движении «масса темноты, бессознательности»; 2) темнота мужика выражается прежде всего «в непонимании политической стороны движения — в непонимании например того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм не может выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю»;[1] 3) крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось бессознательно, патриархально, по-юродивому к тому,

[1] «Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции», стр. 247.
[2] «Статьи 1871—1875 гг.», 1919, стр. 207.
[3] В. Ленин, Соч., т. VI, стр. 116—117.

каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе; [1] 4) не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги. [2]

Крестьянские войны не могут самостоятельно победить *без помощи пролетариата:* 1) товарное производство не объединяет и не централизует крестьянства, а разлагает и разъединяет его, крестьянская революция в буржуазной стране осуществима только под руководством пролетариата; [3] 2) простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы) — все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата; [4] 3) без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции, [5] а крестьянство не в силах само до конца совершить политический переворот. Оно не имеет достаточных сил для совершения переворота. Крестьянство не в силах сознательно провести революцию, организовать ее, централизовать все революционные силы и энергично использовать революционную ситуацию.

Возражая меньшевикам, Ленин указывал, что «не бывать в России буржуазной революции, пока пролетариат в союзе с революционными элементами буржуазии (т. е. у нас с крестьянством) не станет самостоятельной движущей силой вопреки колебаниями и изменам шаткой и контрреволюционной буржуазии». [6] А Маркс говорил о необходимости сочетания революции пролетариата с революционно-демократическим движением крестьянства. «Все дело в Германии, — писал он, — будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-нибудь вторым изданием крестьянской войны».

«Революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть без малейшего изъятия формами или сторонами общественной деятельности и должен быть готов в самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою». [7] Крестьянство без помощи пролетариата опять-таки на это не способно. В российских условиях без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто». [8]

---

[1] В. Ленин, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 116.
[2] Там же.
[3] Т. XI, стр. 550.
[4] Т. XIV, ч. 2, стр. 25.
[5] Т. VII, ч. 1, стр. 157.
[6] В. Ленин, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 247.
[7] Т. XVII, стр. 181.
[8] Т. XI, ч. 1, стр. 81.

В «18 брюмера» Маркс пишет: «Парцеллярные, карликовые крестьяне составляют огромную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая однако друг с другом в какие-либо прочные и сложные отношения. Их способ производства не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует их друг от друга. Каждая крестьянская семья почти довлеет себе, самостоятельно производит большую часть предметов своего потребления и добывает таким образом свои жизненные средства более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Известная сумма таких семейств образует деревню, известная сумма деревень — департамент. Таким образом, наибольшая часть французской нации составляется путем простого сложения одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля из отдельных картофелин. Поскольку миллионы людей существуют в экономических условиях, благодаря которым они по своему образу жизни, по своим интересам и образованию отличаются от всех других классов и даже враждебны им, они сами образуют класс. Но поскольку между малоземельными крестьянами существует только *локальная связь, поскольку тожественность их интересов не создает никакой общности, никакого национального объединения, никакой политической организации, они не образуют класса*». Поэтому Маркс приходит к выводу, что крестьянство не способно защищать свои классовые интересы от своего собственного имени и не может представлять себя, его должны представлять другие.

Крестьянские войны не могли победить потому, что крестьянство было (и является) «классом в себе» и не стало и не могло стать «классом для себя».

Революционная армия и революционное правительство представляют собой «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского сознания такого развития, [1] что было бы ошибкой ждать его выполнения от крестьянства. «Диктатуру может осуществить только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса, [2] но крестьянский авангард для этого не созрел.

Если вожди некоторым образом персонифицируют революции, то между буржуазной и крестьянской революцией такая же разница, какая имеется между Робеспьером и Пугачевым, между Кромвелем и Разиным. В лучшем случае крестьянская война эпохи разложения феодально-крепостного хозяйства могла выдвинуть только такого вождя, как Бакунин.

Вооружение повстанцев является не последним фактором для того, чтобы судить о причинах поражения крестьянских движений. [3]

[1] Т. VI, стр. 269.
[2] Т. XVIII, ч. I, стр. 9.
[3] Когда французы, под предводительством Бонапарта, в 1798 г. захотели завоевать Египет, над страною Нила господствовала военная каста — мамелюки. Они сражались на конях, носили кольчугу и шлем, были вооружены карабином

Итак, *«узкие места» гигантских крестьянских движений* (распыленность, раздробленность мелких производителей, отсутствие революционного руководства с ясной политической программой и т. д.) *парализуют необычайный размах борьбы и не создают предпосылок для победы»*.

Анализируя историю революций 1648 и 1789 гг., Маркс приходит к выводу что: 1) «каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только хронологически, но и по существу», 2) «революции 1648 и 1789 гг. не были революции европейского масштаба».[1] И восстания рабочих друг от друга отличаются. Силезское восстание, по мнению Маркса, начинается как раз тем, чем французские и английские восстания кончаются, — сознанием сущности пролетариата. Это не приложимо к крестьянским движениям: 1) более поздние крестьянские войны (пугачевская) ничем по существу не отличаются от более ранних, 2) *международное* же значение крестьянских войн незначительно.[2]

Крупнейшие крестьянские войны в России и на Украине происходили в колониях и никогда не захватывали всю метрополию.[3] Надо выяснить, в какой степени крестьянские войны были колониальными войнами.

Национальные массы, как и великорусское крестьянство, не имели ясно осознанной политической программы. В выступлениях националов проявлялись лишь некоторые отрывочные положения об отделении колоний от Великороссии. Однако их борьба носила национально-колониальный характер, так как: 1) она была направлена в первую очередь против *метропольного* помещика, 2) объективно ставила вопрос об образовании, консолидации нации из разрозненных племен, переживавших распад или начало распада родового быта.

Значение движения национальных крестьянских масс огромно. Так оценивал это движение и царизм, который подавлял национально-колониальные восстания, упразднял областные, автономные единицы и национальные учреждения.

Однако никогда не следует забывать следующего положения т. Сталина: «Осью политической жизни России является не националь-

---

и парой пистолетов. Несмотря на их огнестрельное оружие, их можно обозначить как рыцарей, а Наполеон говорит, что двое их справятся с тремя французами, но что 100 французам нечего бояться 100 мамелюков, 300 французов сильнее такого же количества мамелюков, а 1 000 французов наверняка разобьет 1 500 мамелюков (Г. Дельбрюк, История военного искусства, 1930 г., стр. 132). Слова Наполеона о мамелюках полностью приложимы к нашим крестьянам.

[1] «Маркс и Энгельс в эпоху немецкой революции 1848—1850 гг.», стр. 221—222.

[2] «Революция 1525 г. была местным делом Германии» (Энгельс).

[3] Совсем иначе происходили крестьянские восстания в эпоху первой революции. Ленин писал: «Крестьянское движение разлилось всего шире, всего смелее, крестьянская борьба против помещиков была всего острее именно в *тех истинно-русских губерниях, где крепче всего укрепились истинно-русское крепостничество, истинно-русские отработки*, кабала, надругательство над обедневшим и задолжавшим крестьянством» («Ленинский сборник», IV, стр. 240), курсив наш.—С. Т.).

ный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса, а значит и «освобождения наций» связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть более важного вопроса раскрепощения страны». [1]

Какое же значение имела завоевательная политика царизма?

Ленин писал: «Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его решение». [2] Разгром национально-колониального движения и захват новых колоний неоднократно спасали царизм.

Ленин отметил, что «переворот может назреть, силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия». Крестьянские войны терпели у нас поражения, и поэтому гниение России, «гниение» нацменьшинства в феодально-крепостническом болоте затянулось на много десятилетий.

Из аграрного кризиса XVI в. и «смуты» Россия вышла за счет экспроприированного крестьянства и захвата колоний. В результате захвата Украины после разгрома хмельничины Москва получает неисчерпаемый рынок. После поражения разинщины и булавинщины завершается экономическое завоевание Дона. После разгрома пугачевщины начинается успешная колонизация Волго-Камского бассейна, Новороссии и Украины. В эпоху континентальной блокады и крымского поражения активизируется средне-азиатская и кавказская политика. Аграрный кризис 80-х годов и промышленный кризис конца XIX в. выдвигают проблему экономического завоевания Сибири и захвата Манчжурии. Дальнейшая колонизация окраин была возможна в связи с промышленной эксплоатацией естественных богатств, добычей и переработкой сырья; но дальнейший спрос на продукты сельского хозяйства и промышленного производства упирался во внутреннюю колонию — в деревню. Географию могла исправить лишь революция.

Только Октябрьская революция надлежащим образом «исправляет» географию нашей страны.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, в сборнике «Национальный и колониальный вопрос и ВКП(б)».

[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 485, примечание.

Приложение.

Образец справки из «Вотчинных книг старых лет по Туле», на основании которых составлены таблицы 1—4.

(Дела старых лет по Туле, кн. 14267, д. № 1 на 24 л.)

За Емельяном Романовичем Сатиным поместья, по даче 185 и 186 годов, в Соловском уезде в Засоловском стану в деревне Баздыревой 19½ чети.

Во 191-м году ему же Емельяну *дано и отказано* в Соловском уезде в Засоловском стану в пустоши Сычевке 40 четей.

Во 196-м году ему же Емельяну *дано поступное* поместье Дениса Ив. Ивашкина в Тульском уезде в Заострожском стану в селе Гребцове 5 четей.

Во 198-м году он же Емельян *выменил* на Соловское свое поместье в пустоши Сычовке на четверик у Б. Пешкова из поместья его в Соловском уезде во Псовском стану в деревнях Гамовой и Чебышевой 10 четей.

В 203-м году он же, Емельян, *выменил* на Соловское свое поместье в пустоши Плужниковой на четверик у Саввы Тимонина из поместья его в Соловском уезде в Засоловском стану в пустоши Деготенке 15 четей.

В том же году ему же Емельяну *дано* поместье в Соловском уезде в Засоловском стану в пустошах Мокеевской и Баздыревой, в Псовском стану в сельце Воронках и пустоши Масарыгиной 59½ четей.

В 205-м году, июля 6 дня, ему же Емельяну *дано* поместье Емельяна Юрьева в Соловском уезде в Псовском стану в пустоши Масарыгиной 10 четей.

В 1704-м году он же Емельян *выменил* на Соловское свое поместье в пустоши Масарыгиной на ½ полчетверика у Ив. Трунова в Соловском же уезде в Засоловском стану в дер. Макеевой и пустоши Баздыревой 6½ четей.

В 1705-м году он же Емельян *выменил* на Соловское свое поместье в пустоши Масарыгиной на полчетверика у Федота Дворянкина и Ивана Трунова из поместий их в Соловском уезде в Засоловском стану в сельце Вышнем Воздриме и пустоши Баздыревой 3½ чети.

Всего за ним Емельяном было поместья в Тульском и Соловском уездах 466 четей.

В 186-м году он же Емельян *купил* у брата своего Степана Васильева Сатина выслуженую его вотчину в Соловском уезде в Засоловском стану в селе Молохове пустоши Макеевской 120 четей.

Во 194-м году Емельян Сатин из той своей вотчины в селе Молохове 40 четей *поступил в приданые* за дочерью своею Марфою зятю своему Якову Иванову Толбугину.

Во 194-м году он же Емельян *купил* вотчину у Пант. Пирогова в Соловском уезде в Окологородном стану в селе Кутме 10 четей.

В 205-м году он же Емельян *купил* вотчину у Ивана Шилова в Соловском уезде в Псовском стану в пустоши Масарыгиной 12½ четей.

В 203-м году, июля 11 числа, ему же Емельяну дана *выменная вотчина*, что он выменил на купленую свою вотчину в селе Тросне на осмину у Федота Дворянкина в Соловском уезде в Засоловском стану в сельцах Вышнем и Нижнем Воздримах 3½ четверика.

Всего за ним Емельяном было *купленой* вотчины 103 чети без полчетверика.

Во 171-м году он же Емельян *выменил* на дедиловскую свою вотчину в дер. Середних Крутцах на 25 четей у Анны Бушминой в Соловском уезде во Псовском стану в дер. Румянцовой 25 четей.

В 178-м году, октября 4 дня, ему же Емельяну *дано* за литовские походы из поместья в вотчину в Соловском уезде в Засоловском стану в селе Коледине 172 чети.

Во 171-м году, генваря 30, ему же Емельяну *дано в вотчину* за перемирие с турецким султаном и крымским ханом в Соловском уезде в Псовском стану в деревне Гамоше, пустоши Чебышевой губе, в Засоловском стану в пустоши Диком Озере и селе Коледине 200 четей.

Во 171-м году, марта 27 числа, ему же Емельяну *дано в вотчину* за троицесергиевский поход в Соловском уезде в Окологородном стану в пустошах Воротынке и Киевце в Засоловском стану в селе Коледине 100 четей.

Во 176-м году марта 17 дня ему же Емельяну *дано в вотчину* за вечный мир с польским королем в Нижегородском уезде в Березопольском стану в сельце Комарове, деревнях Кожиной и Никольской Большой, пустошах Молостовой, Маклаковой, в Соловском уезде в Окологородном стану в пустоши Киевце 200 четей.

В 197-м году Емельян Сатин Нижегородскую свою вотчину в Березопольском стану в сельце Комарове, деревнях Кожиной, Большой Никольской, пустоши Молостовой 186$^1/_2$ четей *поступил в приданья* за дочерью своею девкой Марфой зятю своему князю Данилу Михайловичу Вяземскому.

В 203-м году ему же Емельяну *дано в вотчину* за мир с польским королем в Соловском уезде во Псовском стану в пустоши Масарыгиной 128 четей с полутретником, в пустоши Костомаровой 7$^1/_2$ четей, в пустоши Лучу 12$^1/_2$ четей, в пустоши Муровском шляху 12$^1/_2$ четей, в деревне Румянцовой 35 четей.

В 1700-м году Емельян Сатин из выслуженной своей вотчины в Соловском уезде в Псовском стану в пустошах Масарыгиной и Костомаровой 100 четей дал в *приданья* за внукою [1] своею княгинею (sic!) Степанидою Емельяновою дочерью Сатина князю Ивану Борисовичу Львову.

Всего за Емельяном Романовым Сатиным было поместья и вотчины 1205 чети без полчетверика.

В апреле 1707 года Емельян Сатин умер, а 15 октября того же года велено из поместья его и вотчины 303 чети *дать* на прожиток жене его Матрене Петровне.

(Архив ИАИ, библиотека Власьева, № 549, кн. № 13, копии справок из вотчинных книг старых лет). [1]

[1] «*Справка*» дается для того, чтобы показать, на основании какого материала и как составлялись таблицы; в данной «справке» мы имеем 13 дарений, 6 случаев обмена и 4 купли-продажи.

Выписка из переписных книг 1672 г. по Мурашкину, на основании которых составлены таблицы 27—31.

Да в Мурашкине ж на реке на Сундовике крестьян было, которые жили на пашенной тяглой земле; а кто на какове жеребью выти жил, и то писано под имя (на) ми дворов и дворовых их мест. Место пустое Ондрюшки Матвеева сына Чернова, полчети выти без получетвертки и Андрюшка перешел жить на иное *пустое* место в Мурашкине ж. Место пустое Тимошки Иванова сына Чиры, у нево дети Сенька 10-ти лет, Петрунька 6-ти лет, полполчети выти; *кормитца в мире*. Место пустое Ивашки Калинникова, *впусте*, полполчети выти. Место дворовое Куимки Васильева сына Светикова, у нево дети Ивашко да Микитка женаты, полчети выти. Место пустое Стеньки Володимерова сына Синицы, полполполчети выти с получетверткою *впусте*, и Стенька за скудостью и за увечьем тягла не тянет, кормитца в мире. Панкрушка Федоров сын, ситник, у него сын Митька 2-х лет, Елисейко 10-ти недель, полполплочети выти с получетверткою, *на льготе*, и для скудости и увечья тягла не тянет, *кормитца в мире*;

[1] В рукописи зачеркнуто: «дочерью».

у него ж жил брат ево Ивашко Васильев з братом Мишкою, и он в нынешнем во 180-м году *умре з голоду*. Место пустое Фетьки Елистратова сына Красноглаза, полполполчети выти, *бежал безвесно* з женою и з детьми в прошлом во 178-м году. Место дворовое Ганьки Яковлева сына Плешана и во 179-м году в бунт с сыном Емелькою, под Мурашкиным *убиты*; а после ево осталась жена ево Танька, у нее сын Петрунька 10-ти лет, полчети выти, и то тягло *запустело*, *кормятца в мире*. Место дворовое Матюшки Баженова сына колашника, полполчети выти, *впусте*, *бежал безвестно*. Место дворовое Ларьки Калиникова, тягла полполчети выти, *кормитца в мире*; да с ним же Ларькою жил брат ево меньшой Антошка Калинин, тягла полполполчети выти, и Антошка с тем же своим тяглом перешел жить на иное место и писан в жилом дворе ниже сего. Место дворовое Селиверстка Аникиева сына колашника, на том же дворе до пожару жил себе избою сын ево Матюшка, полполчети выти, живет на том месте в *земляной* избе. Место пустое Фетьки Гаврилова сына Волоснишницына, полполчети выти *впусте*; *умре*, а после ево осталась жена ево Фетюшка, бездетная, *кормитца в мире*. Место пустое Иютка Васильева, полполчети выти, *впусте*, и он Иютка вымер во 176-м году, а после ево осталась жена Манька, бездетна, *кормитца в мире*. Место дворовое Ганьки Сергеева сына Волоснишницына, у нево сын Филька женат, полполчети выти; на льготе, а ныне он Ганька и с сыном Филькою в Мурашкине у государевых житниц *в сторожах*. Место дворовое Тимошки Васильева сына Жиряка, полполчети выти и для *скудости тягла не тянет*, *кормитца в мире*, у него ж ратные люди взяли лошадь. Ларьки Васильева сына Долгова, у нево дети Стенька 13-ти лет, Сенька 15-ти лет, Ивашко 7-ми лет, Петрунька 2-х лет, полполчети выти; ратные люди взяли лошадь. Вдова Стефанитка Иванова дочь Сенькина жена Иванова, и Сенька во 179-м году за бунтовство с пытки в Лыскове *в тюрьме умре*; тягла полполполчети выти, да впусте приемной усадьбы полполчети выти; у ней же налицо лошадь, корова, да высеяно четь ржи, полосмины ячмени, ратные люди взяли 3 лошади, 2 коровы. Место пустое Петруньки Борисова сына Клинского, полчети выти, и он Петрунька во 179-м году в Лыскове за бунтовство *повешен*, тягло ево *впусте*, а после ево осталась жена ево Оринка, *кормитца в мире*.

(См. «Разгром разинщины», 1934.)

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Итоги

Карты:

Ответственный редактор *Э. Корольчук.* Техническая редакция *Ф. Садовский, П. Смирнов.*
Супер-обложка и переплет работы художника *А. Ушина.*

Книга сдана в набор 25/I 1934 г. Подписана к печати 29/VI 1934 г.
Индекс С-41. Соцэкгиз № 1061/л. Тираж 7250 экз. Ленгорлит № 15529. Заказ № 1562. Бумага ф-ки им. Горького 62×94 1/16 см., 24 авт. л., + 8 вклеек. (96 000 тип. знак. в 1 бум. л.). Бум. л. 9 0/16.

2-я типография „Печатный двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград. Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует:*
5	3 сверху	и т. д.) не занимаясь	и т. д), не занимаясь
5	3—4 сверху	периодизацией исторического процесса	периодизацией всего исторического процесса
25	1 снизу	обрание русских летописей	собрание русских летописей
34	9 »	посло	послом
45	подстрочные примечания (сноски)	занумерованы: 1, 2, 3, 1, 2, 3, 4, 5	следует: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8
47	11 снизу	historyc ny»,	historyczny»,
49	21 »	в 1760 г.	в 1670 г.
60	24—25 сверху	беспоместных казаков	беломестных казаков
87	6 снизу	Точка зрения	Точку зрения
184	2 »	М. Фирсова	Н. Фирсова
232	2 »	ирусские	и русские
292	4 »	истиннорусское	истинно-русское
294	2 сверху	таблицы 1—4.	таблицы 1—5.
297	15 снизу	Богословский С.	Богословский М.
297	9 »	Бонопарт	Бонапарт
299	16 »	фон-Келлер	фан-Келлер

С. Г. Томсинский — 1562

